РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРНОЕ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2016

УДК 930.85
ББК 63.3(0)61
К 90

Именной указатель подготовила к.и.н. *Лобачева Ю.В.*

Рецензенты:
к.и.н. *Силкин А.А.*, д.и.н. *Соловьев К.А.*

Сборник подготовлен в рамках проекта
«Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе: от раннего Нового времени до наших дней» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

К90 **Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы.** — М.; СПб. : Нестор-История, 2016. — 288 с.

ISBN 978-5-4469-1004-5

В книге публикуются воспоминания, письма, научные статьи и доклады, публицистические работы русских эмигрантов, проживавших в Чехословакии в период между двумя мировыми войнами: И.К. Белорусс-Белошевской (Чиркиной), С.А. Щепихина, В.В. Добрынина, Е.Е. Лазарева, А.В. Флоровского, А.Н. Фатеева, А.А. Кизеветтера, В.А. Мякотина, Б.А. Евреинова, С.Г. Пушкарева, Л.С. Лада-Якушевича и С. Моравского. В них рассматриваются события Гражданской войны, причины поражения Белого движения, проблемы эмиграции, адаптация русских в новых условиях, отношения России и Европы, России и славянского мира. Научные статьи и доклады представляют собой образцы творческой работы русских историков за рубежом и являются их вкладом в отечественную и мировую культуру.

Книга адресована историкам и самому широкому кругу любителей истории.

На обложке:
Вид Збраславского замка, где с 1935 г. располагался
Русский культурно-исторический музей в Праге
(Фотография из каталога выставки Государственной Третьяковской галереи
«Сохранить для России. К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге».
М., 2015. С. 19)

Содержание

Воспоминания, письма

Научные работы

Публицистика

Памяти Любови Николаевны
Белорусс-Белошевской
посвящается

Введение

Журналист В.С. Мердов еще в 1929 г. в связи с началом издания журнала «Чешско-русская будущность» писал: «Пройдут года, и историки займутся этим вопросом, начнут искать материалы, чтобы представить себе: где жили эмигранты, каким образом попали в ту или другую страну, что их там удерживало, чем обусловливался переезд в другую страну. Можно наметить ряд вопросов, которые особенно важно выяснить. Например, каковы были отношения с местными жителями, была ли местная помощь, и если была — каковы ее мотивы? Как были эмигранты организованы? Какие имели предприятия? Чему ОНИ научились? Чему у НИХ учились? Было ли общеэмигрантское управление? Или отдельные колонии управлялись самостоятельно? Кто выдвинулся на роли вождей и почему? Какова семейная жизнь эмиграции, где и как воспитывали детей? Все это в высшей степени интересно, ибо составляет нашу жизнь, которую мы так мало знаем и которой еще меньше интересуемся...»[1]. Эти слова воспринимаются как послание современным историкам из прошлого, как соединяющая нас нить.

И действительно пришло время, когда изучение русской послереволюционной эмиграции стало возможным в нашей стране и других постсоциалистических странах. За прошедшую четверть века историками подготовлено множество коллективных трудов, индивидуальных монографий и статей, касающихся великого исхода, формирования Русского Зарубежья, становления различных организаций и институтов, созданию системы образования русских за рубежом, их культурной и научной деятельности, посвященных проблемам социальной адаптации и сохранения национальной идентичности эмигрантов, роли различных факторов в этих процессах. Достаточно много сделано чешскими, словацкими и российскими специалистами для изучения русской эмиграции в Чехословакии, в том числе опубликованы документы и материалы, справочники, хроники и указатели. Но интерес к жизни и творчеству русских эмигрантов не иссяк.

Чехословакия, как известно, занимала особое место в эмигрантской диаспоре. Прага не случайно стала интеллектуальным и научным центром эмиграции.

Президент Чехословакии Т.Г. Масарик сформировал новые отношения Чехословакии к славянской проблеме и роли в ней России. Он отвергал панславизм,

---

[1] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5891. С.Г. Пушкарев. Оп. 1. Д. 46. Л. 7об.

теократию, монархизм как в Чехословакии, так и в России, клерикальные основы старой славянской общности под скипетром России.

Новое понимание славянской общности Масарик связывал с развитием общеевропейской культуры, к которой относил как Чехословакию, так и Россию, и отрицал возможность какой-либо расовой избранности и претензий на мировое господство.

Мысль о создании демократического устройства Чехословакии была поддержана русскими демократическими кругами. Общая направленность политических взглядов деятелей чехословацкого освобождения и русских либерал-демократов, в частности П. Н. Милюкова, несомненно, способствовала благосклонному отношению чехословацкого правительства к русским эмигрантам из большевистской России, которую они не могли сразу принять и признать.

В Чехословакии развертывалась «Русская акция» помощи эмигрантам. Она была грандиозным мероприятием как по содержанию, так и по масштабам. Это был уникальный опыт создания русского, научно-образовательного комплекса за рубежом. Масарик подчеркивал гуманитарный характер «Русской акции» как отношения чехословацкого государства к русскому народу. Цель «Русской акции» — помощь России во имя ее будущего, которое он связывал с созданием демократического федеративного государства. Кроме того, учитывая срединное геополитическое положение Чехословакии, Масарик осознавал, что страна нуждается в гарантиях и с Востока, и с Запада. Россия могла бы стать одним из таких гарантов. В силу этих причин проблема русской эмиграции являлась составной частью политической жизни Чехословацкой республики (ЧСР).

Прага стала центром русской гуманитарной науки и образования. Не без основания Прагу называли «русским Оксфордом» или «русскими Афинами». В итоге в Праге сконцентрировалась довольно основательная группа ученых-гуманитариев, и, прежде всего, историков, вклад которых в отечественную и мировую науку был значительным и высоко оценен мировым сообществом. Среди них историки А. А. Кизеветтер, Е. Ф. Шмурло, С. П. Мельгунов, И. И. Лаппо, Г. В. Вернадский, Е. Ф. Максимович, С. Г. Пушкарев, византинисты А. П. Калитинский, и Н. П. Кондаков, историк искусства Н. Л. Окунев, историки-слависты В. А. Францев, А. В. Флоровский, Н. В. Ястребов, историк права М. В. Шахматов, правовед, переводчик и исследователь русского языка и литературы С. В. Завадский и др.

Несколько лет назад родилась идея «дать слово» самим эмигрантам, подготовив к изданию малодоступные, не опубликованные (или не публиковавшиеся ранее на русском языке) работы. Конечно же, идея не нова, подобные книги издавались. Примером многотомного издания является серия «Русский архив». К тому же наши чешские коллеги опубликовали солидный том под названием «Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии I / под ред. Л. Н. Белошевской» (Прага, 2011).

Наш проект, получивший название «Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословакии», был подготовлен совместными усилиями представителей трех институтов: Славянского института АН Чешской республики (ЧР), Институтом славяноведения РАН и Институтом российской истории РАН. Издание труда взял на себя Институт славяноведения РАН.

Замысел этого проекта в значительной мере принадлежит представительнице Славянского института АН ЧР Л. Н. Белорусс-Белошевской, к сожалению, ушедшей из жизни в 2013 г. Ее светлой памяти мы посвящаем эту работу.

Книга включает научные труды русских ученых-гуманитариев, опубликованные в забытых и малоизвестных чешских изданиях, а также часто не публиковавшиеся ранее и хранящиеся в архивах публицистические и мемуарные работы, а также письма выходцев из России, обосновавшихся в Чехословакии.

Русские ученые, представители литературы и искусства, музыканты продолжали лучшие дореволюционные российские традиции за рубежом, входили в международные организации и осуществляли профессиональное сотрудничество с коллегами из разных стран.

Нам показалось интересным, выяснить, что думали русские интеллектуалы о России старой и новой, события в которой они внимательно отслеживали, о Гражданской войне и обстоятельствах, вынудивших их покинуть родину и обосноваться в Чехословацкой республике. Хотелось понять, как они воспринимали молодую Чехословацкую республику и как оценивали связи России и славянского мира в прошлом и настоящем, какие перспективы в этом отношении видели на будущее. И представить еще один блок вопросов, связанных с их саморефлексией, представлениями о себе, о русской эмиграции в мире и в ЧСР, ее составе, политических направлениях, задачах и целях, о ее деятельности за рубежом.

Составители сборника не ограничивались в выборе персонажей и подборе работ, но руководствовались масштабом личности, ее научными заслугами, содержанием самих публикуемых материалов и собственными представлениями о том, какие сюжеты могут заинтересовать читателей.

Публикации предваряет обобщенная биография автора, а сами тексты снабжены комментариями.

В сборник вошли очень разные по содержанию и значению тексты и отрывки из них. Их авторы — люди разных поколений и возрастов, разных политических взглядов и профессий. Объединяют всех их вынужденный характер и политические причины эмиграции, а также место проживания — Чехословакия. Но содержание многих публикуемых статей выходит за границы этого государства, повествуя о русском рассеянии по всему миру.

Авторский стиль работ сохранен, исправления касались лишь опечаток и приведения текстов в соответствие с современной орфографией и пунктуацией.

Что касается биографий, то одни персоналии изучены достаточно подробно, другим повезло меньше, и сведений о них сохранилось крайне мало. Некоторая пестрота представленного материала оправдывается неравномерностью исследований той или иной фигуры и ее творческого наследия, а также желанием представить многомерность образов и многообразие мнений.

В первый раздел книги вошли мемуары и письма русских эмигрантов. Несколько выделяются воспоминания И. Белорусс-Белошевской (Чиркиной), которая маленькой девочкой проделала с родителями и сестрой долгий путь через всю Сибирь на Дальний Восток в теплушке в составе чехословацких легионов. А затем этот путь продолжился морем из Владивостока в Триест, и, наконец, в Чехословакию. Подробности этого длительного пути, запечатлевшиеся в памяти восьмилетнего ребенка, весьма интересны, хотя и не лишены некоторых ошибок и неточностей,

которые авторы публикации Ю. Янчаркова, Д. Гашкова и С. Гаген (коллеги из Праги, Славянский институт АН ЧР) постарались исправить в комментариях. Во введении к тексту содержится и весьма эмоциональный рассказ о Л. Н. Белошевской, с которой они вместе работали, и о ее семье. Так как эти воспоминания писались скорее как семейное предание и предназначались для «домашнего пользования», а не для печати, подкупает их искренность и непредвзятость. В вводной статье эти детские впечатления авторы сравнивают с другими сочинениями детей эмигрантов о том, как они попали в эмиграцию, и эти сравнения дают уже более обобщенную картину «исхода» глазами детей.

К этому материалу примыкают мемуары видного деятеля Белого движения на Востоке России, генерал-майора Генерального штаба С. А. Щепихина. Рукопись не публиковавшихся ранее воспоминаний генерала под названием «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)» обнаружена в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Предлагаемая читателю первая часть воспоминаний «Тыл в Омске» посвящена событиям 1919 г., когда генерал состоял в должности начальника снабжения Южной армии Восточного фронта. В 1920 г. Щепихин эмигрировал в Турцию, затем в ЧСР, где жил и работал до своей кончины в 1948 г. На страницах его воспоминаний оживают события Гражданской войны, предстают яркие портреты ее участников, показана реалистическая картина бесполезной деятельности и просто безделия, коррупции, интриг в тылу белых войск, которую генерал имел возможность лично наблюдать в Омске. Боль и горечь сквозит в рассказе Щепихина о ситуации в тылу в сравнении с героическими усилиями солдат и офицеров на фронте, откуда он прибыл. Эта зарисовка, конечно же, весьма субъективная, но она помогает лучше понять причины неудач белых на Востоке. И. Белошевской, как и многим эмигрантам, запомнилось хорошее снаряжение, обмундирование и снабжение чехословацких эшелонов и плачевное состояние с обмундированием и вооружением следовавших пешим порядком отступающих белых войск. Воспоминания Щепихина обнаруживают очень важную и яркую деталь: плохое снаряжение белых войск было связано не с тем, что не хватало обмундирования и вооружения, наоборот, по его словам, склады лопались от всякого рода запасов, а, следовательно, связь между тылом и фронтом не была налажена, не существовало никакой четкой организации...

Воспоминания о Гражданской войне, но теперь уже на Юге России, взаимоотношениях военного руководства Донской и Добровольческой армий содержатся и в публикуемом письме военного историка, жившего в эмиграции в ЧСР, полковника В. В. Добрынина к своему бывшему учителю, а затем и начальнику, профессору академии Генерального штаба генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому. В эмиграции Добрынин опубликовал более 60 трудов на русском и чешском языках о жизни казачества, об истории Гражданской войны и борьбы против большевиков на Юге России, участии в ней донских казаков, о русской эмиграции, о текущих военно-политических событиях. В начале 1930-х гг. он даже составил курс русской грамматики для работников типографского дела. Добрынин состоял в пражском кружке по изучению Первой мировой войны, регулярно выступая там с докладами, и с июля 1928 г. входил в его совет. Публикуемое письмо — свидетельство резких разногласий, сохранявшихся между участниками событий Гражданской войны и в

эмиграции. В нем показана внутренняя обстановка в руководстве Донской армии, интриги, зависть, соперничество.

К этим же сюжетам относятся и письма с воспоминаниями о выступлении чехословаков, их связей с антибольшевистскими силами в Поволжье и Сибири видного эсеровского деятеля Е.Е. Лазарева, также хранящиеся в ГА РФ. Активный деятель Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча), министр народного просвещения в самарском правительстве, в эмиграции нашедший приют в Чехословакии, Е.Е. Лазарев подробно описывал в письмах к своему другу Морозову обстановку того времени, позицию чехословацких легионеров, соперничество Самарского и Сибирского правительств, Уфимское совещание. Письма публикуются не полностью, но позволяют увидеть события тех лет глазами эсеров из Комуча. Борьба честолюбий политических и военных лидеров, неумение найти компромисс ради объединения всех антибольшевистских сил вели к поражениям и еще большим распрям внутри Белого движения на Востоке страны. Чехословаки не могли, да и не хотели в одиночку противостоять усилившейся Красной армии, наступавшей с запада.

В письмах историка, профессора Московского университета А.А. Кизеветтера В.А. Розенбергу и В.А. Мякотину описывается жизнь в Чехословацкой республике, реалии 1920-х годов. Письма Кизеветтера представляют собой прекрасный источник для достаточно популярной в последние годы исследовательской темы — адаптация русских эмигрантов к жизни за рубежом. По ним можно судить о существовавших материальных сложностях, бытовых проблемах и их преодолении эмигрантами, а также по отдельным деталям можно уточнить и воссоздать картину внутриполитической жизни Чехословакии того времени и отношений внутри русской колонии в ЧСР.

Второй раздел книги содержит научные статьи А.А. Кизеветтера, А.Н. Фатеева, А.В. Флоровского и В.А. Мякотина.

Публикуемые статьи А.А. Кизеветтера посвящены российской науке и культуре. В первой статье «Карамзин как двигатель русской культуры» анализируется деятельность Карамзина как писателя, историка, публициста и политика. Представляя нам сложный и противоречивый образ Карамзина, автор приходит к выводу, что это была крупная, значительная личность, реальный двигатель русской культуры.

Вторая статья Кизеветтера о Московском университете и его традициях представляет собой яркий рассказ о его основании и отдельных этапах истории. Русские историки в Чехословацкой республике продолжали торжественно отмечать юбилейные даты университета. В относительно небольшом эссе отражена многообразная картина русской научной и общественной жизни XVIII и XIX вв., даны портреты наиболее выдающихся профессоров университета, рассказано об обществах, основанных при университете. Основная традиция университета, по мнению автора, заключалась в гармоническом сочетании служения науке и общественному благу.

Славянская тема звучит в работе А.Н. Фатеева «Введение в геополитику славянства». В ней ученый поставил вопросы и осветил проблемы расы, нации, государства, территории. Он рассматривал их в правовом, этнографическом, историческом и социокультурном аспектах, большое внимание при этом уделяя содержанию основных понятий и определений.

Статья А.В. Флоровского «Федерация исторических обществ Восточной Европы и славянских стран», находящаяся в архиве Славянской библиотеки (Прага), ранее не публиковалась. Вместе с тем она представляет большой интерес, поскольку освещает создание, структуру, направления деятельности, научные и организационные мероприятия, трудности в работе Федерации, поставившей своей задачей, прежде всего, историческое изучение славянского мира. Флоровский указывает, что Советская Россия вообще не была представлена в работе Федерации, тем более значимым представляется деятельность русских историков-эмигрантов в ее составе.

Достаточно актуально сегодня звучит и статья В.А. Мякотина о Переяславском договоре России и Украины 1654 г. Автор включается в полемику между историками второй половины XIX в. относительно характера этого соглашения. Мякотин указывает, что уже тогда одни ученые находили возможным характеризовать эти отношения, как инкорпорацию Малороссии, другие определяли их, как реальную или династическую унию, а третьи — как вассальную зависимость Малороссии от Московского государства. Споры эти продолжались и позже, поэтому ученый попытался высказать свою точку зрения, опираясь на исторические источники.

Последний третий раздел труда состоит из публицистических работ. Короткая статья В.А. Мякотина посвящена отношению эсеров к А.В. Колчаку. Она продолжает тему Гражданской войны и затрагивает вопросы восприятия различных антибольшевистских сил западными державами и возможности приглашения российских представителей на Парижскую мирную конференцию. Эта работа находится в личном фонде В.А. Мякотина и хранится в ГА РФ. Статья была опубликована в газете «Утро Юга» (Екатеринодар) 6 (19) июня 1919 г.

Две работы Б.А. Евреинова, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, «Правда об эмиграции» и «Лицо русской эмиграции» рассказывают о трагическом исходе из России, первых самых тяжелых временах выживания и обустройства за рубежом, трудовой деятельности выходцев из России, составе, целях, политических установках и направлениях русской эмиграции. Этот анализ «изнутри» представляется чрезвычайно важным и достаточно объективным. Биографический очерк с упором на научное творчество Евреинова удалось дополнить свидетельствами его сына о политической деятельности Евреинова в Польше и Чехословакии и связях с П.Н. Милюковым. Обе брошюры Евреинова, вероятно, являлись частью той пропагандистской литературы, которую он переправлял через своих людей в Советскую Россию с тем, чтобы донести правду об эмиграции. Тогда эта задача не была решена, но время делает свое — и сейчас правда об эмиграции становится доступной для всех интересующихся.

Статьи С.Г. Пушкарева «Россия и славянство» и «Зборов» были опубликованы на чешском языке в газете «Русский инвалид». В настоящем издании они публикуются в переводе на русский язык. В первой статье Пушкарев рассуждает об исторических связях России и славянского мира, утверждает, что ее традиционное покровительство славянским народам было обусловлено не столько экономическими и политическими причинами, а скорее чувством родства, братства, единством веры.

Вторая статья повествует о сражении чехословацких легионеров под Зборовом летом 1917 г., где они впервые выступили в качестве отдельного соединения в составе русской армии.

Статья русского архитектора и коллекционера Л.С. Лады-Якушевича о различных организациях и союзах архитекторов в ЧСР, в том числе и об Объединении русских архитекторов, была опубликована в журнале «Русский зодчий за рубежом». Ее дополняет передовица из того же журнала о работе русских архитекторов за границей. Эти материалы ценны тем, что русская архитектурная школа в Чехословакии исследована далеко не полностью, хотя большую работу по воссозданию биографий русских архитекторов за рубежом проделала С.С. Левошко, создав интернет-проект «Искусство и архитектура Русского Зарубежья»[2].

Нравы русских студентов-эмигрантов, эволюция их жизненных установок и привычек предстают перед нами в статье С. Моравского. Работа изобилует любопытными бытовыми подробностями и живописует реалии того времени, правда о самом авторе этой статьи выяснить ничего не удалось. Русские студенты были одной из основных социальных групп, которых чехословацкие власти принимали в рамках «Русской акции помощи». Отношение к ним со стороны местного населения было далеко не однозначным. Если в начале 1920-х гг. практически все (кроме коммунистов) политические партии и направления в Чехословакии поддержали идею оказания помощи русским беженцам и высказались за проведение «русской акции», то на рубеже 1920–1930-х в связи с мировым экономическим кризисом отношение к эмигрантам вообще и к студентам, в частности, стало весьма критичным.

Хотелось бы надеяться, что публикация этих материалов станет дальнейшим импульсом в исследовании истории Русского Зарубежья и вызовет интерес не только у специалистов по проблемам миграций, но и более широкого круга историков и любителей истории.

М.Г. Вандалковская,
Е.П. Серапионова.

[2] www.artrz.ru/articles/1805091143/index.html

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА

«Все, что я помню» Воспоминания Ираиды Белошевской о бегстве из России

Авторы настоящей публикации являются самыми близкими коллегами безвременно ушедшей из жизни Любови Николаевны Белошевской[1], научной сотрудницы Славянского института и руководителя рабочей группы по истории русской эмиграции в Чехословакии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Смерть Любы, как мы все ее называли, была для нас неожиданностью и шоком. После того, как мы поняли, что она уже действительно больше никогда не придет на работу, не возьмет в руки свою малахитовую чашечку и с золотым ободочком и не заварит в ней свой любимый черный чай, мы начали активно общаться с Любиным мужем — Митей — Дмитрием Белорусс-Белошевским[2]. Мы говорили с ним по телефону,

[1] Любовь Николаевна Белорусс-Белошевская (27.08.1946, Москва — 11.11.2013, Прага), урожд. Сысоева, псевд. Белошевская, научный сотрудник Славянского института АН ЧР. Училась в московской средней школе, поступила в МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1970 по 1975 г. училась в Карловом университете в Праге, окончив факультет чешского языка для иностранцев и обществоведения. После окончания учебы, вышла замуж за сокурсника Д. Белорусс-Белошевского и их семья покинула Чехословакию. В 1976–1982 гг. Любовь Николаевна жила в Москве и работала редактором отдела вещания на ЧССР Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию. В 1982 г. они приняли решение вернуться в Чехословакию. По возвращении в Прагу Л.Н. Белошевская устроилась сначала в театральное и литературное агентство «Дилия», а потом в Институт чешского языка АН Чехословакии, где принимала участие в составлении большого чешско-русского словаря. После обновления в 1993 г. Славянского института, Л. Н Белошевская возглавила группу по изучению истории русской эмиграции в Чехословакии, став одним из инициаторов исследований в данной области. В этот период она активно сотрудничала со З. Сладеком, подготовив вместе с ним ряд научных работ. Л.Н. Белошевская — автор многих научных трудов.

[2] Димитрий Белорусс-Белошевский (10.05.1945, Брно — 18.12.2014, Прага), в 1963 г. окончил среднюю школу в Опаве, в 1976 — Карлов университет по специальности социология — русский язык. Работал рабочим в разных организациях Опавы, шахтером в Остраве. После 1967 г. вступил в Коммунистическую партию Чехословакии, в 1970 г. был по причине «невыполнения основных обязанностей» из партии исключен. В период 1977–1981 гг. жил в Москве, был переводчиком в издательстве «Прогресс», а также диктором и переводчиком Московского радио, преподавал чешский язык в Торговой академии в Москве. Автор переводов книг и туристических путеводителей на русский язык. По возвращении в ЧССР работал рабочим, кочегаром в Праге. В 1984 г. вновь подал заявление о вступлении в члены

иногда посещали его дома, вспоминали Любу и часто обсуждали политическую ситуацию в мире. У него мы совместно рассматривали коллекцию экслибрисов почти в 450 единиц, которую Люба собирала всю жизнь. Мы думали, как с ней поступить так, чтобы память о Любе жила, и решили передать ее в Галерею изобразительного искусства в городе Наход, где хранится большая коллекция русского искусства. Митя был просто счастлив, эти минуты нашего общения приносили ему облегчение. Он, оставшись один, очень страдал, хотя никогда об этом не говорил — он не любил жаловаться. Но вот в декабре 2014 г. мы не смогли ему дозвониться. Почувствовав неладное, мы с едва теплящейся надеждой пришли в их высокий панельный дом, но — сердце упало. Дверь пестрела от наклеек полиции. Это был второй удар. Митя скоропостижно скончался от инфаркта 18 декабря, пережив Любу всего на год. Не стало семьи — уже больше некому было звонить. Осталась только боль и вопросы, много вопросов, ответы на которые мы уже будем мучительно искать в архивах и старых изданиях. Митя подарил нам много книг: часть лично, часть передал в институт. Славянскому институту он завещал и тетрадь воспоминаний своей мамы — Ираиды Белорусс-Белошевской, урожденной Чиркиной. Подготавливая данный сборник, посвященной памяти Любови Николаевны Белошевской, мы хотели бы предложить дорогому читателю фрагменты из этой тетради.

Сначала было бы необходимо представить автора публикуемых отрывков. Ираида Константиновна Белорусс-Белошевская (26.02.1909, Харьков — 28.03.1992, Опава) родилась в семье Константина Александровича Чиркина и Ольги Андреевны, урожденной Любарской. Отец Ираиды был инженером и, как мы увидим в тексте, служил на железной дороге. Ему удалось присоединиться к чехословацким легионерам, прибыть с ними во Владивосток, а оттуда на корабле выехать в Европу. С ноября 1920 г. Ираида Чиркина с родителями, старшей сестрой и бабушкой[3] жила в Чехословакии, где К. А. Чиркин устроился чиновником в дирекцию Чехословацких железных дорог в городе Брно. Согласно архивным данным, она окончила гимназию в городе Мукачево и поступила в музыкальное училище города Брно. В 1935 г. Ираида Константиновна вышла замуж за русского эмигранта Ивана Владимировича Белорусс-Белошевского (21.03.1902, Киев, — 27.06.1979, Опава)[4]. Ее профессиональный путь был связан с музыкой, она преподавала, с 1946 г. она была арфисткой в оркестре Театра им. З. Неедлы в Опаве,

---

Коммунистической партии Чехословакии, но принят не был. После изменения режима, с 1990 г. занимал посты сотрудника Славянской библиотеки, редактора издательства «Орбис», шеф-редактора газеты «Народная демократия», редактора «Экономической газеты».

[3] Надежда Любарская, урожденная Петрова, умерла в Опаве в 1929 году.

[4] Иван Белорусс-Белошевский был сыном государственного чиновника Владимира Белорусс-Белошевского, проживавшего в Киеве, и его жены Веры, урожденной Казаковой. Участвовал в Белом движении на Юге России. Эвакуировался в Галлиполи. В 1924 г. приехал в Чехословакию. В 1929 г. окончил Чешское высшее техническое училище. Не имел постоянной работы. В период с 1940 по 1950 г. работал конструктором на Машиностроительном заводе им. К. Готтвальда в районе Кралово Поле в городе Брно. В 1946 г. с семьей переехал в Опаву. В 1947 г. получил чехословацкое гражданство.

в Моравско-Силезской области, в середине 1950-х была членом оркестра театра Новая сцена в Братиславе. В период 1956–1961 гг. преподавала игру на фортепиано в Детской музыкальной школе в Крнове, в 1961–1970 гг. в Детской музыкальной школе им. В. Калика в Опаве. В 1975–1976 гг. вела музыкальный курс в Культурном центре в Краварже, недалеко от Опавы. Добавим, что она писала стихи.

Тетрадь, содержащая частично публикуемый здесь текст, озаглавлена автором: «Все, что я помню. Ираида Чиркина-Белошевская». Над названием большими буквами приводится важное для нее посвящение: «Моему сыну Димитрию Ивановичу Белошевскому и Любе, своей дорогой снохе». Из контекта воспоминаний становится ясно, что Ираида Константиновна писала их по просьбе Мити и Любы. Писала она их, вероятно, в 1992, незадолго до смерти и, предчувствуя ее, боялась, что не успеет дописать. На странице 44 читаем: «Митя, родной мой, боюсь, что не допишу, да и начала сокращать <...>». К несчастью, так и случилось, текст не закончен. Рукопись, представляющая собой тетрадь формата А4, содержит 120 пронумерованных страниц. Записи продолжаются до страницы 109, остальные страницы пустые. Добавим, что в рукопись вклеены половинки страниц.

Текст представляет собой упорядоченное, местами очень подробное повествование. Мемуары начинаются родословной, далее переходят к родителям Ираиды Константиновны, описывается ее детство, перемещения семьи по стране, знакомые и друзья. Особенно внимательно автор восстанавливает в памяти и передает путь на Восток. Более двух лет они провели в поезде, который прошел почти через всю Россию. Перед нами, таким образом, детальные воспоминания о жизни и быте беженцев первого эшелона, прицепленного к паровозу №266. Ираида Константиновна с родительской семьей ехала в вагоне №760.

Публикуя этот текст, мы сталкиваемся с очень интересным вариантом воспоминаний. Ираиде Константиновне было всего 8 лет, когда начался путь ее семьи в эмиграцию. Понятно, что ребенок смотрит на происходящее глазами взрослых, но в детской памяти навсегда отпечатываются знаковые вещи.

Мама покупает красивые вещи, чтобы украсить их разоренный большевиками дом, но потом эти вещи выменяваются на еду у закутанных в шали сибирских баб с их «Есть чаво продавать, аль менять хочете?». Конечно, есть. И надежду на возвращение домой, в их Россию, они меняют на хлеб и масло на заснеженных полустанках. Маленькая Ираида понимает весь трагизм ситуации, ведь воротиться домой уже не придется никогда. И голос этих разухабистых деревенских баб помнит до смерти.

Русская эмиграция творила свой собственный вариант истории революции и Гражданской войны. Выходили мемуары участников тех событий. Воспоминаниями детей также интересовались. В русской гимназии в Моравской Тржебове детям было предложено написать сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 г.», всего же по разным школам было собрано более 2400 детских сочинений. Неизвестно, писала ли гимназистка Ираида подобное сочинение. В сборнике «Дети русской эмиграции» находим анонимные воспоминания 12-летней девочки, ученицы пражской гимназии, написанные в 1924 г., где упоминается «Гайдовское восстание»

во Владивостоке[5]. Вероятно, эта девочка и Ираида никогда не встречались. Анонимная маленкая мемуаристка не разделяет неприязнь Ираиды к чешским легионерам. Подобной неприязни, как и слухов о русском золоте, мы не встретим на страницах «официальных» детских сочинений о пережитом в Гражданскую войну.

Следует отметить, что ученик 3 класса гимназии в Моравской Тржебове, некто Авданович, проделал тот же путь, что и Ираида. Но воспоминания мальчика не отличаются подробностью: «Каким путем и через какой промежуток времени мы были взяты чехами, и каким путем мы выехали из города, вернее сказать, эвакуировались, точно не могу сказать. Впереди нам предстояла большая дорога, которую описывать подробно не хватит время, но хочу читателю обрисовать эту дорогу в кратких чертах: наша цель была добраться до Владивостока. Это расстояние от нижеуказанного города (Нижнеудинск — авт.) всего 6000 верст, хотя я говорю эту цифру несмело, ну, около этого. Ехали мы в теплушках (в Сибири так называются товарные вагоны). Больно в сердце становится, когда видишь, что в середине пути — чехи, а по обеим сторонам идут или, вернее сказать, отступают русские войска, почти все помороженные, больные, даже не хочется все то вспоминать, что видел я. Наконец мы въезжаем на станцию Владивосток. Владивосток, большой красивый портовый город, находится в Японском заливе. Прожив там около года, мы сели на один из транспортных пароходов, который вмещал в себя 7 ½ тысячи людей помимо команды. Пароход этот был английский и назывался “Президент Грант”»[6]. Это сочинение написано 12.12.1923, на момент эвакуации юному Авдановичу было только 8 или 9 лет. Сверстница Авдановича, некая Ю. Санютич-Курогицкая записала 12.12.1923, что «самое интересное в моей жизни это кругосветное путешествие. <...> Мы проехали: Желтое море, Восточно-Китайское море, были в Сингапуре, в Коломбо, на острове Цейлоне, проехали Индийский океан, были в Адене, проехали Красное море, видели пустыню Сахару, проехали Суэцкий канал, были в Порт-Саиде, проехали Средиземное море ...»[7] Интересно, что маленькая Ираида в целом не переживала свое путешествие как «приключение», хотя проделала почти точно такой же путь.

Нельзя не сказать и о политических взглядах Ираиды. Они сформировались, само собой разумеется, уже в сознательном возрасте. Мемуары передают отрицательное отношение отца Ираиды, Константина Чиркина к царскому режиму, типичное для большей части русской интеллигенции начала XX в., а также для офицеров Белой армии. Приведем здесь тому пример: «Приехав с фронта к нам в Харьков, папа говорил маме, что положение из рук вон. И если наш Николаша не приберет к рукам Алису (т. е. Николай II свою жену Алису Гессенскую) и не послушает великого князя Николая Николаевича, то допрыгается, т. к. она у себя из своих любимых

---

[5] Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М., 1997. С. 21, 149–150.

[6] Там же. С. 192–193. Правильно – пароход американский.

[7] Там же.

генералов немцев устроила главный штаб немецкой разведки и все это хорошо, если кончится конституцией. Потом я у папы спросила, что такое конституция, а он мне, рассмеявшись, ответил, это когда сенат и парламент королю на хвост наступят, только об этом не болтай» (Рукопись с. 39).

Интересно это описание «демократии» у маленькой Ираиды сравнить с воспоминаниями некоего К. Померанцева из английской школы для русских мальчиков в Эренкее: «В Полтаве, мне тогда было около 12 лет, начали складываться мои убеждения. Под влиянием моей воспитательницы m-lle C-lle, ярой поклонницы революции и республики, я стал решительно на сторону республиканских форм правления. Я стал поклоняться свободе и вольности. Но это ничуть меня не заставило стать большевиком; напротив, я стал их горячим ненавистником, в их лице стал видеть протест против свободы»[8].

Хотя у Ираиды и не было французской гувернантки-республиканки, она все же также, в очень негативных тонах описывает большевиков, называя их, как будет видно ниже, «красной рванью», что было типичным для всех детей русской эмиграции, видевших именно представителей этой партии в качестве единственных виновников развала России. Ведь их обожаемые родители, боровшиеся с «проклятым царизмом», «немецкими шпионами в окружении императрицы» и мечтавшие «наступить королю на хвост», были, конечно же, во всем и всегда правы. Республика и конституция — это хорошо, а большевики это очень плохо!

Обращает на себя внимание и стиль изложения, который соединяет просторечные русские выражения с добавлением немецкого слова: «чехи, придя в Самару за белой армией *пешим хождением* и *угнездившиеся* здесь довольно прочно, боялись, что большевики их окружат и чехам будет *капут*».

В заключение добавим, что для удобства современного читателя текст разделен на небольшие тематические части. Заголовки этим частям даны издателями текста.

Ю. Янчаркова, С. Гаген, Д. Гашкова

И.К. Белорусс-Белошевская

«Все, что я помню»

[Константин Александрович Чиркин]

Папа[9] был очень талантливым и деловым инженером и его первое место было в Лунинце на Привисленской железной дороге. Т.к. он блестяще закончил институт, то и карьера, кажется, была обеспечена, но ... пришел 1905 год. Хотя папа сам во всех

---

[8] Там же. С. 143.

[9] Константин Александрович Чиркин (04.04.1878, Брянск, Орловская губ. — 29.06.1933, Брно), инженер, происходил родом из дворянской семьи. Учился в смоленском реальном училище. Высшее образование получил в Харьковском технологическом институте. Был женат на выпускнице института благородных девиц Ольге Андреевне, урожденной Любарской

саботажах не участвовал, но знал всех[10]. Начал к нам ходить жандармский полковник со скрипкой, под предлогом поиграть на скрипке, а мама будет аккомпанировать. Конечно, это был только предлог, чтобы выпытать, выспросить, кто мог быть в подозрении. Ничего не узнал и, хотя, никаких улик против папы не было, но было подозрение, что он знает и не хочет выдать. Его сместили с хорошего места и послали на Урал в деревню Катав Ивановский завод в качестве контролера материала на железнодорожной ветке Вязовая-Катав. Иными словами — маленькая ссылка.

[Самара. 1916]

Перед Рождеством 1916 г. папа, наконец-то, совсем вернулся с фронта <...> Папа получил назначение на помощника начальника материальной службы на Самаро-Златоустовской железной дороге. Дедушка (отец Андрей)[11], как я уже говорила, продал загородную дачу и харьковский дом с бакалейной лавкой, оставив себе только дом, где мы все время и жили, и дал папе деньги на покупку дома в Самаре. Сам дедушка все еще служил в церкви, так что не нуждался в деньгах. Папа поехал в Самару, а вернулся уже за нами собственником дома, купленного от вдовы купца Племянниковой, на что у тебя, сынок, имеется купчая и план дома. Началось наше великое переселение.

[После революции]

Самара была, главным образом, богатым купеческим городом и в первом году после революции чекисты с матросами ходили с так называемыми обысками, грабить всех зажиточных купцов. Обыски производились следующим образом: вспарывались диваны, матрасы, пуфы (т.к. обычно туда пряталось золото и серебро), обыскивались столы, шкафы — от квартиры мало что оставалось, а за сопротивление — пуля в лоб[12]. Да, первый год после революции большевикам было не до

(10.07.1883, Харьков — 23.04.1960, Опава), имел с ней двух дочерей: Мелитину (16.9.1904 г.р., в замужестве Шамрай) и Ираиду. Сначала семья жила в Лунинце. К.А. Чиркин служил на Лунинско-Полесской железной дороге в качестве заместителя депо. После 1905 г. он был переведен на Урал в деревню Катав, где служил на железнодорожной ветке Вязовая — Катав в качестве контролера материала. В 1914–1915 гг. был призван в армию. Ольга Андреевна в это время проживала с детьми в Харькове, у своих родителей. После возвращения Константин Андреевич был переведен на Самаро-Златоустовскую железную дорогу, семья переехала в Самару.

[10] Вероятнее всего подразумевается Всероссийская октябрьская забастовка 1905 г., парализовавшая железнодорожное сообщение по всей стране, что привело к изданию Манифеста 17 октября 1905 г.

[11] Имеется в виду отец Ольги Андреевны Чиркиной, протоиерей Андрей Любарский, по сведениям Ираиды Константиновны, преподавал в харьковском институте благородных девиц Закон Божий.

[12] Похожую информацию о грабежах и убийствах приводит в своих воспоминаниях дочь русских эмигрантов из Самары, художница Элеонора Мусатова (1931–2010). Она пишет: «И вот, в 1922 году, наконец-то, с какой-то оказией приходит письмо, получила его мама. В нем страшное сообщение: 9-го мая 1919 на пчельнике была зарезана семья Мусатовых. Алексей Яковлевич Мусатов в Самаре продал дом, бандиты искали деньги. Его, старшего брата Григория — Александра с женой и грудным ребенком, семью сторожа — всех порешили». См.: *Мусатова Н.* Григорий Мусатов (Воспоминания о моем отце). Фрагменты. Публикация и комментарий

работающей интеллигенции, т.к. самые богатые были купцы, да и времени у них не хватало на средний класс, ведь к Самаре вместе с весной подходили и чешские легии, пробивающиеся на восток к отплытию домой, а они пробивались не сами, а шли за белой армией Каппеля[13] и Юденича[14].

[«Отречемся от старого мира»]

С появлением большевиков в Самаре на улицах исчезли народные песни, т.к. вся эта красная рвань только горланила «вставай, поднимайся рабочий народ» или «отречемся от старого мира». Но тут же я познакомилась с сарказмом русского народа, даже в такие тяжкие минуты на мотив «отречемся от старого мира» вдруг неизвестно кто пустил следующий текст: «Отречемся от серого мыла и не будем мы в баню ходить». Не знаю, существует ли еще серое мыло, с которым всегда ходили в баню <...>.

[Февральская революция и провинциальные дамы]

Во времена «Временного правительства» большинство знакомых дам было в восторге от Саши Керенского и собирало его фотокарточки, но чем дальше, было хуже. Вместо сахара появилась патока, прислуги у нас уже не было, так что каждый должен был заметать свою комнату. <...>

[Взятие Самары чехословаками]

Чешская армия вошла в Самару вслед за Белой и закрепилась в Самаре на несколько месяцев[15]. Как-то пришел папа домой со службы и сказал маме, чтобы как можно скорее собирались — придется уехать, пока Самара опять не станет белой. Дело в том, что чехи должны были отступать на восток, т.е. через Волгу пробираться к Владивостоку. В это время (осень 1918 г.) большевики получили подмогу и стали сильно давить на чехов, а они, т.е. чехи, придя в Самару за Белой армией пешим хождением и угнездившиеся здесь довольно прочно, боялись, что большевики их окружат и чехам будет капут. Пришли на поклон к папе — просить составы для

Ю. Янчарковой // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии I / Отв. ред. Л. Белошевская. Praha, 2011. С. 222. (*N. Musatova*, Grigorij Musatov (Vzpomínky na mého otce). Úryvky, publikace a komentář J. Jančárková // Vzpomínky. Deníky. Vyprávění. Ruská emigrace v Československu I. / L. Běloševská (ed.), kol. Autorů. Praha, 2011. S. 222).

[13] Генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель (15/27.04.1883, Белев Тульской губ. — 26.01.1920 близ разъезда Утай Иркутской губернии). Командир 1-й добровольческой дружины Народной армии, сформированной в Самаре после захвата города чехословацкими частями. — См.: *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта гражданской войны: Биографический справочник. М.., 2003. С. 106–107.

[14] Ошибка мемуариста. Генерал Н.Н. Юденич не участвовал в Белом движении на Востоке России.

[15] Ошибка мемуариста. Дело было как раз наоборот, это чехословацкие части вошли в Самару, в которой началось формирование Народной армии, одним из командиров которой был В.О. Каппель.

возможности выехать из Самары. Генерал Гирса[16] был одним из главарей командования чешской армией, и он предложил папе за эту услугу взять его со всей семьей в Чехию <...>. Наконец-то мы тронулись к Златоусту.

[Паровоз и Первый эшелон]

Наш паровоз ... № 266 к нашему первому эшелону прицепили в Златоусте, а не в Уфе и всю дорогу до самой Читы он был с нами так же, как и его главный машинист — Свирепа.

[Поэт Бурлюк в Златоусте]

Еще кое-что вспомнила о Златоусте[17] и считаю нужным записать это. В Златоусте жил Бурлюк[18], друг Блока[19]. Я лично его не видела, но знаю, что Златоустовские матери пугали им своих непослушных детей: «не балуй, а то Бурлюку отдам». Все, кто его видели, единогласно твердили, что он выглядел ужасающе — вокруг одного глаза, широким кругом обведена красная краска, вокруг другого — зеленая, одет он был всегда в черный бархатный полупиджак-полубабья кофта, а на шее повязан ярко фиолетовый платок. Это подтвердил и один из наших конторщиков-беженцев, позвонив у дверей Бурлюка, принеся ему приглашение на спектакль, организованный нашими составами — любительским кружком в Златоусте. Книжка его стихов у тебя, сынок, должна быть, т.к. я тебе ее дала. Одно из первых его стихотворений помню, только третья строфа из головы вылетела, никак ее не могу вспомнить. Да я его и не учила, прочитала пару раз, чтобы понять смысл, но смысла я в нем так и не нашла[20]. Вот все, что я из этого запомнила.

Стихи Бурлюка

Русь — один сплошной клоповник
Звезды — черви, пьяные туманом.
Усмиряю боль — шелестом, обманом.
Небо смрадный труп
Для внимательных миопов

---

[16] См. сноску 30.

[17] На современном филокартическом чешском рынке обращается очень большое количество привезенных легионерами открыток с изображениями нескольких видов Златоуста (чаще всего скалы с уходящей вдаль линией железной дороги).

[18] Давид Давидович Бурлюк (1882–1967), поэт и художник, один из основоположников футуризма в России. В 1918 г. Бурлюк чудом избежал гибели во время погромов и расстрелов анархистов в Москве и уехал в Уфу. В 1918–1920 гг. он гастролировал вместе с В. Каменским и В. Маяковским по Уралу, Сибири, Дальнему Востоку. В 1920 г. он эмигрировал в Японию, где прожил два года, изучая культуру Востока и занимаясь живописью. Здесь им написано около 300 картин на японские мотивы, денег от продажи которых хватило на переезд в Америку. В 1922 г. он поселился в США.

[19] Александр Александрович Блок (1880–1921) — поэт, писатель, переводчик, публицист, классик русской литературы.

[20] Вероятно, Ираида Константиновна отожествляла новые веяния в искусстве с новым политическим режимом большевиков.

Лижущих отвратный круп
С жадною ухваткой эфиопов
Отворяйте ж часы преддверья
Зовы рук
Паук[21].

[Самодеятельный театр в Златоусте]

Надо сказать, что живя долго в Златоусте, папа стал замечать появление в беженцах признаков какой-то хандры, безнадежности и решил, что это первый признак разложения от ничегонеделания. Нашел старого любителя дирижера между нашими составами, хороших певиц и певцов, артистов-любителей, присоединились к нашим и все члены Златоустовского любительского кружка и [?] 2 комедии[22], вечер хора народных песен и еще вечеринка. Спектакли были «Иванов Павел» и где мама аккомпанировала все музыкальные части на пианино, поставленном в углу перед сценой. Павла играл Златоустовский любитель, купеческий сын Затрягаев. Играл он очень хорошо. Вторая комедия, не знаю автора «Ни минуты покоя». Вернее, началось все с вечеринки, на которой должно было произойти знакомство населения наших составов с жителями Златоуста. Кто-то там декламировал, кто-то рассказывал анекдоты, а потом объявили, что дальше будут общие танцы. Стулья расставились вокруг стен, а вот был ли оркестр или кто-то барабанил все модные танцы на пианино, этого я уже не помню. Знаю только, что мама сначала сидела возле меня. К Миле сразу подошел какой-то гимназист, а т. к. девочек было больше, чем мальчиков, то девочки танцевали с девочками. <...> Концерт был очень хороший и им был доволен не только весь Златоуст, но и все 3 наши состава, а папа достиг своей цели — все люди были заняты и хандра исчезла.

[Бегство казаков от красных. Переживания по поводу паровоза]

Только один раз уже в Сибири, в тайге у нас его [паровоз № 266] одолжили до следующей остановки казаки. Целый эшелон казачьих войск удирал на восток и уж не знаю какими судьбами остался без паровоза. Помню, что папа долго говорил

---

[21] Ираида Константиновна ошибочно объединила два стихотворения Д. Бурлюка «Призыв» и «Мертвое небо». «Призыв»: «Русь — один сплошной клоповник! // Всюду вшей ползет обоз, // Носит в золоте сановник, // Мужичок, что весь промозг. // Осень... тонем студной... слякоть...// «Номера» — не заходи: // Обкусают звери мякоть — // Ночь «центральных» — проведи... // Всюду липкою тряпицей // У грудного заткнут рот!.. // Есть? — вопли десятерицей — // Тошноты моря и рвот. // Русь грязевое болото // Тянет гнойный, пьяный смрад... // Слабы вывезть нечистоты // Поселенье, пристань, град. // Грязь зовут — враги — отчизной!.. // Разве в этом «русский быт»?!. // Поскорее правим тризну — Празднинствам параш, корыт!.. // Моем мощной, бодрой шваброй // — Милый родины удел // Все, кто духом юно-храбрым // Торопясь, не оскудел! «Мертвое небо»: «Небо — труп»!! не больше! // Звезды — черви — пьяные туманом // Усмиряю боль шелестом-обманом. // Небо — смрадный труп! // Для (внимательных) миопов, // Лижущих отвратный круп // Жадною (ухваткой) эфиопов. // Звезды — черви (гнойная живая) сыпь!! // Я охвачен вязью вервий // Крика выпь. // Люди-звери! // Правда звук! // Затворяйте же часы предверий // Зовы рук // Паук.

[22] Вероятно, пропуск в тексте.

с их начальством и, в конце концов, послал Свирепу с пятью нашими охранниками. До сих пор помню это тягостное ожидание — вернется ли наш 266 или заберут его силой. В вагонах было тихо, все превратились в уши — слушали, раздастся ли баритон нашего... Мне казалось, что прошел весь день (это было после обеда), и стало уже совсем темно, а мы все слушали. И вдруг вдали раздался свисток. Миля и я первые услышали его. Взрослые говорили, что это еще может быть другой, но мы обе твердили: «Наш 266 вернулся». Вернулся на самом деле. Но это я уже перескочила на конец 1919 года, а теперь вернусь к Полетаеву[23].

[Челябинск. Граница Европы и Азии]

Там [в Полетаеве] мы были недолго и поехали в Челябинск, а из Челябинска дальше. Помню, как папа показывал нам столб, разделявший границу Европы от Азии, но было ли это до Челябинска или после — не помню (это можешь посмотреть в книге «Великий Сибирский путь»). Так мы с маленькими остановками доехали до Новониколаевска на Оби[24]. Здесь мы закисли надолго. Конец лета, осень и часть зимы мы жили на запасных путях, все три состава. <...>

[Встреча с раненными и больными белогвардейцами Каппеля]

Очевидно, большевикам приходилось отступать, т. к. мы вдруг поехали обратно. Стали по дороге закупать все, чтобы вернувшись в Самару не помереть с голоду, но, доехав до Златоуста, повернулись опять на восток и уже без остановок даже в Новониколаевске. Да, чуть было не забыла сказать, что по дороге от Новониколаевска до Златоуста мы встречали поезда, вернее, это были не поезда, а составы из платформ, на которых вповалку лежали замерзшие трупы — тиф и мороз свирепствовал у Каппеля[25], и безнадежных отсылали лишь бы они не попались живыми в руки красных. До сих пор я вижу эти длинные составы похоронных платформ. А сколько эшелонов с ранеными с Урала ехало на восток и все они на остановках, через окна просили, нет ли книжек почитать. Папа очень много раздал книг этим раненым, а на следующей остановке опять приносил новые книги. Вот это и было мое образование за 2 года. <...> Во второй раз мы уже в Новониколаевске не задерживались, простояли всего лишь пару дней, чтобы запастись в дорогу едой и всем необходимым и поехали дальше на восток. <...> Не имея под рукой ни книги, ни карты, я совершенно перепутала станции и их местонахождение, а тут еще перепутала, что было в первый

---

[23] Населенный пункт.

[24] С 1926 года Новосибирск.

[25] Речь идет об участниках т. н. «Ледяного похода»: движение армии Каппеля к Иркутску на помощь адм. Колчаку в декабре — января 1919/20 гг. Процитированный выше 9-летний гимназист Адамович видел участников «Ледяного похода», когда ему было примерно четыре-пять лет. Воспоминания ребенка не сохранили подробности, но только «боль в сердце»: «Больно в сердце становится, когда видишь, что в середине пути — чехи, а по обеим сторонам идут или, вернее сказать, отступают русские войска, почти все помороженные, больные, даже не хочется все то вспоминать, что видел я». Здесь также скрытое осуждение: «чехи» едут в теплушках, а больные и обмороженные русские воины идут пешком вдоль путей. — См.: Дети русской эмиграции. С. 192–193.

раз, а что во второй раз нашего этапа Златоуст — Новониколаевск — Новониколаевск — Златоуст и во второй раз Златоуст — Новониколаевск. Так как записей никаких у меня не было, то единственной нитью для меня были времена года, а т. к. негде было посмотреть, как идут по порядку станции, то у меня и вышла путаница.

[Путь первого эшелона беженцев]

Теперь придется дать сжатое описание нашего пути со станциями и временами года. Так, выехали мы из Самары в августе 1918 года. В Уфе пробыли 1–1,5 месяца, т. е. в Златоуст приехали, очевидно, в октябре 1918 года и простояли там до (приблизительно) Рождества или Нового года. Из Златоуста, переехав границу между Европой и Азией (каменный столб, с одной стороны вырыта[26] «Европа», с другой — «Азия») перед городом Миассом , через Челябинск, переехав границу Сибири перед городом Курганом в Петропавловск, где уже начиналась одноколейка, т. е. перед выездом из Петропавловска нужно было ждать встречного поезда и только тогда, имея свободный путь перед собой, можно было ехать дальше. В первый раз (это было начало 1919 года) мы доехали до Новониколаевска и остались здесь до начала весны. Опять что-то напутала. <...> Ох, сынок, и работушку же ты мне дал. За 72 года многое стерлось. <...>

[Повседневная жизнь беженцев в поездах]

Теперь, приведя в порядок летоисчисление и последовательность станций, можем вернуться к повседневной жизни в наших трех составах. Как я уже писала, за Шурой Воронцовой усиленно ухаживал конторщик Пантелеев и стало ясно, что они поженятся. Я получила заказ на петли и крючки для свадебного платья. Сначала их было 50, а в конечном итоге их было 90, т. е. я целыми днями сидела и делала крючки и петли. Миля надо мной смеялась, говоря, что я всякой ерундой занимаюсь, а ей не с кем играть в карты. Она меня научила играть в 66 и 21, и когда ей было скучно лежать и вышивать, то звала меня играть в карты. От папы ей за насмешки надо мной влетело. Не могу вспомнить, где именно еще перед Читой (а может быть еще в Иркутске или Красноярске) Шура вышла замуж за Пантелеева и оба они, обвенчавшись, остались в Сибири. <...>

[Встреча с Колчаком в Омске]

Видишь, опять забыла сказать, что приехав в Омск, мама сразу же на извозчике отправилась в город за покупками и видела ехавших в санях Колчака[27] и с его князем[28].

---

[26] Вероятно, перепутано слово: по смыслу должно быть «выбита надпись».

[27] Колчак Александр Васильевич (04/16.11.1874, Обуховский сталелитейный завод, близ Санкт-Петербурга) — 07.02.1920, Иркутск), адмирал. — См., подробнее: *Волков Е.В. и др.* Белые генералы. С. 115–116.

[28] Вероятно, богемизм (князь по-чешски — священник). Имеется в виду, скорее всего, Сильвестр, архиепископ Омский (1860–1920). — См.: *Панина М.Ф.* «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // Известия

[Банды «зеленых» нападают на поезда]

Но теперь пора начать описывать переживание всех наших трех эшелонов, когда мы подъезжали к тайге. Все мы знали, что существуют не только белые или красные, но есть еще и зеленые. Зеленые — это были банды, которые скрывались в тайге. Обычно ночью они клали колоды поперек рельсов и этим заставляли поезда останавливаться. Дальше нападали на поезд и кому не удалось бежать и спрятаться в глуши тайги, того убивали, а поезда грабили до последней вещички. И так нам всем приходилось на ночь одеваться в шубы, капоры, валенки, маленькие, самые дорогие вещи, держали в руках и так дремали в ожидании — проскочим или нет. Наш поезд всю тайгу проехал благополучно, но второй и третий, так мы больше и не видели. Ждали на каждой большой станции, но о них, ни слуху, ни духу. Очевидно, все погибли. <...>

[Женские занятия в беженских поездах]

В каждом большом городе, где мы останавливались, мама ездила в город за покупками. Привозила она нитки, иголки, батист (из которого мы все, и даже я, вышивали носовые платки), бабушка шила белье, Миля на платках рисовала узоры для обрубки, т.к. маминой швейной машинки не было, то все научились шить позадь иголки, т.е. машинным швом, и вышивать. И так я, кроме крючков, чтения и ничегонеделания еще научилась шить и вышивать.

[Закупки провизии и питание беженцев]

<...> Закупки еды лежали на папе. Он притаскивал полные мешки всякой всячины, начиная хлебом (зимой кусками мерзлого молока в кастрюлях, летом 3 литровую, а то и 5 литровую бутыль молока, масло, яйца, рыбы — стерляди, селедки, или что было. Зимой — засоленные селедки, которые отмачивались, очищались, резались ломтями и заливались подсолнечным маслом (заготавливалось в больших глиняных крынках). Всякого рода овощи, а на зиму лук, чеснок, копченое сало, колбаса, засоленное мясо и т.д. Все это была папина работа. Бабушка часть молока кипятила на керосиновой небольшой печке, а часть оставляла на киснутье (летом), а зимой кусками молоко в кастрюлях выставляла на площадку-кладовую, и постепенно, отрубая куски молока, его кипятила. Жареная картошка была ежедневной едой.

[Солидарность железнодорожников]

<...> До Читы голодовки мы не знали, т.к. на всех больших станциях ежемесячно выдавалось жалованье, несмотря на то, какой отсек железной дороги мы проезжали — железнодорожники своих поддерживали. <...>

Омского государственного историко-краеведческого музея: Сб. науч. трудов. № 19. Омск, 2014. С. 123–126.

[Дорога к Байкалу и пребывание у Байкала]

Теперь возвращаюсь к Иркутску. Как долго мы, т.е. наш эшелон, простояли на запасных путях, а наша семья блаженствовала у Сивохи, не могу вспомнить, ведь это был просто прекрасный сон. Спать в мягких постелях, ходить и даже бегать по комнатам, тогда как в нашем полувагоне можно было только сидеть или лежать, а для хождения места не было. Итак, двинувшись из Иркутска, мы пустились на юг, огибая южную часть Байкала и обогнув ее, остановились в Мысовой. Вся дорога от Иркутска до Мысовой — сплошная красота. Ведь все Даурские, будь то горы, покрытые лесом, или дикие скалы, завораживают своей красотой. Просто не хотелось отходить от окон. Не знаю, почему наш эшелон на Мысовой отвезли на запасной путь на несколько дней. А этот запасной путь находился на берегу Байкала. С одной стороны скалы, а с другой маленький спуск и плоский берег Байкала. Дело было зимой, и я с папой пошли полюбоваться Байкалом. Воду покрывал толстый, толстый лед, тянулся он очень далеко от берега и был такой прозрачный, что отойдя от берега на 10 шагов мы с папой видели каждый камушек на дне. <...>

[Распад железнодорожной системы Российской империи]

Я забыла сказать еще об одном. Чем дальше мы удалялись от Самаро-Златоустовской части железной дороги, тем меньше денег нам выдавали на других отсеках, т.е. главных станциях разных, как я уже разделила, частях магистрали (Западно, Средне-Сибирская Забайкальская часть). Приходилось экономить, иногда еды было в обрез, о витаминах и говорить нечего было. <...>

[Торговля беженцев с местным населением]

Еще вспомнила интересный эпизод. Побывав в первый раз в Новониколаевске, я возвращалась обратно в убаюкивающей надежде приехать домой, хотя бы в разграбленную квартиру. Мама до самого Златоуста закупала красивую посуду и тому подобное. Вкус у мамы был изысканным, так что этого барахла, т.е. сервизов чайных, столовых, кухонных у нас появилось столько, что под каждой лавкой стояли коробки и мешали заметать полы мокрой тряпкой. С приездом в Златоуст резко оборвались все надежды на возвращение домой, и прекратилась мания закупки вещей для «приличного» оборудования квартиры. Миновав во второй раз Новониколаевск, приблизительно от станции Тайга, на каждой станции беженские поезда встречали целые оравы бабья. Влезали в вагоны и наперебой орали: «Есть чаво продавать, аль менять хочете?». Так мы постепенно продавали или меняли на сахар, соль, сало, яйца, масло, хлеб. Для нас все это была необходимость, а зажиточное сибирское население нарасхват обзаводилось красивыми сахарницами, целыми приборами и т.д. Большинство этих покупателей были переселенцы с Украины. Получить взамен красивого чайного прибора голову сахара и порядочный кусок масла — была огромная удача. Таким образом, мы избавлялись от всего, что теперь уже было лишним, т.к. мечта о возвращении домой уже совсем расплылась во что-то недосягаемое.

[Атаман Семенов: упорядочивание железнодорожного сообщения]

В Чите <...> пришло приказание всем служащим железной дороги явиться к атаману Семенову[29]. Семенов расформировал остатки нашего управления Самаро-Златоустовской железной дороги, повыбирал самые лучшие силы и прикарманил их к себе на службу. Папа вернулся в вагон совсем мрачным. Его сделали помощником министра путей сообщения. <...> Дело в том, что Семенов якшался с японцами и взамен за поддержку ему — Семенову стать властителем Сибири, а позднее и всея Руси, обещал японцам всю приморскую часть Сибири. Папа днем и ночью думал как-бы удрать от Семенова, что изобрести, чтобы двинуться дальше, т.к. Семенову папа не верил, говоря, что он авантюрист и что от него надо быть как можно подальше.

[Планы покинуть атамана Семенова]

В начале весны, как только начал таять снег, папа вдруг вернулся со службы возбужденный и первым его словом было «наконец-то!». Придя в тот день к своему министру, папа нашел его сильно расстроенным. Вот точный разговор министра с папой: «Константин Александрович, беда! Нигде не могу достать (не помню какой) материал, а мне приказано, во что бы то ни стало его достать, иначе будет беда». У папы в голове искрой пролетело «вот случай, которого я жду» и папа совершенно спокойно ответил министру — «ну это во Владивостоке, точно знаю, что есть. Пошлите меня туда, и я Вам его привезу». Министр так обрадовался, что сразу же написал папе путевку, согласился, чтобы папа ехал в своем вагоне, что это будет гораздо удобнее, чем искать место в каких-то поездах и отослал папу с всякими пропусками в командировку.

[Присоединение к чешскому эшелону]

В Чите готовый к отъезду стоял чешский эшелон. В сумерках папа, мама и я пошли к начальнику эшелона, папа показал ему все бумаги, подписанные Dr. Girsou[30], о том, что папа сделал для чешской легии и обещание Гирсы взять с собой в Ческословенскую (!) республику инженера К.А. Чиркина со всей семьей. Понятно, что начальник эшелона согласился на прицепку нашего вагона к их эшелону, тем более что папа вторую — пустую половину нашего вагона предложил для чешских офицеров. Уже вечером вся вторая половина нашего вагона была занята чешскими офицерами[31], наш вагон был прицеплен в середину чешского состава, а перед рассветом

---

[29] Семенов Григорий Михайлович (13/25.09.1890, станица Друрулгуевская Забайкальского округа — 30.08.1946, Москва), генерал-лейтенант, из забайкальских казаков. — См.: *Волков Е.В. и др.* Белые генералы ... С. 185–186.

[30] Вацлав Гирса (28. 11. 1875, Шепетовка — 23.6. 1954, Прага) чешский доктор и дипломат на службе Чехословакии. В ноябре 1919 г. был назначен представителем правительства Чехословакии в Сибири. Вел переговоры с большевиками о проезде чехословацких легионеров во Владивосток.

[31] Вагоны представляли из себя т.н. «теплушки», т.е. утепленные вагоны предназначенные для переселенцев в Сибирь, которые отправлялись туда вместе со всем имуществом

весь эшелон двинулся по Уссурийской железной дороге по направлению к Хабаровску. <...>

[Жизнь в чешском эшелоне]

Итак, чешский состав, к которому нас прицепили и наш вагон стояли на Эгершельде. Папа работал в вагоне канцелярии у капитана Регера[32] . Вся его работа заключалась в том, что нужно было в газетах отвечать на обвинения японцев.

[Отношения чешских легионеров и японцев]

А японцы открыто обвинили чехов в неимоверной краже всего, что только им попадалось по пути, включая составы меди, 1 вагон золота, случайно исчезнувший из пяти вагонов золота Колчака, а Колчака с его вагонами до Иркутска охраняли чешские эшелоны и в Иркутске с четырьмя вагонами золота выдали его, Колчака, большевикам. Пятый вагон исчез. Между нами, пятый вагон появился в Праге под названием «Легиобанка» И так папе приходилось писать небылицы, чтобы «восстанавливать» честь чешских легий. Приходя домой, т.е. в нашу половину вагона, папа начинал бубнить. Когда папа был очень зол, он всегда не говорил, а бормотал ругательства, а мама это называла «опять бубнит». Папа просто бесился, говоря, «между ворами адвоката делаю». Ясно, японцы вовсе не хотели упустить такую добычу, и медь, и золото, японцам все было очень нужно. Конечно, они и не думали возвращать это России, а хотели только для себя отнять у чехов. Но об этом впереди. Повседневная жизнь на Эгершельде тянулась. <...>

[Японский Владивосток]

Главные и вообще самые хорошие магазины были японские. Там можно было достать все. Вообще, порядок в городе держали японцы. Солдаты, офицеры попадались на каждом шагу, уже не говоря о том, что в хороших магазинах и ресторанах были только японцы. Словом, в городе была смесь: американские матросы, чехи, русские, но главным образом, японцы. Китайцы-ходи — это была самая низшая ступень общества. <...>

[Недоверие беженцев к чехам]

Папа все время нервничал, т.к. чехи, несмотря на все подтверждения от Гирсы, не выказывали особенного желания брать нас на пароход.<...> Наконец-то папа узнал, что всех нас возьмут на последний пароход — на «Президент Грант».

и скотом. В одном вагоне могло поместиться 40–50 человек. — Подробнее см.: *Sklenář V.* Ruské železnice a jejich význam pro čs. vojsko na Rusi // Československé legie v Rusku. Sborník příspěvků z kolokvia 9. 5. 2001 v Praze. Praha, 2003. S. 72–79.

[32] Капитана с таким именем установить не удалось.

[Погрузка на пароход]

Сундуки уже были заколочены, коробки и чемоданы тоже. «Президент Грант» стоял уже посреди залива, а наш вагон перевезли в Гнилой угол (вернее, весь чешский состав). Дело в том, что в Гнилом углу была меньшая пристань, впритык к ней купленный чехами небольшой пароход «Легия». И днем и ночью при рефлекторах на «Легию» лебедкой грузилось: огромные листы меди и еще какие-то минералы и металлы. Наш состав был чем-то вроде охраны, т. к. японцы открыто заявили, что «Легию» из залива не выпустят, т. к. весь груз краденый[33]. «Президент Грант» должен был отплыть 6-го сентября, но остался ждать «Легию» как защиту. 7 сентября мы, с грехом пополам, наконец, влезли на борт нашей посудины. Причем чехи и тут показали себя — ломились, толкались так, что папа едва удержал меня, иначе шедший позади меня чех спихнул бы меня в воду с помоста. Только 9 сентября утром «Легия» отшвартовалась от пристани и под нашей охраной поплыла к выходу в Японское море.

Приписка на обложке тетради: «Из Владивостока выплыли 9 сентября 1920 г. в Триест приплыли 1 ноября 1920 г. и того плыли с остановками 52 дня»[34].

---

[33] Об этом конфликте между чехословацкими легионерами и японскими оккупационными властями не удалось найти сообщения в других источниках.

[34] На самом деле «Президент Грант» прибыл в Триест 13 октября 1920 г., отплыв из Владивостока 24 сентября 1920 г. Это был 35 транспорт, который двигался т. н. южным путем через Японию, Гонконг, Цейлон и Суэцкий канал до Триеста. — См.: *Novotný F.* Z Koryčan na konec světa a zpět přes tři oceány. Vzpomínky československého legionáře. Olomouc, 2015. S. 176–180.

Из воспоминаний С. А. Щепихина[1]

Об авторе:

Сергей Арефьевич Щепихин происходил из семьи уральского казачьего обер-офицера. Он родился в поселке Январцевском станицы Кирсановской Уральского уезда Уральской области 1 октября 1880 г., окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908), причем во всех этих учебных заведениях обучался вместе с будущим оренбургским атаманом А. И. Дутовым.

На 1917 г. Щепихин уже являлся полковником Генерального штаба, имел боевой опыт русско-японской (тогда будущий генерал участвовал в знаменитых кавалерийских набегах на Инкоу и Фукумынь, в сражениях при Сандепу и под Мукденом) и Первой мировой войн (служил в штабе 3-й армии Юго-Западного фронта, а с весны 1917 г. командовал 2-м Уральским казачьим полком).

Щепихина высоко ценило командование. В аттестации от 16 июня 1916 г., составленной генерал-квартирмейстером штаба 3-й армии генерал-майором А.А. Посоховым, отмечалось: «Исполнительный, энергичный, твердый и большой воли офицер самостоятельный с широкой инициативой, развитой и отлично понимающий военное дело.

Каждое поручаемое ему дело ведет прекрасно, не нуждаясь в указке. Заведывая службой связи в армии, поставил ее прочно и надежно. Легко справляется с нею при всех самых трудных положениях и внезапных перегруппировках.

По свидетельству начальников, видевших его в боевой обстановке, храбр и находчив.

В общем — отличный, достоин выдвижения на должность начальника штаба дивизии и командира казачьего полка вне очереди»[2].

---

[1] Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14–31–01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

[2] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1490. Л. 133об.

Аналогичной была аттестация Щепихина и по должности командира полка, данная 30 июля 1917 г. командующим 2-й Туркестанской казачьей дивизией генерал-майором Ф.Ф. Абрамовым: «Полком командует с 10 апреля [1]917 г. достаточно уверенно и твердо. В боях за этот период полк не был. В хозяйственную часть полка вникает пока мало. Дисциплинированный; с офицерами корректен, в требованиях настойчив. Отличный. Удостаивается зачисления на должность к[оманди]ра казачьей бригады»[3].

В 1918 г. Щепихин возглавил штаб Уральского казачьего войска, но из-за конфликта с депутатами уральского Войскового съезда и его председателем Г.М. Фомичевым был вынужден уехать в Самару, где получил ответственный пост начальника полевого штаба Поволжского фронта Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. В декабре 1918 г. произведен в чин генерал-майора. В первой половине 1919 г., в том числе и в ходе весеннего наступления белых, занимал должность начальника штаба Западной армии, на которую возлагалось нанесение главного удара колчаковского Восточного фронта по красным. Фактически Щепихин сам разработал план наступательной операции армии, во время которой белым удалось добиться наиболее впечатляющих успехов в сравнении с другими армиями фронта.

Пост начальника снабжений Южной армии Щепихин занял 16 июня 1919 г. Находясь на этой должности, он стал свидетелем драматического отступления армии с Южного Урала в Степной край. 7 октября 1919 г. Щепихин был зачислен в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Восточного фронта. Во время последовавшего отступления принял участие в Сибирском Ледяном походе, занимал пост начальника штаба Главнокомандующего Восточным фронтом. 6 мая 1920 г. Щепихины выехали из Читы в белый Крым, куда прибыли уже во время эвакуации белых. Щепихин с супругой эвакуировался в Турцию и прожил в Константинополе до конца апреля 1921 г.[4]

К сожалению, об эмигрантском периоде жизни С.А. Щепихина известно немного. 23 мая 1921 г. Щепихины за свой счет прибыли в Чехословакию. Поселились в Збраславе под Прагой (ныне — в черте города). Сохранилось описание дома, где жили Щепихины, оставленное его соседом, выдающимся философом Н.О. Лосским: «В Збраславе мы жили на набережной Влтавы в доме, принадлежавшем Ф. Прохазке. Часть нижнего этажа была отдана под ресторан, а остальные комнаты сдавались в наем, так что дом этот был подобием отеля и назывался “Velká Hospoda”. В “Velká Hospodě” комнаты сдавались по цене сравнительно дешевой, и многие русские эмигранты перебывали в нем: кроме нас там в различные периоды жили инженер-путеец Николай Николаевич Ипатьев (в доме которого в Екатеринбурге был убит государь Николай II и его семья) с женою, московский промышленник Евгений Павлович Свешников с семьею, проф. Ефим Лукьянович Зубашев с женою, В.В. Водовозов с женою Ольгою Александровною

[3] Там же.
[4] ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 81. Л. 507об.

(дочерью профессора Введенского), проф. А.В. Флоровский с женою, генерал С.А. Щепихин с женою и сыном»[5]. Причем Щепихины перебрались из «Гран-пансиона» с плачевными бытовыми условиями именно в две комнаты Ипатьевых. Пансион, в котором разместилась семья, стал центром русской культурной жизни — здесь эмигранты устраивали литературные и музыкальные вечера («Збраславские пятницы»).

Первое время Щепихины сильно бедствовали. Генералу приходилось зарабатывать на жизнь в качестве служащего и заведующего мастерской, контролера в ресторане[6]. Позднее Щепихин смог устроиться бухгалтером в РЗИА (с 1925 г.), где трудился порой даже сверхурочно (поскольку приезжал из Збраслава на работу с опозданием)[7]. Помогал (в том числе с трудоустройством) друг семьи, генерал С.Н. Войцеховский, оставшийся и в Чехословакии на военной службе и занимавший высокие посты в чехословацкой армии.

В 1922 г. у Щепихиных родился сын Вадим (1922–1987). Впрочем, по данным потомков, его настоящим отцом был генерал С.Н. Войцеховский, но ни Щепихин, ни Войцеховский об этом не знали. Незадолго до своей смерти мать сообщила об этом сыну, и в результате пережитого потрясения В.С. Щепихин вскоре умер[8].

По оценке советской разведки, данной летом 1924 г., Щепихин считался благорасположенным к эсерам[9]. Щепихин якобы был избран главой общества «Армия и народ», являвшегося скрытой формой офицерского союза. Членом правления организации также избрали известного деятеля эсеровского толка полковника Ф.Е. Махина[10].

Генерал Е.И. Балабин вспоминал о Щепихине, которого знал еще по училищу: «Встретил я его в Чехословакии, в Праге, в 1934 году. Это был старый, больной, израненный и не совсем нормальный генерал. Встретились мы с ним как родные»[11]. Отметим, что в 1934 г. Щепихину было 54 года, а израненным его считать не приходится.

Щепихин сотрудничал с кружком по изучению мировой войны при Русском народном университете. В сентябре 1932 г. Щепихин вступил в Русский Общевоинский союз[12]. Умер С.А. Щепихин 18 марта 1948 г. после тяжелой болезни и похоронен на Ольшанском кладбище, однако могила генерала, по всей видимости, утрачена[13].

---

[5] *Лосский Н.О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 225–226.

[6] ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 81. Л. 508.

[7] Архив Славянской библиотеки (Прага). T-RZIA. 4–0041. Л. 1, 12.

[8] Сведения предоставлены Г.Г. Канинским (Челябинск).

[9] Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Док. и мат. Т. 5. Раскол. 1924–1925 гг. М., 2010. С. 217.

[10] Там же. С. 219, 222–223.

[11] *Балабин Е.И.* Далекое и близкое, старое и новое. М., 2009. С. 49.

[12] ГА РФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 12. Л. 129.

[13] Подробную биографическую справку см.: *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 635.

Несмотря на материальные затруднения, Щепихин в эмиграции находил возможность заниматься литературным и научным трудом. Он знакомился с рукописями РЗИА и поступавшей в библиотеку архива литературой, в том числе советской. Все это способствовало успешной работе С. А. Щепихина над воспоминаниями. Мемуарное наследие Щепихина уникально. Свои воспоминания генерал писал на основе дневников и оставил потомкам по-настоящему монументальный мемуарный свод о событиях Первой мировой и Гражданской войн. Это произведение можно, если не поставить в один ряд с «Очерками русской смуты» А. И. Деникина, то, по крайней мере, выделить как не менее впечатляющее по своему охвату.

В связи с материальными трудностями Щепихин продал свои мемуары, в том числе разные их редакции, различным эмигрантским архивам. В результате его рукописи оказались как в РЗИА в Чехословакии, так и в Гуверовском архиве в США.

Автор воспоминаний был квалифицированным офицером-генштабистом, критический взгляд которого отмечал промахи военного строительства на Востоке России при белых, не исключая мелочей. Мемуары Щепихина, несмотря на порой чрезмерный скептицизм и саркастичность их автора (иногда в ущерб точности изложения), являются одним из важнейших и до сих пор практически не введенных в научный оборот источников по истории Гражданской войны на Востоке России. Интересно, что репутация критика существующих порядков закрепилась за Щепихиным еще в период Гражданской войны[14].

О документе:

Публикуемые впервые воспоминания видного деятеля Белого движения на Востоке России, Генерального штаба генерал-майора Сергея Арефьевича Щепихина представляют собой первую часть его рукописного очерка «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)», хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Мемуары поступили в ГА РФ в составе коллекции Русского Заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге.

Воспоминания Щепихина написаны бисерным почерком, который с трудом поддается расшифровке. Основу очерка составили дневниковые записи, оставленные в бытность Щепихина начальником снабжений Южной армии Восточного фронта летом — осенью 1919 г. На страницах воспоминаний Щепихин приводит яркие портретные зарисовки омских штабных работников, многих из которых он хорошо знал. Созданная им портретная галерея позволяет лучше понять причины неудачи Белого движения.

Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей источника. Все даты (кроме событий истории зарубежных стран) до февраля 1918 г. приведены по старому стилю. Документ хранится в ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–5об. Рукопись.

А. В. Ганин

---

[14] Напр., РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 19.

С.А. Щепихин

Тыл в Омске

По сдаче должности начальника штаба Западной (г[енерал]-л[ейтенант][15] Ханжин[16]) армии[17] я прибыл с фронта (из г. Уфы) в Омск, и на другой же день явился начальнику штаба Колчака[18] генералу Дмитрию Антоновичу Лебедеву[19].

Блестящий пульмановский (голубой) вагон-салон против здания Ставки, на запасном пути, рядом с веткой (запасный жел[езно]дор[ожный] путь № 1) иностранных представителей.

Перед вагоном площадка, часовой и мелькающие фигуры франтоватых адъютантов.

Увидев меня, один из адъютантов направился ко мне и спросил: «Вы, к генералу Лебедеву?» «Да!» — А разрешение, пропуск взяли у генкварма?[20] — Нет. Я не знал такого порядка! В недоумении замялись... В окне салона появилась фигура Лебедева, подающего знак пропустить... Вхожу — салон, карты на столах и наш сибирский Наполеон. Любезно здоровается и проводит в другой салон-приемную.

«Что, Ваше Превосходительство, предполагаете делать?»

Я в Вашем распоряжении! — «Тогда попрошу Вас направиться к ген[ералу] Бурлину[21] (ген[ерал-]квар[тир]м[ейстер][22]) и от него получить назначение!... Ну, как дела на фронте? Какие главные причины наших неудач на фронте Западной армии?»

«Главная причина, отвечаю, не хватило пороху: не было резервов; корпус Каппеля[23] прибыл поздно и по частям; состав не всегда был на высоте!... Вот главные!»

---

[15] Правильно — генерал от артиллерии.

[16] Ханжин Михаил Васильевич (17.10.1871–20.12.1961) — генерал от артиллерии (с 20.04.1919), командующий Западной армией (с 24.12.1918). После ряда военных поражений и сдачи Уфы по личной просьбе смещен с поста командующего и назначен в распоряжение Верховного правителя и Верховного главнокомандующего (20.06.1919).

[17] С.А. Щепихин занимал пост начальника штаба Западной армии до 21 мая 1919 г.

[18] Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920) — адмирал (с 18.11.1918), Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий (с 18.11.1918).

[19] Лебедев Дмитрий Антонович (06.01.1883–06.03.1928) — генерал-майор (с 06.01.1919), начальник штаба Верховного главнокомандующего (21.11.1918), военный министр Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака (с 23.05.1919) с оставлением в должности начальника штаба.

[20] Генкварм — генерал-квартирмейстер (телеграфное сокращение).

[21] Бурлин Петр Гаврилович (30.07.1879–10.02.1954) — генерал-майор (с 20.08.1918), вр.и.д. начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего. Помощник начальника штаба Ставки с правами заместителя (с 23.05.1919).

[22] С.А. Щепихин неточен. П.Г. Бурлин занял пост 1-го генерал-квартирмейстера Ставки только 01.10.1919.

[23] Каппель Владимир Оскарович (16.04.1883–26.01.1920) — генерал-майор (с 17.10.1918), генерал-лейтенант (с 04.11.1919). Командир I Волжского армейского корпуса (с 03.01.1919).

Мне не хотелось долго беседовать, так как, во-первых, Лебедев лучше меня должен был знать причины, во-вторых, чувствовалось, что вопрос задан так, для разговора на пять минут...

«Так вот, не смею задерживать! Ваш вагон будет подан сюда с магистрали!»

«Всего хорошего!» — «А адмиралу не следует представиться?» — «Нет, нет не беспокойтесь». Представление Колчаку было моим правом, но Лебедев ограждал адмирала от сторонних влияний... Я не настаивал.

Ставка занимала огромный корпус сельскохозяйственного училища.

Генерал-квартирмейстерство занимало второй этаж.

К Бурлину вошел без доклада. Огромная комната, ковры, машинистка и адъютант с телефонной трубкой.

Бурлин сильно изменился. Я его знал по штабу III армии фронта Великой войны[24]. Он раздобрел, посолиднел и важности без конца.

Помню его причисленным к Генеральному штабу скромным оренбургским казачьим офицером, затем капитаном Генерального штаба скромно трудолюбиво работающим в разведывательном отделении штарма[25].

Звезд никогда не хватал, аттестацию имел среднюю и, конечно, к крупной должности ген[ерал-]квар[тир]м[ейстер]а всего Сибирского фронта подготовлен не был. Однако все недочеты свои с успехом прикрывал важностью манер. Вытянул его из мрака неизвестности Лебедев, как сослуживец по штабу 24 корпуса (Цурикова[26]) и штаба III армии фронта Великой войны[27].

Мне Бурлин предложил на выбор должность начальника штаба Иркутского округа и генерал-квартирмейстерство во Владивостоке.

---

[24] В штабе 3-й армии П. Г. Бурлин служил в 1916–1917 гг. в чинах капитана, подполковника и полковника на должностях помощника старшего адъютанта разведывательного отделения отдела генерал-квартирмейстера (31.03–10.12.1916), штаб-офицером для поручений отдела генерал-квартирмейстера (10–20.12.1916), старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера (20.12.1916–25.11.1917). С. А. Щепихин в том же штабе служил в 1914–1917 гг. в тех же чинах на должностях вр.и.д. штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера (с 01.08.1914), вр.и.д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера (с 25.11.1914), старшего адъютанта общего отделения отдела генерал-квартирмейстера (06.12.1914–13.03.1917), вр.и.д. генерал-квартирмейстера штаба армии (11–28.05.1915).

[25] Штаба армии (телеграфное сокращение). Речь идет о штабе 3-й армии периода Первой мировой войны.

[26] Цуриков Афанасий Андреевич (01.06.1858–1923) — генерал от кавалерии (со ст. с 06.04.1914), командир XXIV армейского корпуса (с 02.01.1914).

[27] Д. А. Лебедев служил в штабе XXIV армейского корпуса в 1914–1915 гг. и в штабе 3-й армии — в 1915–1916 гг. в чинах капитана и подполковника. Прибыл на театр военных действий (06.08.1914) в составе штаба корпуса. Занимал должности и.д. штаб-офицера для поручений при штабе корпуса (07.09–03.10.1914), и.д. начальника штаба корпуса (27.03–12.04.1915; 18.10–07.11.1915), и.д. штаб-офицера для поручений при штабе корпуса (12–19.04.1915, с 23.05.1915), и.д. штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (Высочайший приказ 05.12.1915). На последнюю должность Лебедев прибыл 07.01.1916 (утвержден 10.04.1916). Лебедев был допущен к вр.и.д. начальника штаба 130-й пехотной дивизии (05.11.1916) и отправился к месту нового назначения (10.11.1916). До службы в штабе 3-й армии П. Г. Бурлин пересекался с ним по службе в штабе XXIV армейского корпуса, где занимал должность обер-офицера для поручений при штабе корпуса (22.11.1914–20.08.1915).

«А затем, Сергей Арефьевич, если не пожелаете уехать отсюда, то попробуйте устроиться в штаб Омского округа к Матковскому[28], вместо устаревшего генерала Попова».

Я ответил, что подумаю!

Обойдя все отделы, где встретил многих однокашников по академии, покинул Ставку.

Впечатление?!

Грустное и гнусное! Сотни молодых офицеров наполняли широкие коридоры Ставки, десятки офицеров Генерального штаба грызли от безделья карандаши в теплых кабинетах. А на фронте была нужда, и фронт вынужден был питаться суррогатом.

И если б в этом была жизненная необходимость!?

И если бы Ставка выполняла сносно свое назначение.

Я до тонкости знал, чем занята эта молодежь и многие из способных, подготовленных офицеров генерального штаба!

Вся эта масса выполняла быть может и весьма добросовестно порученную ей работу, но кому это было нужно: все эти аккуратнейшие схемы, картограммы, графики, кроки, доклады и прочая, прочая...!?

Но это был забронированный фонд Лебедева, так никогда и не увидевший фронта. Это его железные подошвы, всегда ощутительные и являющиеся мертвым, искусственным грузом.

Совершенно неожиданно после огромной работы очутился на положении бездельника; после широкой деятельности — безработица!

На другой день пошел к ген[ералу] Матковскому, сделавшему блестящую карьеру, благодаря тому, что он один из немногих удрал из Екатеринбурга, бросив академию, бывшую еще в руках большевиков.

О том, что он этим своим поступком поставил под дуло весь остальной состав академии с начальником ее ген[ералом] Андогским[29] во главе, — об этом профессор Матковский не подумал, да и по складу своего характера, такие соображения были чужды ему[30].

Направился я в крепость — так в Омске называется район (на берегу Иртыша), где расположен штаб округа и квартиры служащих штаба.

В Омске я прослужил три года, в младших чинах Генерального штаба[31], а потому с некоторым волнением вступил на территорию крепости и в самое здание штаба.

---

[28] Матковский Алексей Филиппович (Фелицианович) (17.03.1877–04.06.1920) — генерал-майор (с 02.04.1917), генерал-лейтенант (с 15.06.1919). Вр.и.д. командующего войсками Омского военного округа и омского гарнизона (с 25.12.1918).

[29] Андогский Александр Иванович (25.07.1876–25.02.1931) — генерал-майор (с 21.11.1917), начальник Николаевской военной академии (с 07.08.1917).

[30] Подробнее об инциденте с А. Ф. Матковским и его последствиях см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 198–199, 209, 213–214, 236–241, 247.

[31] Речь идет о службе С. А. Щепихина в чине капитана обер-офицером для поручений при штабе Омского военного округа (11.05.1911–15.01.1914). Находясь на этой должности, летом 1912 г. Щепихин совершил рекогносцировочную поездку в Тарбагатайский округ Синьцзянской провинции Китая для сбора сведений о китайских вооруженных силах в приграничной с Россией полосе, о военно-политической обстановке после китайской революции

Первое лицо, которое я здесь встретил, был подъес[аул] Сибирского каз[ачьего] войска Дорофеев[32]. Так же, как и семь лет тому назад, он стоял за конторкой разведывательного отделения. Какая разведка в штабе округа в гражданскую войну — не знаю? Это понять, обнять мой ум не мог.

Тепло встретился с Дорофеевым, с делопроизводителем осколка штаба еще довоенного.

Выяснил, что Матковский в штабе не бывает, а его надо посетить на квартире — «бывшая квартира п[олковни]ка Мерина» (стар[ший] адъютант дежурства штаба довоенного) — [сообщил] подъесаул Дорофеев.

Прекрасно одетый, дисциплинированный вестовой пошел доложить генералу, проводив меня в кабинет. Комната небольшая, но прекрасно меблированная: ковры, американское бюро, кабинетные кресла.

Матковский заставил ожидать и вышел при всех орденах. Очень пристально присматривался и детально расспрашивал о делах фронта.

На мое объяснение причины визита ответил решительным отказом и был удивлен малоправдоподобной информацией Бурлина: ген[ерал] Попов — отличный работник, и он (Матковский) не думал с ним расставаться.

Затем не без яду добавил, что вряд ли устроит такая невидная должность такого молодого, энергичного и отлично себя зарекомендовавшего на фронте генерала, как я!

Я понял, что сделал ложный шаг. Кто меня подвел? Бурлин! Что за цель. Одно я ясно увидел, что здесь, в тылу, я ничего не добьюсь.

О результатах доложил ген. Бурлину и в ответ смущенная улыбка.

«Ну, а как Вы смотрите на Владивосток?» — спросил я.

«Видите, С. А., я боюсь, что там тоже «свой» кандидат есть! Боюсь — не напрасно ли Вас туда командировать!».

«Ну, а в Иркутске я сам отказываюсь! Если у Вас так трудно дать место генералу с фронта, то надо видимо искать самому!»

Для меня было ясно довольно четкое разделение на тыл и фронт, и фронтовому лицу нечего и пытаться на тыловую должность. Правда у меня были личные семейные причины уехать в тыл: жена ожидала ребенка и таскать ее возле фронта нам не улыбалось.

Надо выжидать — не будет ли что на фронте, а пока я занялся личными делами и знакомством с тылом.

Встретил еще безработного — ген. Александра Ивановича Андогского.

Этого опытного человека держали в резерве, так как он, в свое время, являлся сильным конкурентом Лебедева на пост начальника штаба Верх[овного]

1911 г., о положении национальных меньшинств округа (казахов, монголов, уйгуров) и описания путей сообщения между Семиречьем и Синьцзяном. За время службы в Омске Щепихин подготовил и опубликовал целый ряд военно-научных трудов: Отчет о поездке в Тарбагатайский округ Западного Китая летом 1912 г. Омск: изд. штаба Омского военного округа, 1913; Омский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. Тыловой район. Отд. 1–2. Орография и гидрография района. Омск: изд. штаба Омского военного округа, 1913; То же. Отд. 3. Пути сообщения. Ч. 1. Железные дороги. Ч. 2. Водные пути. Ч. 3. Грунтовые дороги. Омск: изд. штаба Омского военного округа, 1914.

[32] Дорофеев Игнатий Васильевич (16.10.1878–?) — подъесаул Сибирского казачьего войска, делопроизводитель штаба Омского военного округа.

Главнокомандующего. Лебедев, чтобы исключить кандидатуру Андогского, выдвинул вопрос о службе последнего у большевиков: адмирал прислушался и его убедили произвести анкету среди старших офицеров Генерального штаба по вопросу допустимости назначения Андогского, и Лебедев искусно отвел конкурента[33]. Андогский вряд ли мог питать теплые чувства к Ставке, возглавляемой Лебедевым и заодно к адмиралу[34].

Теперь он находился в Ставке, вызванный адмиралом на предмет назначения. Я знаю Андогского давно и не верю, чтобы он не запрятал глубоко за пазухой камня против Лебедева. Не такой он человек. Лебедев совсем не умен. Это справедливо не только в сфере его специальности (он показал себя, имея все карты на руках, вождем ниже среднего), но и в области политики и администрации.

Его сочувствием всегда пользовалась столь бездарная личность, каким являлся на посту иностранной политики американизированный тип Сукин[35], о голову которого в пылу припадков раздражения разбивал не один сервиз адмирал Колчак.

Лебедев был просто нелогичен, набрав себе в Ставку полный комплект бывших профессоров академии, а против Андогского вел сложную, упорную интригу. Андогский этим воспользовался и опутал Лебедева сложной сетью своего шпионажа; его агенты (это профессора, в большинстве сочувствовавшие бывшему своему начальнику Академии) и летучие разведывательные ячейки (бывшие слушатели

---

[33] Подробнее об этом см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии. С. 270–283.

[34] А. В. Колчаку.

[35] Сукин Иван Иванович (1890–?) — заведующий дипломатической канцелярией при Ставке (11–12.1918), управляющий делами МИД правительства А. В. Колчака (02.01–29.11.1919). Впрочем, Сукин постфактум не особенно лестно отзывался о Лебедеве, хотя в этой характеристике и прослеживается положительная составляющая: «Он почти не имел боевого опыта, во всяком случае не на ответственных должностях, и не отличался в то же время блеском природных дарований. Его мысль работала медленно, производя на некоторых впечатление тупости. При этом он был чрезвычайно упрям и страдал односторонностью, являвшейся, впрочем, естественным спутником твердости и непримиримости его убеждений. Лебедев был неприветлив и сумрачен, чем отталкивал от себя симпатии не только иностранцев, но и всех русских политических деятелей. В силу этих своих недостатков он быстро потерял свою популярность среди нашего офицерства. Однако в его пользу говорили чистота, благородство, упорство и воплощение идеи Добровольческой армии. Вся карьера Лебедева была связана с революционной эпохой... Он весь был проникнут духом Гражданской войны; он был ее продуктом и считал себя знатоком революционных настроений и приемов... он был моим близким другом. Его внешние недостатки совершенно затушевывали его глубокие внутренние качества. Последние все же были не такого порядка, чтобы сделать из него достаточного исполнителя столь громадной по замыслу и дерзновению задачи, как покорение большевизма в военном и политическом отношении. При всех этих чертах Лебедев в личных отношениях с друзьями был мягок и впечатлителен. Несмотря на его внешнее упрямство, на него можно было влиять. До тех пор пока он был начальником штаба, мне всегда удавалось останавливать многие безумные попытки в области иностранной политики, которые рождались в военной среде. Поскольку наштаверхом был Лебедев, я знал, что никакого опасного непоправимого шага не будет сделано, и поэтому культивировал эту дружбу, что мне впоследствии многими ставилось в упрек» (Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005. С. 351–352). Интересно, что премьер-министр омского правительства П. В. Вологодский считал, что за Андогским также стоит фигура И. И. Сукина (A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925: in 2 vols. Stanford, CA, 2002. Vol. 2. P. 133).

академии) проникли не только в Ставку, но и на фронт. Положение военное и политическое Андогскому было известно не менее, нежели Лебедеву; только употребление из этого он сделал совершенно иное, односторонне в свою пользу.

Вид у Андогского был почти довольный: своего он добился — его вызвали из длительной ссылки (в Харбине) и вопрос заключался в том, чтобы не продешевить.

От Андогского я узнал подробности мытарств нашей Alma mater[36] под его начальством, начиная с Петрограда до Томска.

Эти сведения, конечно, надо значительно прокорректировать, но все же они настолько любопытны вообще, учитывая важный пост Андогского, что я подробно излагаю эти данные в особом приложении к настоящему очерку.

(Приложение № 1)[37]. В этом же приложении я позволяю себе внести те изменения, которые основываются на данных, свидетелем которых я был.

Андогский располнел, глаза совсем спрятались и за пенсне и за припухшими веками. Чистенький, выхоленный. Этот человек на фронт не пойдет ближе, чем Ставка. Только царский режим как-то умудрился впрячь Александра Ивановича в общие шоры[38], и он прошел через полк[39]. Очень любопытно, как он держал себя там.

Андогский всегда мне казался человеком не строевым; его все помыслы направлены к письменному столу; в душе военным он отнюдь не был, да и школы военной он полностью не прошел, как большинство офицеров царской армии: он был из студентов, т.е. не из кадетского корпуса. Правда, университетский значок[40] ему сильно облегчил прохождение Военной академии: у него был навык, усидчивость, да и наши военные профессора относились к университетскому значку с[о] значительным почтением. Но вот те новые, для меня неожиданные, признатые (так в тексте. — *А.Г.*), таланты — дипломатичность и способность к интриге, это рисовало Андогского в совершенно ином свете.

Но винить резко я не берусь его за это: переворачивая альбом наших военачальников периода гражданской войны, войны, требовавшей от военных гражданских добродетелей в высшей мере, — вижу с грустью, что много себялюбий, честолюбий и иных побуждений еще более низкого разряда руководило в большинстве теми, на кого Родина вправе была рассчитывать и требовать жертв на алтарь свой не только жизнью.

Жизнь оказалось значительно легче принести в жертву, нежели честолюбие. У меня до сих пор стоит в ушах высокопарно-заносчиво-хвастливый вызов красного генерала белому: «Посмотрим как-то будет воевать Антон Деникин! Это не с Железной дивизией![41]»

---

[36] Речь идет о Военной академии.

[37] Публикацию беседы С.А. Щепихина с А.И. Андогским см. в: *Ганин А.В.* Закат Николаевской военной академии. С. 661–672.

[38] Шоры — в данном случае, конская упряжь.

[39] А.И. Андогский командовал 151-м пехотным Пятигорским полком с 27.04.1916 (вступил в должность 16.05.1916), но уже с 07.12.1916 состоял вр.и.д. правителя дел Императорской Николаевской военной академии.

[40] В 1898 г. А.И. Андогский окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

[41] В годы Первой мировой войны генерал А.И. Деникин командовал 4-й стрелковой («Железной») бригадой, отличившейся на фронте.

Так красной нитью и тянулась эта борьба личностей, тщеславий. И кое-где, как яркие звезды на далеком горизонте ярко блестят одиночки вроде Владимира Оскаровича Каппеля.

Но можно и с честолюбцами работать, заставить их работать — это отлично доказали большевики. Увы, у нас не было системы твердо принудительной и все себялюбцы работали на девяносто процентов на себя.

Хорошо, если это «на себя» совпадало с общей целью, в противном случае было зло.

Так вот и Ал[ександр] Ив[анович] Андогский: обиженный, обозленный, оскорбленный несбывшимися мечтами, что он мог дать Колчаку, будучи поставлен в подчиненное положение к Лебедеву, заклятому врагу.

Мы воюем здесь, в Сибири, на Востоке меньше года, а уж есть смертельные враги!

Не понравился мне Андогский — лучше, полезнее для дела было бы совсем его не призывать, держа по-прежнему вдали от Ставки. Это мое предчувствие!

Только...

Но вот, против воли, приходится окунуться в тыловую атмосферу.

Буду краток — но краски столь ярки, что и грубых мазков вполне достаточно, чтобы дать представление о нашем тыле.

Прежде всего — характеристика относится к июнь — июлю (так в тексте. — *А. Г.*) месяцу 1919 года, т. е. к периоду, когда для всех стал известен наш неуспех на фронте после столь блестяще начатой наступательной операции на Волге.

Все знали, но все были глухи. Странная вещь — меня, бывшего начальника штаба одной из армий фронта, ни одна тыловая персона ни разу не спросила о фронте. И, пожалуйста, не подумайте, что это деликатность к «бывшему» начальнику на фронте, потерпевшему неудачу. Отнюдь нет! В то же время мне, не стесняясь, задавали вопросы о моем заместителе, сменившем меня на посту наштарма[42] Западной, генерале Сахарове[43].

Здесь же мне рассказали о том, с какими предосторожностями подготовлялась смена, которой желал генерал Нокс[44] и жаждал сам Сахаров. Лебедев почему-то вообразил, что на фронте могут произойти антидисциплинарные выступления со стороны старших начальников в армии, недовольных сменой меня и заменой в лице Сахарова.

Та партизанщина, при ближайшем участии которой вознесен был Колчак, да и держался, в Омске, по крайней мере, его она приучила и на фронт смотреть как на партизанщину, ожидая со стороны популярных начальников всяческих неожиданностей.

Тыл, по обыкновению не знал, не понимал фронта.

Лебедев не был выше среднего уровня и над толпой не возвышался — вот почему (теперь мне только стало ясно) он, Лебедев, приезжал со своим конвоем в Уфу

---

[42] Начальника штаба армии (телеграфное сокращение).

[43] Сахаров Константин Вячеславович (18.03.1881–23.02.1941) — генерал-майор (с 15.11.1918), генерал-лейтенант (с 05.10.1919). Начальник штаба Западной армии (с 20.05.1919), командующий Западной армией (с 22.06.1919).

[44] Нокс Альфред Уильям Фортескью (30.10.1870–09.03.1964) — генерал-майор британской армии, глава британской военной миссии на Востоке России.

и привез с собой моего заместителя — он боялся, что в ответ на объявление мне воли адмирала, что последний находит для пользы службы полезнее замену меня Сахаровым, я могу отказать в повиновении и в случае настаивания прибегнуть к фронтовому мнению, авторитету.

Как плохо знал и низко расценивал Лебедев, нас на фронте.

Неужели ему не достаточно было примера полной лояльности нашей при внезапном перевороте Колчака.

Лебедев, севший в кресло наштаверха[45] путем интриг, считал, что и другие ходят теми же путями.

Обидное мнение, но характерное.

Эту новость, эту версию к моей смене мне передали лица, хотя и находившиеся в полной ориентации, но по своему служебному положению бывшие вне сферы влияния Ставки — это главный военный прокурор Кузнецов[46].

Он же мне поведал и о громком деле Касаткина[47] — начальника военных сообщений, т. е. фактического министра путей сообщения, то «штатский министр да повинуется властям военным!» — таков был лозунг у Лебедева.

Касаткин (Генерального штаба генерал) из кругов профессорских[48], Андогского, оставлен был в Самаре заведовать передвижением по железным дорогам «Комуча», а оттуда смылся в Омск, где и получил столь ответственный пост.

Касаткин сравнительно молод; в генералы Колчаком был произведен по должности, но со старшинством на три года вперед, т. е. выслуживал он право на производство в генеральский чин лишь через три года.

---

[45] Наштаверх — начальник штаба Верховного главнокомандующего (телеграфное сокращение).

[46] Кузнецов Никанор Федотович (1875–04.06.1920) — генерал-майор (с 20.04.1919), и.д. начальника Главного военно-судного управления.

[47] Касаткин Василий Николаевич (20.12.1885–31.03.1963) — генерал-майор (с 20.04.1919), главный начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем (до 12.08.1919). Предан военно-полевому суду (приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра № 887. 28.08.1919) за то, что «состоя в должности главного начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем, получив в мае месяце с.г. от служащего в комендатуре ст. Омск поручика Еськова официальный доклад о вышеуказанных случаях злоупотребления [использование железной дороги с санкции коменданта станции Омск и начальника станции для частных нужд, взятки. — А. Г.], а равно сведения и от других лиц, будучи обязан по занимаемой должности и имея возможность принять немедленные меры к расследованию и пресечению таковых злоупотреблений, он, генерал-майор Касаткин, никаких мер не принял, вследствие чего таковые злоупотребления были обнаружены и расследованы лишь при возбуждении настоящего дела». Лишен некоторых прав и преимуществ по службе и приговорен к заключению в крепости на год и четыре месяца с исключением с военной службы, но по резолюции Верховного правителя адмирала А. В. Колчака «генерал-майору Касаткину, ввиду безукоризненной предшествовавшей его служебной деятельности и заслуг в деле июльской эвакуации фронта, заменяю определенное судом наказание заключением в крепости на шесть месяцев без исключения из службы и с отложением приведения этого наказания в исполнение до окончания войны» (02.09.1919).

[48] В. Н. Касаткин был не профессором, а штатным преподавателем Военной академии.

Всю свою недолголетнюю службу по Генеральному штабу он провел в штабе фронта Великой войны (Западного) на должности начальника службы связи[49]. Позже пришел в академию читать лекции по службе связи и с железными дорогами никакого дела не имел.

Итак, назначение это чисто случайное. Случайно же оно, более менее удачное, так как более усидчивого, добросовестного, немного, правда, канцеляриста, работника было трудно найти.

И вот Василий Николаевич стал почти министром.

С железнодорожниками (движенцами) я имел уже дело давно по своей роли начальника штаба; знал некоторых из видных офицеров по передвижению, а также у меня был широкий круг знакомых по службе среди комендантов станций, начальников участков и прочей аристократии железнодорожной.

Вся эта публика была, во-первых, случайная, пригнанная с линий, отданных противнику или устроившаяся из небытия.

Правда, в большинстве это были настоящие спецы. Но чтобы дать maximum[50] работы, работы честной, полезной эти спецы должны были всегда чувствовать отеческую руку.

Никогда мне не приходилось столь часто прибегать к угрозе расстрелом, как по адресу передвиженцев.

Всегда на вопрос, когда разгрузится станция, когда прорвут пробку и т. п. — ответ один: «Не могу сказать точно; Думаю...!».

Тогда обычно я назначал срок и никогда не было отказа или невыполнения в срок — только надо было взять на мушку.

Другое качество, в кавычках, у этих путейцев было стремление устраивать свои личные делишки.

Я здесь не сплетнями занимаюсь. Для сплетен я слишком высоко ценю свое бывшее положение. Считал и всегда считаю, что дело гражданской войны и участие в таковой на ответственных постах — дело и вопрос призвания и доброй воли. Рисуя, в связи с делом Касаткина, положение жел[езно]дорожного вопроса в Ставке, я лишь даю лишний мазок на общее полотно «тыла».

Путейцы скоро сообразили, что те данные, которыми сопровождается гражданская война, а именно: неопытность высшего начальства, революционного, частая смена районов (отходы, наступления и вновь потеря занятой территории) — непрочность их занятия, отсутствие строгой системы управления и частые видоизменения, наконец, наличие союзников, вносивших дезорганизацию — все это вместе взятое не могло способствовать развитию сознательных гражданских чувств.

А в результате вот что!

Тысячи вагонов у союзников и даются ими на спекуляцию.

Этим заражаются высшие начальствующие лица и спекуляция на подвижном составе даже перестала квалифицироваться как преступление.

---

[49] В годы Первой мировой войны В. Н. Касаткин занимал должности старшего адъютанта штаба Западного фронта и начальника общего отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта.

[50] Максимум (лат.).

И понятно, раз французский консул Самары Жано[51] и польский комиссар (тоже верховный) ксендз З-ч спекулятивно протаскивают через общую ленту Самара — Омск мануфактуру (Жано — пять вагонов) и жидкие тела (керосин, спирт), З-ч, две цистерны, то почему же Иванову-Ринову[52] не провезти один (всего один) вагон в неделю с товаром из Харбина для собственной (и близких) надобности.

Почему бы казачьему министру (Б. И. Х[орошхи]ну[53]) не продавать вагоны спекулянтам, истребовав их предварительно для казачьих нужд?

Почему начальнику гарнизона города Екатеринбурга не позволительно организовать гарнизонную «кооперативную» лавку и на основании сего требовать по три вагона из Харбина с товарами для лавки (правда, преимущественно шелк и дамские чулки).

Заверяю, что разложение, растление нашей жел[езно]дор[ожной] администрации начали союзники, высшее чиновничество тыла подхватило, а остальные и по преимуществу сами путейцы, закончили, добили дело.

И вот в эту клоаку должен был опуститься Касаткин.

С толстущим портфелем, в очках, с поднятым воротником мчится бедный начвосо[54] в...! канцелярию; просиживает по 16 часов, а на линии идет грабеж.

Когда наконец и близорукий В.Н. Касаткин увидел, то вздумал пресечь — арестовал груз чей-то (конечно — безымянный); на другой день назначив продажу его с торгов... а ночью груз был привезен неизвестным в усадьбу, занимаемую Ивановым-Риновым...

Когда В.Н. заикнулся, то супруга некоронованного диктатора Сибири приказала передать, что пусть Колчак не забывает (Колчак, а не какой-то Касаткин!!) чьими руками он «посажен!».

Так и выразилась энергичная дама, супруга бывшего актюбинского пристава[55] — «посажен». Вот тут и борись со злом.

Когда же В.Н. Касаткин, уже спасая свою шкуру, притянул расторопного коменданта ст. Омск, то сочли за лучшее самого Касаткина посадить на скамью... И посадили!

А что делали интенданты — лучше не слышали бы мои уши.

Недаром Колчак хватался за голову и кричал в истерике: «Дайте мне хоть одного мерзавца, чтоб я мог его повесить!»

Мерзавцы были и попадались, но вешать не приходилось, так как это задевало тот персонаж, за ширмами, конечно, который мог с равным основанием с Mme Риновой крикнуть — «не забывай, кем ты посажен!» В результате склады в тылу ломились от запасов, а Уфимская дивизия[56] была и боса и нага...!

---

51 Жано Л.Л. — консул французской миссии в Самаре.

52 Иванов-Ринов Павел Павлович (26.07.1869–после 1926) — генерал-майор (с 02.07.1918), генерал-лейтенант (с 09.08.1919).

53 Хорошхин Борис Иванович (24.06.1883–27.01.1936) — генерал-майор (с 12.08.1918). Начальник Главного управления по делам казачьих войск.

54 Начальник военных сообщений (телеграфное сокращение).

55 С.А. Щепихин иронизирует над служебным прошлым П.П. Иванова-Ринова, который в 1902–1904 и 1905–1908 гг. занимал должность Атбашинского участкового начальника в Семиреченской области. Актюбинским приставом Иванов-Ринов не был.

56 Речь идет о 4-й Уфимской стрелковой генерала Корнилова дивизии, действовавшей в составе Западной армии.

А Лебедев, этот всемогущий, метался как угорелый без толку в своем салоне на фронт и обратно, путался в чужие сферы, а под носом ничего не видел...

И попустительствовал распуханию тылов всех наименований.

Ведь стыдно сказать: на 200 тысяч фронтовых солдат, на обширную, правда на малонаселенную территорию, территорию, признающую власть Колчака лишь в полосе отчуждения Сибирской магистрали — были сформированы все учреждения империи, все министерства и даже Государственный Совет и Сенат.

Одного такого сенатора я видел — это был чистейший сколок с Императорской России — за 70 лет, подагрик, глухой, но в мундире и при звездах и завсегдатай единственного кафешантана...

Скорей, скорей из этого омута, пока не засосало!

Стыдно, больно было смотреть, как попирали грязными ногами чистое дело освободительной идеи, за которую на фронте гибло все лучшее.

Слава Богу, что фронт этого не видел, иначе он вероятно нашел бы лучшее применение своим штыкам...

А на фронте дела не поправлялись, не взирая на присутствие таких «талантов» как Сахаров.

Последний, прибыв в армию, целым рядом нетактичных распоряжений в конец испортил дело.

Прежде всего в Уфе он остановил эвакуацию, объявленную мной при первых серьезных неудачах на фронте.

«Это паника! Не позволю! Прекратить бегство!»

Приказ исполнен, а через неделю уже было поздно и пришлось много ценного бросить.

Затем вздорный, неуживчивый характер Сахарова разодрал фронт на две части — Гайда[57] окончательно расплевался со своим соседом, Западной армией и каждый действовал порознь. Лебедев не мог, не умел установить порядок. Наполеоновский контрудар от Бирска к югу «всей мощью сибирской конницы» оказался пуфом[58]: Иванов-Ринов, атаман Всевеликого Сибирского войска и начальник всей конной массы, очень энергично показал войска в тылу, на парадах в Омске, но на фронт не явился; а на фронте его заместитель, знаменитый Волков[59], не проявил ни таланта, ни воинской доблести и конная масса едва унесла ноги...

В одном из «блистательных» (хотя и отступательных) маршей-маневров едва не попался в плен со всем штабом знаменитый Голицын (не князь)[60], и я его увидел в Омске, уже не у дел.

---

[57] Гайда Радола (14.02.1892–15.04.1948) — генерал-лейтенант (с 17.01.1919), командующий Сибирской армией (с 24.12.1918).

[58] В данном случае — надувательство.

[59] Волков Вячеслав Иванович (15.09.1877–10.02.1920) — генерал-майор (с 19.11.1918), командир Сводного казачьего корпуса. Волков охарактеризован С. А. Щепихиным как «знаменитый» в связи с его активным участием в перевороте 18 ноября 1918 г. в Омске, в результате которого к власти на Востоке России пришел адмирал А. В. Колчак.

[60] Голицын Владимир Васильевич (09.07.1878–12.1919) — генерал-лейтенант (с 09.01.1919). Командир III Уральского армейского корпуса Западной армии (с 10.01.1919). Отстранен от командования (11.06.1919) и назначен в распоряжение Верховного главнокомандующего (22.06.1919).

Наконец, «мой лучший друг» (так любил выражаться Сахаров) Лебедев внял голосу приятеля и убрал доблестного Ханжина в тыл, оставив Сахарова на полную мочь в III-й[61] (бывшей Западной) армии...

Дуэт Сахаров — Лебедев был исполнен не менее тонно, хотя и в достаточной мере по-любительски, но об этом ниже.

Уму не постижимо, удивлению подобно, до чего долготерпелив наш страстотерпец рядовой офицер и солдат.

Каких только опытов с ним не производили, какие при его пассивном участии кунштюки не выкидывали наши «стратегические мальчики» — Костя (Сахаров) и Митька (Лебедев) — а чаша терпения все еще не переполнилась.

Но я сидеть больше не мог: подо мной, что называется, земля горела: на запрос генерала Белова[62], командарма Южной[63], я дал согласие и немедленно был назначен на должность начальника снабжения армии.

Собрав все данные об армии (состав, численность, расположение, организация подвоза), я направился к Главному начальнику снабжения фронта генералу барону Будберг[64].

Его управление помещалось в пустовавшем училище, вместе с Военным министерством. Военным министром за несколько дней перед тем был сам Будберг, но Лебедев решил все военное управление объединить в своих руках[65].

Централизация столь тесная, компактная, что под силу разве очень недюжинному человеку, чего, как раз, Лебедев до сих пор не обнаруживал.

Будберг сидел в огромном кабинете мрачнее тучи: обиженный, он собирался бросать все дело.

Я представился и объяснил, зачем к нему, барону, я пожаловал.

«Ничего утешительного Вам сказать не могу! Вот смотрите!...» И он живо набросал мне схему. Привожу ее по памяти (см. Приложение № 2й)[66]

«Пока Челябинск и Полетаево[67] в наших руках — Ваше положение удовлетворительно. И только — не больше, ибо на Участке к западу от Челябинска хрони-

[61] Западная армия была переименована в 3-ю 14.07.1919.

[62] Белов Петр Александрович (Виттекопф Ганс Георг Генрих (Ганс Альфредович)) (22.04.1881–1920) — генерал-майор (с 12.08.1918 со ст. с 03.07.1918), командующий Южной армией (23.05–09.09.1919).

[63] Южная армия Восточного фронта была сформирована 23.05.1919 из частей Оренбургской Отдельной армии, Оренбургского военного округа на театре военных действий и Южной группы Западной армии. Армия действовала на Южном Урале и в Степном крае.

[64] Будберг, фон Алексей Павлович, барон (21.05.1869–14.12.1945) — генерал-лейтенант. Главный начальник снабжения и инспекции при Верховном главнокомандующем (с 03.05.1919).

[65] Речь идет о событиях 23 мая 1919 г., когда генерал Д. А. Лебедев занял пост военного министра с оставлением в должности начальника штаба Ставки. С. А. Щепихин неточен — Будберг с 23 мая 1919 г. стал помощником начальника штаба Ставки с правами военного министра по управлению министерством.

[66] Не публикуется.

[67] Узловая железнодорожная станция в районе Челябинска, от которой шла единственная ветка на Южный Урал к городу Троицк, позволявшая доставлять грузы в район Южной армии.

ческая пробка, а потому Ваши грузы сильно запаздывают. Ген[ерал] Белов даже предпочитает для ускорения тянуть грузы, особенно срочные, от Петропавловска или Петухова через Кустанай к себе. Но здесь трудно учесть время, много требуется передвижных средств; осложняется все это ажиант[68].

В случае [если] падет Челябинск — надо перестраиваться на Петропавловск, а быть может даже на Атбасар... Но это будет зависеть от дальнейшей стратегической обстановки и распоряжений! Скажу одно — положение очень тяжелое, серьезное, но не безвыходное. Ваш предшественник, полковник Сибирского войска Михайлов[69] совершенно к такой работе не пригоден; сам это сознает и просится уволить его. Вот все, что могу сообщить.

Что будет нужно — сообщите, и я приму меры!»

Все это было высказано обстоятельно, безапелляционно, вразумительно, но на действительность мало походило: уж очень все гладко.

От Будберга прошел к начальнику Главного штаба (это на 10 тысяч офицеров и 200 тысяч солдат) — Антоновичу (Александр Трифонович)[70].

Тоже из академии, тоже профессор[71], тоже тыловой житель, которого никакими святыми из Омска не выкуришь — разве что придут большевики!

Знал его по академии[72]. Очень милый, обязательный, теперь с небольшой долей важности, правда, очевидно напускной.

Тоненьким голоском с места в карьер начал жаловаться на нестроения.

«Да ведь, Ты здесь, можно сказать, олимпиец! Цыкни и все сделается!»

«Ну, нет — здесь все от Митьки[73], а он слаб на голову...».

Так и чувствовалось, что вот де, если б Андогского...

Попросил справки — давал их п[олковник] Смирнов[74] (начальник организационного отдела) — тоже из «андогцев»... А сколько здесь младших, молодых «андоганят» — и все служат, суетятся, а, главное, все внимательно слушают, все слышат и все знают... и сообщают. Ловкий человек Александр Иванович!...[75]

Люду, люду здесь — еще гуще, чем в Ставке у Лебедева.

Широченные коридоры уставлены ширмами, экранами, шкафами и всюду машинистки, машинистки... а около них молодые адъютанты, как мелкая рыбешка возле наживы. Стоит только показаться щуке (начальство) и все прыснут в стороны, по своим столам, и машинистка со своей очаровательной улыбкой и не менее очаровательной прической покинута и храбро встречает начальство...

В общем, когда я вошел в помещение, то шум был, как на базаре, а свободных молодых людей было столько, что на меня набросились сразу трое — один

---

[68] В процессе действия (фр.).

[69] Михайлов — полковник Сибирского казачьего войска, помощник начальника снабжений Южной армии.

[70] Антонович Александр Трифонович (23.08.1877–1937) — генерал-майор (с 27.06.1919). И.д. дежурного генерала при Верховном главнокомандующем (с 29.04.1919).

[71] А.Т. Антонович не был профессором академии.

[72] Антонович окончил академию на год раньше Щепихина.

[73] Д.А. Лебедев.

[74] Смирнов — полковник. Начальник организационного отдела Главного штаба. Идентифицировать генштабиста с таким чином и фамилией не удалось.

[75] А.И. Андогский.

от начальника снабжений (барона Будберг), а другие два от начальника Главного штаба (Антоновича).

Заблудиться здесь невозможно — проводников хватает. Но что они все здесь делают?!...

Итак, все, что надо, получил.

Радостный, отправился к себе в вагон, чтобы отдать распоряжение — вытянуть меня на магистраль.

Что я увозил с собой? Горькое чувство разочарования, обиды за тех, что льют свою кровь; безнадежность и потерю веры в успех: с такими людьми, с такой организацией, с такими навыками нам не одолеть жестоко дисциплинированного врага. Ни за что!

Но что же делать? Надо барахтаться: если и не выплывем, не пристанем к берегу, то быть может удастся продержаться на поверхности пока не подвернется случай.

Да, напишу, что же делать!? Игра слишком затянулась, на карту поставлено слишком много, чтобы ее можно было оставить с легким сердцем.

Просто выйти из игры, вряд ли удалось бы...

Со станции дали знать, что, если у меня нет ордера на отдельный паровоз, то придется два дня подождать поезда до Полетаева.

Что же делать — подождем.

Воспользовавшись свободным временем, сделал несколько визитов.

На соседнем пути в отдельном вагоне жил ген[ерал] Дитерихс[76] — не у дел.

Вагон — часовня; кругом икона, а после его следствия в Екатеринбурге — по делу убийства Царской Семьи[77] и реликвии: много фотографий, альбомов, до собачки Наследника включительно. Религиозность и мистицизм царят в вагоне. У самого Дитерихса в глазах нет уж былой, как на полях Галиции, живости. Быть может и прав Сахаров, что Михаил Константинович (Дитерихс) постарел. Жена его, маленькая, сухенькая, малокровная особа, некрасивая и с видом инокини предложила завтрак: две коробки сардин и разговоры, рассказы без конца об Екатеринбургском действе... Но всего не говорят или делают вид, что до конца не высказано все — чтоб заинтриговать и не исчерпать всего капитала своей значительности.

О фронте ни слова, как будто его нет, а вся цель в могиле царя!

Покинутый сановник — общее впечатление.

И почему адмирал оставляет в тени таких людей. Как бы стар ни был Дитерихс (Да он в сущности и не стар — не более 42–45 лет), но за ним опыт, навык руководить фронтом, массами.

Почему не у дел Будберг?

Почему полковник Генштаба — выпуск 1905 года сидит за писарским столом в Ставке, а сравнительно мальчик, выпуск 1913 или 1917 года в чине генерала верховодит.

Что это, близорукость или просто глупость?! Или, б[ыть] м[ожжет] это особая этика гражданской войны, войны на недоверие: этот младше, малоопытный, неумный, но зато за него я ручаюсь, а тот, умный может и предать!

---

[76] Дитерихс Михаил Константинович (05.04.1874–08.10.1937) — генерал-лейтенант.

[77] В первой половине 1919 г. М.К. Дитерихс руководил расследованием убийства царской семьи в Екатеринбурге.

Неужели такое рассуждение уместно!?

А в уме снова всплывает вопрос, заданный когда-то Лебедевым, при представлении на корпус ген. Войцеховского[78]: «А он не эс-эр?»[79]

Своего аппарата, своих твердых, определенных форм нет, наподобие тех, что у большевиков в виде своей коммунистической партии, — приходится опираться на офицеров, а они, в то же время и главные спецы.

И как спецы офицеры есть по обе стороны — и у белых и у красных.

Ведь коммуниста на службе белых не найти, иначе он уж не коммунист. А офицер — это, прежде всего, спец и в большей части случаев офицер и только.

Вот, например, ген. Леонов[80], генерал-квартирмейстер (стратег!?), раскатывающий в красном автомобиле из штаба на дачу «к своей машинистке» — что у него под скальпом, кто знает?!

Там на фронте бьются, он должен и днем, и ночью, не отходя от карты, следить и давать свои указания, предвидеть, подготовлять победу, а он как консисторский служащий в 2 часа на обед, в 4 на чай, в 7 на ужин и до свидания. Там хоть трава не расти, а он на дачу три раза в день смотается.

А кто он такой — прошел через все узилища большевиков вместе с Андогской академией[81]: и Троцкому служил, и к чехам в Екатеринбурге попал, и снова к большевикам, и опять к чехам[82], а там у «Комуча», через чехов к «Директории» и Колчаку.

Сколько инстанций и всюду надо и лицо сохранить и заверять в лояльности.

Ну, чем не редиска! А такой редиской наполнен весь штаб Лебедева.

И ничего не поделаешь: на спецах даже большевики зубы обломали — без них не обойтись. Да, но без некоторых, очень уж двукрасочных[83], можно было бы и обойтись.

Был у своих уральцев. Генерал Б. И. Хорошхин — военно-казачий министр. Такой должности даже и при царе не было[84], а ведь у него не полтора войска казачьих было[85], а все одиннадцать.

---

[78] Войцеховский Сергей Николаевич (16.10.1883–07.04.1951) — генерал-майор (с 17.10.1918, утвержден 08.03.1919). Командующий II Уфимским армейским корпусом (с 01.01.1919).

[79] Генерала С. Н. Войцеховского подозревали в симпатиях к социалистам-революционерам.

[80] Леонов Гавриил Васильевич (24.03.1879–?) — генерал-майор (с 20.04.1919). И.д. 1-го генерал-квартирмейстера (с 19.04.1919, утв. 28.05.1919). Генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (с 18.06.1919).

[81] Имеется в виду Военная академия, которой руководил генерал А. И. Андогский.

[82] С. А. Щепихин неточен. К чехам и белым Г. В. Леонов попал не в Екатеринбурге, а в Казани. Повторно к большевикам и чехам Г. В. Леонов в 1918 г. не попадал. В начале 1920 г. он попал в плен к красным и вновь оказался на службе в РККА.

[83] Так в тексте.

[84] С. А. Щепихин ошибается — в Российской империи существовало Главное управление казачьих войск (с 06.09.1910 г. — казачий отдел Главного штаба), ставшее прототипом Главного управления по делам казачьих войск Колчака, должность начальника этого управления и занимал Хорошхин.

[85] С. А. Щепихин иронизирует над количеством казачьих войск, оказавшихся на территории, подчиненной власти адмирала А. В. Колчака на Востоке России. Между тем, среди

Уральское войско боролось отдельно; связь с ним далека и небезопасна.

Оренбургское войско — на фронте все и без остатка, даже Оренбург, столица войска, в руках противника и на линии фронта; Атаман войсковой в длительной командировке не по делам войска, а с дипломатической миссией[86].

Сибирское войско — единственное все полностью здесь возле Омска и сам атаман Ринов.

Дальневосточные [казачьи войска] — далеко.

Кого же представляет, кем орудует Хорошхин.

Оказывается это синекура — раз и политический ход — два.

Хорошхин — генерал славного войска и без места; а так как он на фронт не желает, хотя в артиллеристах (он артиллерист и Георгиевский кавалер) и нужда, а сам не Генерального штаба, то трудно найти ему место.

Надо создать — и тут на помощь — политика.

Атаман Дутов[87], личность архипопулярная, так и просится на первые роли — но его опасаются: сегодня он против Семенова[88], а завтра за; сам себе навязывает должность Походного атамана всех казачьих войск...

И вот, чтобы его отвлечь и выбить из-под сидения кресло походного атамана — выдумывают пост — министр по казачьим делам[89].

Итак Хорошхин — министр! Еду к нему на обед. У него все наши, включая представителя Войскового Круга Коновалова[90].

Канцелярия небольшая — пять комнат (какой скромный!).

Два личных адъютанта — братья Акутины[91].

Что делается? Ничего: пять, шесть бумажонок в день.

Главное занятие раздобыть для войска все необходимое: берут все, что проплывает мимо; и все в склад до приезда из войска приемщика.

них были Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска, не считая тех войск, которые возникли непосредственно в период Гражданской войны.

[86] Речь идет о поездке атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (08.06–12.08.1919) по должности Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии. Подробнее см.: *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 414–424; *Савченко С.Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь-август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Сб. науч. статей. Хабаровск, 1999. С. 40–74.

[87] Дутов Александр Ильич (05.08.1879–07.02.1921) — генерал-лейтенант (с 04.10.1918), Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 01.10.1917).

[88] Семенов Григорий Михайлович (13.09.1890–30.08.1946) — полковник (с 09.1918), генерал-майор (с 18.07.1919), генерал-лейтенант (с 24.12.1919). Вр.и.д. Войскового атамана Забайкальского казачьего войска (с 10.1918).

[89] С.А. Щепихин ошибается — должность Б.И. Хорошхина (помощник военного и морского министра по казачьим делам и начальник Главного управления по делам казачьих войск) была введена задолго до назначения А.И. Дутова на пост Походного атамана всех казачьих войск.

[90] Коновалов Евгений Давыдович (01.02.1892–03.01.1971) — есаул, полномочный представитель Уральского казачьего войска при Ставке в Омске (1919).

[91] По всей видимости, одним из них был Акутин Семен (Симеон) Васильевич (02.01.1889–25.11.1981) — войсковой старшина, полковник.

В это время был приемщик мой родной брат — артиллерист (войсковой старшина)[92]. Поместили его в офицерском общежитии в Городской управе — грязь, вонь, теснота. Так, нам не осмеливались бы при Царе и солдат поместить... А тут рядом министр от безделья — квартира в пять комнат.

Предложил брату приехать ко мне.

Много порассказал о бедствиях в Уральском войске. Брат служил на фронте в Оренбургской казачьей батарее; после развала уехал к семье в Бар, а затем не выдержало сердце казачье — тронулся на Урал.

С ним в Омск для приемки военных запасов прибыло несколько казаков — конвой. Все оборванные, заморенные. А в Омске не удавалось, даже с протекцией Хорошхина, одеть этих людей. Войску были отпущены патроны, снаряды, порох. Они только об этом и просили, как истые воины. Вряд ли кто другой на их месте отказался от пары сапог, но они отклонили, да транспорт непомерно бы возрос, а им предстояло покрыть тысячу верст по безлюдной степи.

Уральское войско, по словам брата, уже отчаивалось: все геройские попытки взять обратно город (Уральск) разбивались о стойкость красного гарнизона.

Наши неудачи на Уфимском фронте развязывали большевикам руки, и давление на казаков усилилось.

Сколько еще продержатся — неизвестно — год, полгода!?

Общего плана, по-прежнему, не существовало: Колчак предоставил атаману Толстову[93] полную мочь, так как район войска лежал далеко в стороне и оказался безнадежно оторван от общего фронта.

Уральцы сосали двух маток, получая помощь и от Колчака, и от Деникина. Однако общее стратегическое положение войска было столь неблагоприятно, что борьба всецело зависела от борьбы и ее результатов на главных (Южном и Восточном) фронтах. Героическая борьба славных уральцев обречена была на неуспех заранее и фатально.

Понимали, чувствовали это и казаки, и дрались с отчаянием обреченных. За последнее время чаще и чаще стали раздаваться голоса слабых, но атаман был непреклонен.

Одни, всеми покинутые, заброшенные в глухие степи и отброшенные от всех путей, дающих выйти на соединение с соседями, уральцы дрались как львы.

Они гибли тысячами от сыпняка, не имея санитарных средств.

Медикаменты были на вес золота, так же как и патроны.

Все виды реквизиций уже гуляли по населению, которое и само никогда не жило в довольстве.

Хлеб — этот всегда в избытке бывший в войске продукт и тот изменил — войска были отброшены тылом на голодные районы, побережье Каспийского моря.

---

[92] Щепихин Петр Арефьевич (04.10.1879–1920) — войсковой старшина (с 01.12.1916), приемщик грузов Уральского казачьего войска в Омске (1919). Умер от сыпного тифа в начале 1920 г. при отступлении Отдельной Уральской армии между Гурьевом и Фортом Александровским. Место захоронения неизвестно.

[93] Толстов Владимир Сергеевич (07.07.1884–29.04.1956) — генерал-майор (с 20.07.1918), генерал-лейтенант (с 1922), Войсковой атаман Уральского казачьего войска (с 24.03.1919).

«Куда же ты вернешься?» — говорил я брату. «Оставайся! Куда-нибудь пристрою тебя здесь!»

«Нет, не хочу. Погибать, так со своими!»... Так и погиб при отходе остатков армии Толстова где-то между Форт Александровском и Гурьевым от сыпняка.

И зарыт, как собака... И никто никогда не узнает, не найдет могилы...

Вот такие серые герои, безропотно покорившиеся судьбе, они одни и держали фронт и на фоне ярком их геройства безымянного еще резче выступали гримасы тыла и зловоние клоаки удушливо смердело...

Я еще в мае запросил атамана Толстова относительно возможностей вернуться в войско, но ответ через вторые руки был почти холоден...

Конечно, не спецы нужны были атаману, а оружие и боевые припасы с медикаментами...

Все это ему вез мой брат в количестве, конечно, далеко не достаточном...

Хорошхин, безусловно, мог все изменить в корне, переорганизовать и самый транспорт и видоизменить тот скромный масштаб, которым задавался атаман, не зная средств Омска[94].

А Омск лопался от запасов — ему недоставало хороших бойцов и руководства, а снабжение уже начинало гнить по складам вдоль ж[елезной] дороги.

Но Хорошхин был занят другими вопросами: он только что переправил во Владивосток лицо, уполномоченное атаманом на организацию закупок всего необходимого в грандиозных размерах и отправку всего закупленного на пароходах вокруг Индии, Суэцом в Крым и Новороссийск.

Боже, какая нелепая беспомощность, граничащая с отчаянием, сквозила через этот утопический план.

Ведь на его выполнение нужен год по крайней мере. А кто давал, гарантировал такой срок и даже меньший.

А план был широк — снабдить не только армию, но и население.

Позже, через год, я ознакомился у Чуреева с этими запасами. Чего только там не было: и мануфактура, и медикаменты и даже рыболовные снасти.

И все это пошло прахом: горело, тонуло, гнило и расхищалось.

Я думаю, что атаману просто некогда было вдумываться в этот вопрос, у него просто вырвали санкцию... и в результате — уполномоченный по закупкам, бывший директор Войскового Банка Чуреев[95] явился в Омск и здесь при содействии Хорошхина получил солидное подкрепление и все для войска, все под флагом атамана... и скрылся на Дальний Восток. Здесь были закуплены товары, погружены и опоздали — даже и в Черное Море не успели войти, как Крым пал, а борьба на Урале затихла.

Почему погнался Хорошхин за муравьем[96], а не дал атаману в руки синицу — трудно ответить.

---

[94] Это заявление Щепихина до некоторой степени противоречит тому, что он пишет выше об ограниченных возможностях Хорошхина в деле добывания обмундирования для уральцев.

[95] Чуреев Павел Иванович (?–31.03.1946) — надворный советник, председатель правления Яицкого войскового банка.

[96] Вероятно не муравьем, а журавлем.

Быть может он сам когда-либо объяснит свою «полезную деятельность».

В Омске он мне пытался доказать, что он не всемогущ, что, будто бы от атамана есть определенные инструкции, но не ему, Хорошхину, а прибывшему члену Войскового Правительства...

Но кто их разберет!?

Факт тот, что войску послали на грош, а миллионы были именем войска исторгнуты из касс Колчака и поехали с Чуреевым в неизвестную даль, за муравьем[97].

Я убежден, что общее растление задело и казачьего министра, иначе нельзя никак, ничем объяснить такой «дальновидности».

С грустью распрощался с братом и выехал через Челябинск — Полетаево и Троицк в штаб Южной армии.

---

[97] Вероятно не муравьем, а журавлем.

«То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило»[1]

Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г.

Об авторе:

Владимир Васильевич Добрынин родился 9 июля 1883 г. в семье офицера, происходил из казачьих дворян станицы Заплавской Области войска Донского. В 1901 г. он окончил Донской кадетский корпус, в 1904-м — Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге и вышел хорунжим в 3-ю Донскую казачью батарею. Участвовал в Русско-японской войне, был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

Уже после Русско-японской войны проявилась склонность Добрынина к писательству — в 1908 г. в Новочеркасске он издал книгу «Донцы в Маньчжурии. Путевые, походные и боевые воспоминания и краткая историческая справка 3-й Донской казачьей батареи», а в дальнейшем приобрел известность как военный ученый.

В 1907 г. Добрынин был произведен в сотники с прикомандированием к управлению донской артиллерии. В этот период он принимал активное участие в исследованиях по истории Дона. В 1910 г. состоялось его производство в подъесаулы, тогда же Добрынин поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, которую окончил по 1-му разряду в 1913 г., после чего был откомандирован в штаб Московского военного округа. Некоторое время он преподавал в Александровском военном училище, проходил цензовое командование сотней в 1-м Донском казачьем полку.

На Первую мировую войну офицер отправился старшим адъютантом штаба 53-й пехотной дивизии. Но вскоре война для него неожиданно закончилась. В чине капитана он, будучи контуженным в голову, вместе со штабом дивизии попал в плен 8 февраля 1915 г. Происходило это во время известного окружения XX армейского корпуса в Августовских лесах.

[1] Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14–31–01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

Весь период плена, в течение трех с половиной лет, Добрынин вел дневник[2]. Момент пленения в нем отражен следующим образом: «8 февраля[3]. Около 4 ч[асов] д[ня] наша небольшая офицерская группа, бродившая после разгрома XX корпуса по южной опушке августовских лесов, напоролась на немецкий разъезд.

Нервный окрик "Halt", лязг винтовочных затворов... все это было как-то неожиданно. Хотя, откровенно говоря, этого нужно было ожидать: после 12 суток отступления с постоянными боями, при сознании, что мы уже отрезаны от Гродно, куда должны были отойти, все потеряли энергию, выбившись окончательно из сил...

Остальные события момента пленения не оставили в памяти никакого воспоминания. Ясно помню лишь одно, как жадно набросились немецкие кавалеристы на мою дорогую в кавказской оправе шашку. Мне казалось, что они, стараясь стащить шашку[4], надвое перетянут меня плечевой портупеей — так нервно, нетерпеливо, они срывали с меня шашку. Самодовольство победителей достигло апогея, когда они вытащили из ножен прекрасный златоустовский дамаскированный матовый клинок, украшенный надписью "Портупей-юнкеру Добрынину 1-й приз за фехтование. 1904 г. Мих[айловское] арт[иллерийское] уч[илище]" и поняли, что и клинок такой же дорогой, как дорога подаренная мне стариком-отцом оправа...

Нас обезоружили, и два кавалериста "погнали" группу на север по той самой дороге, по которой мы шли вчера в надежде под покровом ночной темноты проскользнуть между сторожевым охранением окруживших нас немецких войск»[5].

Вернулся домой Добрынин только в начале августа 1918 г.[6] Возвращению предшествовало путевое знакомство с новыми реалиями послереволюционной России. В дневнике за 20 июля 1918 г. о проезде через Брест-Литовск записано: «Побывали сегодня у "украинского" комиссара. Странно было смотреть на чистокровного русского офицера, "заделавшегося украинцем". Однако вечером, приняв нас в тесном семейном кругу, он, подогревшийся русской водкой, расточал такие эпитеты по адресу "украинской республики", что я невольно задал ему вопрос:

— Зачем же вы служите ей?

Капитан многозначительно похлопал себя по животу»[7].

Путевые заметки красноречивы (запись от 21 июля): «На украинской территории мы встретили каких-то чубатых людей со зверскими лицами. Это тоже "украинские войска"»[8]. Неприятное впечатление в Киеве производили

---

[2] ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1.

[3] С 8–16 февраля урывками и украдкой я набрасывал лаконичные заметки, разработанные мной 17 февраля по прибытии в лагерь военнопленных. Дальше заметки велись регулярно. В.Д. (прим. В.В. Добрынина).

[4] В тексте несогласованно: шашки.

[5] ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

[6] Там же Л. 138.

[7] Там же. Л. 134.

[8] Там же. Л. 135.

офицеры в роли официантов, всячески подчеркивавшие свою принадлежность к офицерству, а также разгульная жизнь дам из лучших семейств[9].

Наконец, 4 августа Добрынин добрался домой, в станицу Каменскую, где на станции его встречала супруга, не узнавшая мужа, а 10 августа Добрынин приехал к родителям в Заплавскую[10].

За боевые заслуги офицер был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Служба Добрынина в Донской армии началась с должности начальника разведывательного отделения штаба Донской армии, которое он возглавил уже 1 (14) августа 1918 г. Отстав по службе от своих сверстников по причине плена, Добрынин стал наверстывать упущенное. Через месяц службы, 31 августа (13 сентября) 1918 г., он был произведен в подполковники.

По поручению атамана П.Н. Краснова Добрынин составил работу «Материалы об организации и силах Красной советской армии по данным к периоду ноябрь — декабрь 1918 года». В том же году последовало производство в полковники со старшинством с 5 (18) октября 1918 г. Дальнейших повышений в чине за всю Гражданскую войну он не получал, но 23 июня (6 июля) 1919 г. был награжден орденом Св. Владимира 2-й ст.

27 июня (10 июля) 1919 г. Добрынин был назначен начальником оперативного отделения штаба Донской армии, разведывательное отделение принял подполковник Ф.Я. Шорников[11]. На этой должности Добрынин оставался практически до своего ухода со службы весной 1920 г.

Обязанности начальника оперативного отделения были обширны. Среди прочего Добрынин вел журнал военных действий штаба армии, составлял оперативные сводки. Работа на важном оперативном посту, очевидно, пригодилась при подготовке военно-исторических трудов. Не удивительно, что такие работы Добрынин начал выпускать одним из первых — непосредственно во время войны. Так, в 1919 г. он издал «Краткий обзор вооруженной борьбы Дона с советской властью за время с февраля по октябрь 1919 г.».

По оценке генерала В.В. Чернавина, полковник Добрынин организовал оперативную часть Донской армии на должном уровне: «Надо по справедливости отметить, что там служба неслась так, как она должна нестись. Большая заслуга в этом Ген[ерального] штаба полк[овника] В.В. Добрынина, человека исключительной добросовестности и пунктуальности»[12].

В связи с реорганизацией Донской армии после эвакуации из Новороссийска в марте 1920 г. в отдельный Донской корпус должность начальника оперативного отделения, которую занимал Добрынин, была упразднена, а сам он приказом № 144 от 25 марта 1920 г. был командирован за границу с особым поручением[13]. В виду невозвращения в Крым в октябре 1920 г. офицера исключили с военной службы[14].

---

[9] ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1. Л. 136.
[10] Там же. Л. 138, 140.
[11] РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 100.
[12] ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 395. Л. 31об.
[13] РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 86. Л. 64.
[14] Там же. Л. 149.

В эмиграции Добрынин оказался сначала в Югославии, а затем в Чехословакии. Состоял в Союзе русских военных инвалидов, Обществе офицеров-артиллеристов, был членом Донской казачьей станицы в Праге.

Добрынин активно участвовал в военно-научной деятельности, завоевав репутацию видного военного писателя Русского Зарубежья. Историю Гражданской войны на Дону Добрынин запечатлел одним из первых, практически по горячим следам, в книге мемуарно-исследовательского характера «Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества», изданной в Праге в Славянском издательстве в 1921 г. Он состоял в открывшемся в октябре 1927 г. пражском кружке по изучению Первой мировой войны, причем с июля 1928 г. даже входил в его совет[15]. Добрынин был одним из постоянных докладчиков на заседаниях кружка. Вот некоторые темы его выступлений, дающие представление о круге интересов офицера: советская военная печать, военная мысль в Советской России, военная мысль русской эмиграции, характерные черты современной тактики. Сотрудничал он и с пражскими высшими военно-научными курсами, на которых читал лекции на тему «Война и экономика»[16].

Список трудов Добрынина обширен. Только за 1918–1932 гг. он насчитывает не менее 68 наименований[17]. Он писал о жизни казачества, об истории Гражданской войны, о русской эмиграции, о текущих военно-политических событиях, а в начале 1930-х гг. даже составил курс русской грамматики для работников типографского дела. Публикации выходили и на чешском языке.

В. В. Добрынин был женат на дочери полковника Анастасии Васильевне Чумаковой, в 1928 г. у них родилась дочь Татьяна. Умер Добрынин в Праге 29 октября 1939 г. и похоронен на Ольшанском кладбище.

Об адресате:

Письмо В. В. Добрынина адресовано бывшему начальнику штаба Донской армии генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому.

Анатолий Киприанович Келчевский (Кельчевский) происходил из дворян Минской губернии, родился 19 января 1869 г., окончил Псковский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище (1891) и в 1900 г. Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. Служба его проходила в Туркестанском и Виленском военных округах. В Санкт-Петербурге Келчевский с января 1909 г. служил заведующим обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами и примыкал к группе реформистски настроенных преподавателей, объединявшейся вокруг Н. Н. Головина. В академии Келчевский «пользовался общей любовью всего переменного состава как отличный лектор и как человек, подкупавший всех простотой своего обращения»[18]. Среди многочисленных питомцев академии и воспитанников Келчевского был

---

[15] ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 127; Д. 172. Л. 25.
[16] ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 83об.
[17] ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 37–38.
[18] *Поляков И. А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 30–31.

и Добрынин. Последний вспоминал как «несколько истеричный г[енерал][19] Кельчевский читал с каким-то надрывом, но ему, как артиллеристу, удалось из глубокого анализа современной артиллерии вывести неоспоримые научные выводы, оправдавшиеся с первых же шагов войны на практике»[20]. Накануне Первой мировой войны Келчевский стал экстраординарным профессором академии.

В годы войны Келчевский командовал 6-м Финляндским стрелковым полком, был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Затем с лета 1915 г. служил в штабе 9-й армии. Революционные события, по имеющимся свидетельствам, он приветствовал. Однажды в споре с капитаном И.А. Поляковым в марте 1917 г. он заявил тому: «Тебе, казаку, революция не по нутру, вы все больше насчет нагайки»[21]. Начался спор, в конце которого один будущий начальник штаба Донской армии (Келчевский) посоветовал другому будущему начальнику штаба той же армии (Полякову) отправляться с подобными убеждениями на Дон. Поляков же не остался в долгу и пожелал Келчевскому командовать дивизией из разложившихся солдат петроградского гарнизона, которых последний считал сознательным элементом.

После выступления генерала Л.Г. Корнилова Келчевского сочли лояльным Временному правительству и назначили на крупный пост командующего 9-й армией, а в сентябре 1917 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. Однако эйфория от революционных перемен вскоре спала. В 1918 г. Келчевский находился на Румынском фронте, откуда осенью через Украину приехал на Дон. Лишь в конце 1918 г. Келчевский поступил на службу в сражавшуюся с красными Донскую армию первоначально как начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта. Фронтом командовал генерал К.К. Мамантов, произведший на Келчевского большое впечатление.

В феврале 1919 г. Большой Войсковой Круг Всевеликого войска Донского потребовал ухода со своих постов руководителей Донской армии — командующего генерала С.В. Денисова и его начальника штаба генерала И.А. Полякова (превратившегося в 1917–1918 гг. за год из капитана в генерала). После этого подал в отставку и атаман генерал П.Н. Краснов. Вместо генерала Краснова донским атаманом был избран генерал А.П. Богаевский, ориентировавшийся на более тесное объединение с добровольцами.

Новый атаман ходатайствовал перед Деникиным о назначении командующим армией генерала В.И. Сидорина (храброго офицера, в прошлом летчика-наблюдателя и участника корниловского движения) и начальником штаба опытного генерала А.К. Келчевского. Как писал Деникин, «первого, очевидно, по соображениям политическим (видный член оппозиции), второго — по военным. Так как военные познания и опыт Кельчевского

---

[19] В тот период Келчевский имел чин полковника.

[20] ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 46. Л. 41.

[21] *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 31.

компенсировали отсутствие командного стажа у Сидорина, я согласился и на эти назначения»[22].

Донская армия в составе деникинских Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) участвовала в наступательных операциях весны 1919 г., а затем и в «походе на Москву» летом — осенью 1919 г. Вскоре успехи сменились неудачами, белые от Орла и Воронежа откатились на Северный Кавказ. Поражения на фронте обострили ранее сглаживавшиеся противоречия между казаками и добровольцами. Отношение командования Донской армии к главному командованию в начале 1920 г. стало резко негативным. Ставку Деникина донские генералы обвиняли в бездеятельности, утрате руководства, стремлении эвакуировать в Крым, прежде всего, добровольцев, а не казаков и, по сути, предательстве[23]. В дальнейшем конфронтация лишь нарастала.

В марте 1920 г. остатки Донской армии были эвакуированы с кавказского побережья в Крым. Эвакуация не была должным образом подготовлена, а расчеты постоянно менялись. Сначала донское командование ввиду развала армии предполагало эвакуировать только офицеров (порядка 5000 человек), но затем стало очевидно, что хотят эвакуироваться и простые казаки, для чего не было необходимого тоннажа[24]. В результате разразилась настоящая катастрофа. Был брошен конский состав, войска испытывали огромные трудности с эвакуацией из-за отсутствия судов, целые казачьи части были вынуждены оставаться на кавказском побережье, сдаваться в плен красным или присоединяться к повстанческим отрядам «зеленых». Генерал Сидорин был возмущен Деникиным, не выделявшим, по его мнению, донцам необходимых транспортных средств и, по одному из свидетельств, собирался застрелить его прямо на пристани[25]. В разговоре с Деникиным вышедший из равновесия Сидорин обвинил главнокомандующего в предательстве[26]. В действительности же Деникин пытался в крайне сложной обстановке делать все возможное для эвакуации армии[27]. Эвакуировавшиеся в Крым остатки армии (около 10 000 человек) находились в плачевном состоянии, не имели лошадей и подчас даже оружия. По оценке Келчевского, «это были не воинские части, а толпа обозленных, до глубины души оскорбленных людей, готовых к бунту»[28].

---

[22] *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 114.

[23] *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 475; *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 182; *З*В стане белых // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 9. Донская Вандея. М., 2004. С. 325–326.

[24] *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 796.

[25] *Раковский Г.Н.* Указ. соч. С. 339.

[26] Там же. С. 340.

[27] Подробнее о новороссийской эвакуации см.: *Венков А.В.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014. С. 366–373; *Дробязко С.И.* Эвакуация войск ВСЮР с кавказского побережья (январь — май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах (станица Еланская). 2010. № 4. С. 20–52.

[28] ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

24 марта (6 апреля) 1920 г. в Крыму Донская армия была сведена в отдельный Донской корпус. Командование в лице генералов В.И. Сидорина и А.К. Келчевского осталось прежним. Однако вскоре после реорганизации генералы были преданы военно-морскому суду за издание при штабе корпуса газеты «Донской вестник», разжигавшей ненависть казаков по отношению главного командования ВСЮР и проповедовавшей эсеровские взгляды. Новый главнокомандующий ВСЮР генерал П.Н. Врангель считал Сидорина и Келчевского интриганами[29], но история с газетой была лишь предлогом для смены неугодных военачальников, тогда как кадровые перемены назревали уже давно[30].

Генералы не признали своей вины, утверждая, что не были осведомлены о направленности издания[31]. Возможно, так оно и было, хотя командование Донского корпуса проявляло определенную враждебность главному командованию и могло фрондировать. Якобы на заявление коменданта Евпатории генерала Н.С. Ларионова о том, что направление газеты вредное и левое, генерал Сидорин ответил: «Что же тут удивительного, мы сами левые», а генерал Келчевский добавил: «Довольно. Нас погубила Добрармия»[32].

Суд длился два дня. Сидорина и Келчевского обвинили в бездействии власти, оба генерала были сняты со своих должностей и приговорены к четырем годам каторжных работ. Из уважения к прежним заслугам Врангель заменил наказание увольнением со службы без права ношения мундира. После этого Сидорин и Келчевский покинули пределы России.

Келчевский обосновался в Берлине, где стал сотрудничать с военно-научным журналом «Война и мир», а с №4 (1922 г.) и редактировать этот журнал (после генерала М.И. Тимонова). Журнал «Война и мир» не без оснований считался в кругах русской военной эмиграции «сменовеховским» и просоветским. В действительности издание через частное немецкое издательство финансировало Разведывательное управление Штаба РККА. Журнал выходил до 1925 г. (вышло 19 томов по 400–450 страниц каждый) и даже распространялся в Советской России, обеспечивая неформальную связь между военными учеными из числа эмигрантов и военспецами РККА в целях усиления «сменовеховских» настроений в среде военной эмиграции. Кроме того, Келчевский активно печатался в других журналах

---

[29] *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 61.

[30] Подтверждением этому служит тот факт, что один из наиболее радикальных авторов «Донского вестника» полковник С.К. Бородин, в своих статьях предлагавший казакам замириться с Советской Россией (статья «Право крови» в №5) и предоставить наступать на Москву русским, а самим передохнуть и сосредоточиться на борьбе за родные станицы (статья «Казачьи настроения» в №6), не только не подвергся каким-либо преследованиям, но, наоборот, продолжил службу и даже был произведен Врангелем в 1921 г. в генеральский чин. Показательно и то, что впоследствии был оправдан даже редактор газеты сотник граф А.М. дю Шайла.

[31] ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 15.

[32] Там же. Л. 4.

по военно-историческим и военно-научным вопросам. В изгнании Келчевский прожил недолго — 1 апреля 1923 г. он ушел из жизни, будучи далеко не старым человеком.

Смерть Келчевского оказалась связана с политикой. Генерал А. А. фон Лампе записал в дневнике 1 апреля 1923 г.: «Сегодня ночью после большого политического спора у Колоссовского с эсером полковником Махиным, прибывшим из Риги[33], скончался от разрыва сердца Анатолий Киприанович Келчевский, мой руководитель по академии, потом сотрудник Сидорина по Донской армии, герой процесса в Крыму, выступавший против белой армии в Сербии, потом редактор журнала “Война и мир” в Берлине.

Спор шел о том, какой вред причинили русской армии эсеры с их психологией попустительства и был принят Келчевским очень близко к сердцу. Ночью, после разговора, он умер!... смерть Келчевского считаю потерей — журнал по-видимому попадет в руки сменовеховцев типа Носкова или Достовалова и пойдет прямо на большевистскую дорожку! А пока он велся хорошо!»[34]

В письме генералу П. А. Кусонскому от 2 апреля 1923 г. фон Лампе сообщал: «Вечером 31-го марта в редакцию журнала пришел Генерального штаба полковник Махин, только что прибывший из Риги, который, как известно, состоял в партии социалистов-революционеров и является их ярым сторонником. Произошел разговор, в котором Келчевский сильно разгорячился и нападал на Махина, обвиняя его и вообще всех социалистов-революционеров в развале русской армии, разложении страны и т. д. Келчевского успокаивали, а через несколько времени, придя домой, он скончался, по-видимому, от разрыва сердца.

Смерть Келчевского ослабляет умеренную группу и может допустить к редакторскому креслу Носкова, что не может не отразиться губительно на самом направлении журнала, в особенности в отношении к Русской армии»[35].

Определенные симпатии к левым кругам у Келчевского, видимо, присутствовали. Намеки на это содержатся и в письме Добрынина («я чувствовал в тебе демократически настроенного человека»). Не случайно, большинство генштабистов, проживавших в Германии, записались в Общество русских офицеров Генерального штаба, тогда как группа, объединявшаяся вокруг Келчевского и его журнала, стояла особняком, причем члены Общества не желали поддерживать с ними отношения «как с организованной группой, оплачиваемой советской властью»[36].

О документе:

Письмо Добрынина датировано 21 апреля 1922 г. Оно касается целого ряда аспектов донской истории периода революционных потрясений.

---

[33] Подробнее о Ф. Е. Махине: *Ганин А. В.* «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 16–59.

[34] ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

[35] Там же. Л. 88–89.

[36] Там же. Л. 155.

Но наиболее интересна мемуарная составляющая документа, в особенности все, что касается работы штаба Донской армии. Добрынин вспоминает о тех или иных ситуациях из жизни штаба армии в 1918–1920 гг., о характере взаимоотношений офицеров штаба. Приводимые им как осведомленным офицером оценки чрезвычайно важны.

В письме Добрынин в целом невысоко оценивает уровень донских штабных работников. Добрынин полемизирует с Келчевским по ряду вопросов, в том числе относительно публикаций Келчевского. Суть полемики можно понять, обратившись к этим работам. К сожалению, не удалось обнаружить письмо Келчевского, на которое отвечает Добрынин, оно могло бы многое прояснить в позиции генерала.

В целом же мировоззрение автора письма характерно для оказавшихся в эмиграции казачьих офицеров. Добрынин излагает свои достаточно наивные представления об идеальных казачьих вождях, включая командующего армией и ее начальника штаба (вожди, по мнению Добрынина, должны всю жизнь жить вместе с казаками, чтобы узнать их быт и нравы). Пишет он и о том, как должно действовать казачество в сложившихся условиях. Акцентирует внимание на необходимости союза с крестьянством. Эти рассуждения так и остались теорией, поскольку Гражданская война завершилась.

Удивительны представления полковника Генерального штаба Добрынина о том, что в эмиграции оказались вся российская интеллигенция и все казачество. Как офицер-генштабист Добрынин не мог не знать, что во главе Красной армии стояли десятки его бывших сослуживцев и однокашников — представителей военной интеллигенции, а казачество, в основном, осталось на Родине. При этом как точные наблюдения автора письма, так и его заблуждения дают пищу для историков, являясь отражением взглядов определенной части военной элиты белых.

Дружеское и бесхитростное письмо бывшего подчиненного своему бывшему начальнику содержит информацию по широкому спектру социально-политических и военно-исторических и военно-теоретических вопросов, дает яркие портретные характеристики деятелей казачества, раскрывает неизвестные эпизоды истории Гражданской войны на Дону, отражает борьбу группировок казачества в эмиграции. Все это в совокупности делает данный документ интересным историческим источником по самым разным вопросам.

Документ сохранился в личном фонде А.К. Келчевского вместе с другими письмами (в том числе от генералов П.Ф. Рябикова, В.И. Сидорина), публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Все даты отечественной истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю. В биографических справках в отношении деятелей казачества указываются станицы, из которых они происходили, поскольку эти данные в ряде случаев могут дать информацию о неформальных связях упоминаемых персоналий по принципу землячества.

А.В. Ганин

В.В. Добрынин

Письмо А.К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г.

V. Dobrynine
Prague-Vinohrady
Grégova ul. 2.
21/IV 1922
№ 62
Христос Воскресе[37]
дорогой Анатолий Киприанович.

Сердечно благодарю тебя за твой скорый и откровенный отклик. Теперь только я понял, почему ты не откликнулся на посланные тебе русскую и французскую книги (и на твое имя, и Владимиру Ильичу[38]) — ты пишешь, что не получил. Это я узнал не от одного тебя. Первая не заказная рассылка, по-видимому, сильно пострадала. На днях возобновлю тебе посылку этих книг, возобновив, приблизительно по памяти и надпись.

Теперь отвечу на твое письмо, причем считаю нужным тоже тебе сообщить, что всегда говорил и говорю, что чувствую. Пожалуй, это во мне многим всегда не нравилось, но что ж делать!

Начну с того, глубокоуважаемый Анатолий Киприанович, что, работая по бытовым и казачьим вопросам с 1904 г., пропустив в печати достаточное количество на эту тему своих работ, я с убеждением могу сказать, что для меня в области казачьих вопросов особых авторитетов сейчас нет. Прости за откровенность, но это так. Я знал только одного — Л.В. Багаевский[39]. Былые авторитеты, с которыми я работал в этой отрасли, уже сошли в могилу: Х.И. Попов[40], А.А. Карасев[41], М.С. Жиров[42], М.М. Поляков, Б.М. Калинин[43], Б.П. Кузмич (бывший преподаватель истории в корпусе). С Крюковым[44]

---

[37] В 1922 г. Пасха приходилась на 16 апреля по новому стилю.

[38] Имеется в виду генерал В.И. Сидорин.

[39] Богаевский (Багаевский) Леонид Васильевич (04.08.1867–05.12.1951) — из казаков станицы Новочеркасской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Окружной атаман Донецкого округа (1916–1917). Помощник директора Донского музея (на 1919). Умер в эмиграции во Франции.

[40] Попов Харитон Иванович (21.09.1834–27.10.1925) — из казаков станицы Мигулинской Области войска Донского. Историк, археолог и меценат, один из организаторов Донского музея (ныне — музей истории донского казачества) в Новочеркасске, открытого в 1886 г. Отец донского походного атамана генерала П.Х. Попова.

[41] Карасев Алексей Алексеевич (02.02.1834–22.03.1913) — из казаков станицы Островской Области войска Донского. Первый на Дону редактор и издатель частных газет «Донской вестник» (1866–1869) и «Донская газета» (1873–1879). Писатель, автор краеведческих очерков.

[42] Жиров Михаил Семенович (02.09.1849–1921) — из казаков станицы Терновской Области войска Донского, генерал-майор. Военный историк, краевед. Умер в Новочеркасске.

[43] Калинин Борис Матвеевич (1838–1922) — из казаков станицы Вешенской Области войска Донского, генерал-майор. Журналист, историк и меценат. Автор статей в «Донском поле», «Донской газете», «Донских областных ведомостях». Автор «Материала для истории донской артиллерии» (Новочеркасск, 1904).

[44] Крюков Федор Дмитриевич (02.02.1870–04.03.1920) — из казаков станицы Глазуновской Области войска Донского. Писатель. Депутат 1-й Государственной Думы.

и Кумовым[45] не работал, но они были художники, а не историки. Мое глубокое убеждение, что и революционный процесс на Дону пошел не по нужному пути, потому что казачьим движением руководили люди, меньше знавшие казачество и больше его идеализировавшие[:] г[енерал] Каледин[46], г[енерал] Краснов[47], они не прошли той школы, которая нужна для познания казачества. Нужно было не только родиться казаком и потом оторваться от него на долгие годы, нет! Нужно было родиться, провести в его среде детство и все свободные минуты юности, молодости и дальше. Нужно было кончить с казачатами приходскую школу, попасти с ними овец и скотину, побегать в свободное от детского труда время босиком по улице, поездить с арбузами, хлебом, виноградом, сеном, огурцами, картофелем на скрипучем возу, запряженном медлительными и спокойными быками, поездить охлюпкою[48] в череду за скотом, участвовать в дерзких и малолетских играх, скачках, побродить со сверстниками по камышам и ковылям с ружьями, поездить с ними в чудные весенние разливы на рыбную ловлю, побывать на более крупных ярмарках; также нужно было близко изучить быт станицы в семейной жизни — обычаи при рождении, крестинах, свадьбе, похоронах, проводах на службу и встрече со службы; нужно было посмотреть обычаи, приуроченные к разным праздникам и особым дням; нужно было походить за плугом, за бороной, помахать косой, поворочать граблями, вилами, походить за катком и т.д. и т.д. Все то, что не пережито, могу сказать смело, ни одним из послереволюционных атаманов, ни одним командующим и начальником штаба Донской армии. Ну, а ко всему этому нужно посидеть годами над изучением донской истории, не только по Броневскому[49] и Пудовому, а немного поглубже.

Прости меня, но этой школы за нашими руководителями революционной годины не было. Люди отрывались от Дона со школьной скамьи и пришли на Дон с потоком русских беженцев спасаться от большевизма, и тут они вспомнили, что и они казаки. А до того времени? Они сняли казачьи лампасы или в лучшем случае (г[енерал] Краснов) служили в гвардейских казачьих полках, изучая казачество по парадным бородачам-гвардейцам. Вот в результате и получилось — когда коснулось работы практической, так мы и очутились в шкуре беженцев. Правда, здесь ведь не одни мы, казаки, а и вся российская интеллигенция, но от этого нам не легче. Казаки все-таки могли не испытать выпавшей на их долю тяжести.

За подписание «Выборгского воззвания» отбывал тюремное наказание в «Крестах» (1906). Один из организаторов партии народных социалистов. Участник Белого движения. Секретарь донского Войскового Круга. Умер от сыпного тифа.

[45] Кумов Роман Петрович (21.11.1883–20.02.1919) — из казаков станицы Казанской Области войска Донского. Писатель, драматург, журналист. Умер от тифа.

[46] Каледин Алексей Максимович (12.10.1861–29.01.1918) — из казаков станицы Усть-Хоперской Области войска Донского, генерал от кавалерии. Войсковой атаман Донского казачьего войска (18.06.1917–29.01.1918). Один из лидеров Белого движения. Застрелился в Новочеркасске.

[47] Краснов Петр Николаевич (10.09.1869–16.01.1947) — из казаков станицы Каргинской Области войска Донского, генерал от кавалерии. Войсковой атаман Донского казачьего войска (03(16).05.1918–02(15).02.1919). В эмиграции. Сотрудничал с гитлеровцами. Вывезен в СССР и казнен.

[48] Езда охлюпкой (охлюпью) — верховая езда без седла.

[49] Броневский Владимир Богданович (1784–1835) — генерал-майор, военный писатель. Автор «Истории Донского войска» (в 4 частях; СПб., 1834).

Вот мотивы, которые дают мне право считать, что казачество донское и его особенности я знаю, во всяком случае, не меньше других и потому считаю, что написанное мной правильно. В этом направлении буду работать и всю жизнь, как работаю со времен выпуска в свет своих набросков в журнале «Донец», «Михайловец», «Русский инвалид»[50], «В[оенный] сб[орник]», «Вестник русской конницы», «Донские ведомости»[51] и в трудах особой группы по изучению истории Дона.

Теперь коснусь периода моей службы Дону во время Гражданской войны, отвечая попутно и на твои замечания.

Когда я приехал из плена, то на второй же день была выставлена солидными элементами станицы моя кандидатура в Круг[52]. В станичном правлении, я думаю, еще есть мой письменный мотивированный отказ. Я считал, что 3 1/2 г[ода] оторванности от Дона (в революцию особенно)[53] не дают мне права говорить от имени казаков. Нужно сначала присмотреться. И вот я начал присматриваться. Я попросился на 2–3 недели остаться при штабе, чтобы охватить обстановку сразу. Оставили, а когда увидели мою работу, то, видимо, оценили и оставили дальше.

Скажу прямо — то убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило. Я увидел, что война дала так мало, что мне стало больно. Кроме кордонной стратегии, отсутствия тактики, я обнаружил и отсутствие азов службы Генерального штаба в высшем штабе. Ничего не знали о положении мировой войны, о соседних фронтах. Я уже не говорю о политических переживаниях мира. Ну, кой-что удалось в этой области наладить. Обидно было только то, что наши юные наполеоны не умели использовать работы подчиненных. Дело доходило до того, как мне говорил Г.Я. Кислов[54], что интересные доклады в области иностранной политики не попадали в мин[истерство] и[ностранных] д[ел] Дона, т.к. мальчик Поляков[55] не ладил с г[енералом] Богаевским[56]. Это ли не преступление?! То, что я пишу о службе штаба этого времени, я говорил бывшему у меня г[енералу] Денисову[57]. Этот юнец (Поляков) выдерживал часами старых генералов в приемной. В области военного дела он оказался полным невеждой. В этом я убедился на совещании

---

[50] Правильно — газета.

[51] Правильно — газета.

[52] Имеется в виду донской Войсковой Круг — высший выборный орган казачьей власти.

[53] Речь идет о периоде пребывания Добрынина в плену.

[54] Кислов Григорий Яковлевич (20.11.1886–12.1920) — генерал-майор. 1-й генерал-квартирмейстер Войскового штаба Всевеликого войска Донского (1918). Генерал-квартирмейстер штаба Донской армии (1919). В распоряжении донского атамана (1920). Остался в Крыму. Расстрелян по постановлению чрезвычайной тройки Особого отдела ВЧК при РВС 4-й армии и Крыма от 07.12.1920 в Симферополе.

[55] Поляков Иван Алексеевич (10.08.1886–16.04.1969) — из казаков станицы Новониколаевской Области войска Донского, генерал-майор. Начальник штаба Донской армии (1918–1919). Умер в эмиграции.

[56] Богаевский Африкан Петрович (27.12.1872–21.10.1934) — из казаков станицы Каменской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Войсковой атаман Донского казачьего войска (06(19).02.1919–21.10.1934). Умер в эмиграции.

[57] Денисов Святослав Варламович (10.09.1878–19.04.1957) — из казаков станицы Пятиизбянской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Командующий Донской армией (1918–1919). Умер в эмиграции.

в Торговой 1918 г. (объединение командования)[58]. Здесь я увидел ясно одно: против военных реакционных голов, бывших в ставке, наши тоже реакционные головы штаба не годятся и в подметки. Я видел, что люди, руководящие Донской армией, не знали самых азов о том, что д[олжны] б[ыли] знать[59] и что кропотливо днями и ночами разрабатывалось мелкими чинами квартирмейстерской части. Здесь же я увидел и до сих пор остаюсь при этом убеждении, что г. Краснов являлся лицом, стоящим на голову выше всех деятелей юга России. Так я больше конкурентов ему и не видел. Слабая сторона его была — неуклонное стремление к восстановлению старого и плохой подбор сотрудников. Он хотел провести свою линию тогда, когда казачество химерило и ждало, что-то еще выйдет? Ты ставишь г[енералу] Краснову в вину, что он подчинился гл[авнокомандовани]ию. Я же, бывший на совещании и знавший обстановку, видел ясно: иного исхода быть не могло[60]. Над Доном затягивалась петля; не помоги тогда добровольцы, дело тогда уж кончилось бы крахом, т.к., конечно, подчиниться политическому руководству донского круга гл[авно]командование никогда не согласилось бы. Получилось бы опять повторение старого — Степной поход и Кубань. Что у г. Краснова было громадное желание отстоять партию Дона — это вне всякого сомнения. Я думаю, это помнит А.М. Агеев[61], бывший с нами в Торговой.

Дальше смена командования на Дону.

Если бы ты знал, дорогой Анатолий Киприанович, как я был рад, что штаб принимаешь ты. Знал тебя еще с памятного вечера провода болгар на войну[62], когда ты мне и Шляхтину[63] рассказал о «младотурецких» гонениях[64], я чувствовал в тебе

[58] Речь идет о переговорах между командованием Добровольческой армии и руководством Донского казачьего войска об объединении, происходивших на станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.). В результате достигнутых договоренностей были созданы единые Вооруженные силы на Юге России под командованием генерала А.И. Деникина.

[59] Подчеркнуто автором.

[60] Подчеркнуто автором.

[61] Агеев Александр Михайлович (1893–09.11.1922) — из казаков станицы Клетской Области войска Донского, войсковой старшина. Адъютант донских атаманов А.М. Каледина, П.Н. Краснова и командующего Донской армией генерала В.И. Сидорина. В отставке с 15.05.1920. В эмиграции — в Болгарии. Редактор сменовеховской газеты «Новая Россия». Убит в Софии.

[62] Речь идет об отъезде болгарских офицеров — слушателей Императорской Николаевской военной академии на 1-ю Балканскую войну осенью 1912 г.

[63] Шляхтин Эраст Эрастович (28.09.1886–03.12.1973) — полковник. Однокашник В.В. Добрынина по Императорской Николаевской военной академии (выпуск 1913 г.). Обер-квартирмейстер штаба III Донского корпуса (1919). Помощник начальника штаба 3-й Донской казачьей дивизии (1920). В эмиграции — в Югославии и Франции.

[64] «Младотурки» — группа турецких офицеров, организовавшая в 1908 г. вооруженный переворот в Османской империи. «Младотурками» с подачи заведующего обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами полковника М.Д. Бонч-Бруевича стали иронично именоваться участники неформального кружка борцов с традиционализмом и обскурантизмом в старой академии, лидером которого был полковник Н.Н. Головин. В кружок входили молодые профессора, преподаватели и заведующие обучающимися: Головин, А.К. Келчевский, А.А. Незнамов, Н.Л. Юнаков, В.А. Черемисов, А.А. Балтийский, В.Г. Болдырев, Б.В. Геруа, А.Ф. Матковский, П.И. Изместьев, В.З. Савельев, А.И. Андогский, С.Л. Марков, П.Ф. Рябиков. Накануне Первой мировой войны участники кружка оказались изгнаны из академии военным министром В.А. Сухомлиновым. Впоследствии почти все «младотурки» приобрели боевую или военно-научную известность.

демократически настроенного человека — раз, человека с громадным авторитетом для нас[65] — два, для Дона — три и для молодого командующего, которого Дон совершенно не знал[66] — четыре. Никогда не забуду я те счастливые дни, когда ты появился среди серой трудящейся массы нас, генштабов[67], не только как начальник, но и как старший товарищ. Однако скоро я увидел, что ты как-то странно ценил работу людей, не знавших ни минуты покоя и вложивших душу в службу. Рядом с людьми, работающими день и ночь, в штабе 4/5 людей не квартирмейстерской части совершенно ничего не делали, ловчились, обхаживали начальство, устраивали блага кумовьями, сватами и т.д. и благодушествовали, благодушествовали в полном смысле этого слова. Ты никогда не задавался вопросами — почему по моему почину квартирмейстерская часть подняла дело против штабной лавочки? Ты не допускал, видимо, мысли, что твоим верным помощникам зачастую не хватало самых простых вещей для жизни — какого-нибудь сахара, мяса, масла. Вся челядь, которой не надо было служить, стояла днями и ночами в очередях и тащила при содействии заведующего лавочкой все. Когда приходили мы, вырвав минуту, то нас встречали ответом: ничего нет. А ведь дома нас ждали семьи, которым тоже казалось естественным, что работа наша оценится хотя бы сравнением в благах с неработающими. Увы, этого не было. И вот здесь ты нас не только не понял сам, а когда я начал это дело, ты его не поддержал. Материально я все-таки никогда остро не нуждался, но я болел за тех своих подчиненных, которые ничего, кроме жалованья, не имели.

Второй случай, сильно меня убивший: помнишь, когда 2^{й} корпус при движении г[енерала] Мамантова[68] на Чир, а Секретева[69] к верхне-донцам[70] не мог сдвинуться

---

[65] Офицеров Генштаба, служивших в штабе Донской армии.

[66] Речь идет о генерале В.И. Сидорине, назначенном командующим Донской армией 02 (15).02.1919 после ухода в отставку прежнего командования Донской армии в лице командующего генерала С.В. Денисова и его начальника штаба генерала И.А. Полякова. Начальником штаба при Сидорине стал генерал А.К. Келчевский. Армия тогда находилась в тяжелом состоянии и отступила к Новочеркасску. Новое командование сумело восстановить войска и начать наступательные операции (подробнее см.: *Венков А.В.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014). Сидорин Владимир Ильич (31.01.1882–20.05.1943) — генерал-лейтенант. Командующий Донской армией (02(15).02.19 19–24.03(06.04).1920), затем отдельным Донским корпусом (24.03(06.04)–05(18).04.1920). Предан суду вместе с А.К. Келчевским и уехал за границу. Умер в эмиграции.

[67] Самоназвание офицеров-генштабистов русской армии.

[68] Мамантов (Мамонтов) Константин Константинович (16.10.1869–14.02.1920) — из казаков станицы Нижне-Чирской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Крупный кавалерийский начальник в антибольшевистских силах на Юге России периода Гражданской войны. Командир IV Донского отдельного корпуса (07–12.1919), с которым совершил конный рейд по советским тылам (10.08–19.09.1919). Умер от тифа в Екатеринодаре.

[69] Секретев Александр Степанович (08.08.1881–08.05.1931) — из казаков станицы Нижне-Чирской Области войска Донского, генерал-лейтенант. 25.05 (07.06).1919 в чине генерал-майора, командуя конной группой, в результате 300-верстного рейда прорвался на соединение с участниками Верхне-Донского (Вешенского) восстания. В эмиграции — в Болгарии. Вернулся в СССР. Расстрелян.

[70] Верхне-донцы — в данном случае, участники Верхне-Донского (Вешенского) антибольшевистского восстания (11.03–07.06.1919).

с места. Я говорил об этом с Салимоном[71], этот разговор прочитал комкор[72], которого он совершенно не касался и послал резкую телеграмму о «неответственных критиках». Я говорил ему твои мысли или вернее подтвержденные тобой мои, я был вроде генкварма[73], и ты не защитил твоего помощника от резких нападений. Я не настаивал, потому что видел твое нежелание ссориться.

Еще один резко сохранившийся в памяти случай — это во время стоянки на Сасыке[74]: здесь, когда в поезде командарма жилось привольно и сытно, твои оперативные офицеры не имели ни куска сахара. И больно им было — работали они, а блага получали другие.

Вот здесь, дорогой Анатолий Киприанович, ты никогда не поинтересовался, какие нужды у тех, кто служит день и ночь, не поинтересовался судьбой тех, которым в своем письме ставишь в упрек, что они не подняли голоса в твою защиту, когда ты невинно пострадал[75].

Ты, дорогой Анатолий Киприанович, не подумай, что и я присоединился к молчащим из мести. Напрасно ты напоминаешь наши стычки в Зверево и Новочеркасске. Не они вина тому, что я в своих работах не коснулся вопроса погрома штаба Донской армии Врангелем[76]. Нет и нет. По этому вопросу я имею мнение, которое открыто здесь высказываю — суд этот был верхом безобразия и не повредил подсудимым, а лишь помог им в деле закрепления симпатий демократически настроенных кругов.

Здесь ты можешь спросить — почему я об этом не пишу?

Очень просто. Я писал и буду писать не о лицах, а о казачестве. Ведь смешно же читать дифирамбы Раковского[77] донскому командованию. Ведь мы же не мальчики, чтобы нам нужно было бы хвалить отдельных лиц. Лица могут претендовать на особые похвалы, если они принесли родине такую пользу, как принесли пользу своей

---

[71] Салимон (Салимон-Светебный) Степан Митрофанович (03.08.1876–14.01.1944) — полковник. Старший адъютант штаба II Донского отдельного корпуса (1919). Умер в эмиграции.

[72] Командир корпуса. II Донским отдельным корпусом до июля 1919 г. командовал генерал И. Ф. Быкадоров. Быкадоров Исаак (Исаакий) Федорович (19.05.1882–20.09.1957) — из казаков станицы Нижне-Кундрюческой Области войска Донского, генерал-майор. Один из организаторов Общедонского восстания 1918 г. Умер в эмиграции.

[73] Генерал-квартирмейстера.

[74] Речь идет о периоде пребывания штаба Донской армии на узловой станции Сосыка на Кубани в начале 1920 г.

[75] Речь идет о событиях вокруг командования Донского корпуса в Крыму в апреле 1920 г., когда генералы В. И. Сидорин и А. К. Келчевский были преданы суду в связи с сепаратистским курсом издававшейся при штабе армии газеты «Донской вестник». В результате суда генералы были приговорены к четырем годам каторги, но приговор был ограничен увольнением со службы без права ношения мундира, после чего Сидорин и Келчевский выехали за границу.

[76] Врангель Петр Николаевич (15.08.1878–25.04.1928) — барон, генерал-лейтенант. Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России и Русской армией (1920). Умер в эмиграции.

[77] Речь идет о книге корреспондента при штабе Донской армии, известного донского журналиста Г. Н. Раковского «В стане белых (от Орла до Новороссийска)» (Константинополь, 1920).

родине Наполеон[78], Вашингтон[79], Мольтке-старший[80], Бисмарк[81]. А где наши наполеоны, что они сделали? За что их прославлять? Вот моя откровенная точка зрения, с которой я никогда не сойду. Ведь если начать порицать гл[авнокомандован]ие за суд, то надо иметь документальные данные; их я не имел, при развертывании этих событий у дела не стоял и деталей не знаю (да и вообще от вопросов политики нас держали на почтительном расстоянии).

Это тоже я говорю всегда. Если я в разговоре, быть может, говорил (не помню), что ты «злой гений», как ты пишешь, то здесь, конечно, я иначе не мог понимать вопрос: я на тебя взирал с особой надеждой и пришлось в этом разочароваться; я думал, что ты вдохнешь в штаб душу, которой у него не хватало и выведешь Дон на нужную дорогу. К сожалению, у тебя не хватило той энергии, с какой ты отстаивал «младотурецкую» позицию в академии. В этом смысле я мог дать понятие «злой гений». На мой взгляд, твое положение как человека опыта и авторитета было более ответственно и тяжело, чем командующего. В твоей работе ты встретил бы самое честное сочувствие нас, генштабов, но надо считаться с тем, что в революционную эпоху люди служат не людям, а идее. Где же была работа командования в этом отношении? Делилось ли оно со своими ближайшими помощниками тем, чем <u>должно</u>[82] делиться при такой работе? Оно хотело, чтобы все шли по мановению ока за ним — но для этого нужны особые данные. Кругом ближайшие подчиненные были не мальчики и, несмотря на ненормальность в этом отношении, работали от души, но отсутствие духовной связи все-таки было.

В деле проведения программ даже военного характера ты говоришь, что «взывал» к кругу о создании конницы. Анатолий Киприанович — командование д[олжно] б[ыло] не взывать, а делать, это мы могли взывать, и мы это делали: припомни наши частые разговоры с Ковалевым[83] у карты в Миллерово, когда мы указывали тебе, что давить надо с верхов, хотя бы к примеру, начиная с Мержанова[84]. И что же ты сделал в этом отношении.

---

[78] Бонапарт Наполеон (15.08.1769–05.05.1821) — император французов, выдающийся полководец и государственный деятель.

[79] Вашингтон Джордж (22.02.1732–14.12.1799) — американский государственный деятель, первый президент США (1789–1797), один из основателей США.

[80] Мольтке, фон Хельмут Карл Бернхард (Мольтке Старший) (26.10.1800–24.04.1891) — германский генерал-фельдмаршал, военный теоретик, один из основателей Германской империи.

[81] Бисмарк-Шенхаузен, фон Отто Эдуард Леопольд (01.04.1815–30.07.1898) — первый канцлер Германской империи, организатор объединения Германии.

[82] Подчеркнуто автором.

[83] Ковалев Михаил Аникеевич (01.11.1884–1946) — из казаков станицы Нагавской Области войска Донского, полковник. Помощник начальника оперативного отдела Войскового штаба Всевеликого войска Донского (1918). И.д. помощника начальника оперативного отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба Донской армии (1919). Старший адъютант штаба Донского корпуса (1920). В эмиграции в Болгарии. Вывезен в СССР. Умер в заключении.

[84] Мержанов Борис Анатольевич (04.03.1888–15.07.1962) — из казаков станицы Александровской Области войска Донского, полковник. Во ВСЮР с 28.11.1919. Начальник штаба 6-й Донской пластунской бригады (1919). В распоряжении генерал-квартирмейстера (на 1920). Умер в эмиграции.

Таким образом, если в книге касаться вопроса личностей, то нельзя же обходить и этих вопросов, о которых я пишу, но ведь это же закроет всю саму[ю] важную сторону и получится либо подсчет личных отношений, как вышло в записках Денисова (о чем я ему говорил) [85], либо дифирамбы Раковского. Нет! Я считаю, что мой метод более правильный — события в лето такое-то, как пишешь ты, а не сплетни.

Далее ты хочешь, чтобы я вынес порицание добровольчеству в той форме, в какую оно выродилось. Прости меня, Анатолий Киприанович, это не моя задача. Я буду писать о казачестве, отмечая попутно добровольчество спокойными и определенными штрихами, как я его понимаю, без всяких истерических выкриков. Кроме того, я совершенно не считаю себя компетентным в вопросе добровольчества, в вопросе калабуховской истории[86]. Я должен был знать это ближе, а писать об этом по слухам не могу и не буду.

Ты говоришь о необходимости оценки добровольческой реакции.

Припомни, пожалуйста, мой исчерпывающий письменный доклад, когда я доказывал необходимость идти нам не на Новороссийск, а на Грузию. Припомни и ответ твой. Эпизод этот мной ясно очерчен на стр. 103–104 первой моей книги[87]. Этот

---

[85] *Денисов С.В.* Записки. Гражданская война на Юге России 1918–1920 гг. Кн. 1. Январь-май 1918 г. Константинополь, 1921. Всего было намечено семь книг, но вышла только одна.

[86] Кулабухов (Калабухов) Алексей Иванович (1880–07.11.1919) — из казаков станицы Новопокровской Кубанской области, священник. Член Кубанской Рады и Кубанского Войскового правительства. Один из лидеров кубанских самостийников. Повешен по приговору военно-полевого суда за сепаратизм.

[87] «Еще в момент отхода к Кубани оперативная часть штаба Донской армии предусматривала возможность, что армия не удержится на Кубани. В докладе, сделанном по этому поводу 26 февраля (10 марта) во время стояния штаба армии в Тимашевской, указывалось на то, что отход всей армии на Новороссийск грозит большими осложнениями. Прежде всего, предусматривалось отсутствие достаточного количества средств для переброски всей армии и громадного количества беженцев из Новороссийска в Крым. Далее указывалось на то, что широкие казачьи массы, разделенные от территории Дона морем и потерявшие весь конский состав, в Крыму могут совершенно утратить боеспособность.

В виду этих соображений предлагалось, поддерживая тесную связь с добровольцами, направление которых определилось ясно на Новороссийск, приложить все силы к отрезвлению кубанского казачества и, объявив о создавшемся положении всем бойцам, отходить в общем направлении на юго-восток на Майкопский отдел. Далее предполагалось использовать этот богатый район для отдыха армии, тем более, что на этом направлении силы противника были ничтожны, и с наступлением весны перейти в наступление. В случае неудачи из Майкопского района имелось два пути отхода: в юго-восточном направлении через Пятигорск в Грузию (фланговый марш относительно слабой Ставропольской группы) и в крайнем случае в юго-западном — вдоль ж.-д. на Туапсе, оттуда по побережью на Грузию или на судах в Крым. Принятие этого решения вызывало необходимость начать немедленные переговоры с Грузией, для которой, согласно докладу, уничтожение вооруженных сил казачества большевиками грозило наводнением большевиками самой Грузии. Одновременно указывалось на необходимость в создавшихся условиях штабу армии отказаться от передвижения по ж.-д. в поезде, а перейти на передвижение лошадьми, держась ближе к войскам.

Начальником штаба армии этот проект был отклонен, причем было указано, что уже было решено с главнокомандованием об отходе армии, в случае необходимости, на Новороссийск,

доклад мой давал мысль — не разрывая резко с реакционной группой, чтобы она не могла сказать, что вся вина на нас, тем не менее, отделиться на самостоятельную дорогу. Добровольцы пошли бы в Крым, а мы, хотя бы силой оружия, — в Грузию. Твой ответ на мой проект ясно мне показал, что желания отделиться от добровольцев у тебя не было. Почему — я не знаю. Для меня ясно было, что наш поход на Крым — это гибель казачества. Я знал, что перевозить войска в Крым нет средств, а ты этого не знал, говорил, что все делается, кто-то закладывает какие-то базы. Неужели тогда ты верил во все это?! Да даже отбрасывая все это, я совершенно не желал и не желаю порицать добровольцев резко — кому будет легче от того, что одним ругателем станет больше? Станет ли после этого лучше? Нисколько.

Вопрос рейда Мамантова[88]. Опять-таки скажу, чтобы писать о нем, нужно иметь данные и пока я их не соберу, что делаю сейчас, до тех пор не могу и писать. Для меня ясно одно, что рейд не дал того, что от него ожидали. Почему — тоже со временем разъясню, как понимаю. Грабежа умолчать не мог и не могу — вся европейская пресса была переполнена комментариями к мамантовской преступной телеграмме — везем подарки. А поход с награбленным через Миллерово, уклонение от ревизии штаба армии, а подарки Мамантова. Анатолий Киприанович, да будь же справедлив и объективен[89]. Мамантова я знал по полку, в котором командовал сотней, а он был штаб-офицером[90]. Скажу прямо — впечатление очень и очень плохое. В гражданской войне его понять не мог. Думаю, что талантов кавалерийского начальника в строгом смысле слова у него не было, но ясно для меня из имеющихся от очевидцев дневников, что он держал казачьи массы в руках. В популярность же его среди крестьян, о чем пишешь ты, не верю; нужны доказательства. Никогда не забуду его историческую телеграмму в Зверево о капитуляции. Ее привез

откуда предположена экспедиция по побережью на юго-восток» (*Добрынин В.В.* Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 — март 1920 (Очерк). Прага, 1921. С. 103–104).

[88] Имеется в виду конный рейд IV Донского отдельного корпуса под командованием генерала К.К. Мамантова по советским тылам (10.08–19.09.1919) в период наступления ВСЮР на Москву. В ходе рейда казаки овладели городами Тамбов, Козлов, Лебедянь, Елец и Воронеж, станциями Касторная и Грязи. Рейд существенно затруднил управление советским Южным фронтом, отвлек на себя крупные силы РККА, нанес удар снабжению фронта и способствовал срыву наступательных операций красных. Вместе с тем результаты рейда могли быть более существенными, если бы казаки не оказались отягощены значительными обозами с захваченным имуществом.

[89] А.К. Келчевский в своих неопубликованных воспоминаниях давал восторженные оценки К.К. Мамантову (ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 29–35).

[90] Речь идет о 1-м Донском казачьем полку, к которому В.В. Добрынин был прикомандирован на полтора года для цензового командования сотней в 1914 г. В.В. Добрынин оставил воспоминания об этом, в которых без погружения в детали отмечал: «И здесь я принужден констатировать весьма печальный факт: в роли заведующего хозяйством войсковой старшина Мамантов оставил по себе весьма и весьма неблагоприятное впечатление. Его “хозяйственность” нами, командирами сотен, ощущалась довольно сильно... В роли строевого руководителя К.К. Мамантов тоже не проявил себя ничем особенным, кроме беспредельной любви к лошади и верховой езде... В стрелковом и тактическом отношении К.К. был прямо слаб и поэтому совершенно не вмешивался в это дело» (ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 114. Л. 1.).

Калиновский[91]. С ним мы тебе докладывали, что дело плохо. Ты нервничал, стучал кулаками по столу и кричал — все прекрасно. Я понимаю, что ты в душе считал нас паникерами, но лучше прямо смотреть фактам в глаза, а не заниматься самоутешением. Я, как начальник оперативного отделения, понимал, что отход зимой 1919 г. начался генеральный; своевременно я считал необходимым посмотреть в тыл; в результате, видимо, заслужил у тебя эпитет паникера. Предпочитаю такое паникерство, но не такую храбрость, скажу, ни на чем не основанную.

Из области военного дела: ты называешь в письме «пресловутая конница» Думенко[92] и Буденного[93]. Я иначе никогда и не думал и не думаю, но ты сам себе противоречишь — этой коннице ты посвятил брошюрку[94], помнишь ее, начальников ты внес было в свою статью «Односторонний опыт»[95] наравне с Врангелем, Мамантовым и др[угими] кавалерийскими начальниками. Правда, Думенко и Буденный вычеркнуты вместе с Шкуро[96] и другими, однако, значит, у тебя мысль все-таки всегда есть, оправдывающая за Думенко и Буденным приписываемые им таланты. Твоя рукопись, с которой я корректировал твою работу и сейчас у меня вместе с другими трудами, помещаемыми в № 2 «В[оенного] сб[орника]»[97].

Еще один вопрос чисто военного характера. Ты говоришь, что роль конницы выдвинута тобой. Не отрицаю, что, начальник штаба, ты эту мысль проводил. Но это не единственное мнение. После операций на Кавказе я во всех своих статьях в «Д[онских] вед[омостях]» всегда писал об этом. Кстати, может быть, ты припомнишь такой факт: когда Савельеву[98] не удалось форсирование Дона весной 1919 г.

---

[91] Калиновский Константин Тимофеевич (20.05.1885–03.01.1962) — из казаков станицы Аксайской Области войска Донского, генерал-майор. Начальник оперативного отдела Войскового штаба Всевеликого войска Донского (1918–1919). Начальник штаба IV Донского отдельного конного корпуса (1919). Умер в эмиграции.

[92] Думенко Борис Мокеевич (1888–11.05.1920) — советский военачальник, командир Конно-сводного корпуса РККА, один из организаторов советской конницы. Арестован по обвинению в убийстве комиссара Конно-сводного корпуса, лишен наград и расстрелян.

[93] Буденный Семен Михайлович (13.04.1883–26.10.1973) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, командующий 1-й Конной армией, один из организаторов советской конницы.

[94] *Келчевский А. К.* Думенко и Буденный. Роль, значение и тактические приемы конницы в русской Гражданской войне. Константинополь, 1920. А. К. Келчевский высоко оценивал способности Б. М. Думенко и С. М. Буденного как талантливых кавалерийских начальников и крупных самородков (Там же. С. 10).

[95] *Келчевский А.* Односторонний опыт // Военный сборник (Белград). 1922. Кн. 2. С. 213–220.

[96] Шкуро Андрей Григорьевич (07.02.1886–16.01.1947) — из казаков станицы Пашковской Кубанской области, генерал-лейтенант. Крупный кавалерийский начальник в антибольшевистских силах на Юге России периода Гражданской войны. Командир III Кубанского конного корпуса (1919–1920). В эмиграции. Сотрудничал с гитлеровцами. Вывезен в СССР и казнен.

[97] Речь идет о рукописи упомянутой выше статьи А. К. Келчевского «Односторонний опыт».

[98] Савельев Виктор Захарович (02.01.1875–1943) — из казаков станицы Ермаковской Области войска Донского, генерал-лейтенант. Командир Сводного корпуса Донской армии (1919). Умер в эмиграции.

и когда ты шел говорить по аппарату с Мамантовым, то я тебе сказал — скажи ты Мамантову, пусть он оставит корпус и спорит [?] во главе конницы. Ты пошел и пришел из аппаратной довольным, что удалось уладить дело. Я только одного не понимаю, почему не признавая таланта Мамантова в то время, я тем не менее предлагал это. Видимо, заразился твоей верой в Мамантова.

В заключение еще о казачестве и моей работе, посвященной ему. Возможно, что очерк вышел бездушный, как ты пишешь, но что он объективен — в этом нет сомнений, и в чем сошлась вся пресса при оценке моей книги единогласно. Совершенно не правильно, что нет справедливой оценки[99] всего сделанного казачеством и оценки его жертв. Что значит справедливая оценка? Для этого нужно смотреть на казачество с точки зрения казака такого, который знает казачество хорошо, стремится не идеализировать его, а говорить правду; последнее достигается только кропотливым изучением истории; я изучаю смутное время и провожу параллель с 1917–1920 г., изучаю также и историю всех войн с точки зрения оценки казачества. Что ты не совсем хорошо знаешь казачество, это ясно из твоей фразы «с Дону выдачи нет». Это красивая историческая фраза, но не больше.

Цифр жертв не привел, потому что их нет, а таблицу напряжения ты найдешь на стр. 111 моей первой книги; о жертвах есть на стр. 112 п. 4.

О «сепаратизме» ясно мной сказано на стр. 100–101.

Кроме того, ты не принимаешь во внимание и последнюю мою работу. Там ведь вопросам «сепаратизма» и «централизма» отведено главное место, здесь же опять оттенена неприглядная сторона отношения гл[авнокомандован]ия к казачеству или как ты говоришь — двойная игра. Выражение совершенно не удачное, т. к. двойной игры не было, а была одна, и эта игра отлично охарактеризована главным злым гением казачества осважником[100] Соколовым в книге «Правление Деникина»[101].

Тяжела драма казачества. О ней я тоже буду говорить, когда выясню вопрос всесторонне. Однако надо согласиться, что у врагов казачества были основания говорить о «казачьем сословном демократизме». Проклятые социалисты вина этому. Они погубили калединскую идею примирения казачества с крестьянством и, думаю, что сделано это не без умысла, т. к. этим мечтателям и фантазерам казачество было страшней всего. Не страшно, что социалисты против казаков, но страшно то, что никто не постоит за них. Читал ли ты хоть что-либо писанное не казаками похвальное о казачестве. Даже В.А. Харламов[102], которого я считал буфером между казачеством и добровольчеством (во время борьбы) и тот, имея свой орган[103],

---

[99] Подчеркнуто автором.

[100] Т.е. сотрудником ОСВАГа (Осведомительного агентства) — информационно-пропагандистского органа, существовавшего на белом Юге в 1918–1920 гг.

[101] Речь идет о книге К.Н. Соколова «Правление генерала Деникина» (София, 1921). Соколов Константин Николаевич (1882–1927) — русский юрист и политический деятель. Руководитель ОСВАГа. Умер в эмиграции.

[102] Харламов Василий Акимович (1875–13.03.1957) — из казаков станицы Усть-Быстрянской Области войска Донского. Депутат Государственной Думы четырех созывов. Председатель донского Войскового Круга (с 1918). Умер в эмиграции.

[103] В первые годы эмиграции В.А. Харламов участвовал в редактировании парижской русскоязычной газеты «Последние новости».

не дает оценки казачества. Так что же нам ожидать от жидовского «Руля»[104] или махрового «Нового времени»[105] или «Русской мысли»[106]. Левым казачество страшно, как элемент правый, а правым — как левый. А центру?

Где же драма казачества?

Ответ, дорогой Анатолий Киприанович, страшный.

Нет нигде поддержки у казачества, и все стоят за то, что его надо уничтожить. Конечно, того духа, который вкладывает в душу казачества родная станица, привольная степь, ласковые спокойные реки донские — его не убьет никакое письменное уничтожение. Но факт остается фактом — нет друзей у казачества и добиться их можно только в среде крестьянства[107]. Казачеству нужно привить мысль, что крестьянство не «хам» и «быдло», каким себе его рисовали донцы. Нужно казакам понять недопустимость «сословного демократизма», и когда эта задача осуществится, тогда уж будет легче. Большевики осуществили это очень радикально, но окончательно ли? Все пришедшее в революцию на Дон неказачье население и коренное крестьянство — все-таки это разные группы.

Теперь ближайшая и, по-моему, неизбежная драма: добровольчество ушло в эмиграцию без народа, ушла интеллигенция; казаки ушли всем народом, но сейчас им улыбается перспектива бросить эмигрантские мытарства и вернуться домой. Весна — она особенно тянет домой в родные края. Я уже оторвался от той земли, на которой мой отец учил меня работать и то весной переживаю тревогу. А что простое казачество?

Вот, кажется, все, дорогой Анатолий Киприанович! Если высказал что-нибудь неприятное, то отнюдь не для обиды. Ты был начальником и хотел быть хорошим старшим товарищем и потому тебе небесполезно знать то, что тебе, как начальнику, не скажет никто. Я никогда не стеснялся в изложении своих резких мыслей (был случай на войне, излагал их Сиверсу[108] и Бринкену[109]), но начинать сам свои «поучения», конечно, не мог. Другой вопрос, когда меня по этому вопросу спрашивают или затрагивают попутные темы.

Скажу еще, что если тебе еще придется служить в революционный период, то подбирать людей таких, которым безусловно веришь, но уже работай с ними душа в душу. Реакционный элемент белого движения силен был тем, что в этом отношении у них была единая работа. Нельзя теперь смотреть на подчиненных как на беспрекословных исполнителей воли. Для этого нужен авторитет особый.

Передай мой привет В. И. Сидорину. Я ему писал в Париж на «Последние новости», но ответа не получил, хотя там вопросов не было, а был ответ на просьбу

---

[104] «Руль» — берлинская русскоязычная газета под редакцией И. В. Гессена, издававшаяся с 1920 г.

[105] «Новое время» — белградская русскоязычная газета правого направления, редактировавшаяся и издававшаяся с 1921 г. М. А. Сувориным. Ранее издавалась в Петрограде.

[106] «Русская мысль» — белградская русскоязычная газета, издававшаяся в 1920 г. под редакцией профессора А. В. Маклецова.

[107] Подчеркнуто В. В. Добрыниным.

[108] Сиверс Фаддей Васильевич (18.10.1853–?) — генерал от инфантерии. Командующий 10-й армией Северо-Западного фронта (с 23.09.1914), в которую входил XX армейский корпус, где тогда служил В. В. Добрынин.

[109] Бринкен, фон ден Александр-Павел Фридрихович (28.08.1859–25.03.1917) — генерал от инфантерии. Командир XXII армейского корпуса (1912–1917). Умер на фронте.

А. М. Агеева дать материалы — все мной в предвидении возвращения было послано в штаб армии и там было получено, на что имеется расписка. А уцелело ли? Привет моей жены. Оба мы приветствуем от сердца Владимира Александровича Тараканова[110] и вспоминаем его всегда хорошо-хорошо.

Да, забыл еще — с твоей статьей «Односторонний опыт» я не согласен. Дух убийства конницы — ошибка, но посылка конных масс в Вост[очной] Пруссию ничего не дала бы, кроме краха — пример, действие гвард[ейской] кавалерии. Да еще одно упустил — ты говоришь о «коммерции» в моей работе — могу сказать, что здесь, очевидно, недоразумение, а вернее, конечно, незнакомство с обстановкой. Итоги книжной коммерции тебе известны еще с мирного времени. Если будешь писать, очень рад буду. Всего хорошего. Твой В. Добрынин.

ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 15. Л. 35–42об. Подлинник. Автограф.

[110] Тараканов Владимир Александрович (28.07.1871–?) — генерал-майор. Помощник начальника штаба Донской армии (на 1919). Военный ученый. В эмиграции — в Югославии.

Егор Егорович Лазарев. Из писем М. Ю. Морозову о Гражданской войне в Сибири

Об авторе:

Егор Егорович Лазарев[1] (1855–1937) — выходец из семьи крепостного крестьянина, мельника. В собственноручно заполненной анкете[2] Егор Егорович сообщил год и место своего рождения — 23 апреля 1855 г. Самарская губерния. В графе «образовательный ценз» указал — окончил Самарскую гимназию[3].

Участник народнического движения, «хождения в народ» неоднократно арестовывался, проходил по «процессу 193». Во время войны с Турцией 1877–1878 гг. участвовал в штурме Карса. Был близко знаком с Л. Н. Толстым. Ссылался в Забайкалье, через Японию бежал в США. Жил в Англии, Франции, Швейцарии. С 1902 г. член партии социалистов-революционеров (ПСР). До 1907 г. являлся членом Крестьянской комиссии при ЦК ПСР. Член 2-й Государственной Думы. В 1910 г. был арестован и сослан на 4 года в Сибирь, но вскоре ссылка была заменена высылкой за границу. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, жил в Самаре. Был избран в Учредительное собрание по списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов. Член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Делегат IV съезда ПСР. Относительно специальности до революции 1917 г. он написал в выше упомянутой анкете: «Унтер-офицер, земледелец, адвокат и вечный эмигрант»[4].

К большевистскому перевороту отнесся крайне отрицательно, сторонник активной борьбы с большевиками. Участвовал в заседании Учредительного

---

[1] Его личный фонд хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5824. 3 оп. 826 ед. хр. 1883–1937 См.: *Попов А. В.* Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. Материалы к истории русской политической эмиграции Вып. IV. М., 1998. С. 271.

[2] Анкета обнаружена автором в фонде Общества участников Волжского движения 1918 г. Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6082. Оп. 1. Д. 6. Л. 10. Заполнена анкета по случаю вступления Е. Е. Лазарева в выше названное Общество, образованное в Чехословакии в 1927 г. Документ подписан, стоит дата заполнения 26 декабря 1927 г., обозначен пражский адрес и телефон Лазарева. Он заполнял анкету в то время, когда он находился на лечении в здравнице Земгора.

[3] Л. Г. Протасов в книге «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи» (М., 2008. С. 326) пишет, что Е. Е. Лазарев гимназию не окончил.

[4] Там же.

собрания 5 января 1918 г. Являлся министром просвещения в правительстве Комуча[5]. В графе анкеты «Ваша деятельность по Волжскому движению» Лазарев указал: «Был управляющим Министерством Народного просвещения. Как член Учредительного собрания был членом Самарского правительства. Был на Уфимском съезде, на котором была избрана Директория. Пережил все ужасы ее ликвидации при Колчаковском перевороте . Постепенное продвижение к Владивостоку и переезд через Америку в Европу, в Прагу»[6].

В эмиграции Егор Егорович с 1919 г., с 1920 г. в ЧСР, получал пособие от чехословацкого правительства[7]. Активно занимался общественно-политической деятельностью. Участвовал в совещании членов Учредительного собрания в Париже в 1921 г. Один из основателей Пражского Земгора[8]. Входил в Союз русских писателей и журналистов в ЧСР (СРПиЖ)[9]. Издатель ежедневной газеты (1920–1921), еженедельника (1922–1925), а затем ежемесячного толстого журнала «Воля России» (1925–1932). В 1935 г. эмигрантская общественность отмечала 80-летие со дня рождения Лазарева: приветствия в его адрес направил СРПиЖ и Русский свободный университет[10].

Все в той же анкете Лазарев сообщал, что вывез из Самары полный экземпляр «Самарского вестника», официального органа Самарского правительства, который сдал на хранение в Русский заграничный исторический архив (РЗИА). Е. Е. Лазарев опубликовал в эмиграции ряд работ[11].

О документе:

Е. Е. Лазарев оставил крайне любопытные воспоминания, до сих пор не опубликованные, причем часть их находится в Национальном архиве в Праге (рукопись), а часть хранится в виде писем в Женеву М. Ю. Морозову в ГА РФ (объемом около 80 страниц). Фонд Р-6082. Оп. 1. Д. 21. Дело озаглавлено «Копии писем (2) эсера-белоэмигранта Е. Е. Лазарева из Праги Михаилу Юлиановичу Морозову о Гражданской войне в Сибири». Оба письма датированы: 15 сентября 1919 г. и 30 сентября 1919 г. Машинопись. На письмах печать Русско-чешского Объединения (Едноты) с указанием адреса объединения (Катержинская, 40) и печать Русского заграничного исторического архива. Публикуются отрывки из письма от 15 сентября 1919 г., на котором вверху карандашная приписка от руки: «Письмо в Швейцарию по приезде из Сибири в Прагу». Они касаются отношения чехов и словаков к русским эмигрантам, восприятия Лазаревым большевизма, кадетской партии, а также образования Комуча, выступления чехословацких

---

[5] ГА РФ. Ф. Р-6082.Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

[6] Там же.

[7] Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С. 181.

[8] Там же. С. 22.

[9] Там же. С. 98.

[10] Там же. С. 101; С. 65.

[11] *Лазарев Е.Е.* Из переписки с друзьями. Ужгород, 1935; *он же.* Ленин –Ульянов. Прага, 1924; *он же.* Моя жизнь: воспоминания — статьи — письма — материалы. Прага, 1935 Т. 1., а также на чешском языке: *Lazarev E.E.* Osvobození sedláků (vzpomínky z dětství). Praha, 1923; Elisej Sukač: náboženský vývoj, utrpení a sibiřské vyhnanství ruského “študisty‘. Praha, 1937.

легионеров в 1918 г. (т. н. «чехословацкого мятежа»), их связях с эсерами, а также отношений Комуча с Сибирским правительством и Уфимского совещания. В скобках указаны листы дела. В комментариях к документу использована книга Л. Г. Протасова «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи». М., 2008 и др. материалы.

Е. П. Серапионова

Е.Е. Лазарев

Отрывки из письма М.Ю. Морозову от 15 сентября 1919 г.

«Мы чувствовали и чувствуем себя доныне поистине в гостях у родственного народа[12]. Не считая многих десятков тысяч оставшихся в Сибири и России чехов[13], здесь в Чехословакии, мы окружены тысячами чехословацких легионеров, вернувшихся из Сибири и рассыпавшихся по всей стране, разносящих всюду чувства самой искренней симпатии к русскому народу, независимо от случайных и временных его подразделений. Это сближение и искреннее взаимное уважение двух родственных народов совершилось не через посредство литературы и интеллигенции[14] двух стран, а непосредственно самими массами. Целые годы чехи прожили в России в качестве военнопленных под гнусным режимом царского самодержавия, который относился к ним иногда хуже, чем к немцам и мадьярам[15]. И, несмотря на страшные мытарства, рассеянные по всей внутренней территории России и Сибири, в простом русском народе[16] они нашли теплые чувства родственной привязанности, и все[17] вспоминают о России, как о своей стране. И эти чувства не ис-

[12] Здесь и далее подчеркнуто в тексте.

[13] Письмо написано в сентябре 1919 г., а окончательная эвакуация основной массы чехословацких легионеров из России произошла в сентябре 1920 г. См.: Документы и материалы советско-чехословацких отношений (Далее – ДМИСЧО). Т. 1. М., 1973. С. 519.

[14] Знакомство и взаимное познание происходило по-разному. Еще задолго до революции 1917 г. существовали научные и культурные связи чехов и словаков с русскими учеными и деятелями культуры. См. об этом: *Doubek V.* Česká politika a Rusko (1848–1914). Praha, 2004; T. G. Masaryk a Slované / Ed. V. Doubek, L. Hladký, R. Vlček. Praha, 2013; *Лаптева Л.П.* Чешско-русские научные связи во второй половине XIX–начале XX вв. // Россия и Чехия. Научные, культурные и общественные связи. СПб., 2016. С. 156–176. Лазарев прав в том смысле, что в годы войны и революции эти контакты стали массовыми.

[15] Признавая в целом тяжелое положение военнопленных, следует отметить, что для военнопленных-славян в России по сравнению с немцами и венграми уже с октября 1914 г. предусматривался ряд льгот и послаблений: отдельное размещение, более теплые и удобные помещения, снабжение лучшей одеждой и пищей, более мягкий режим, возможность широко пользоваться отпусками, привлечение на работы более легкого и интересного характера, право поступать в специальные добровольные воинские дружины или в ополчение для военных действий против Германии и Австрии.– См.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. М., 2013. С.100–101.

[16] Здесь чувствуется народническая идеализация русского народа у Лазарева.

[17] На самом деле отношение к России, русским и событиям революции и Гражданской войны и у чехов, и у словаков очень различалось и зависело от пережитого опыта и политических

кусственно созданные; они заразили весь народ, всю толщу его, и потому здесь дышится вольно, уютно и тепло[18]. После всего пережитого я отдыхаю здесь душой. Последние полтора года я вместе с ними переносил все радости и горе, голодал и мерз вместе с ними. Я их защищал от клеветы и нападок, они не раз спасали меня от расстрелов то большевиками слева, то большевиками справа[19]. Под их защитой я попал в Прагу».

* * *

«...Для меня социализм есть религия, решение вопроса Бесконечности и Вечности, вопрос искания смысла человеческой жизни не на небе, а на земле. А такое искание несовместимо с разжиганием животных страстей и бессмысленным истреблением массы людей, целых миллионов человеческих жизней»[20].

* * *

«Большевизм же не Социализм, а вульгарная пародия и насмешка над ним[21]».

* * *

«Кадетская партия при царизме была партией демократической интеллигенции и вправе была называться Партией народной свободы. Но когда революция отбросила народные массы в лагерь социалистических партий, кадетам не осталось ничего, кроме буржуазных и реакционных элементов. Отсюда фатальные противоречия в поведении ее вождей».

взглядов. Хотя подтверждение точки зрения Лазарева можно встретить в воспоминаниях чехословацких легионеров. Так, участник событий, писатель В. Каплицкий вспоминал: «Вначале, как только мы попали в плен, многое нам в России не нравилось, многое мы считали смешным или отсталым, поэтому мы вели себя высокомерно и любили поговаривать о русских и украинцах как о деревенщине, однако чем дольше мы между ними жили, тем больше с ними сближались. Наконец они полностью завоевали наши сердца, главным образом своей сердечностью, прямотой, доверчивостью и гостеприимством». — *Kaplický V.* Hrst vzpomínek z dospělosti / K vydání připravil Martin Kučera. Praha, 2010. S. 17; см. подробнее об этом: *Серапионова Е.П.* Восприятие России и русских чешскими и словацкими легионерами // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М., 2014. С. 262–278.

[18] Е.Е. Лазарев жил в Чехословакии, пользовался поддержкой чехословацкого правительства в рамках «русской акции помощи», это обстоятельство надо учитывать, отмечая несколько восторженное, некритическое восприятие Лазаревым чехословацкой действительности. К тому же необходимо иметь ввиду и особое отношение чехословацких политических лидеров к эсерам, с которыми они сотрудничали в годы Гражданской войны и на которых они сделали ставку в эмиграции, выделяя основные средства русским эмигрантам через эсеровский по своему составу Пражский Земгор.

[19] Под «большевиками справа» Лазарев имел ввиду колчаковский режим.

[20] Это отношений Лазарева к методам большевиков почти дословно повторяет и отношение к ним первого чехословацкого президента Т.Г. Масарика, который обвинял большевиков, что они «совсем по-царски излишествовали в уничтожении жизней...». — *Масарик Т.Г.* Мировая революция. Т. 1. Прага, 1926. С. 203.

[21] Масарик отказывал большевизму даже в тождестве с марксизмом: «Большевизм ни по теории, ни по тактике марксизмом не является...По преимуществу он представляет собой смесь бланкизма, синдикализма и анархизма; он скорее бакунизм, чем марксизм». — *Масарик Т.Г.* Славяне после войны. Прага, 1923. С. 12. Подробнее об отношении Масарика к большевизму см.: *Серапионова Е.П.* Критика Т.Г. Масариком большевизма // «Восточноевропейский социализм»: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М, 1992. С. 21–31.

* * *

«Стал создаваться организованный антибольшевистский фронт, где группировались добровольцы и беглые офицеры всех политических оттенков от социалистов-революционеров до черносотенцев. Присутствие социалистических офицеров в армиях генералов поднимало престиж генеральских армий.

Между тем, в социалистическом лагере шла подпольная военная и гражданская организация; подготовка[22] не только фронта, но и тыла, — организация демократических сил. К моменту чехословацкого выступления с правительством Уральских казаков у П.С.-Р. [партия социалистов-революционеров] было заключено соглашение о совместном выступлении. По всей Сибири также шла то скрытая, то открытая борьба».

* * *

Выступление чехов

«...Чем вызвано было выступление чехословаков против большевиков? Чехословаки[23] всегда держали себя нейтрально[24] в наших партийных делениях и очень дружественно относились к большевикам. Были у них и горячие сторонники большевизма. Но в каждом из них сидел, прежде всего, демократ, сознававший, что его страна, Чехия, находится в Австро-Венгерских лапах, под Габсбургами. Когда большевики заключили мир с их угнетателями, они не могли примириться с этим. Свобода Чехии зависела от поражения немцев. Они стали просить

[22] В тексте «подготовление».

[23] Принятое тогда определение чешских и словацких легионеров. Вероятно, не случайное, так как идейной основой будущего чехословацкого государства стала теория «чехословакизма» — единой чехословацкой нации, развивавшейся в разных исторических условиях двумя ветвями — чешской и словацкой. Уже после образования Чехословацкой республики (ЧСР) официальным языком был признан чехословацкий (на практике это означало, что в чешских землях говорят по-чешски, а в Словакии — по-словацки). Подробнее об этой теории и новом государстве см.: *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008; *Серапионова Е.П.* Идея чехословакизма. Истоки и реализация // Национальный вопрос в Восточной Европе — прошлое и настоящее. М., 1995. С. 61–71.

[24] Действительно, вскоре после большевистского переворота 9 ноября 1917 г. Т.Г. Масарик обратился с воззванием к полкам чехословацкого корпуса, где, в частности говорилось: «Была достигнута договоренность с русскими военными учреждениями, что наше войско не будет использовано в политических сражениях русских партий; мы не будем вмешиваться в эти политические сражения». — Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. С. 874. Правда затем, позже его позиция изменилась. В начале января 1918 г. Чехословацкий национальный совет (ЧСНС) заключил с украинским правительством соглашение о взаимном признании, подчинении чехословацкого корпуса в военном отношении украинским военным властям, невмешательстве чехословацких войск во внутренние политические распри на территории Украины, но с оговоркой о возможном использовании их для поддержания общественного и административного порядка. — Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус...С. 895–896.

союзные державы перевести их на французский фронт[25]. Они осуждали тактику большевиков, но не питали к ним никакой вражды. Напротив, они послали в Москву делегацию, чтобы уладить дело дружески и просили содействия в отправке их через Архангельск или через Владивосток. И сами большевики согласились им помочь и выразили письменно глубокую признательность России за их патриотизм и братскую помощь[26].

Но Мирбах[27] уже сидел в Москве и держал вожжи в своих руках. Троцкий[28] и Чичерин[29] продолжали выражаться на большевистском жаргоне в переписке

---

[25] Здесь чуть смещены акценты: Франция еще весной 1916 г. поставила перед Россией вопрос о переброске русских солдат и части чехословацких легионеров на Западный фронт. С целью склонить российское руководство к этим действиям в России прибыл Й. Дюрих, а затем М.Р. Штефаник. И действительно 1200 чехословацких добровольцев-легионеров были туда отправлены. — См. об этом: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. С. 427–429; 823–824. После заключения Брестского мира чехословацкое командование запросило добро у большевистского руководства на переброску всего чехословацкого войска на Запад для продолжения военных действий против Центральных держав, и получило согласие на отправку через Дальний Восток. См.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 49–51; 55–56.

[26] Речь, вероятно, идет об обращении Верховного главнокомандующего советскими войсками республик Юга России В.А. Антонова-Овсеенко от 16 марта 1918 г., в котором выражалась благодарность бойцам Чехословацкого корпуса за «братскую услугу, которая оказана была чехословацким корпусом в борьбе рабочего народа Украины с бандами хищного империализма». — Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1. Оп. 3. Д. 88. Л. 13; *Váněk O.* Čechoslováci v Rusku. Praha. S. 38.

[27] Вильгельм фон Мирбах-Харфф (Wilhelm von Mirbach-Harff; 1871–1918) — граф, германский дипломат, с апреля 1918 г. посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве.

[28] Троцкий Л.Д. (настоящая фамилия Бронштейн, 1879–1940) — политический деятель, публицист, теоретик марксизма, автор концепции «перманентной» революции, в 1905–1907 гг. лидер Петербургского совета рабочих депутатов, редактор его «Известий». В 1908–1912 гг. редактор газеты «Правда». В 1917 г. председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания. В 1917–1918 гг. нарком по иностранным делам; в 1918–1925 гг. нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики; один из создателей Красной Армии. Член ЦК в 1917–1927 гг., член Политбюро ЦК в октябре 1917 г. и в 1919–1926 гг. В 1924 г. взгляды Троцкого (т.н. троцкизм) объявлены «мелкобуржуазным уклоном» в РКП(б). В 1927 г. он исключен из партии, выслан в Алма-Ату, в 1929 г. — за границу. Резко критиковал сталинский режим. Инициатор создания IV-го Интернационала (1938). Убит в Мексике агентом НКВД испанцем Р. Меркадером. Троцкий — автор работ по истории революционного движения в России, литературно-критических статей, воспоминаний «Моя жизнь» (Берлин, 1930).

[29] Чичерин Г.В. (1872–1936) — политический и государственный деятель. С 1905 г. член РСДРП, меньшевик. С 1907 секретарь Заграничного Центрального бюро РСДРП. Жил в Германии, Франции. В 1914 г. переехал в Лондон, сотрудничал с Британской социалистической партией и социал-демократической газетой "Голос". В 1917 г. арестован английскими властями и заключен в тюрьму, освобожден в 1918 г в обмен на разрешение уехать из страны английскому послу Д. Бьюкенену, выслан в Россию, где вступил в РСДРП(б). С 1918 г. зам. наркома иностранных дел и одновременно глава делегации на переговорах в Брест-Литовске. Подписал Брестский мире Германией, Австро-Венгрией и их союзниками. «Временный

со своими «друзьями немцами», но немцы ничем не смущались, они спокойно диктовали как нужно поступать, а не говорить. От большевиков скоро поступило требование сдать оружие и военные принадлежности. Чехи сдали имущество на миллионы рублей, имевшееся в их распоряжении, но дружески просили оставить часть оружия для личной защиты при пробеге до Владивостока. Чехи растянулись на протяжении 7 тыс. верст от Волги до Владивостока. Их части были разорваны. Голова во Владивостоке, хвост на Волге и даже за Волгой. Требовательность Троцкого возрастала и стала вызывать беспокойство в чехах. После ряда инцидентов стало ясно, что чехов хотят совсем обезоружить, во Францию не пропустят, и по настоянию немцев хотят задержать и запереть в лагере военнопленных[30]. Положение ужасное. Созван был Конгресс (съезд) из представителей от всех частей. На съезде решили, что если 60 000[31] чешских соколов[32] запрут вновь в лагерь военнопленных, как баранов, они покроют себя бесславием и покажут себя недостойными быть сынами свободной и независимой Чешской республики. Самая самостоятельность и независимость Чехии ставились под вопрос[33].

зам. Наркома», а с 30.5.1918 г. нарком иностранных дел РСФСР. Подписал в 1921 г. договоры с Ираном, Турцией и Афганистаном. Использовал дипломатические средства для ведения большевистской пропаганды за границей. Вступил в конфликт с Ф. Э. Дзержинским и ВЧК. Руководил советскими делегациями на Генуэзской (1922) и Лозаннской (1922–1923) конференциях. В 1922 г. подписал Рапалльский договор с Германией. Полиглот, говорил практически на всех европейских языках. С июля 1923 г. нарком по иностранным делам СССР. С 1925 г. член ЦК ВКП(б). В1930 г. из-за болезни заменен на посту наркома М. М. Литвиновым.

[30] Существует несколько версий изменения отношения большевиков к пропуску чехословацких эшелонов на восток. В. М. Фиц, например, считает, что не участвовавший в первоначальных советско-чехословацких переговорах народный комиссар по военным делам Л. Д. Троцкий изначально имел противоположную ленинской точку зрения, надеясь использовать чехословацкий корпус как ядро для строительства русской армии либо как бесплатную рабочую силу в лагерях военнопленных. *Fic V. M.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. II. Díl. Brno, 2007. S. 15–17. Сам же Троцкий объяснял перемену советской позиции изменением ситуации: высадкой японского десанта во Владивостоке. — РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 16–20.

[31] Относительно числа чехословацких легионеров в литературе приводятся разные цифры. Т. Г. Масарик в своих воспоминаниях «Мировая война» писал о 92 тыс. легионеров в России, тогда как в Словаре 1-го заграничного Сопротивления указана цифра — 61 тыс., а в каталоге выставки «Чехословацкий корпус в России», состоявшейся в Праге в 2008 г., говорится о 72 644 эвакуированных из Владивостока, включая женщин и детей. Есть и другие сведения о числе легионеров. — См.: *Masaryk T. G.* Světová revoluce. Praha, 1936. S. 331; Slovník 1. zahraničního odboje, 1914–1918. Praha, 1993. S. 26; Československá legie v Rusku 1914–1920. Katalog k výstavě. Praha, 2008. S. 108.

[32] Сокольская организация — спортивно-патриотическое общество, созданное в Чехии еще в XIX в. М. Тыршем и И. Фюгнером. Его члены назывались «соколы и соколки», а тренировочные залы — «соколовны». Движение соколов распространилось и за границей. Проводились слеты соколов, в том числе и международные. Общество воссоздано после 1989 г. Легионеры обращались друг к другу на ты, называя «брат», тем самым подчеркивая сокольскую традицию.

[33] В мае 1918 г., когда начался вооруженный конфликт легионеров с Советами, идея создания самостоятельного чехословацкого государства была уже достаточно

Решили доказать и большевикам, и союзным державам, что чешские сокола умеют умирать за свободу своей родины и за свободу всех народов, за демократию. Решено было оружие не сдавать, оказать приказам большевиков вооруженное сопротивление, захватить все промежуточные между разорванными частями станции, дабы соединиться всем и силой прорваться к Владивостоку, где находились представители союзных держав, имевших, как предполагалось, связи со своими правительствами. В действительности никаких прочных связей с Европой у представителей держав не было, и чехи не только не получили от них помощи и поддержки, но встретили упорное противодействие. Выступление чехов было для всех неожиданно. Честь и слава чехов в том, что они, несмотря на противодействие союзных представителей, решили пасть всеми костьми, но показать себя достойными самостоятельной и независимой жизни. Все до последнего солдата понимали, что вопрос идет не об их личной безопасности, а о том, быть или не быть свободной Чехословакии даже в случае благополучного для союзников исхода войны. Не посмеют союзные державы, не допустят союзные народы сто тысяч чехословацких соколов[34] умереть бесследно в борьбе за свободу родины и за мировую демократию. Чехия должна быть свободна. Свобода, честь — или смерть.

Таков лозунг[35], с коим решили выступить чехословаки. Это не было решение командного состава. Нет, это было решение выборных от всех солдатских частей. Для руководства движением чехословаков был на съезде избран центральный Национальный Совет, которому поклялись все повиноваться беспрекословно».

Но если чехословаки — горячие и убежденные демократы и социалисты, то как отнесется весь мир, когда они выступят против большевиков, считавшихся тогда многими передовым авангардом социализма. Не сочтет ли их мировая демократия контрреволюционерами, когда сами представители держав были против выступления, а некоторые из союзных правительств делали недвусмысленные шаги к сближению и даже признанию советской власти.

Но если Европа была отрезана от России и не знала, что такое большевизм и советская власть, то чехи — социалисты и демократы хорошо знали истинное положение дел.

К счастью, чехословаки были не одни против большевиков. К этому времени военные приготовления и переговоры П. С.Р. с разными областями в России велись усиленно. С. Р-ы вошли в сношения и с чехословаками. Вся драма чехословацких столкновений с большевиками разыгрывалась на глазах всей публики.

распространена. Но официально еще ни одно из союзнических государств не выступило с ее поддержкой.

[34] О численности легионеров в России см. сн. 28. Кроме того легионерские части были созданы во Франции и Италии. Общая численность легионеров за границей составляла приблизительно 100 тыс. Канцелярией чехословацких легий было зарегистрировано 109 590 легионеров, из них 88 688 отвечали условиям закона о легионерах от 25 июля 1919 г. — *Michl J.* Legionáři a Československo. Praha, 2009. S. 16.

[35] Действительно, это скорее лозунги, чем приписываемые Лазаревым всем чехословацким легионерам настроения и намерения. На самом деле чехи и словаки желали как можно скорее выехать из России, чтобы избежать возможного интернирования после заключения Россией Брестского мира с Центральными державами.

Чехословаки покрыли себя бессмертной славой в боях с немцами при знаменитом наступлении 18 июня[36] и под Бахмачем[37]. Симпатии всей демократической России были на их стороне.

Социалисты-революционеры не только одобрили чехословацкое выступление, но и обратились с просьбой соединить свои силы и взять ответственность за внутренний переворот на себя, взяв гражданское и политическое управление в свои руки, обеспечивавшие вполне интересы русского народа и мировой демократии.

Чехи знали истинное положение внутри страны, хорошо разбирались в оценке всех-всех как реакционных, так и социалистических партий. Они были и раньше в более близкой связи с эсерами при правительстве Керенского[38]. Все сомнения и колебания рассеялись. Ново-Николаевск, Челябинск, Самара были взяты и тотчас же образовалось два правительства: Самарское и Сибирское.

Самарское правительство образовалось из членов Учредительного собрания, под названием «Комитета Учредительного Собрания» в целях создания центрами государственного объединения всей Федеративной демократической республики под руководством и контролем Учредительного Собрания, которое должно было собраться открыто в Самаре. Это решение согласовалось с постановлением межфракционного бюро Учредительного Собрания в Петербурге, а затем в Москве.

В планах созыва[39] Учредительного Собрания где-нибудь в безопасном месте Самара никогда не фигурировала. Внимание обращали на определенные области: Украину, Дон, Кавказ и, наконец, Сибирь. В последнее время Сибирь привлекала к себе особое внимание, и выступление чехословаков и образование Самарского правительства было для членов Учредительного собрания совершенно неожиданным и непредвиденным.

Общей мыслью при известии об образовании правительства «Комитета членов Учредительного Собрания» в Самаре было: зачем в Самаре, когда было и вновь организовано Сибирское правительство с Социалистической областной Думой во главе.

Многим показалось образование Самарского правительства даже «авантюрой» и злоупотреблением именем Учредительного Собрания. Почему Самара, когда есть обширная Сибирь. Самара близка к фронту и находилась под ударами большевиков

---

[36] Имеется в виду битва под Зборовым летом 1917 г. Проявленное чехословацкими легионерами мужество способствовало тому, что Временное правительство дало добро на формирование Чехословацкого корпуса.

[37] 10–13 марта 1918 г. под Бахмачем чехословацкие легионеры вместе с большевистскими отрядами вели упорные арьергардные бои с немцами, что позволило основной массе легионеров погрузиться в вагоны и отправиться в Пензу. — Подробнее см.: *Fic V.M.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. I. Díl. Praha, 2006. S. 264; *Kalous J.* Boj československých legií u Bachmače // Československé legie v Rusku. Sborník příspěvků z kolokvia 9.5.2001 v Praze. Praha, 2003. S. 58–72.

[38] Керенский А.Ф. (1881–1970) — политический и государственный деятель, министр юстиции Временного правительства (март–май 1917 г.), военный и морской министр (май–август 1917 г.), с 8 июля по 25 октября 1917 г. министр-председатель Временного правительства.

[39] В тексте «созвания».

и Красной армии. Симбирск и Саратов, Хвалынск и Вольск Саратовской губернии; Ставрополь и Николаевск — Самарской, — находились еще под властью Советов.

Когда прибыл в Москву первый курьер, прорвавшийся сквозь большевистский фронт, с приглашением всех членов Учредительного Собрания поспешить в Самару, все были в нерешительности. Лозунг, где собираться, должен по уговору, быть дан посланными в Сибирь делегатами.

О военной подготовке к выступлению против большевиков со стороны партии Социалистов-революционеров и членов Учредительного Собрания и даже о Сибирской ее ориентации знали некоторые представители союзных держав, избравшие своей резиденцией Вологду. Чайковский[40] с некоторыми членами уехал в Вологду, а оттуда на Север в Архангельск. Другие направились на Волгу и прорывались через фронт в Казани, Нижнем, Саратове и других местах, направляясь через Самару на пути в Сибирь. Сибирь гипнотизировала всех. Чехи очищали энергично Сибирский путь и соединились в одну линию от Владивостока до Волги.

Разорванные на части вдоль великого Сибирского пути, отдаленные отряды чехов не знали еще о решении своего Съезда начать общее выступление. Но дерзкое поведение местных большевиков вынуждало каждую часть самостоятельно переходить в наступление.

Так, без боя заняли Иркутск. Но представители Англии и Франции заставили чехов очистить город и передать вновь во власть большевиков. Не зная ничего о решении съезда, чехи уступили. Большевики воспользовались, стянули войска и готовились наказать чехов.

Когда пришел приказ об общем наступлении, Иркутск был снова взят, но уже после упорной битвы. Город подвергся обстрелу. Здесь не место излагать историю Чехословацкого выступления. Я хочу только показать, что это выступление вызывалось мотивами высокого порядка и абсолютной необходимостью, без внешнего влияния и даже наперекор воле мало осведомленных представителей дружественных держав.

Лишь долго спустя, когда дружественные державы поняли и оценили великое значение чешского выступления в России в борьбе с большевиками и немцами и для водворения порядка в России, чехословаки, отрезанные от родины десятками тысяч верст, опираясь на Учредительное Собрание и народную симпатию, расположились в России, как дома.

Русские начали даже злоупотреблять их популярностью и боеспособностью. Со всех сторон и — стыдно сказать — даже со стороны казаков посыпались просьбы и мольбы прислать чехословаков для изгнания большевиков. Их слава, их

---

[40] Чайковский Н. В. (1850/51–1926) — политический деятель. Участник народнического движения 1870-х гг., член кружка «чайковцев». В 1874–1906 гг. в эмиграции. В 1890-х гг. один из организаторов «Фонда Вольной русской прессы». В начале 1900-х гг. член «Аграрно-социалистической лиги», в 1904 г. вступил в ПСР. В годы Первой мировой войны один из руководителей Всероссийского союза городов. В 1917 г. член ЦК Трудовой народно-социалистической партии. В 1918 г. один из руководителей антибольшевистского «Союза возрождения России», в 1918–20 председатель правительства Северной области (Архангельск), в 1920 г. член Южнорусского правительства при генерале А. И. Деникине. С 1920 г. в эмиграции.

стойкость и дисциплина становились легендарными. Чехословаками пугали всех буянов и безобразников.

Первые дни по занятии Самары крестьяне соседних мест привезли чехам хлеба, муки, 11 000 яиц.

Прошло три недели. В Москву приехал другой курьер с просьбой спешить в Самару. Дел по горло, а людей нет. Члены Учредительного Собрания действительно поспешили, но опять-таки не столько в Самару, сколько в Сибирь, в Омск. Гипноз продолжал действовать. Аргунов[41] и д-р Павлов[42] остановились в Самаре только на день- на два и проследовали в Омск в объятия Сибирского правительства.

Я выехал из Москвы с бабкой Брешковской[43], которая тоже направлялась в Сибирь. Мы поехали не на юг, а на север через Вологду, Вятку и Пермь. Фронт находился близ Тюмени. Оставив бабку в надежных руках, я спустился по Вятке

[41] Аргунов А.А. (1866–1939) — российский политический деятель, революционер. Исключен из Московского университета в 1890 г. за участие в студенческих волнениях. Один из основателей партии эсеров. Издавал эсеровскую нелегальную газету «Революционная Россия». В 1901 г. выслан в Восточную Сибирь, в 1905 г. бежал из ссылки. На 1-м съезде партии эсеров (в 1905–1906 г.) избран членом ЦК ПСР. Несколько раз арестовывался, жил в эмиграции. В 1917 г. вернулся в Россию. Один из редакторов эсеровской газеты «Воля народа». Был избран во Всероссийское учредительное собрание по списку ПСР. После Октябрьской революции был арестован, освобожден по ходатайству левых эсеров. В 1918 г. член Союза возрождения России. Принимал участие в работе Уфимского государственного совещания. Был избран заместителем Н.Д. Авксентьева в состав Директории. После колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. был арестован и выслан за границу. Через Китай выехал в Европу. В 1920 г. был на белом юге России, сотрудничал в Екатеринодарской газете «Утро Юга». В 1921 г. работал в Тифлисе в отделении Московского народного банка. Затем жил в эмиграции в Чехословакии. В 1922 г. вышел из ПСР, один из лидеров эмигрантской организации «Крестьянская Русь». С 1931 г. член редколлегии эмигрантской газеты «Руль» в Берлине, сотрудничал в других печатных органах эмиграции. Автор работ: Азеф — социалист-революционер // Провокатор: Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л., 1929. С. 13–133; Между двумя большевизмами. Париж, 1919.

[42] Павлов В.Е.(1873 — ?). — политический деятель, эсер. Родился в Москве в семье обер-офицера. Окончил Ярославскую гимназию, медицинский факультет Московского университета (1897). Врач. Поднадзорный с 1894 г. Один из организаторов «Революционной России» (1901). В 1901 г. заведовал Томским переселенческим пунктом. Был в ссылке в Иркутской губернии, в 1906 г. ссылка в Тобольскую губернию заменена выездом за границу. В 1915 г. был в розыске, арестован. В 1917 г. делегат III съезда ПСР. Участник заседания Учредительного собрания 5 января 1918 г.. Делегат VIII Совета ПСР в мае 1918 г. В Комуч не вошел, будучи сторонником широкой партийной коалиции. Участник Уфимского государственного совещания. Был арестован колчаковцами. Брат жены А.А. Аргунова. Включен в список подсудимых процесса над эсерами в 1922 г. заочно.

[43] Брешко-Брешковская Е.К. (1844–1934) — политический деятель, революционер, с 1873 г. в кружке «чайковцев», проходила по «процессу 193-х», осуждена на каторгу. С 1901 г. в руководстве ПСР. Член ЦК ПСР в 1902–1905 гг. и в 1907 г. , провела 2 года в Петропавловской крепости, выслана в Восточную Сибирь. В 1917 г. делегат III и IV съездов ПСР, участница Государственного совещания, обязательный кандидат ПСР в Учредительное собрание. В 1918 г. член Комуча, участница Уфимского совещания, с 1919 г. в эмиграции в США, Франции, Чехословакии, имела прозвище «бабушка русской революции».

и Каме к Казани и в Симбирск. Под Сингилеем стояли чехи и Народная армия, Ставрополь был очищен. Нужно было из Симбирска добраться до Ставрополя. С разными приключениями я благополучно добрался до Самары. Пять местных членов Учредительного собрания выбивались из сил, заведуя каждый несколькими министерствами и ведомствами, при содействии местных сил. Лидеры кадет бойкотировали Учредительное собрание и отказывались принимать деловое участие. Они, воспользовавшись свободой печати, после большевистского режима занялись критикой Комитета. Для них между большевиками и эсерами не было разницы. Они требовали, чтобы новое правительство поступало во всем по закону...

К моему приезду в Самару (14 июля 1918 г.) первые сношения с Сибирским правительством уже закончились и обострились. Из Сибири уже повеял дух реакции. В Омске появились новые люди, с новым настроением, которые отказывались от совместных и объединенных действий с Комитетом членов Учредительного Собрания. Прикрывались принципом «областничества», бывшим в большой моде во времена самодержавия. Новые члены Омского правительства мечтали о самостоятельности в подражание Украине, Финляндии, Грузии и других самостийников. Ссылаясь на административные удобства Омское правительство присвоило себе г. Челябинск с уездом, всегда принадлежавшим Уфимской губернии. При установившихся издавна связях и сношениях Челябинска со своим уездным городом административная перетряска в территории вредно отразилась на ходе дел. При добром соглашении и территориальная перетасовка, конечно, неважна, когда делается по общему согласию. Но здесь сделано было без всякого уведомления. В то время, как Самарское правительство делает распоряжения подлежащим властям в г. Челябинске, Омское правительство, ничего не говоря, отменяет их. Самарское правительство имеет в виду объединение частей на началах федерации, Омское правительство толкует о самостийности и своей самостоятельности. Присвоив себе Челябинск, оно установило в нем таможню и не стало пропускать нужный из Сибири хлеб. Стремление Самарского правительства координировать деятельность местных властей и правительств вокруг членов Учредительного Собрания, которые должны были собраться в Самаре, Омское правительство рассматривало как центризм, и перевело вопрос естественной необходимости и целесообразности на почву «местничества» и соподчинения. Ссылаясь на то, что главные силы чехов находятся на территории Сибири, Омское правительство приписывало себе руководящую роль и в общей администрации, т. е. брало на себя как раз ту роль, которая назначалась Учредительному Собранию. Вокруг последнего должна была объединиться Федеративная Россия, а не вокруг местных и областных центров.

Честолюбие сибиряков возрастало. Среди них появились ловкие интриганы, которые, прикрываясь своей социальной принадлежностью к партии социалистов-революционеров, обращались к защите их от чрезмерной требовательности Самарского Комитета — к другим приехавшим в Омск членам Учредительного Собрания, заранее отдавшим свои симпатии Сибири. Все главные члены «Союза Возрождения России» перебрались, согласно плану, в Омск. Омские интриганы и реакционеры, сбежавшие из Советской России, окружили их вниманием и нежностью, внушали им если не вражду, то равнодушие к судьбе Самарского прав[ительства] и к

самому Учр[едительному] Собранию наличного состава. Бабка Брешковская благополучно пробралась через Тюменский фронт. Для поднятия своего авторитета Омские интриганы вызвали престарелого и почтенного 80-летнего старика, путешественника Потанина[44], старого пророка Сибирского Областничества, соединили их с Бабкой и торжественно приняли их в Омске.

Я привожу эти мелкие факты не для того, чтобы исчерпать массу других инцидентов, ясно указывающих, что Омские правители нисколько не думали об интересах всей России, а заняты были исключительно личным честолюбием. В то время, как требовалось объединенное действие всех чешских отрядов и беспрепятственное и быстрое содействие им на всем протяжении, независимо от их временного расположения, Омские дельцы выдвигали местничество. Быстрый ответ на запрос или обращение к ним Самарского Правительства они считали признаком подчиненности Комитету, и потому отвечали медленно и с полемикой или совсем не отвечали. Окружив приехавших гостей, членов Учред. Собрания, вниманием и почетом, играя перед ними роль уравновешенных и деловых социалистов, Омские дельцы старались восстановить против Самарского «Комуча» (Комит. членов Учред. Собр.) и против самого Учр. Собрания Сибирское общественное мнение. В своих субсидированных газетах они распускали всякую чепуху и ложь и впоследствии создали прочную почву, объединив вокруг

[44] Потанин Г.Н. (1835–1920), путешественник, общественный деятель, русский исследователь Центральной Азии и Сибири. Родился в семье хорунжего Сибирского казачьего войска. В 1852 г. окончил Омский кадетский корпус и получил звание казачьего офицера. Служил в казачьем войске, в 1858 г. вышел в отставку и в следующем году стал вольнослушателем Петербургского университета. В октябре 1861 г. во время студенческих волнений Потанин был арестован и помещен на два месяца в Петропавловскую крепость. После освобождения вернулся в Сибирь, жил в Омске, затем в Томске, где в 1864–1865 гг. преподавал в мужской и женской гимназиях, сотрудничал в «Томских губернских ведомостях». В 1860-х гг. Потанин приступил к разработке концепции особого развития Сибири как специфической области в составе российского государства, сторонники которой в дальнейшем сформировали движение областничества. В мае 1865 г. вместе со своими единомышленниками Потанин был арестован и помещен в омскую тюрьму, где после нескольких лет следствия был обвинен в намерении отделить Сибирь от России и приговорен к 15 годам каторги. Он был отправлен в каторжную тюрьму в Свеаборге, в Финляндии. С 1871 г. находился на поселении в Никольске Вологодской губернии, в 1874 г. был помилован и освобожден, переехал в Петербург и обратился к научной работе. Еще будучи казачьим офицером, он совершил несколько небольших экспедиций по Алтаю и Средней Азии. В течение 1876–1893 гг. участвовал в 4 больших экспедициях по Монголии и Китаю, собрал и определил более 160 ранее не известных видов растений, открыл 3 новых рода растительного царства. Он собирал также зоологические и геологические коллекции, вел метеорологические, гидрологические наблюдения, исследовал состояние экономики, записывал сведения по этнографии и фольклору, набрав около 300 образцов устного народного творчества, сказок, преданий. Потанин публиковал свои материалы в научной периодике и отдельных изданиях. Его перу принадлежит более 235 научных публикаций, в том числе 10 монографий. Он был награжден Константиновской золотой медалью (1886), избран почетным членом Совета Томского технологического института (1905). С 1902 г. Потанин окончательно поселился в Томске, где по его инициативе и при непосредственном участии были осуществлены многие культурно-просветительные начинания. С 1915 г. почетный гражданин Томска, с 1918 г. почетный гражданин Сибири.

себя всех авантюристов, спекулянтов и реакционеров под названием «Блока общественных представителей Сибири».

Все это впоследствии, к сожалению, слишком поздно, подтвердилось и даже превзошло самые фантастические предположения. Но в те первые времена подготовлявшейся трагедии, жалобы и протесты Самарского Правительства против Омских реакционеров, казались несправедливыми и объяснялись властолюбием Самарского «Комуча».

Тотчас по приезду в Самару, я ознакомился с положением дел, с интригами Омского правительства и, видя, что товарищи выбиваются из сил под тяжестью навалившихся дел величайшей государственной важности, вступил в Комитет и принял на себя управление Ведомством Народного Просвещения.

Здесь не место останавливаться на чисто ведомственной деятельности, достаточно сказать, что все школы и учебные заведения были загажены постоем солдат. Сельские учителя как саботажники несколько месяцев не получали жалования и жили впроголодь. Всеми учебными заведениями управляли «пролетарии». Сторожа получали равное жалование с директорами гимназий, и при недостатке денег сами получали деньги из банка в руки для удовлетворения всего персонала учебного заведения, брали сначала себе, а остальное передавали высшему персоналу.

Родительские комитеты были или совсем уничтожены, или сведены к минимуму. Зато в педагогические Советы были введены в значительном числе представители учащихся. Со всех губерний посыпались просьбы спасти учительский персонал от голодной смерти.

Денег нет. Казначейства опустошены...

Нет, мне важно здесь отметить одну политическую сторону Омских реакционеров, которую мы видели и испытали еще в те времена, и которая впоследствии выразилась в страшных и пагубных последствиях.

Это вечное противодействие Омского Правительства на практике и восхваление ими своей деловитости страшно мешали своевременным и быстрым действиям чешских властей, и чешские командиры, видя, что идут какие-то препирательства между родственными властями, приходили совершенно основательно то в отчаяние, то в негодование, не зная кому отдать предпочтение в степени происходившей нелепости.

Аргунов, Авксентьев[45], д-р Павлов, Брешковская, генер[ал]

---

[45] Авксентьев Н.Д. (1878–1943) — политический деятель, эсер. Родился в Пензе в семье чиновника, из дворян. Учился на юридическом факультете Московского университета (в 1899 г. исключён в связи со студенческими волнениями), в Берлинском, Лейпцигском, Гейдельбергском и Галльском университетах, получил степень доктора философии. С 1905 г. член Партии социалистов-революционеров, с 1907 г. — член ЦК ПСР. Участник революции 1905–1907 гг., возглавлял фракцию эсеров в Петербургском совете рабочих депутатов, был членом Исполкома и товарищем председателя. Вместе с другими руководящими деятелями Совета был арестован, осуждён и сослан в Сибирь, бежал за границу. В 1907–1917 гг. в эмиграции, редактировал эсеровскую газету «Знамя труда», выступал против террора. Являлся лидером правого крыла эсеров. В годы Первой мировой войны занимал оборонческую позицию. После Февральской революции был избран членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председателем Всероссийского совета крестьянских депутатов, был министром внутренних дел в составе второго коалиционного Временного правительства,

Болдырев[46] и другие руководители «Союза Возрождения»[47] — сторонники Дирек-

являлся председателем Всероссийского демократического совещания и Временного совета Российской республики (так называемого «Предпарламента»). Был избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания. После Октябрьского переворота 1917 г. — один из организаторов Комитета спасения Родины и Революции, один из руководителей Союза защиты Учредительного собрания, за что был заключен новой властью в Петропавловскую крепость. С марта 1918 г. входил в руководство Союза возрождения России. По решению ЦК ПСР в конце мая 1918 г. выехал в Сибирь, был избран председателем Государственного совещания в Уфе и возглавил Временное Всероссийское правительство (так называемую «Директорию»), объединившее разрозненные антибольшевистские правительства востока России. После переворота Колчака 18 ноября 1918 г. был арестован и выслан за границу. В 1918–1940 гг. вёл активную деятельность в различных эмигрантских организациях, издавал журнал «Современные записки». В 1940 г. переехал в США, где выпускал журнал «За свободу». Автор книги «Сверхчеловек. Культурно-эстетический идеал Ницше» (1906).

[46] Болдырев В. Г. (1875–1933) — военный и государственный деятель, генерал-лейтенант, участник антибольшевистского сопротивления на Востоке России. Верховный главнокомандующий войск Директории. Из крестьян. В 1893 г. окончил Пензенское землемерное училище, в 1895 г. — Петербургское военно-топографическое училище, был выпущен подпоручиком в корпус военных топографов. Служил в Эстляндии и Лифляндии, затем в Красноярском полку в Юрьеве. В 1903 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. Участник русско-японской войны, был ранен. С 1911 г. преподавал в Академии Генерального штаба. В 1914 г. защитил диссертацию на тему «Атака укрепленных позиций», после чего был назначен экстраординарным профессором. Участвовал в Первой мировой войне, награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени. После Февральской революции 1917 г. назначен командиром 43-го армейского корпуса, в апреле получил звание генерал-лейтенант. В сентябре 1917 г. назначен командующим 5-й армией. После Октябрьской революции за отказ явиться к Верховному главнокомандующему Н.В Крыленко был арестован, находился в заключении. Освобожден в марте 1918 г. по амнистии. С 1918 г. входил в руководство «Союза возрождения России», член «Национального центра». На Уфимском Государственном Совещании он был избран одним из 5 членов Временного Всероссийского правительства (Уфимской директории), Главнокомандующим войсками Директории. После прихода к власти адмирала А. В. Колчака отказался от командования и выехал в Японию. Вернулся в начале 1920 г. во Владивосток, занимал ряд гражданских и военных должностей. С 8 апреля по 12 декабря 1920 г. Командующий сухопутными и морскими силами Дальнего Востока, член военного совета Временного правительства Дальнего Востока. В 1921 г. председатель российской делегации по Русско-японской согласительной комиссии, товарищ председателя Приамурского народного собрания. После захвата Красной армией Владивостока в ноябре 1922 г. арестован, заявил о готовности служить советской власти. Летом 1923 г. был амнистирован. Занимался преподавательской и научной работой, член авторского коллектива Сибирской Советской энциклопедии. В 1932 г. арестован по подозрению в контактах с японской разведкой, по обвинению в организации контрреволюционного заговора расстрелян 20 августа 1933 г. Автор ряда сочинений, в том числе: Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания: (Из цикла «Шесть лет», 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925.

[47] «Союз возрождения России» (СВР) — антисоветская организация, возникшая в марте — мае 1918 г. в Москве как широкая коалиция политических партий кадетов, энесов и эсеров. Позднее в «Союз» вошли независимые социал-демократы, меньшевики «Единства» (правый фланг РСДРП), беспартийные, стоявшие на «государственно-патриотической точке зрения» в защиту народоправства. Членство в «Союзе» было индивидуальное, и участники полностью сохраняли свою партийную принадлежность. Наиболее многочисленные и активные отделы «Союза» были в Архангельске, Вологде, Киеве, на Дону, в Москве, Петрограде,

тории[48], перебрались постепенно в Омск и готовили выполнение своего плана коллективной Директории.

Для улаживания[49] трений между всеми наличными анти-большевистскими правительствами и, главным образом, между Самарским и Омским правительствами было решено устроить в г. Челябинск съезд организационной комиссии для выработки условий представительства на Обще-государственное совещание, выбрать место и время для созыва его.

К концу августа в Самару съехалось до 80 членов Учр. Собр. Функции Комитета были разделены: Исполнительная власть была отделена от Законодательной и Контрольной.

Исполнительная власть состояла из Управляющих ведомствами и Совета управляющих. Она действовала путем декретов и распоряжений по ведомствам, имеющих силу временных законов. Важнейшие из них обсуждались и утверждались всем составом Комитета Ч. У.С. в пленарном заседании.

Таким образом, в организацию Комитета и правительства были положены основы демократического правления Всероссийской республики. На вступление в Комитет имели, если не обязанность, то право все члены Учр. Собр. без различия фракций (кроме большевиков и левых С. Р.).

действовали подпольно. Среди учредителей «Союза» — кадеты: Н.И. Астров, Н.Н. Щепкин, Н.М. Кишкин, Д.И. Шаховской; эсеры: Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, А.А. Аргунов (Воронович); энесы: Н.В. Чайковский, В.В. Волк-Карачевский, В.А. Мякотин, С.П. Мельгунов, А.А. Титов, А.В. Пешехонов. Позже в «Союз» вошли меньшевики: В.О. Левицкий (Цедербаум), А.Н. Потресов, В.Н. Розанов; эсеры: Н.Д. Кондратьев , С.Л. Маслов; трудовики: Д.М. Одинец. Политическая платформа «Союза» включала: непризнание Брестского мира; восстановление России в границах 1914 г. за исключением Польши и Финляндии; возрождение русской государственности; передачу власти Директории в переходный период до созыва Учредительного собрания. Летом 1918 г. многие руководители «Союза» выехали из Москвы, и деятельность «Союза» в Москве прекратилась. Одна из крупнейших организаций «Союза» была создана в Омске. Омский «Союз» противостоял большевикам и поддерживал по большинству вопросов Верховного правителя Российского государства Колчака, Временное Сибирское правительство, «Деловой Кабинет» Д.Л. Хорвата и считали иностранную интервенцию вынужденной необходимостью. Омский «Союз» выступал против правительства П.Я. Дербера. В 1920 г. Омский «Союз» прекратил существование из-за поражения в Гражданской войне. Многие члены Омского «Союза» были арестованы и репрессированы.

[48] Уфимская Директория (УД) — Временное всероссийское правительство, созданное Уфимским государственным совещанием 23 сентября 1918 г. В его состав были избраны: правый эсер Н.Д. Авксентьев (пред.), кадет Н.И. Астров, ген. В.Г. Болдырев, глава Временного сибирского правительства П.В. Вологодский и народный социалист Н.В. Чайковский. Ввиду отсутствия некоторых из них в Директорию вошли: Авксентьев, Болдырев, В.М. Зензинов (эсер), В.А. Виноградов (кадет) и В.В. Сапожников, которого с переездом УД в Омск сменил Вологодский. Уфимская директория своим указом лишила власти прежние областные правительства. В октябре УД переехала в Омск. 4 ноября 1918 г. был создан Совет министров во главе с Вологодским. В его состав вошли противники социалистов, Колчак был назначен военным министром. После переворота Колчак был провозглашен «верховным правителем», УД распущена, Авксентьев и Зензинов арестованы (позже отправлены за границу), Болдырев и Виноградов вышли из состава правительства. Вологодский остался председателем Совета министров при Колчаке. Съезд членов Учредительного собрания был разогнан.

[49] В тексте «улажения».

Когда атаман Дутов[50] с помпой в сопровождении свиты казаков приехал в Самару, заранее заказав Городскому Голове приготовить для него и свиты соответствующее число номеров в гостинице, по приезду Дутова. Комитет пригласил его пожаловать к себе и потребовал от него объяснений. Будучи членом Учр. Собрания, Дутов пожелал тотчас же вступить в Комитет и подчиниться контролю Центрального правительства, действуя самостоятельно только в управлении военной, казачьей частью в оренбургской губ. Также поступили[51] и с прав. Уральского казачьего войска.

Нужно отметить, что Оренбургская губ. и область Уральского войска населена смешанно — казаками и простыми крестьянами. Казачьему Управлению всегда подчинялись только казаки. Все остальное население подчинялось гражданским властям. Были и атаманы, и губернаторы, и земства (в Оренбургской губ.). Ни крестьяне, ни башкиры Оренбург. и Уральского края не хотели подчиняться атаманской власти и часто обращались к нам с просьбой не позволять атаманам распоряжаться их судьбой, вмешиваться в их местное самоуправление, в их школьное дело и проч. Контроль

---

[50] Дутов А.И. (1879–1921) — атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант (1919). Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в 1897 г., Николаевское кавалерийское училище в 1899 г., курсы при Николаевском инженерном училище в Санкт-Петербурге (1903), поступил в Академию Генштаба. В 1905 г. добровольцем ушёл на русско-японскую войну, был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени. По возвращении из Маньчжурии Дутов продолжил обучение в Академии Генерального штаба, которую окончил в 1908 г. по 2-му разряду. С 1909 по 1916 г. он преподавал в Оренбургском казачьем юнкерском училище. В октябре 1912 г. Дутов командирован для годичного цензового командования 5-й сотней 1-го Оренбургского казачьего полка в Харьков, затем вернулся в училище, где прослужил до 1916 г.

20 марта 1916 г. Дутов добровольцем ушёл в действующую армию, участвовал в Брусиловском прорыве, был дважды ранен. В октябре 1916 г. назначен командующим 1-м Оренбургским казачьим полком. За боевые отличия Дутов был награждён орденами. После Февральского переворота 1917 г. избран товарищем председателя Временного Совета Союза Казачьих Войск. В июне1917 г. стал председателем II Общеказачьего съезда в Петрограде, председателем Совета Союза Казачьих Войск. В сентябре 1917 г. был избран атаманом Оренбургского казачьего войска и главой (председателем) войскового правительства. По своим политическим взглядам Дутов стоял на республиканских и демократических позициях. 26 октября Дутов подписал приказ о непризнании на территории Оренбургского казачьего войска власти большевиков и взял под контроль стратегически важный регион, перекрывавший сообщение центра страны с Туркестаном и Сибирью. В ноябре Дутов был избран членом Учредительного Собрания. С января по апрель 1918 г. вел бои с большевиками, вынужден был отступить в Тургайские степи. К маю 1918 г. антибольшевистское движение казаков усилилось. Их поддержали восставшие чехословацкие легионеры. В июле 1918 г. казаки взяли Оренбург, куда прибыл Дутов, который возглавил Оренбургское казачье войско, объявив территорию Оренбургской губернии — особой Областью Войска Оренбургского, к концу сентября полностью очистив ее от большевиков. Дутов поддержал Верховного Правителя, его части вошли в состав Русской армии адмирала Колчака. В сентябре 1919 г. Оренбургская армия была разбита Красной армией под Актюбинском, атаман с остатками войска присоединился к Семиреченской армии атамана Анненкова, был назначен генерал-губернатором Семиреченской области. В апреле 1920 г. Дутов с отрядом и гражданскими беженцами перешёл в Китай. 7 февраля 1921 г. в ходе спецоперации атаман Дутов был убит в Суйдуне агентами ЧК. Подробнее см.: *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006.

[51] В тексте «было поступлено».

над действиями казачьих управлений вызывался, таким образом, не стремлением к централизации, как жаловались атаманы и Сибирское правительство, а именно принципами автономии и самоуправления разных национальностей. Киргизы и башкиры образовали самостоятельную автономную организацию «Алаш-Орда»[52] и были всегда самыми верными сотрудниками Комитета и Самарского правительства.

То же и со всеми другими мусульманами. Мусульмане свято чтут и ценят великие блага, которые принесла великая мартовская Революция и которые не ставит ни в грош Советская власть.

Политическая свобода впервые открыла для них широкую дверь в их самостоятельной деятельности. Они быстро организовались по всей России — Европейской и Азиатской, включая киргиз и башкир.

Весной 1917 года женщины-мусульманки созвали в Казани всероссийский съезд, на котором потребовали уничтожения позорного положения женщин среди мусульман и введения женского равноправия. На последовавшем потом общемусульманском конгрессе в Казани, на котором участвовало до 100 делегатов от женщин. Эти требования женского равноправия были утверждены, многоженство отменено, и, что всего удивительнее, в Мусульманский духовный совет (на подобие нашего св. Синода) шестым членом была назначена женщина-мусульманка. Для мусульманства это столь же удивительное нововведение, как если бы православное богослужение отправляла женщина.

Все эти 30 000 000 мусульман России твердо стояли за Учредительное Собрание. И они явились самыми ярыми противниками советской власти, разрушившей их национальную организацию; они были столь же ярыми противниками поднимавшего голову казачьего атаманства, поддерживаемого Сибирским правительством.

Теперь скрывать нечего. Правда нужна для настоящего и будущего. Неответственным лицам и партиям легко критиковать со стороны всякое правительство.

Не таково положение Управляющих, которые сознают, чувствуют и видят страшную ответственность за судьбы народа в целом, а не той или другой части его. Коммунистическое, как и царское, правительство, несмотря на свой недосягаемо радикальный большевизм, имеет хорошо организованную жандармерию, сыскное отделение и контрразведку. Их сыщики, провокаторы и агенты рассылаются всюду и под разными видами. Самый опасный сорт их — военные офицеры. Они поступают в войска противных армий, ведут растлевающую пропаганду, и в нужный момент втыкают нож в спину. Нет другого спасения от них, кроме организации контрразведки. Невыгода положения правительств, знакомых с понятием «совести» и «чести» — та, что правительства без «совести» действуют «по-немецки», не смущаясь ни чем на свете, тогда как «совесть» заставляет резонерствовать, ставить разные вопросы «права».

Иногда совестливые колебания обходятся дорого народу и человечеству. Не говоря о новомодном употреблении немцами удушающих газов, поразивших мир

---

[52] «Алаш-Орда» (1917–1920) —правительство казахского автономного государственного образования, провозглашенного партией «Алаш» и учрежденного Общекиргизским (общеказахским) съездом в Оренбурге 5–13 декабря 1917 г. Ликвидировано большевистским Военно-революционным комитетом по управлению Киргизским краем 5 марта 1920 г.

своей оригинальностью, подражать которой союзникам запрещала «совесть», укажем на подвиги немецких морских разбойников. Два корсара *Bremen* и *Goeben*, потопив неприятельские суда, скрылись в нейтральные Дарданеллы и приехали на обед к Султану. Англичане погнались, но захватить не смогли, а вступить в нейтральные воды совесть не пускала...

Тем временем немцы укрепили Дарданеллы, И когда англичане одумались и попробовали попасть в Дарданеллы, их попытка обошлась им во сто тысяч человеческих жизней.

Крошечку своевременной «бессовестности» и Дарданеллы были бы без боя в руках Англии.

Я не проповедую бессовестности даже и во время войны, я только констатирую положение: если в международном стаде заведется только одна паршивая овца, она непременно заразит все стадо. Оставьте хоть одну державу вооружиться до зубов, и все другие будут вооружаться до ушей. Оставьте секретные договоры и дипломатию, и через несколько лет какой-нибудь народ взлетит к небу...

Короче сказать, у Самарского правительства была создана своя контрразведка, и она показывала, на что способны Советская власть и Сибирская реакция. Наша Народная армия[53], созданная в помощь и для замены чехословаков, и даже штаб ее были насыщены предателями слева и справа. Тошно вспоминать...

Самым слабым местом Самарского правительства была организация армии. Ни надежных инструкторов, ни оружия, ни амуниции. Союзники были далеко, не имели ни малейшего представления, что делается в наших краях. Их представители-самозванцы обманывали и себя и нас, потому что сами были отрезаны от всего мира, и все сообщения о нас доходили до Европы или через большевиков, или через враждебное к нам Сибирское правительство, добивавшееся исподтишка признания его Всероссийским...

Всплывшие теперь на поверхность правители Сибири и были теми заядлыми социалистами и революционерами, которые считались хранителями земли Ханаанской

[53] Народная армия — (июнь–октябрь 1918 г.) — вооружённое формирование Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч), одно из первых формирований белых войск на Востоке России во время Гражданской войны. Объединив отдельные небольшие антисоветские отряды Поволжья, Народная армия позволила установить контроль над обширной территорией Поволжья и Прикамья и совместно с командованием Чехословацкого корпуса создать общий антисоветский фронт в Поволжье. Формировалась под полным контролем со стороны партии социалистов-революционеров. Наиболее боеспособное ядро Народной армии составляла добровольческая Отдельная стрелковая бригада (Стрелковая бригада особого назначения) под командованием полковника В. О. Каппеля. Именно каппелевцам удалось добиться наибольших успехов — взятие Сызрани (дважды — 11 июня и 10 июля), Симбирска (21 июля), Казани (7 августа). В середине августа было создано оперативное объединение русских и чехословацких войск — Поволжский фронт под командованием полковника С. Чечека. Осенью 1918 г. под ударами превосходящих сил РККА части Народной армии были вынуждены оставить контролируемые ими территории Поволжья и отойти на восток и юго-восток. Поражение Народной армии стало результатом провала мобилизационных планов, а также нарастающего конфликта между эсеровским правительством и офицерским составом Народной армии. После создания Уфимской директории Народная армия вошла в состав ее вооруженных сил, Поволжский фронт был упразднён 12 октября с образованием Западного фронта армии Уфимской директории.

и которые еще в те времена тайно вели систематическую борьбу с русской демократией. Они были ярые сторонники военной диктатуры и усиленно поддерживали планы сторонников Союза Возрождения. Во всяком случае, эти планы были им на руку.

Членам Самарского правительства с самого начала было ясно, с кем мы имели дело в Омском правительстве. Но в те времена действовал еще гипноз, и наше отрицательное отношение к Сибирскому правительству и союзниками, и сибирскими промышленниками, спекулянтами, атаманами и даже некоторыми товарищами объяснялось личными мотивами.

Уфимское совещание

На предварительном совещании в г. Челябинске было решено пригласить на Государственное совещание кроме двух соперничающих правительств, представителей всех существующих антибольшевистских правительств с равным голосом; представители[54] Союза Земств и Городов, представителей от Союза Возрождения, от чехословаков[55], представителей Ц. К. от всех политических партий от С. Р. до кадетов включительно и, кроме того, всех членов Учредительного собрания.

Сибирское правительство с И. Михайловым[56] и Вологодским[57] во главе настаивало на Омске или Челябинске, как месте совещания. Самарское правительство — на Самаре, где находилось до 80 членов Учр. Собр. И где существовало до десятка фронтов, требовавших присутствия членов правительства в г. Самаре.

Сибирское правительство откопало 7 или 8 казачьих правительств в Сибири с решающим голосом, и большинством их голосов было постановлено избрать местом Государственного совещания г. Уфу, как нейтральное место.

Это решение было для нас большим ударом. Положение было критическое. Первое время успехи чехов и Народной Армии были блестящи. Но произведенная мобилизация дала массу молодых солдат, коих нечем было вооружить, нечем одеть и кормить. Не было надежных инструкторов. В бой шли солдаты мало обученные, мало дисциплинированные против тоже мало дисциплинированных красноармейцев, но лучше вооруженных и оборудованных[58], под руководством опытных мадьярских офицеров.

---

[54] В тексте, вероятно, опечатка, должно быть «представителей».

[55] Слово «Чехословаков» здесь и далее в тексте написано с заглавной буквы — это «чехизм» автора (в чешском языке названия национальностей пишутся с большой буквы).

[56] Михайлов И. А. (1891–1946) — государственный и политический деятель, министр финансов в правительстве А. В. Колчака (1918–1919). Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, экономист, управляющий делами Экономического совета при Временном правительстве. С 1920 г. в эмиграции в Манчжурии.

[57] Вологодский П. В. (1863–1925) — государственный и политический деятель, председатель Временного Сибирского правительства (июнь–ноябрь 1918 г.), председатель совета министров России (ноябрь 1918–ноябрь 1919). Закончил юридический факультет Харьковского университета, эсер, активный деятель областнического движения, депутат 2-й Государственной Думы, министр иностранных дел Временного правительства автономной Сибири (январь-июнь 1918 г.). В 1920 г. эмигрировал в Китай.

[58] Так в тексте.

Успех загнал нашу Армию слишком далеко от базы. Были заняты Симбирск и Казань. Нижегородский Совдеп лишь большинством одного голоса отверг добровольное присоединение к власти Учред. собран. Население губернии на пути к Москве ожидало с нетерпением прихода чехов и Народной Армии.

Чехи были против поспешного продвижения вверх по Волге, находя, со стратегической точки зрения вредным слишком растягивать фронт при недостатке сил.

Наоборот население разных городов засыпало нас требованиями и с юга, и с севера — подать руку помощи, ибо сдерживать выступление населения против большевиков невозможно. Многие, действительно, вопреки просьбам ждать нормального продвижения армии, поднимались сами, изгоняли большевиков, но, продержавшись некоторое время, падали под ударами большевистских сил, присланных из центра.

Так случилось с Вольском и Хвалынском[59]. Движение на Казань вызывалось необходимостью захватить суда и пароходы, стянутые там, для движения по Волге и барж для перевозки нефти и продуктов вниз по Волге. Кроме того, там была сосредоточена масса военных принадлежностей, разного рода артиллерия, походные телеги, а главное золотой и, наконец, серебряный фонд вместе с платиной составлявший ценность в 700 миллионов рублей[60].

Но все эти выгоды не могли покрыть стратегической нецелесообразности. Казань была взята, сотни судов, барж и пароходов были добыты, части артиллерии и весь золотой и серебряный запас были доставлены благополучно в Самару. Но чехи были слишком утомлены в беспрерывных битвах, они очутились слишком далеко от базы. С другой стороны, Советская власть, почуяв серьезную опасность, сосредоточила против Казани большие силы. Опасность была действительна велика. Недовольство коммунистическим режимом стало проникать и в рабочую среду. Рабочие Воткинского[61] и Ижевского[62] заводов, Вятской губ., восстали самостоятельно и творили поистине чудеса, создав армию без офицеров, в надежде соединиться с Казанью.

Но отступление от Казани и обратное занятие ее большевиками было пагубно не стратегически, а морально. Оно произвело массовую панику среди населения и утрату веры в непрерывный успех чехословаков и Народной Армии. Оно отныне поселило недоверие в победоносную силу и той и другой стороны. Население знало по опыту, что значит вступление большевиков вновь во власть в оставленной и беззащитной Казани. Вся «буржуазная» интеллигенция, смело

---

[59] Вольск и Хвалынск — города в Саратовской области.

[60] Золотой запас, хранившийся в Казани насчитывал 650 млн руб.

[61] Воткинский завод возник по инициативе графа Петра Ивановича Шувалова в мае 1754 г. , когда своим Указом императрица Елизавета Петровна отдала П. И. Шувалову Гороблагодатские заводы с условием в течение 5 лет удвоить производство железа и вернуть стоимость заводов. Место для строительства нового завода было выбрано удачное: рядом с большой рекой Камой — по которой на завод можно было завозить чугун и вывозить железо и сталь. Первое железо получено в 1759 г. В разное время здесь выпускали железо, якоря, морские и речные суда, железнодорожные мосты, паровозы, экскаваторы, пушки.

[62] Ижевский оружейный завод основан в 1807 г. В годы Гражданской войны завод четырежды переходил из одних рук в другие. В августе 1918 г. здесь произошло Ижевско-Воткинское восстание, но в ноябре Красная Армия вновь заняла завод. А в апреле 1919 г.Ижевский завод захватили колчаковцы, которые были выбиты в июне.

приветствовавшая чехословаков и Народную Армию, была бы вырезана или расстреляна.

И вот тысячи и десятки тысяч пешком полураздетые жители Казани и ближайших местностей бросились бежать. Как прежде при слове «чехословаки» многие красноармейцы бежали без оглядки, так теперь, при слове «большевики», население бросало все и бежало куда глаза глядят. Чехи оставили Казань большевикам, значит не устояли, значит, большевики сильны, и помощи от союзников нет.

От Казани на Уфу потянулись не беглецы, а целая лавина. И все это произошло в то время, когда все Самарское правительство, за исключением 5 членов, и все члены Учр. Собрания были на Уфимском Госуд. Совещании, длившемся с 9 по 23 сентября. В Уфу стекались тысячи беженцев: профессоры, священники, учителя, студенты и студентки, гимназисты и т. д.

Массовая паника — это нечто ужасное: кто не видел этих картин, не может их вообразить. Все школы, больницы, казармы в Уфе были заполнены беженцами. Многим пришлось жить несколько дней под открытым небом. Профессора Казанского университета явились ко мне в Уфе в неописуемом виде и костюмах. Массу лиц пришлось размещать по селам. Миллионы рублей пришлось тотчас же ассигновать для оказания первой помощи.

Что же делало в это время Омское правительство? Оно потирало руки от радости при виде неудачи на фронте Учредительного Собрания.

Приехали в Уфу к назначенному дню представители всех приглашенных учреждений и организаций, не приехал только главный виновник Совещания — Омское правительство. Два дня ожидало его Собрание в бездействии, заполняя время рутинной процедурой, чтобы скрыть от публики позорные вести, доходившие из Омска.

В это время реакционная часть Омского правительства под руководством И. Михайлова расправлялась с более радикально и социалистически настроенными членами министерства. Социалистическая областная Дума в Томске была распущена декретом. Два радикальных министра под дулом револьверов должны были подписать свою «добровольную» отставку, а третий, приехавший с Востока Новоселов[63], отказался подписать и был убит наповал. Два военных генерала попеременно сажали друг друга на гауптвахту (Иванов-Ринов[64] и Гришин-Алмазов[65]). «Социалист-революционер» Иван Михайлов, сын известного народовольца Андриана Михайлова, дергавший за нити Сибирских паяцев, был занят составлением нового министерства под названием Административного

---

[63] Новоселов А.Е. (1884–1918) — писатель, журналист, этнолог, политический и государственный деятель, с 1917 г. член партии эсеров, министр Сибирской областной думы, комиссар Временного правительства. В сентябре 1918 г. арестован в целях предотвращения эсеровского переворота. По пути в тюрьму застрелен двумя офицерами при попытке к бегству.

[64] Иванов-Ринов П.П. (1869–?) — военный деятель, участник Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. Генерал-лейтенант (1919). Атаман Сибирского казачества (1918), военный министр Временного Сибирского правительства, командующий Сибирской армией.

[65] Гришин-Алмазов А.Н. (1880–1919) — военный деятель, руководитель белого движения в Сибири, командующий Западно-Сибирской (Сибирской) армией, военный губернатор Одессы. Застрелился при захвате судна большевиками.

совета, и в Уфу отказался ехать. Хотя числился товарищем председателя Организационной комиссии по созванию[66] Государственного Совещания. Его правая рука и пешка «эс-ер» Петр Вологодский удрал от Совещания на Дальний Восток, надеясь скрыть происходящее Совещание и добиться от союзников признания Сибирского правительства Всероссийским.

Вместо себя эти герои послали с запозданием министров Серебрянникова[67], Старынкевича[68] (однофамильца известного в Лозанне эмигранта Ивана Юлиевича Старынкевича[69]) и министра Народного просвещения проф. Томского университета Сапожникова[70]. В качестве представителя военного ведомства был послан в Уфу ген. Иванов-Ринов, и в придачу ему «генерал Белов» из Генер. Штаба, оказавшийся впоследствии офицером из Риги, поступившим в Сибирский штаб под ложной фамилией Белова, тогда как чехословацкая контрразведка убедилась, что его настоящее имя Виттенгоф, в чем он принужден был признаться.

Идея Директории, т. е. коллективной диктатуры уже висела в воздухе и была достаточно подготовлена и Союзом Возрождения, и всеми элементами почему-либо недовольными настоящим составом Учредительного собрания и Самарским правительством. В реакционных Сибирских кругах последних все считали большевиками.

О происшедших в Омске событиях мы узнали в Уфе лишь в общих чертах и в искаженной версии прибывших на Совещание виновников этих событий. Лишь впоследствии выяснилось, что, распустив Сибирскую Областную Думу, Иван Михайлов образовал новое министерство и стал фактическим премьер-министром кабинета.

———

Чтобы покончить с этой вечной разрухой и спасти Россию от наступающих большевиков, все — кроме эсеров и меньшевиков — были готовы помириться с любым положением, лишь бы создать какое-либо объединенное правительство и соединить все демократические силы.

Сибирское правительство соглашалось на Директорию, но отказывалось признать Учредит. Собрание настоящего состава в качестве какого бы то ни было, даже контролирующего учреждения в будущем. Согласиться с Омским правительством, значило бы лишить демократию последних остатков организации в государственных размерах.

Бой произошел именно на этом пункте: — распустить ли членов Учредит. Собрания, не заменив его ничем, кроме пяти безответственных членов Директории,

[66] Так в тексте. Правильно «по созыву».

[67] Серебрянников И. И. (1882–?) — сибирский областник, статистик, этнолог, писатель, журналист, член Русского географического общества, министр продовольствия в правительстве А. В. Колчака.

[68] Старынкевич С. С. (1874–1933) — адвокат, политический деятель, с 1905 г. член партии социалистов-революционеров, министр внутренних дел Временного Сибирского правительства, министр юстиции в правительстве А. В. Колчака, участник антиколчаковского заговора в сентябре 1919 г. во Владивостоке, с 1919 г. в эмиграции.

[69] Старынкевич И. Ю. (1861–1920) — народоволец, эсер. С 1906 по 1917 г. за границей.

[70] Сапожников В. В. (1861–1924) — ботаник, географ, путешественник, ректор Томского университета, в 1918–1919 гг. министр народного просвещения Временного Сибирского правительства и правительства. А. В. Колчака.

еще не имевших государственного механизма в своих руках, — особенно в тот момент, когда стало ясно возрастающее реакционное настроение в верхних буржуазных и интеллигентных слоях общества.

Большинство членов Учредит. Собрания, т. е. соц.-революционеры, мусульмане и все национальные партии считали, что в такой критический момент всеобщей разрухи и во время внешней и гражданской войны, — тот или иной кворум для правомочного Учредит. Собрания 250 или 180 членов не играет большой роли. Учредительное собрание этого состава необходимо сохранить, как лозунг, как символ единства всей России, хотя бы для того, чтобы в благоприятный момент подготовить выборы в новое Учредительное собрание. Член Ц. К. Партии С. Р. Зензинов[71] так открыто и заявил об этом в декларации Ц. К. партии.

Омское правительство, наконец, уступило в этом, признав «Съезд Членов Учр. Собрания» — правовым институтом, но настаивало, чтобы пятый член Директории был назначен из кандидатов Омского правительства. Был предложен Иван Михайлов. Когда все решительно запротестовали против него, пятым членом Директории был назначен Петр Вологодский...

Так составилась наконец Директория из пяти лиц: Авксентьев (председатель), генерал Болдырев, Чайковский (н.с.), Астров[72] (к.д.), И. П. Вологодский (член Сибирского правит.), и к ним 5 заместителей на случай отсутствия или смерти, — Аргунов, ген. Алексеев[73], Зензинов, Виноградов[74].

Наличные члены Учред. собрания организовались в «Съезд членов У. С.» для выработки закона о созыве нового Учредит. собрания и, главным образом, озаботиться созывом Учред. собр. настоящего созыва. Директория должна дать последнему отчет о своей деятельности к 1 января 1919 г., если соберется кворум в 250 членов и к 1 февр. При кворуме 180 челов.

---

[71] Зензинов В. М. (1880–1953) — политический деятель с 1903 г. эсер, с 1905 г. член ЦК ПСР, с 1906 г. член боевой организации эсеров. Не раз арестовывался и ссылался, совершал побеги, жил в эмиграции. Депутат Учредительного собрания , входил в состав Комуча, член Всероссийского временного правительства (Директории), после колчаковского переворота выслан в Китай. В эмиграции в Париже, затем в США.

[72] Астров Н. И. (1868–1934) — общественный и политический деятель, Московский городской глава (1917). С 1905 г. член Конституционно-демократической партии, с 1916 г. член ЦК КДП. В годы Первой мировой войны член Главного комитета Всероссийского союза городов, член Учредительного собрания, член Всероссийского временного правительства (Директории).Член Особого совещания при Добровольческой армии, с 1920 г. в эмиграции в Чехословакии, один из организаторов Русского заграничного исторического архива (РЗИА).

[73] Алексеев М. В. (1857–1918) — военачальник, участник русско-турецкой и русско-японской войн, в годы Первой мировой войны начальник штаба армий Юго-Западного фронта, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, начальник штаба Верховного главнокомандующего (с августа 1915 г.). Генерального штаба генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916). Во время Февральской революции (1917) способствовал отречению Николая II от престола. Активный участник Белого движения, один из создателей и Верховный руководитель Добровольческой армии.

[74] Виноградов В. А. (1874–?) — политический деятель, юрист, член Государственной Думы 3-го и 4-го созывов, кадет, товарищ министра путей сообщения Временного правительства, член Директории, с 1919 г. в эмиграции. Всего в тексте названо 4 заместителя.

Письма А. А. Кизеветтера Владимиру Александровичу Розенбергу и Венедикту Александровичу Мякотину[1]

Об авторе:

Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933), известный историк, профессор Московского университета, обладающий редким сочетанием блестящего лекторского дара и талантом исследователя.

Современники вспоминали, что по манере чтения лекций Кизеветтер особенно напоминал своего учителя Ключевского, сохраняя традиции его ораторского искусства. Труды Кизеветтера отличались высочайшим профессионализмом, умением глубоко анализировать и обобщать исторический материал.

Его книги «Посадская община в России XVIII столетия» (М., 1903) и «Городовое положение Екатерины II, Исторический комментарий» (М., 1909), основанные на глубоком анализе впервые введенных в научный оборот научных источников, многочисленные статьи сохраняют свою научную ценность и по сей день.

Кизеветтер отдал дань и общественно-политической деятельности: состоял членом ЦК партии кадетов. Сторонник парламентских государственных форм, он был одним из самых ярких ораторов во время кампании по выборам в I и II Государственные думы. Во II Думу Кизеветтер был выбран депутатом от Москвы. Однако, политическая деятельность никогда целиком не поглощала Кизеветтера. По его словам, он не испытывал к политической деятельности «внутреннего вкуса» и «непосредственного влечения», но считал долгом в трудные периоды истории России участвовать в общественной жизни[2]. Преподавательская работа в Московском университете, в Университете Шанявского, на Высших женских курсах, на Драматических курсах при Малом театре, поглощала все его время. Он читал общие курсы лекций по истории России, историографии, спецкурсы по истории крестьянской реформы 1861 г.

Февральскую революцию Кизеветтер встретил восторженно, факт отречения Николая II от престола оценивал как «величайшую дату» в истории

---

[1] Письма А. А. Кизеветтера В. А. Розенбергу и В. А. Мякотину частично были опубликованы мною в издании Rosica. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. Прага I. 1996. С. 54–60.

[2] *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. Прага, 1929. С. 466.

страны, как освобождение от деспотизма. В прессе неоднократно высказывался за парламентскую республику, буржуазную свободу, осуждал большевиков и их программу.

Логика убеждений не могла привести Кизеветтера к признанию Октябрьской революции. Он был принципиальным противником революционных преобразований российской действительности. Первые годы Советской власти были для него тяжелым временем.

Кизеветтеру, а также Випперу и Богословскому, как проводникам старой буржуазной культуры было запрещено чтение лекций в высших учебных заведениях, их деятельность ограничивалась работой с начинающими учеными. Материальные трудности заставляли Кизеветтера ездить по стране (Ярославль, Тула, Тверь и др.) и читать платные лекции. Он сотрудничал также в издательстве «Задруга», где выполнял роль рецензента и консультанта по образовательным программам гуманитарных наук.

Политика советской власти в борьбе с инакомыслящей интеллигенцией затронула и «Задругу». Это издательство объявлялось центром, объединяющим энесовско-кадетские круги, враждебные советской власти.

С 1918 по 1921 г. Кизеветтера, как бывшего члена ЦК партии кадетов трижды арестовывали и он не избежал заключения в Бутырской тюрьме.

По решению специально созданной комиссии ГПУ из России была депортирована большая группа интеллигенции. Осенью 1922 г. на пароходах «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен» в изгнание были отправлены русские мыслители. На пароходе «Обербургомистр Хакен» находились Кизеветтер с семьей, В.А. Розенберг, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Е. Трубецкой, И.А. Матусевич и др.[3] По прибытии из Штеттина, куда приплыл пароход, все депортированные из России прибыли в Берлин. Но Кизеветтер не хотел оставаться в Германии. Он намеревался жить только в славянской стране и выбрал Чехословакию.

Последние 10 лет своей жизни он прожил в Праге, читал лекции в Карловом университете, в Русском народном университете, в Берлине, Белграде принимал участие во всех эмигрантских культурно-просветительских учреждениях и мероприятиях.

В эмиграции он опубликовал второе издание книги о М.С. Щепкине, брошюру о Московском университете, на чешском языке вышла его книга о русских артистах. Кизеветтер принял участие в создании курса истории России для французского читателя под редакцией П.Н. Милюкова, Сеньобоса и Эйзенманна. Большим событием для самого Кизеветтера и для всех его читателей был выход его высокохудожественных воспоминаний «На рубеже двух столетий (1881–1914)».

Заполненная преподавательско-просветительской и научной работой жизнь Кизеветтера не могла заглушить его тоски по России.

---

[3] См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М., 2005; *Главацкий М.Г.* «Философский пароход»: год 1922-ой. Екатеринбург, 2002.

Однако в Россию Кизеветтер так и не возвратился. Он скоропостижно скончался в своей пражской квартире 9 января 1933 г.

Смерть Кизеветтера была большой нравственной потерей для всей русской эмиграции. Его похоронили на Ольшанском кладбище. На его могиле стоит памятник, воздвигнутый на средства русских эмигрантов[4].

О документах:

В. А. Розенберг (1860–1932) и В. А. Мякотин (1867–1937), которым Кизеветтер писал письма, не были для него случайными попутчиками. Это были люди одного круга. Их сближали публицистическая, журналистская и издательская деятельность, научное творчество. Кизеветтер часто печатал свои статьи в газете «Русские ведомости», где главным редактором служил В. А. Розенберг. Вместе они сотрудничали» и в журнале «Русское богатство».

С В.А. Мякотиным Кизеветтер сблизился в Архиве Министерства юстиции, где оба они собирали материал: Кизеветер для своей магистерской диссертации «Посадская община в России XVI–XVIII в.», защищенной в 1903 г.; Мякотин — для монографии по социальной истории Малороссии, опубликованной уже в эмиграции, в Праге (Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. Прага, 1924–1926).

Политические устремления Кизеветтера и Розенберга располагали к сближению. Кизеветтер, как известно, состоял членом ЦК кадетской партии, Розенберг также входил в партию кадетов. Мякотин был членом партии энесов. Несмотря на различия в программах этих партий, их сближали верность идеям демократии, защита свободы личности и неприятие террора и диктатуры.

В 1922 г. Кизеветтер, Розенберг и Мякотин находились в одной группе инакомыслящей интеллигенции, высылаемой из России.

Как уже упоминалось, Кизеветтер и Розенберг плыли из России на пароходе «Обербургомистр Хакен» до Штеттина. Кизеветтер уехал в Чехословакию, Розенберг остался в Германии, но в 1924 г. перебрался в Чехословакию. Мякотин жил в Чехословакии с 1924 по 1931 г., затем переехал в Болгарию, но умер в Праге, где работал в архиве над вторым томом изданной по-болгарски «Истории Руси от IX до XVIII вв.» (София, 1937).

В изгнании отношения между эмигрантами становились более тесными и теплыми. Они поддерживали друг друга и делились своими радостями и горестями. Продолжалась их совместная деятельность в многочисленных эмигрантских организациях, преподавательских центрах, в эмигрантской и местной печати. Публикуемые письма передают атмосферу, в которой жили эмигранты, трудности нахождения жилья, трудоустройства, финансового обеспечения и т. д., т. е. обстановку повседневности, столь важную в жизни. Вместе с тем письма показывают духовный уровень этих высокоинтеллектуальных людей, способность в трудных жизненных условиях воспринимать с благодарностью страну, где они поселились, и сохранять нравственные ценности.

М. Г. Вандалковская

---

[4] Подробнее об А. А. Кизеветтере см.: *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992.

А.А. Кизеветтер

Письма В. А. Розенбергу

1922 декабрь

Дорогой Владимир Александрович!

Вот уже неделя, как мы живем в чехословацкой столице. Совершенно также, как и по приезде в Берлин, эта первая неделя прошла в какой-то беспредельной суете. Никакого дела еще не начиналось, а между тем все время шло какое-то кружение, оставляющее такое впечатление, как будто нет свободной минуты. Что касается нашего устройства на жительство, то мы пока пассивно следуем линии наименьшего сопротивления. Въехали прямо в квартиру Вернадского[5] и сидим в ней. Комнат не ищем. Говорят, что комнат много сдается, но все запугивают здешними хозяйками. Поэтому мы уже законтрактовали комнату в Свободарне (общежитие) и, может быть, переберемся в нее.

Прагу еще как следует не осматривали, а только на ходу бросали взгляд туда и сюда. Прага была бы очень красива и своеобразна, если бы ее красоты не скрывались под туманами. Много средневековой готики. Много своеобразного и в нравах. Был я здесь в полиции. Нигде не видел еще таких полиций. Все веселы, приветливы и милы. Все формальности кончились в одну секунду, они ограничились тем, что чиновник поставил в какой-то тетрадке карандашом маленький крючок и, дело с концом. А при выходе из полиции я увидел афишу с извещением о том, что начальник полицейского участка устраивает для жителей своего участка бал и указывалась плата за вход. Согласитесь, что это своеобразно!

Наша Катюша[6] со свойственным ей оптимизмом уже успела стать пражской патриоткой и кричит, что Прага прекрасна. Наташа[7] настроена много сдержаннее. А мы с женой поступаем по Пушкину: «старость ходит осторожно, подозрительно глядит». Впечатление от населения очень приятное, но как сложится жизнь в смысле внешней обстановки, еще не знаем, а ведь это немаловажно для утомленных тел и душ.

О Вашем поручении[8] я забыл и уже говорил об этом Новгородцеву[9]. Буду говорить, и о результатах сообщу.

Будьте здоровы и благополучны.

---

[5] Вернадский Г.В. (1887–1973), историк и философ, профессор Русского Юридического факультета, председатель правления Археологического института им. Н.П. Кондакова, член Русского исторического общества, Славянского института; в Чехословакии жил с 1921 по 1927 гг., затем переехал в США; сын В.И. Вернадского.

[6] Екатерина Александровна Максимович, урожденная Кизеветтер (1895–1990) — дочь А.А. Кизеветтера, юрист, педагог.

[7] Наталья Александровна Кудрявцева-Кизеветтер (1886–1931) — падчерица А.А. Кизеветтера.

[8] Розенберг просил Кизеветтера помочь племяннику его жены обосноваться в Праге.

[9] Новгородцев П.И. (1866–1924) — философ, юрист, профессор Московского университета, с 1921 в эмиграции в Праге, председатель русской академической группы (1921–1922), профессор и декан Русского юридического факультета, председатель правления Русского института, профессор Русского народного университета.

Наталии Федоровне[10] шлю искренний привет и желаю набираться сил. Очень обрадуете, если напишите несколько слов.

Ваш Кизеветтер

Приписка жены.

Многоуважаемые Наталья Федоровна и Владимир Александрович! Право, было куда лучше, когда «Бургомистр Хакен» нес нас по тихим волнам океана, т. е. Балтийского моря! Мы пели «Очи черные», любовались морем и ни о чем не думали. А теперь санатории, усиленное питание, комнаты, кабинки, валюта, кроны и пр., пр., пр. Как Ваше здоровье, Наталии Федоровны? Поправляетесь ли, окрепли ли? Я себя чувствую ничего. Всего хорошего. С наступающим рождеством и Новым годом. Будьте счастливы и здоровы.

Е. Кизеветтер — мать

ГА РФ. Ф. Р-5978 (В. А. Розенберг). Оп. 1. Д. 256. Л. 77.
Praha — Libeň Svobodárna

1923.I.28

Дорогой Владимир Александрович!

Все мы шлем Вам и Наталье Федоровне большую благодарность за Ваши милые письма. Так приятно было узнать, что Наталья Федоровна чувствует себя вполне оправившейся от перенесенной операции. Жена[11] прошла здесь курс рентгеновского лечения в санатории лучшего здешнего специалиста, доктор чех, но с грехом пополам объясняющийся по-русски, так что мы могли понимать друг друга. Есть здесь и русский рентгенолог, петербургский доктор Сакович[12], работающий в кабинете чешского Красного креста, но в санатории — более сильная машина. Сейчас сеансы закончились. Настроение у жены весьма неважное по той причине, что жить нам пока приходится в обстановке весьма неудобной. Svobodárna, это общежитие, модное и шумное, ибо живут здесь все россияне, т. е. это значит, что с раннего утра все начинают хлопать дверями, а поздно вечером, когда хочется уже спать, — многие находят как раз своевременным блистать силою своего громогласия. В распоряжении нашем находится одна комната, размерами напоминающая камеры незабвенной бутырки[13]. А Наташа и Катюша ютятся в одной спальне с двумя курсистками. Придется так дотянуть до марта, а там надо будет переехать на дачу. Но найти дачу надо уже теперь, ибо потом все будет разобрано.

Искание дачи нам, однако, мало улыбается: надо ездить, расспрашивать, осматривать. Это спорно и утомительно, особенно при необходимости спешить и бояться, что упустишь время. Хотелось бы, наконец, отдохнуть после всех передряг и чувствовать себя более или менее устроенными. Но не так-то легко достигнуть этой вожделенной цели. И все-таки, несмотря на всю эту неустроенность, не сожалеем о Берлине. По доходящим сведениям жизнь там сейчас малопривлекательна.

---

[10] Наталья Федоровна Розенберг (1865–1938) — жена В. А. Розенберга, врач.

[11] Жена Кизеветтера — Екатерина Яковлевна — урожденная Фраузенфельд, в первом браке Кудрявцева (1864–1924).

[12] Данные о Саковиче не найдены.

[13] За период с 1918 по 1921 гг. Кизеветтера как бывшего члена ЦК партии кадетов трижды арестовывали и он находился в Бутырской тюрьме (см. публикацию М. Г. Вандалковской «А. А. Кизеветтер. Воспоминания» // История и историки. 2011–2012. Историографический вестник. М., 2013. С. 327–348.)

С русским Институтом тоже, по-видимому дело что-то не особенно клеится. А здесь академическая атмосфера очень приятна. Каждый день лекции, доклады, научные собрания. Жизнь бьет ключом. И работа идет серьезная. В четверг отпраздновали Татьяну. Был банкет профессоров и студентов вместе. Слово банкет побудило меня явиться на пир, предварительно не пообедав. Оказалось, что это было с моей стороны верх легкомыслия, ибо на банкете здесь полагается стакан чаю, кусок сладкого торта и бокал вина. Все опытные старожилы пришли уже основательно закусив. Нечего делать, пришлось удовольствоваться духовной пищей. С этой стороны все было очень приятно: словно был в Москве в давние времена. Я уже пустился во все тяжкие. Начал публичные лекции сразу в трех местах — в Русском институте[14], в Земгоре[15] и в русско-чешской «Едноте»[16]. Вот что имею Вам передать насчет Зайцева[17]. Новгородцев сказал, что он может прислать сюда заявление письменное с означением документов, которые могут быть им представлены в удостоверение его предшествующего учебного стажа и изложением всех обстоятельств его жизни. Но большинство поступают иначе: прямо приезжает сюда на свой страх, без всяких предварительных шагов. И здесь уже, ссылаясь на факт своего приезда, начинает хлопоты по приему в студенты. И, когда есть вакансия, то их то, здесь уже налицо находящихся, и зачисляют в первую очередь.

Итак, если бы он мог приехать, это было бы лучше. Надо только предупредить, что зачисление студента на иждивение чешского правительства сопряжено с обязательством жить в студенческом общежитии, которое назначат. Их два, Svobodárna лучшее общежитие, а можно попасть в Стратницу, там тяжело, приходится быть по 15 и более человек в комнате. Что американцы? Подали ли признаки жизни или все еще нет? Я здесь еще не собрался к Вашему представителю Лиги и до сих пор еще тоже не имею сведений относительно того, продолжают ли они желать получить от меня работу.

У нас была не так давно дочь Исаака Наумовича[18] и передавала, что он был так любезен и внимателен, что справлялся о здоровье жены. Если Вы увидите его, пожалуйста, передайте, что мы очень тронуты его вниманием и что я напишу ему после того, как жена будет у доктора на контрольных исследованиях.

Крепко жму Вашу руку, шлю искренний привет Наталье Федоровне. Жена и дочери тоже шлют Вам сердечные приветы и благодарность за письма.

На днях любовались в «Днях»[19] рисунками Матусевича[20], вспоминали нашу экскурсию по Балтийскому морю.

Ваш А. Кизеветтер

---

[14] Русский институт в Праге (1922–1938).

[15] Земгор — объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (1921–1935).

[16] Еднота — Чешско-русское культурно-благотворительное объединение, ставившее своей целью сближение чехов и русских и просуществовавшее с 1919 по 1939 г.

[17] М.М. Зайцев — племянник Н.А. Розенберг.

[18] Исаак Наумович, очевидно, врач.

[19] «Дни» — русская газета (1922–1933), выходила до 1925 г. в Берлине, затем в Париже. В этой газете была опубликована зарисовка Матусевича, сделанная на пароходе «Обербургомистр Хакен», где на палубе парохода были изображены А.А. Кизеветтер и В.А. Розенберг.

[20] Матусевич И.А. (1978–1940) — писатель, публицист.

А в «Крестьянской России»[21] здесь все поджидают от Вас статьи.

ГА РФ. Ф. Р-5978. Оп. 1. Д. 256. Л. 36–37.
Praha — Libeň Svobodárna

1923, IV, 24

Дорогой Владимир Александрович,

Сегодня, наконец, появился Миша Зайцев. Мы ему уже устроили здесь у нас в Свободарне комнатку с постелью на несколько дней, и начнем его устраивать на иждивение. К сожалению, я как нарочно, сегодня же должен ехать на неделю в Прикарпатскую Русь читать лекции, но я поручу Михаилу Михайловичу Новгородцеву, который уже предупрежден о сем и все, что возможно сделает.

Насчет Вашего переселения сюда, наведенные мною справки дали следующий результат. Литераторские стипендии даются здесь Институтом иностранных дел по представлению особого Комитета, в состав которого входят: Струве[22], Ляцкий[23], Питирим Сорокин[24] и кто-то еще из русских литераторов.

Струве сказал мне, что в положительном отношении этого Комитета к назначению Вам стипендии не может быть никакого сомнения. Заключение Комитета нуждается затем в утверждении Министерства. Пока не было случаев неутверждения. Остается засим вопрос о размерах стипендии. Струве думает, что на двоих могут дать 1.200 крон в месяц. Как получил Изгоев[25]. Изгоевых тоже двое и повидимому на это устроиться можно.

Но для исходатайствования чрез названный выше Комитет стипендии необходимо, чтобы Вы фактически уже находились в Праге, иначе говоря, визу нужно получить независимо от вопроса о стипендии.

Думаю, что это можно будет как-нибудь сделать чрез посредство Земгора, который может выписать Вас на время для какой-нибудь лекции или доклада, а по Вашем приезде тотчас двинется дело о стипендии.

---

[21] «Крестьянская Россия» — русское издательство, основанное центром заграничных групп одноименной политической партии. В 1928 г. перешло в подчинение центральному комитету Трудовой крестьянской партии, как стала называться партия Крестьянская Россия.

[22] Струве П. Б. (1800–1944) — экономист, историк, философ, публицист, издатель, профессор Русского юридического факультета, председатель Русской Академической группы в Праге (1922–1924), председатель Русского института, один из учредителей Русского исторического общества, член Союза писателей и журналистов в Чехословацкой республике. В Чехословакии жил с весны 1922 до 1924 г.

[23] Ляцкий Е. А. (1868–1942) — филолог, историк литературы, издатель, профессор Карлова университета, почетный член Союза писателей и журналистов, председатель Русского исторического общества, председатель правления Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии, член Славянского института, в Чехословакии с 1920 г., с 1945 — в Германии, затем в США.

[24] Сорокин П. А. (1889–1968) — социолог, редактор журнала «Крестьянская Россия, председатель Союза русских писателей и журналистов (1922–1923) в Чехословакии с октября 1922 по октябрь 1923 г., затем жил в США.

[25] Изгоев А. С. — юрист, публицист, общественный деятель, член ЦК партии кадетов; в Чехословакии с 1923 г., сотрудник «Русской мысли», газ. «Русь», «Россия и славянство», «Сегодня».

Итак, обдумайте окончательно вопрос о переселении сюда из Берлина, и дайте мне знать о своем решении. Тогда можно будет приступить к получению визы и затем — и стипендии.

Все наши имеют сердечные приветы Вам и Наталье Федоровне. Я с интересом отправляюсь в поездку в Прикарпатскую Русь. Придется пересечь всю Чехию. Недавно я ездил на один день на лекцию в городок Пршибрам (3 часа езды от Праги) и остался очень доволен. Красивая природа и очень приветливые чехи. Одна чешка читала мне наизусть Пушкина очень недурно.

Будьте здоровы и благополучны,

Ваш, А. Кизеветтер

ГА РФ. Ф. Р-5978. Оп. 1. Д. 256. Л. 29–30.

1929.VI. 6

Дорогой Владимир Александрович!

Только вчера вернулся домой из Белграда и был обрадован, найдя у себя Ваше письмо. Очень это хорошо, что Вы поехали в Подебрады. Посидите там подольше. Надеюсь, что ВЫ пользуетесь ваннами по совету с доктором — относительно количества ванн и высоты температуры воды. Чириков[26] там брал ванны по своему усмотрению, не советуясь с доктором, и затем зимою чувствовал себя очень скверно.

Как интересно было мне узнать из Вашего письма, что песенка про Лорис-Меликова[27], которую я слышал некогда на берегах Урала из уст приезжавших в Оренбург из столицы, студентов, принадлежит Вам! Но ведь это значит ни более, ни менее как то, что Вы могли бы стать русским Беранже, если бы взглянули серьезно на Ваши отношения к Музе! Шутка ли сказать, Ваша политическая песенка распевалась по всем закоулкам России. Мне очень приятно, что Вы заглядываете в мою книжку. Очень прошу Вас: если заметите какие-либо ошибки или неточности — сообщите мне, буду Вам очень благодарен.

В Белграде я провел время очень хорошо. Главное, — нагрелся основательно, солнце там пекло во все лопатки и мне это было вдвойне приятно: 1. погрелся после здешней стужи и 2. вспоминал детство и юность, действенность, прошедшие у меня под знойным солнцем Оренбурга. Приятно было также покататься по Дунаю. Ездил на пароходе в русскую больницу — в расстоянии часа езды от Белграда, посетил больного Челнокова[28]. Он все еще речист и задорен. Но дело его скверно. Туберкулез во всем разгаре, температура высокая, на ребре какой-то нарыв и прочее.

Новый режим в Королевстве С.Х.С. уже вызывает большое недовольство и особенно — в кругах коренного сербского крестьянства; Так что, по упорным слухам в правящих кругах уже сочиняют новую конституцию. А митрополит Антоний[29] уже до того

[26] Чириков Е.Н. (1864–1932) — писатель, публицист, первый председатель правления Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии с 1921 г.

[27] Лорис-Меликов М.Т. (1825–1888) — граф, министр внутренних дел в 1880–1881 гг.

[28] Челноков М.В. (1863–1935) — фабрикант, земский деятель, гласный Московской городской думы, депутат II и III Государственных дум, Московский городской голова (с 1914); в эмиграции.

[29] Антоний (Храповицкий А.П.) (1863–1936) — митрополит киевский и галицкий, церковный деятель, писатель, историк, с 1921 г. жил в Сербии.

зарапортовался, что заявляет с амвона, что в церкви могут находиться только кирилловцы, а прочие «да изыдут», как недостойные присутствовать при богослужении.

Пришлось там читать много лекций; теперь до осени буду молчать и с приятностью предвкушаю эту перспективу.

Шлю Вам и Наталье Федоровне сердечные приветы. Отдыхайте и укрепляйте силы.

Ваш А. Кизеветтер

ГА РФ. Ф. Р-5978. Оп. 1. Д. 256. Л. 43–44.

Письма В. А. Мякотину

Дорогой Венедикт Александрович!

Позвольте мне мысленно поцеловать Вас за Ваши дружеские строки. К моему удовольствию, мне удалось достигнуть того, что «юбилей»[30] превратился в собрание тесного кружка близких и дорогих мне лиц, которые меня посетили в прошлый четверг и мы провели время в задушевной беседе. Скажу Вам с полной и чистосердечной откровенностью, что при этом мне очень недоставало Вашего присутствия и тем более отрадно мне было получить вчера Ваше письмо.

Благодарю Вас от всего сердца. Позвольте выразить Вам искреннее сочувствие мое к Вашему горю. Изюмов[31] сообщал мне, что Вы недавно потеряли сестру. В июне надеюсь видеть Вас в Праге. А пока — вот какая к Вам просьба. Народный Университет решил — в виду изменения характера здешней русской колонии за отъездом из Чехии многих учащихся, — в предстоящем учебном году не объявлять курсов, а заменить их всецело эпизодическими отдельными лекциями на сюжеты, по возможности прямо или косвенно соприкасающиеся с вопросами, имеющими для широкой публики интерес современности, но при условии научного подхода к этим вопросам. Так вот, будьте добры, прислать мне несколько тем для таких Ваших лекций.

Крепко жму Вашу руку, будьте здоровы.

Сердечно преданный Вам А. Кизеветтер

ГА РФ. Ф. Р-5917 (Мякотин В. А.). Оп. 1. Д. 113. Л. 28.

1931.VIII.11

Дорогой Венедикт Александрович!

Очень я был обрадован весточкой от Вас. Чрезвычайно приятно было узнать, что Вы сдали значительную часть Вашей работы. Надеюсь, она будет напечатана на русском языке?[32]

---

[30] Изюмов А. Ф. (1885–1950) — историк, член ученой комиссии Русского заграничного исторического Архива, Русского исторического общества, Союза русских писателей и журналистов, Славянского института; в Чехословакии с 1925 г.

[31] Речь идет о дне рождения А. А. Кизеветтера. 10 мая 1929 г. ему исполнилось 63 года.

[32] Очевидно, речь идет о книге В. А. Мякотина «Переяславский договор 1654 г.». Прага, 1930.

А я ничего путного не пишу. Пишу великую всячину только для заработка. Хотя литературный заработок теперь почти равен математической точке, но времена подошли такие, что и математической точкой пренебрегать не приходится. Здешняя русская колония опять охвачена паникой в виду зловещих сведений о предстоящих новых сокращениях.

Я все прыскаюсь инсулином. По-видимому, это будет продолжаться очень долго. Инсулин мне хорошо помогает. Я чувствую себя вполне хорошо. Но при инсулине нужно (простите за кляксы), надо во всей строгости соблюдать весьма точно предписанный режим. Инсулин-то дороговат, а между тем в связи с этим лечением придется отказаться от заработка, от лекционных поездок, ибо в поездках этого режима соблюдать невозможно.

Зовут меня на осень в Эстонию и в Прикарпатскую Русь, и придется отклонить оба предложения. Очень это досадно. Могилянский[33] в очень плохом положении. Все лежит и говорит, что на выздоровление надежды очень мало. Ульяницкая[34] свою дочь выдала замуж. Какому несчастному досталось это сокровище?

Шлю Вам и всей Вашей семье сердечные приветы. Катюша и Евгений Филимонович[35] просят передать их поклоны. Будьте здоровы.

А. Кизеветтер

Передайте мой привет Бицилли[36].

ГА РФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 28.
Podbabska, Praha XIX

1932.I.2

Дорогой Венедикт Александрович!

Я, Катюша и Евгений Филимонович шлем Вам и всему Вашему семейству пожелание всего доброго в наступившем новом году. Мы здесь все встречаем новый год лишь с одной мыслью: «как бы не стало еще хуже». С иждивением по установившемуся уже обыкновению в январе — задержка, бог знает, насколько времени и при полной неизвестности — сколько нам в конце концов выдадут. В разных учреждениях — массовые увольнения и сокращения. Со Шкодовки почти все русские уволены, в том числе даже и Ломшаков[37]. В Архиве, к счастью, никто не увольняется, оклады же уменьшаются только управляющему и заведующим отделами. В общем год на-

---

[33] Могилянский Н.М. (1871–1933), этнограф, антрополог, географ, публицист, член Русской академической группы, профессор Русского педагогического института им. Я.А. Коменского, Русского народного университета в Чехословакии с 1923 г.

[34] Личность не установлена.

[35] Евгений Филимонович Максимович (1894–1965), историк, в Праге с 1923 г., профессор Русского народного университета, сотрудник русского зарубежного исторического архива (1926–1946), муж Е.А. Кизеветтер.

[36] Бицилли П.М. (1889–1953), историк, философ, литературный критик, профессор Софийского университета; жил в Югославии и Болгарии.

[37] Ломшаков А.С. (1876–1960) — инженер, общественный деятель, член ЦК партии кадетов, профессор Чешского высшего технического училища, член Масариковской академии труда (с 1925), почетный председатель Русской академической группы (с 1921), председатель Союза русских академических организаций за границей, председатель Общества

чинается при общей меланхолии. При том еще немало больных, Францеву[38] делали операцию (как у Пуанкаре)[39] и он еле выкарабкался. Петров[40] лежит в параличе. Чириков[41] тоже лежит — в печени что-то очень нехорошее, слава Богу, несокрушим Немирович-Данченко[42].

В сочельник была сильная гололедица. Несмотря на это юный старец и его племянница отправились вечером пешком в гости. По дороге несколько раз падали. Наконец упали так, что не могли встать и лежали, пока их не подняли прохожие. У нее оказалась сломанной ключица, а он встал себе и пошел, как ни в чем не бывало.

Могилянский поправился, но стал похож на свою тень. Я отдал легкую дань гриппу, провалялся почти весь ноябрь, ну — и в связи с этим и сахар несколько поднялся, все прыскаю инсулином. Однако, довольно о столь непраздничных сюжетах. А, впрочем, — вне этих сюжетов почти нечего и рассказывать. Выпустил я книжку своих статей в берлинском издательстве Petropolis[43]. Но это лишь одна забава. Условия Шейлоковские[44]: никого аванса, а гонорар: шесть крон с проданного экземпляра. Можете себе представить, какие золотые горы я загребу. Да еще огорчительно, что я не могу дать экземпляры приятелям, ибо таковых не получил от издательства. Весьма мне жаль, что не могу поднести ни Вам, ни Петру Михайловичу[45].

Это теперь входит в моду. Лосский[46] издал книжку в издательстве «Современных Записок», и тоже не может оделить приятелей.

русских инженеров (1921–1930), основатель Комитета по обеспечению образования русских и украинских студентов; в Чехословакии с 1920 г.

38 Францев В.А. (1867–1942), славист, литературовед, профессор Карлова университета (1921–1937), председатель Русского института (с 1924), председатель Русской академической группы (с 1927), член корр. (с 1901), член правления ряда комиссий Славянского института, один из учредителей Русского исторического общества, член Археологического института им. Н.П. Кондакова; в Чехословакии с 1921 г.

39 Пуанкаре Р. — французский политический и государственный деятель, премьер-министр (1912–1913, 1922–1924, 1926–1929), президент Франции (1913–1920).

40 Петров Д.К. (1872–1925) — литературовед.

41 Чириков Е.Н. (1864–1932) — писатель, драматург, первый председатель правления Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, почетный член Союза русских писателей и журналистов; в Чехословакии с 1921 г.

42 Немирович-Данченко В.И. (1845–1936), писатель, почетный член Союза русских писателей и журналистов, член правления чешско-русского объединения (Еднота); в Чехословакии с 1923 г.

43 Речь идет о книге «Исторические силуэты. Люди и события». Берлин. 1931.

44 Шейлок — персонаж пьесы У. Шекспира «Венецианский купец», отличающийся хищничеством и скаредностью.

45 Имеется в виду Петр Михайлович Бицилли.

46 Лосский Н.О. (1870–1965) — философ, профессор Русского юридического факультета, университета в Брно, лектор Карлова университета, Братиславского университета, основатель Русского философского общества, член Славянского института, академик Археологического института им. Н.П. Кондакова; в Чехословакии жил с 1922 по 1945. Очевидно, речь идет о книге Лосского «Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей» (Paris, 1931).

Третьего дня приехал Милюков. Говорит, что пробудет в Праге несколько месяцев, будет заниматься в библиотеках для I-го тома своих «Очерков»[47]. Здесь весной должен был состояться съезд историков Восточной Европы. И представьте, пришлось его отменить, так как на разосланные приглашения ответила лишь ничтожная горсточка. По-видимому, инициаторы этим даже довольны, так как в виду кризиса (это слово висит в воздухе и провозглашается поминутно и к месту и не к месту), было бы очень накладно устроить сколько-нибудь приличный прием съезду. Таким образом, решено перенести этот съезд на 1933 г. и устроить его не в Праге, а в Варшаве, одновременно с международным съездом историков, который должен там собраться в 1933 г.

В Прагу приехал советский писатель Замятин[48]. Он читал публичный доклад о советской литературе и театре. В первом ряду восседали Аросев[49] и прочие господа с виллы Терезии. Но неожиданно Замятин читал доклад в таких тонах, что советская публика сидела, как на иголках, а прочая публика была чрезвычайно довольна: «В СССР писателю думать не приходится, за него всеобдумано уже правительством», — вот образчик того, в каком духе был составлен доклад. Или еще: «Теперь я буду говорить о душе русского театра. В СССР слово душа вообще не в авантаже. Но здесь мы, ведь в Европе, и потому я могу говорить и о душе театра». Он говорил далее, что все что есть ценного в театре, создано до большевиков. Все это весьма отдавало «невозвращенством».

У меня вполне точные сведения, что Платонов — в Саратове, Любавский — в Уфе, Яковлев в Минусинске, Бахрушин — где-то тоже в Сибири[50], а более молодые некоммунистические историки — в Соловках.

Вот, кажется, я и высказал Вам весь запас здешних фактов и сведений, касающихся русской колонии.

Будьте здоровы, примите наши сердечные приветы. Передайте мой поклон Петр Михайловичу. Выберите свободную минутку, да напишите несколько строк о себе. Очень буду благодарен.

Ваш А. Кизеветтер

ГА РФ. Ф.Р- 5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 34–37.

---

[47] Имеется в виду 1-й том «Очерков по истории русской культуры», над которым Милюков работал в Славянской библиотеке Праги. Этот том был опубликован в 1937 г.

[48] Замятин Е.И. (1884–1937) — писатель. В 1931 г. уехал за границу, с 1932 г. жил во Франции. В конце 1931 — начале 1932 г. Замятин жил в Праге.

[49] Аросев А.Я. (1890–1938) — дипломат, полномочный представитель СССР в ЧСР (1929–1932).

[50] Платонов С.Ф. (1860–1933) — историк, профессор Петербургского университета. По известному академическому делу «О контрреволюционном заговоре в Академии наук» Платонов был лишен звания академика, арестован и выслан в Самару. В 1967 г. Военная коллегия Верховного суда реабилитировала С.Ф. Платонова и других осужденных по этому делу. К их числу относились Любавский М.К. (1860–1936), сосланный в Уфу, Яковлев А.И. (1878–1951) — в Минусинск и Бахрушин С.В. (1882–1950) — в Семипалатинск.

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

Александр Александрович Кизеветтер о науке и культуре России

О документах:

Далее публикуются две работы А.А. Кизеветтера о Н.М. Карамзине и о Московском университете, как его дань памяти России, ее науке и культуре. Статья «Карамзин, как двигатель русской культуры» публикуется по «Сборнику Русского института в Праге». Прага, 1929. Т. 1. Вторая статья «Московский университет и его традиции» публикуется по изданию «День русской культуры». Прага, 1927.

Сноски Кизеветтера даются курсивом, комментарии к тексту — обычным шрифтом, примечания к сноскам — в квадратных скобках с пометкой — комментарии составителя (комм. сост.).

М.Г. Вандалковская

А.А. Кизеветтер

Карамзин, как двигатель русской культуры[1]

О Карамзине существует целая литература. Много раз были подвергаемы обследованию отдельные стороны его многообразной деятельности. С.М. Соловьев[2] и П.Н. Милюков[3] дали превосходные работы о Карамзине, как историке. О Карамзине, как о реформаторе русского литературного языка и как о литераторе, писали столь многие, что одно перечисление писавших о том авторов заняло бы довольно значительное количество строк. Имеются и специальные монографии об отдельных моментах литературной деятельности Карамзина, достаточно назвать монографию Сиповского[4] о «Письмах русского путешественника». Наконец, можно

[1] Доклад на эту же тему А.А. Кизеветтер прочитал в Русском историческом обществе 7 июня 1927 г. — ГА РФ. Ф. Р-5891. Пушкарев Сергей Германович. Оп. 1. 1914–1945. Д. 254. Л. 9об.

[2] Соловьев С.М. (1820–1879) — историк, академик. См.: *С.М. Соловьев.* Н.М. Карамзин и его «История государства Российского // Собр. соч. Сергея Михайловича Соловьева. СПб., 1911; Он же. История России с древнейших времен. М., 1988–1991. Т. 1–13.

[3] Милюков П.Н. (1859–1943) — историк, политический деятель. См.: *П.Н. Милюков.* Главные течения русской исторической мысли // *П.Н. Милюков.* Очерки истории исторической науки. М., 2002.

[4] Сиповский В.В. (1872– н/у) — историк литературы.

было бы указать ряд книг и статей, в которых с различных точек зрения рассматривались политическое мировоззрение и политическая позиция Карамзина.

И, тем не менее, я затруднился бы дать утвердительный ответ на вопрос, — установлена ли в нашей литературе твердая и определенная точка зрения на смысл и значение деятельности Карамзина во всей ее совокупности, выяснена ли с полной отчетливостью его общая роль в истории нашей культуры? Смею думать, что в этом направлении высказано еще далеко не все, что можно и нужно было бы сказать для определения того места, которое надлежит отвести Карамзину в истории нашего культурного развития. В суждениях о Карамзине даже еще и по сие время чувствуются дальние отголоски той страстной идеологической борьбы, которая некогда кипела вокруг его имени. Конечно, для такой борьбы в наше время уже не имеется никакой реальной почвы. Для нас Карамзин и все его литературное наследие — не что иное, как одно из явлений далекого исторического прошлого, о котором мы можем судить и рядить с полным спокойствием, без всякого нервного возбуждения. Но на поверку оказывается, что и позднейшим исследователям бывает не так-то легко вполне отрешиться от влияния суждений, высказанных в предшествующей литературе. Уже не переживая былых страстей, позднейший исследователь тем не менее невольно и бессознательно воспринимает их отголоски, закрепленные в литературе предмета в виде застывших общих мест, получающих с течением времени характер аксиоматических положений.

В виду всего сказанного мне представляется не излишней попытка свести к некоторому общему знаменателю итоги, добытые исследователями, изучавшими отдельные стороны деятельности Карамзина. При выполнении такой задачи, может быть, окажется возможным представить кое-какие соображения, небесполезные для освещения той общей роли, которая должна быть признана за Карамзиным в ходе строительства русской умственной и общественной культуры.

Кто такой был Карамзин в истории нашего культурного развития? Историк или публицист, или поэт-беллетрист, или филолог, или руководитель известного политического течения? Всем хорошо известно, что Карамзин был одновременно и тем, и другим, и третьим, и четвертым. Но надлежит поставить вопрос: откуда проистекала эта его многосторонность, и какое она имела значение в его деятельности?

История знает немало деятелей, которые работали одновременно на нескольких различных поприщах. Но такая многосторонность носит не одинаковый характер у различных людей. Иногда она проистекает из разбросанности интересов, а иной раз она свидетельствует, наоборот, о сосредоточенности духа.

Бывают люди, проявляющие разностороннюю деятельность потому, что ум их устроен так, как устраиваются универсальные магазины: в виде механического соединения всевозможных клеток, разделенных перегородками, и в каждой клетке — особые товары. Для магазина это очень хорошо. Для человека это — никуда не годится. Это — не многосторонность, это — раздробленность души, которая при этом является как бы вся в осколках. А ведь в человеке мы ценим духовную цельность; нам нужно, чтобы духовный мир человека был спаян некоей единой святыней. Вот почему духовную разбросанность мы почитаем признаком не духовного богатства, а духовной скудости.

Но бывают разносторонние люди иного типа. Это те, которые, работая на разных поприщах, везде служат некоему единому верховному руководящему принципу. Они берутся за многое и за разное именно потому, что их верховный принцип имеет для них всеобщее значение, все собою пронизывает и все собою объединяет.

Такой именно характер был присущ многосторонности Карамзина. Он был зараз журналистом, беллетристом, филологом, историком, политиком только потому, что кроме всего этого и одновременно во всем этом он был еще чем-то, чему все отдельные виды его деятельности служили лишь частичным выражением.

Мы только тогда почувствуем себя нашедшими для него соответственное определение, когда скажем, что Карамзин был двигателем русской культуры.

Но если это так, то сейчас же является вопрос: как и куда он ее двигал?

Около имени Карамзина и при его жизни и долго после его смерти кипели страсти. Одни его чуть ли что[5] не боготворили и призывали шептать на его могиле «святое имя Карамзин», другие штурмовали его имя резкими нападками. Это верный признак того, что деятельность Карамзина была полна животрепещущего значения для своего времени, задевая какие-то наиболее чувствительные струны человеческих душ. Вот что при этом особенно характерно: Карамзина восхваляли и на него нападали одновременно с двух сторон; и консерваторы и прогрессисты или, по терминологии того времени, — и «стародумы» и «либералисты» дробились внутри себя в своих отношениях к Карамзину. Каким-то двуликим Янусом вырисовывается перед нами Карамзин. Откуда эта двуликость? Являлась ли она результатом неустойчивости и непоследовательности, или она вытекала из самого существа его совершенно определенной позиции? В ответе на этот вопрос мы и можем найти ключ к уразумению того, что представляет собою Карамзин в истории развития русской культуры.

Перебирая многообразные стороны деятельности Карамзина, мы повсюду встречаемся с этой двуликостью Януса.

I.

Вот — перед нами Карамзин-писатель. Мы знаем, что он выступил на этом поприще, как новатор, почти, как революционер. Его нововведения вызвали в свое время целую бурю в тихом аквариуме тогдашней русской литературы. Война на перьях шишковистов и карамзинистов, можно сказать, сотрясла своды тогдашних литературных салонов. И в этих спорах Карамзин явился зачинателем нового литературного направления и со стороны формы и со стороны содержания. Он восстал против отягощения русского литературного языка церковно-славянскими архаизмами и начал выковывать литературную речь живую, легкую, теснее связанную с подлинными душевными движениями современного человека, а вновь изобретенными им словами, которые затем вошли в органический состав русской речи, он показал способность русского языка к обозначению тончайших оттенков мысли в выражении отвлеченных понятий, присущих европейской умственной культуре. Для шишковистов все это была такая ересь, в которой они готовы были видеть чуть ли не кощунственное посягательство на основы национального русского быта.

[5] Так в тексте.

И что же стал писать Карамзин этим своим новым слогом, лишенным торжественно-пышного словесного убранства и пестреющим неологизмами? Он выступил с «чувствительными», «мещанскими» повестями. «Бедная Лиза», «Наталья боярская дочь» — все это было неслыханно, все это сводило литературу с героических котурн. И литературные стародумы метали громы и молнии на голову дерзкого новатора.

Но вот какой вопрос сейчас же встает перед нами. Почему это новаторство Карамзина, столь встревожившее тех, кто поклонялся старым идолам, так быстро само превратилось в архаизм? Почему от его изысканных периодов вскоре повеяло на многих искусственной напыщенностью, а в чувствительности его повестей не оказалось подлинного чувства?

Скажут: таков общий непреложный закон развития. Все отцветает с течением времени. Новое время — новые песни. Но дело в том, что литературная реформа Карамзина уже для своего времени оказывалась опереженной более смелыми течениями.

Расположение литературных партий того времени у нас обыкновенно представляется слишком схематично. Обычно оно сводится к тому, что «карамзинисты» характеризуются, как смелые передовые новаторы, а «шишковисты», как косные реакционеры в вопросах языка и литературы. Действительность была, между тем, много сложнее. Из среды шишковистов уже тогда выделилось течение, которое через голову Карамзина и его последователей протягивало руку к гораздо более смелым перспективам дальнейшего будущего. Ахиллесова пята шишковской школы состояла в том, что для возвышенных предметов она требовала напыщенного высокого слога, обремененного архаизмами, почерпнутыми из церковно-славянского языка. Но ведь у этой медали была и другая сторона. Если о высоких предметах надо писать высоким слогом, то это значит, что о предметах низких надо писать низким слогом. И вот, этот-то «низкий слог для низких предметов» и послужил той щелкой, через которую группа молодых шишковистов стала проводить в тогдашнюю литературу новую свежую струю, уже предвещавшую еще отдаленное торжество художественного реализма. Из этого течения родилось грибоедовское «Горе от ума»: ведь Грибоедов был близок не к карамзинистам, а к архаистам. Из этого течения вышли некоторые поэтические опыты, которые звучат для нас теперь прямо, как отдаленное предвестие некрасовской музы. Таковы, например, стихотворения Катенина[6] из деревенской жизни. Катенин писал напыщенные ложно-классические трагедии высоким слогом. Но он же писал низким слогом стихи из деревенского быта. Их потом забыли. А загляните-ка в них: перед вами некрасовские сюжеты, некрасовский стих!

«В селе Зажитном двор широкий,
Тесовая изба,
Светлица и терем высокий,
Беленая труба.
Хозяин, староста округа,
Родился сиротой,
Без рода, племени и друга

[6] Катенин П.А. (1792–1853) — декабрист, поэт, критик, переводчик.

С одною нищетой.
Большая чрез село дорога,
Он постоялый двор
Держал, и с помощью Бога
Нажив его был скор», и т. д.

Это — из баллады Катенина «Убийца». А вот начало его «Элегии».

«С жизненной бурей борюсь я три года,
Три года милых не видел в глаза,
Рано с утра поднялась непогода,
Смолкни, хоть поздно, лихая гроза!
Что ж, может, счастливее буду, чем прежде,
С матерью свидясь, обнявши друзей?
Полно же, сердце, вернися к надежде,
Чур, ретивое, — себя не убей.

Тут даже напев стиха и его фактура предвещают что-то некрасовское.

Перед этими опытами «Бедная Лиза» есть квинтэссенция риторики, искусственной и чопорной. Мудрено ли, что она очень скоро из зажигающего страсти новаторского опыта превратилась для следующего поколения в ветхую мумию? В чем же дело? Дело в том, что новаторство Карамзина было ограничено и условно. Есть новаторство, состоящее в том, что старый берег покидается для новых берегов. Но Карамзин не сходил со старого берега, продолжал стоять на нем обеими ногами. Он только стремился самый этот старый берег преобразить, сделав его более уютным и привлекательным. Его новаторство было поэтому обращено не к будущему, а к настоящему, начинающему отходить в прошлое. И Карамзин спешил в это настоящее влить новые животворные силы. И надо признать, что в общей экономии культурного прогресса эти его усилия имели высокую положительную ценность.

Проблески художественного реализма в литературе начала XIX века были ведь не более, как мимолетными зарницами[7]. И эти зарницы не могли осветить всего небосклона тогдашней литературы. Для того времени то была еще только «музыка отдаленного будущего». А затем оставалась лишь омертвелая груда искусственной риторики, завещанной веком Ломоносовских и державинских од. Карамзин и делает попытку, не выходя из рамок литературной искусственности, внутри самих этих рамок, ввести в литературу больше жизненности и человечности. Смело ввести в литературу живую разговорную речь («низкий слог» шишковистов) и подлинное чувство, — это не было уделом Карамзина. Но ведь его средний слог, — изысканный и чопорный, — тем не менее, противостоял тому высокому слогу шишковистов, который страдал уже не изысканностью, а полной мертвенностью, при которой просто

[7] *Надо отметить, что эти зарницы поблескивали уже во второй половине XVIII ст. особенно в тогдашней бытовой комедии (Фонвизин, Лукин, Аблесимов)* [Фонвизин Д. И. (1744/45–1792) — писатель; Лукин В. И. (1737–1794) — драматург, предшественник Фонвизина в создании бытовой комедии; Аблесимов А. О. (1748–1783) — поэт, автор комической оперы «Мельник, колдун, обманщик и сват» из народной жизни. — *комм. сост.*]

уже нельзя было найти словесного эквивалента для многих тонких оттенков мысли и чувства. И та рафинированная чувствительность, которую Карамзин прививал русской литературе того века, не будучи смелым выражением искреннего порыва чувств, тем не менее противостояла тому полному бездушию, которое прикрывалось шаблонными фанфарами старомодных од. И разве это не было крупным шагом вперед по пути очеловечения литературы? Чувствительность нам претит при свете подлинного чувства. Но перед лицом полного бездушия как не оценить чувствительности, как не воскликнуть: да будет она благословенна!

II.

Взглянем теперь на Карамзина, как на историка. Появление «Истории государства российского» составило, как известно, целое событие. Пушкин определил смысл этого события со свойственной ему гениальностью, сказав: «Карамзин, как Колумб, открыл русскому обществу русскую историю». Эти слова более метки, нежели, быть может, думал сам Пушкин. Колумб ведь не создал Америки, он только открыл ее уже готовую. Вот это самое сделал и Карамзин. Без конца повторялось, что Карамзин создал в своем труде то, чего до него не было. Это утверждение необходимо точно ограничить. Мы знаем теперь, что в своей существенной основе исторический труд Карамзина и по подбору материала и по обобщающей схеме русского исторического процесса опирается целиком на предшествующие работы русских историков XVIII ст., всего более на «Историю» кн. Щербатова[8]. Это не значит, конечно, что Карамзин ничего не прибавил к материалам своих предшественников и ничего не изменял в их суждениях. Достаточно известно, что «примечания» к «Истории» Карамзина до сих пор сохраняют научное значение по обилию собранного в них материала и особенно по выпискам из источников, оригиналы которых впоследствии были утрачены. Известно также, что Карамзин делал поправки к отдельным суждениям своих предшественников. Но все это не меняет существа дела. Как установлено критическими исследованиями (в особенности П.Н. Милюковым), значительнейшую часть своей эрудиции Карамзин все же взял готовой у историков XVIII ст., взял у них же готовой и общую схему русской истории. И опять-таки надо сказать, что эта схема, им усвоенная и вновь популяризованная, уже в то время была устаревшей в глазах специалистов, критически изучавших русскую историю.

Карамзин в согласии с литературной традицией, шедшей еще от XVI века, изображал дело так, что в России со времен Рюрика[9] сразу устанавливается благоустроенное монархическое государство. Смуты удельного периода колеблют это государство, но возникшее затем Московское единодержавие представляет собою восстановление изначальной самодержавной монархии. Из исторического рассказа таким образом изъята всякая историческая перспектива. Рюрик, Владимир[10], Ярослав[11] и т.д. тракту-

---

[8] Щербатов М.М. (1733–1790) — историк и публицист.

[9] Рюрик, предводитель дворянской дружины, призванный по преданию на княжение в Новгород ильменскими славянами, основатель династии русских великих князей и царей.

[10] Владимир Мономах (1113–1125) — вел. кн. Киевский.

[11] Ярослав Мудрый (1019–1054) — вел. кн. Киевский.

ются такими же самодержцами, каким историк стал бы изображать Петра, Екатерину, Александра.

Критики, которые тогда же были написаны на «Историю» Карамзина, показывают, что русская научная мысль уже далеко отошла от этих воззрений в то время, когда Карамзин своим красноречивым пером восстановил на страницах своей «Истории» трафареты предшествующей историографии. Критики Карамзина именно напирали на это отсутствие исторической перспективы у историографа в его подходе к явлениям отдаленных эпох.

Откуда же проистекала эта черта «Истории» Карамзина? Ведь нельзя же объяснять ее тем, что Карамзин не умел быть самостоятельным в своих исторических воззрениях. Все дело в том, что Карамзин по всему складу своего мировоззрения был и остался человеком XVIII столетия. Бесконечное число раз говорилось и продолжает говориться, что Карамзин смотрел на писание истории, только как литератор, и ценил в историческом произведении только занимательность рассказа и морализирование. Действительно, Карамзин утверждал, что историк должен быть красноречив, должен уметь раскрасить свой предмет, скучное сократить, занимательное представить в блестящем свете. Известно, как боялся Карамзин, что не успеет дойти в своем повествовании до эпохи Ивана Грозного, которая манила его к себе именно драматическими эффектами и возможностью блеснуть при их изображении литературным талантом. «История России без Ивана Грозного — восклицал он — это все равно, что павлин без хвоста».

Но при всем том совершенно неправилен тот взгляд, что у Карамзина не было никакой исторической теории, и что он был в качестве историка только рассказчиком и моралистом. Теория истории у него имелась и как раз это была та теория, которая заключала в себе сознательное отрицание понятия исторической перспективы. Это была рационалистическая теория, господствовавшая в XVIII столетии. Стало общим местом утверждение, что Карамзин писал не историю народа, а историю государства. Но «История» Карамзина не есть даже история государства, это есть история государей — добрых и злых, хороших и дурных, мудрых и опрометчивых. Конечно, Карамзин включал в текст своей Истории сведения и о государственном устройстве и о нравах общества, но двигательную пружину исторической жизни он усматривал только в актах личной воли носителей власти. Но ведь так именно и смотрели на исторический процесс философы-рационалисты XVIII стол. Жизнью человека руководит его разум. Жизнью государства руководит разум государя. Разумными распоряжениями просвещенного монарха создается прогресс, неразумные монархи вредят прогрессу. Теперь мы поймем, почему «История» Карамзина на $^{9}/_{10}$ своего содержания является повестью о хороших и дурных государях.

В начале XIX ст. научная мысль в Европе находилась в великом брожении. Рационалистическое мировоззрение, — по своему существу анти-историчное, — подвергалось коренному пересмотру. Карамзин остался совсем в стороне от этого движения. Он остался обеими ногами на почве рационалистической схемы, на которой стоял его предшественник по составлению истории России — кн. Щербатов.

И однако, посмотрите, что Карамзин сделал из этой схемы сравнительно с тем же Щербатовым!

Чтение фолиантов Щербатова можно было возлагать на себя лишь, как тяжелую эпитимию. Так это было тяжеловесно и неудобовоспринимаемо. А. Карамзин

сделал из своей повести о добрых и злых государях увлекательную поэму. До томов Щербатова не дотрагивался почти никто, а три тысячи экземпляров Истории Карамзина расхватали в книжных магазинах одним духом, и ее томики можно было увидеть повсюду — и в кабинете сановника и на туалетном столике светской львицы. Русские читатели впервые вдруг убедились в том, что русскую историю можно читать, не изнемогая от зевоты, что можно проливать слезы над повествованием о битве при Калке и пылать негодованием на Святополка Окаянного[12].

Русская история вошла в моду. В этом смысле Карамзин действительно совершил переворот.

Что же именно он сделал? Раскрыл новые горизонты, выдвинул новое построение русской истории? Нет, он взял целиком старое построение, но оживотворил его, иллюминовал его блеском своего таланта, сообщил ему в глазах общественной массы небывалое ранее очарование. И он совершил все это, вовсе не становясь в авангард русской исторической мысли того времени.

III.

Взглянем, наконец, на Карамзина, как на публициста и политика.

В 1789 г. двадцатитрехлетним молодым человеком Карамзин приезжает в Швейцарию и, прежде всего, целует швейцарскую землю, на которой процвела республиканская свобода. В 1802 г. — тридцатишестилетним мужем он на страницах своего журнала «Вестник Европы»[13] восхваляет либеральный идеал правомерной свободы. В 1811 г. сорокапятилетним пожилым человеком он пламенно обрушивается на преобразовательные планы и начинания Сперанского[14] и грудью отстаивает необходимость сохранения самодержавия. Что же мы тут перед собой имеем? Хроническую «смену вех» из-за карьерных соображений? Ни в малейшей степени. Благородная искренность Карамзина не подлежит никакому сомнению. Или это столь часто встречающееся последовательное поправение на пути от молодости к старости? Не думаю. Стоит вглядеться внимательнее, и мы откроем тут нечто иное. Карамзин всегда утверждал, что он не перестает быть республиканцем. Будем этому верить. Но запомним, что республика пленяла его лишь, как отвлеченный идеал, прекрасный в своей недостижимости. Швейцарскую землю можно целовать, но ведь поцелуй разрешается и при платонической любви.

В 1802 г. можно было восхвалять либеральные принципы, не затрагивая самодержавия, ибо в тот момент вопрос так именно и ставился теми, кто разрабатывал планы реформ: задача состояла в том, чтобы ввести в России правомерную свободу под сенью самодержавия. Это и была точка зрения Неофициального Комитета, состоявшего из друзей императора Александра, — старая точка зрения, развитая еще в «Наказе» Екатерины II[15]. Такая постановка вопроса как нельзя более

[12] Святополк Окаянный (ок. 980–1019), князь Туровский (с 988), Киевский (1015–1019).

[13] «Вестник Европы» (1802–1830) — журнал, основанный Н. М. Карамзиным.

[14] Сперанский М. И. (1772–1839) — гос. деятель, автор плана либеральных преобразований в России. Александр I (1777–1825), император с 1806 г.

[15] Речь идет о «Наказе» Екатерины II 1767 г. См. об этом: *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер. М., 1992. С. 226–258.

отвечала всему духовному складу Карамзина, основному стремлению его натуры: облагораживать старое. И поэтому он мог, не вступая в противоречие с самим собой, добросовестно выступить панегиристом либеральных начинаний тогдашней власти.

Было время, когда на ближайших советников Александра I в первые годы его правления, на членов так называемого Неофициального комитета (Новосильцева, Строганова, Кочубея, Чарторийского)[16] смотрели, как на политических радикалов, готовых немедленно приступить к полной ломке существующего государственного строя. Им приписывали намерение ниспровергнуть самодержавие и заменить его неотлагательно конституционной монархией и режимом широкой политической свободы. Напротив того, враждебную Неофициальному комитету группу старых сенаторов считали сплошь состоявшей из закорузлых политических староверов, которые с ужасом отшатывались от всяких политических нововведений. Такая характеристика политических группировок за первые годы царствования Александра I утвердилась было в нашей исторической литературе по двум причинам: во-первых, документальные источники, относящиеся к этим годам, долгое время не были известны историкам целиком, а во-вторых, историки основывались, главным образом, на тех аттестациях, которые давали друг другу сами представители тогдашних кружков в пылу взаимной борьбы. Мудрено ли, что эти аттестации, внушенные чувствами взаимного недоброжелательства боровшихся соперников, были далеки от действительности? Члены Неофициального комитета глядели на старых сенаторов сверху вниз, как на политических рамоликов, глухих к новым жизненным веяниям, а старые сенаторы честили приближенных к Александру I членов Неофициального комитета, как «шайку якобинцев». Доверяя этим взаимным укорам тогдашних деятелей, позднейшие историки и составили себе такое представление, что между либеральными советниками Александра и старыми сенаторами якобы лежала целая бездна, и что преобразовательная программа Неофициального комитета якобы заключала в себе попытку коренного изменения основ русского государственного строя на началах политической свободы.

При таком понимании тогдашнего положения дел на арене политики публицистическая позиция, занятая тогда Карамзиным в его журнале «Вестник Европы», давала основание к заключению, что Карамзин тогда стал сторонником идеалов конституционализма и противников самодержавия. Ведь на страницах «Вестника Европы» Карамзин воспевал настоящие панегирики и дифирамбы политическому курсу, усвоенному правительством «дней Александровых прекрасного начала», и неизменно приветствовал все правительственные мероприятия, исходившие из Неофициального комитета. Как же было в виду этого не признать, что взгляды Карамзина за эти годы совсем не походили на те воззрения, которые он позднее развил в «Записке о древней и новой России», когда он так запальчиво выступил против либеральных преобразований Сперанского во имя защиты чистого самодержавия? Получалось впечатление, что Карамзин несколько раз решительно менял

---

[16] Имеется в виду Негласный комитет, неофициальный орган при Александре I, действовавший в 1801–1803 гг.

политический фронт, становясь то республиканцем, то сторонником конституционной монархии, то горячим поклонником самодержавия.

Теперь все это приходится очертить совсем иначе. Сочувствие Карамзина либеральному курсу Неофициального комитета отнюдь нельзя уже признать достаточным доказательством конституционализма Карамзина за те годы по той простой причине, что и сами члены Неофициального комитета вовсе не могут быть признаны последовательными и подлинными конституционалистами. После опубликования в книге вел. кн. Николая Михайловича[17] «Строганов и его время» полного текста протоколов заседаний Неофициального комитета, ведшихся Строгановым, стало совершенно ясным, что члены этого Комитета совсем не думали посягать на самодержавие.

Представительный образ правления они, правда, считали своим идеалом, но они сразу же все сошлись на той мысли, что для восприятия этого идеала Россия совсем не подготовлена, и что введение в России конституции должно быть отложено до неопределенно отдаленного будущего. И после этого в существе дела никакой незаполнимой пропасти между планами ближайших советников Александра и планами старых сенаторов не получалось. Оставались лишь различия по вопросам о той или иной структуре государственных учреждений, но в главном и основном вопросе — быть или не быть самодержавию — те и другие были совершенно согласны, решая этот вопрос в утвердительном смысле.

Члены Неофициального комитета в сущности целиком стали на почву той основной идеи екатерининского «Наказа», которая гласила, что и под сению самодержавия возможно установить некоторые элементы свободы и права. Сочетать самодержавие с закономерной свободой — вот та задача, которую ставили себе либеральные советники Александра I в те годы, не отдавая себе отчета в том, сколь такая задача неблагодарна и невыполнима. И подходя к разрешению этой задачи, они не только не обнаруживали какого-либо радикализма, но как раз наоборот на каждом шагу проявляли чрезвычайную даже не осторожность, а прямо робость перед всяким нововведением в духе политической свободы. Наиболее смелые предложения в этом направлении были тогда сделаны вовсе не ими, а как раз некоторыми вельможами предшествующей поры. Так, братья Воронцовы[18] предложили тогда Александру начать царствование торжественным изданием «Уставной грамоты русскому народу», в которой были бы провозглашены некоторые неотъемлемые права граждан. Как теперь стало известно, благодаря исследованию г. Семенникова[19], проект такой грамоты был составлен Воронцовыми при участии близко к ним стоявшего Радищева[20]. Но члены Неофициального комитета отнеслись к этому предложению, как к опаснейшей затее и убедили императора от нее отказаться. В конце концов, члены Неофициального Комитета хотели ввести лишь такие реформы, которые усовершенствовали бы строй государственных учреждений

---

[17] Николай Михайлович (1859–1919) — вел. кн., историк, президент Русского исторического общества.

[18] бр. Воронцовы: А. Р. Воронцов (1941–1805) и С. Р. Воронцов (1744–1832) входили в близкий круг Александра I.

[19] Семенников В. П. (1885–1936) — историк.

[20] Радищев Н. А. (1749–1802) — писатель.

в техническом отношении, но при этом они тщательно стремились избежать всего такого, что могло бы в какой-либо мере ослабить прерогативы самодержавия, потому-то в преобразовании системы центральных государственных учреждений они и не пошли далее основания министерств, что уже подготовлялось исподволь еще со времени второй половины царствования Екатерины II. Так же осторожны были они и в области преобразований социальных. Отмену крепостного права они сразу признали невозможной. Но и всякое предложение частичного смягчения крепостных отношений встретило в их среде самые энергичные возражения и опасения. Как решительно восстал Новосильцев против запрещения продажи крестьян без земли!

Все это надо принять во внимание для того, чтобы понять истинный характер либеральной публицистики карамзинского «Вестника Европы» в первые годы царствования Александра.

Когда Карамзин писал «Письма русского путешественника», платоническая любовь к республике, не мешала ему идеализировать французский «старый порядок», видеть в королевской Франции при Людовиках картину полного благоденствия народа и относиться к первым актам революции, которые ему довелось наблюдать, как к бесчинству кучки смутьянов.

Теперь во время «дней Александровых прекрасного начала» Карамзину легко было приветствовать либерализм правительственных начинаний именно потому, что эти начинания нисколько не затрагивали самодержавия, а сводились к таким призрачным нововведениям, которые вполне соответствовали платонической любви к свободе, не доходившей до ее реального осуществления.

Читая политические статьи Карамзина в «Вестнике Европы», не трудно заметить, что его удовлетворяет именно эта половинчатость либеральной программы правительства, дающая возможность прославлять в области политики «все высокое и прекрасное», ничего существенно не изменяя в наличной обстановке, столь далекой от либеральных идеалов.

В тех одах, которыми Карамзин приветствовал начало царствования Александра, он очень определенно выразил природу и границы своего политического либерализма. Он желает, чтобы произвол заменился законностью, и он убежден, что это будет осуществлено без всякого ограничения власти монарха, одною доброю волею самодержца свято чтить им же изданные законы. «Трудно — говорит он — править самовластно и небу лишь отчет давать», но зато — «сколь велико и прекрасно делами Богу подражать. Он (т. е. Бог) может все, но свято чтить Его же премудрости законы». Итак, монарх должен быть неограниченно всемогущ, а свобода подданных должна опираться лишь на добровольное решение государя не нарушать произвольно им же данных законов. Это — то самое, что проповедовала в своем Наказе Екатерина II, и в чем заключается прямое отрицание конституционализма. Установив это положение, Карамзин мог затем в волю славословить либеральные мероприятия правительства, хорошо зная, что в них никогда не будет перейдена заветная для него черта. Также и в крестьянском вопросе карамзинский «Вестник Европы» был вполне солидарен с линией, принятой Неофициальным комитетом. Карамзин определенно высказался против освобождения крепостных крестьян, но считал возможным известные ограничения помещичьей власти.

Но вот после временного перерыва в преобразовательной деятельности правительства, вызванного участием России в коалициях против Франции, Александр по заключении Тильзитского[21] мира возобновил внутренние реформы, но уже в ином масштабе, в ином направлении и с иными помощниками. Неофициальный Комитет распался. Между Александром и друзьями его молодости наступило полное охлаждение. Теперь правою рукою Александра стал Сперанский, которому было поручено составить проект уже не технической, а принципиальной реформы государственного устройства России. То был проект замены самодержавия конституционной монархией с введением народного представительства, облеченного законодательной властью.

И вот Сперанский математически ясно доказал, что самодержавие и свобода несовместимы, и что между тем и другим надо сделать выбор. И тогда Карамзин составил «Записку о старой и новой России», в которой выступил с горячей критикой всех преобразовательных мероприятий, произведенных и намечаемых в течение царствования Александра.

Было ли это переменой фронта сравнительно с позицией, которую Карамзин занимал в период издания им «Вестника Европы?

Конечно, между содержанием упомянутой только-что «Записки» и статьями Карамзина в «Вестнике Европы» можно найти сколько угодно противоречий. Те самые меры правительства, которые Карамзин некогда приветствовал с одушевлением и восторгом, теперь он подверг самой запальчивой критике. От благодушного оптимизма, с которым Карамзин в «Вестнике Европы» изображал благоденствие России под скипетром Александра, теперь не осталось и следа. Все правление Александра в области и внешней и внутренней политики Карамзин представлял теперь, как сплошную цепь глубоких ошибок. И с наибольшей энергией он при этом нападал на все попытки реформировать существующий строй государственных учреждений. Откуда эта резкая перемена в суждениях? Изменились ли политические убеждения Карамзина: Нет, они остались прежними. Но теперь он увидел, что логическим выводом из предшествующих преобразовательных попыток может явиться отмена самодержавия, которое он почитал совместимым с введением закономерной свободы, и вот почему теперь и все эти предшествующие, некогда одобренные им преобразовательные начинания предстали для него в ином свете, и он на них страстно ополчился. Теперь он со всем жаром души восстал против выдвинутой альтернативы: либо самодержавие, либо свобода. Но ведь, восставая против постановки такой альтернативы, Карамзин как раз только пребывал верным самому себе. На первый взгляд Карамзин в «Записке» как будто противоречит всему, что он писал ранее. И по ряду частных вопросов и оценок такие противоречия несомненны. Но при всем том в основе своей политической идеологии Карамзин в сущности вел свою прежнюю линию: либеральные нововведения приемлемы лишь постольку, поскольку они совмещаются с самодержавием, а если они неизбежно должны привести к ниспровержению самодержавия, в таком случае их нужно признать пагубными и недопустимыми.

[21] Тильзитский мир заключен в 1807 г. в Тильзите между Александром I и Наполеоном I. Россия согласилась на создание Герцогства Варшавского и присоединялась к континентальной блокаде. Означал оформление русско-французского союза.

И вся «Записка о древней и новой России» вышла у Карамзина идеализацией и апофеозом самодержавия. Беглый очерк истории России, которым открывается «Записка», должен был по замыслу Карамзина показать, что только самодержавием Россия была жива и могла избегать опасностей. Пытаясь, не без явных исторических натяжек, обосновать это положение Карамзин не обходит вопроса и о том, как же быть, если самодержавец превращается в тирана и своими тираническими действиями наносить явный вред своим подданным, как это было, — по смелому признанию Карамзина, — при Павле? На этот вопрос Карамзин дает ответ, уже ничего общего не имеющий с политическим либерализмом. Он говорит, что тиранию надо просто претерпеть, как кару, ниспосланную Богом. Ибо если тирания губительна, то заговоры против нее еще губительнее. Заговоры ведут к безначалию, а безначалие подвергает опасности всех граждан, тогда как тиран казнит только некоторых. Итак, — пишет далее Карамзин, — «кто верит Провидению, да видит в злом Самодержце бич гнева небесного снесем его, как бурю, землетрясение, язу, феномены страшные, но редкие». Карамзин утешает себя и своих читателей тем, что тираны на троне всегда суть редкое исключение, а в виде общего правила самодержавная монархия вовсе не является тиранией. Что же служит залогом благоденствия народа при самодержавии? В период издания «Вестника Европы» Карамзин в согласии с программой Неофициального комитета полагал, что таким залогом могут служить совместимые с самодержавием либеральные учреждения. Но теперь реформирование учреждений в либеральном духе его уже устрашает, потому что в конце концов оно может привести к ниспровержению самодержавия. И вот почему теперь он выставляет излюбленное всеми противниками либерализма положение, что счастье народа обусловливается вовсе не реформою учреждений, а подбором хороших людей на должностные посты.

«Главная ошибка законодателей сего царствования, — пишет Карамзин, — состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того изобретение разных министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся только в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны». Все дело в том, чтобы — искать людей. «Вы не образуете полезного министерства сочинением Наказа; тогда образуете, когда приготовите хороших министров, Совет рассматривает их предложения, но уверены ли вы в мудрости его членов? Общая мудрость рождается только от частных. Одним словом, теперь всего нужнее люди. Но люди не только для министерства или совета, но и в особенности для мест губернаторских. Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями; если там дела пойдут, как должно, то министры могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут в России как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона Россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа». И несколько далее он еще раз формирует в более общей форме свою основную мысль: «искусство избирать людей и обходиться с ними есть первое для государя российского, без сего искусства тщетно будете искать народного блага в новых органических уставах».

Итак, вместо того, чтобы перестраивать освещенные давностью учреждения, нужно просто найти 50 хороших губернаторов. Так говорит Карамзин в своей

«Записке», и, вероятно, он был бы очень удивлен, если бы ему сказали, что для возможности уберечься от занятия губернаторской должности недобросовестным человеком также совершенно необходима правильная организация государственных учреждений. Карамзин успокаивался на сентиментальном идеале патриархального самодержавия, при котором государь мыслится любящим отцом своих подданных. — «Разве при этом я не могу быть свободным гражданином?» — спрашивал он и отвечал: «конечно, могу, ведь свобода заключена в моем духе и никто у меня оттуда взять ее не может». И опять-таки он слишком преждевременно ставил тут точку. Вопрос ведь шел о том, чтобы свобода, заключающаяся в духе, могла также и проявляться наружу. Карамзин мог бы сослаться на свой личный опыт. Он говорил в глаза самодержавному Александру очень резкие вещи, например, по польскому вопросу. Но разве мог бы сказать Александру то же самое любой иной гражданин, не рискуя подвергнуться большим неприятностям? Да и сам Карамзин должен был в иных случаях склонять голову перед прихотью самовластья. Пришлось же ему, против воли, поехать на поклон к Аракчееву[22], и лишь после этого он был допущен к Александру. Стоило Аракчееву не пожелать, — и самому Карамзину не пришлось бы говорить перед Александром речей независимого гражданина.

И все же мы обязаны воздать должное стремлению Карамзина облагородить самодержавие. Его сентиментальный идеал свободы под сенью самодержавия был явно утопичен. В нем было много оптимизма на сахарной воде. И современная Карамзину политическая мысль тех, кто стремился к действительной свободе, далеко уже ушла от этой утопии. Но ведь таких было еще очень немного. Гораздо больше тогда было таких, кто не предъявлял к существующей власти никаких сдерживающих требований, не только политических, но и моральных. Для этой среды, составлявшей толщу тогдашнего общества, идеал Карамзина был призывом ввысь от плоских низин первобытного политического мышления. Карамзин все же предъявлял самодержавию свои условия, — только не политические, а моральные, — и в своей «Истории», прославляя самодержавие, он в то же время дал убийственный обвинительный акт против тирании, яркими красками изобразив ужасы правления Ивана Грозного.

* * *

Кажется, я могу теперь подвести общий итог. На всех разнообразных путях своей деятельности Карамзин был один и тот же. Он всегда оставался стоять на старом материке. С действительно передовым меньшинством людей своего времени ему было не по пути. И в этом смысле он был консерватор. Но в те начала, которые были по плечу большинству его современников, он вливал новые свежие, облагораживающие струи и возвышенные стремления. И постольку он был новатор. Его сентиментальный оптимизм отворачивался от темных сторон действительности и не хотел замечать их. В этом была его шуйца. Но он красноречиво указывал на смысл и значение светлых сторон действительности, проповедуя человечность, благородное достоинство личности, теплоту сердца — и в этом была его заслуга. Он не находился в авангарде общественного движения. Но он и не плелся в хвосте его. Он предпочитал срединную гущу. Но, не отделяясь от этой середины, он побуждал ее энергично и бодро двигаться вперед. Он стоял, если можно так выразиться,

---

[22] Аракчеев А.А. (1769–1834) — государственный деятель. С 1808 г. — военный министр, с 1810 г. — председатель военного департамента Государственного совета.

в голове центра. И надо суметь оценить эту роль. Ведь если срединная гуща слишком закорузла, если в ней слишком мало людей, ее подталкивающих, то очень плохо приходится и авангарду, ибо он утрачивает базу.

Вот почему Карамзин был крупен и многозначителен в роли двигателя русской культуры не только, несмотря на свою двуликость, но и прямо благодаря ей.

Люди этого типа не любят совершать скачков поверх бездны на другой берег. Но они готовят тот трамплин, без которого такие скачки были бы вообще ни для кого невозможны.

А. А. Кизеветтер

Московский университет и его традиции[1]

I.

12 января 1755 г. императрица Елизавета утвердила поднесенный ей Шуваловым[2] проект учреждения Московского университета. Шувалов нарочно избрал «Татьянин день»[3] для завершения этого важнейшего дела своей жизни, предпринятого по указаниям великого Ломоносова. То был день именин его матери, которую он и хотел подарить этим событием, прочно укрепившим его имя на страницах российской истории.

Через три месяца — 26 апреля 1755 г. — состоялось торжественное открытие университета в отведенном для него доме у Воскресенских ворот[4]. Утром в университете состоялся публичный акт, на котором были произнесены речи проф. Барсовым[5] на русском языке «О пользе учреждения Московского университета», магистром Поповским[6] на латинском языке, учителем Лабомом на французском языке и учителем Литкеном — по-немецки.

После акта публике было предложено угощение. Галерея с портиками была убрана грудами конфет. Между столбов стояли фигуры младенцев с разными математическими инструментами, книгами, географическими картами и глобусами в руках. Посреди галереи бил натуральный фонтан. Целый день гремела музыка. Вечером зажглась иллюминация. Она изображала Парнас. На вершине стояла Минерва, воздвигающая обелиск во славу императрицы. У подножия обелиска сидели младенцы, упражняющиеся в науках. Один из них писал на свитке имя Шувалова. Ученик с книгою всходил по ступеням к Минерве, которая принимала его с любовью. Рядом с обелиском виднелся рог изобилия и водный источник — символ будущих плодов учения. Искусственный сад с аллеями и деревьями окружал эту живописную группу. Все университетские покои и башня до самого верха были

[1] Публикуется по изданию «День русской культуры». Прага, 1927.

[2] Шувалов И. И. (1727–1797) — государственный деятель, покровительствовал просвещению.

[3] Татьянин день отмечается 25 января.

[4] В новое помещение на Моховой улице университет был переведен в 1756 г.

[5] Барсов Н. П. (1839–1889) — историк, профессор Варшавского университета.

[6] Поповский Н. Н. (1730–1760) — профессор философии и красноречия.

освещены и внутри и снаружи. Целый день и почти всю ночь несчетное число народа теснилось около университетского дома.

Шумным и пышным празднеством, на какие так тароват был XVIII век, ознаменовалось открытие Московского университета. В свойственных времени формах этого празднества выразилась одна черта, прочно вошедшая затем в состав традиций Московского университета. Академическое торжество было справлено всенародно. С первого же дня своего существования университет собрал под своей кровлей представителей широких и разнообразных кругов местного общества. Не было большой беды в том, что отдельные лица, спешившие на этот праздник, были привлечены туда неодинаковыми побуждениями: кто повиновался долгу службы, кто руководился сознательным сочувствием внутреннему значению празднества, кто просто бежал на блеск весело мигавших плошек. Важно было уже то, что и те и другие и третьи соединились в общую толпу во имя одного и того же слова и это слово было: «Московский университет».

Нередко говорят о «традициях Московского университета», не отдавая себе отчета в сущности этих традиций и довольствуясь смутным представлением о том, что они должны заключать в себе «что-то» очень благородное, возвышенное и прекрасное; при этом обыкновенно называют имена Грановского[7] и Кудрявцева[8] и, назвав их, считают вопрос уже окончательно исчерпанным. Но почему эти имени получили символический смысл, какая именно черта в деятельности этих знаменитых профессоров отразила на себе основное существо московских университетских преданий, — вот вопрос, который надлежит вырешить точно и определенно, чтобы слова о традициях Московского университета не превратились в пустой звук без всякого реального содержания.

В моменты наибольшего расцвета университетской жизни, в деятельности людей, имена которых окружают наибольшей славой старейший русский университет, — неизменно сказывалось одно стремление, одна господствующая черта, которая и составляет в точном смысле этого слова основную традицию этого учреждения, это — слияние и органическое совмещение служения научной истине с служением общественному благу. В лучшие эпохи своей истории Московский университет никогда не являлся замурованным чертогом цеховой учености и вместо культивирования ремесленной учености высоко держал знамя истинной научности, которая не чуждается жизни, но сама неминуемо становится крупной социальной силой и могучим рычагом прогрессивного общественного движения.

Разумеется, я не намерен излагать здесь историю Московского университета; ведь для выполнения такой задачи потребовалось бы написать не брошюру, а несколько толстых томов. Я хочу лишь подтвердить только что высказанное положение небольшой справкой о нескольких эпизодах из жизни Московского университета, которые показывают, что формулированная выше традиция есть реальный факт, а не простая выдумка досужего ума.

[7] Грановский Т. Н. (1813–1855) — историк.
[8] Кудрявцев П. Н. (1816–1858) — историк.

II.

Уже в XVIII ст. Московский университет успел стать средоточием культурной жизни Москвы, уже тогда льнули под его сень прогрессивные начинания, зарождавшиеся в Москве и затем раскидывавшие свое влияние далеко за пределы столицы.

Я не буду касаться жизни Московского университета за время царствования Елизаветы. Тогда университет только еще слагался. Долгое время целые факультеты были представляемы в нем одним профессором, всего чаще иностранцем, который не всегда мог быть понят слушателями и сам не понимал их языка. Все формы университетской жизни, — лекции, диспуты, акты — носили отпечаток наивной патриархальности, сводившейся гораздо более к наивному умилению перед наукой, нежели к ее сознательному изучению и разработке. Любопытно отметить, тем не менее, что уже и в этот начальный период жизни Московского университета мы встречаем на каждой странице его истории следы деятельного общения университета с широкими слоями московской публики. Почти каждый профессор читает при университете публичные курсы. Очень часто устраиваются студенческие диспуты, на которые всегда приглашается посторонняя публика. Москвич привыкал к гостеприимству своего университета, который входил прочным звеном в кругооборот общественной жизни родного города. И не это ли подготовило те нравственные связи между университетом и обществом, которые принесли осязательные плоды в последней четверти XVIII ст.?

Самым громким проявлением общественной самодеятельности в области культурных начинаний в России времени Екатерины II были несомненно просветительные и филантропические предприятия Новикова[9]. В высшей степени характерно, что эти предприятия развивались в тесной связи с московским университетом. Рядом с именем отставного поручика Новикова история русской культуры ставить имя профессора Московского университета Шварца[10]. Биография Шварца — одна из трогательнейших страниц в истории Московского университета. По тому чистому и возвышенному идеализму, которым была проникнута вся личность Шварца, по тому самоотвержению, которое он вносил в служение науке и обществу, по силе влияния, проникнутого духом глубокой гуманности, которое он оказывал на всех, с кем соприкасался и прежде всего на своих учеников, — Шварц является настоящим предшественником Грановского.

Щварц приехал в Россию в 1776 году уже с репутацией крупного ученого и скоро стал известен во многих московских домах, как выдающейся по своим знаниям и талантам учитель. В 1779 г. он вступил в состав профессоров Московского университета. В его лице университет приобрел недюжинную силу, влияние которой не замедлило сказаться в кипучей просветительной деятельности, развернувшейся в стенах университета. Масон по убеждениям, увлеченный возвышенными планами нравственного перерождения человечества, Шварц был по натуре проповедник и пропагандист и, заняв профессорскую кафедру, он не замедлил использовать

---

[9] Новиков Н. И. (1744–1818) — просветитель, писатель, издатель.

[10] Шварц Иоганн Георг (Иван Григорьевич (1751–1784) — профессор философии Московского университета.

преимущества своего нового положения для широкого воздействия на учащуюся молодежь. Он умел найти путь к интимным тайникам души своего слушателя. Студенты доверчиво пошли на огонек его дышавшей искренностью проповеди. И надо читать в его собственных Записках о том, с какой радостью встречал он проявление неподдельного интереса у молодых людей к научным занятиям. — «Молодые люди, — пишет он в своих Записках, — полюбили меня, отцы являлись ко мне с благодарностью... все это наполнило меня райскими ощущениями, я сгорал желанием выразить благодарность мою народу, столь благодарному, столь жаждущему науки». И Шварц работал, не покладая рук. Он читал ряд курсов по «философской истории», по эстетике и особый курс «о трех познаниях — любопытном, приятном и полезном». Эти лекции устраивались и для студентов и для посторонней публики и в здании университета и на дому у профессора. До нас дошел ряд воспоминаний слушателей Шварца об этих лекциях. Все вспоминания дышат чувством глубокой благодарности к профессору и указывают на то, что курсы Шварца составляли эпоху в духовном развитии большинства его учеников. Шварц был масон и его миросозерцание имело чисто метафизическую основу. Но его мистицизм был чужд квиетизма. Напротив, проповедь Шварца была призывом к деятельной борьбе с несовершенствами окружающей жизни. Он старался при этом вызвать учеников на путь самодеятельности. В 1781 г. он учредил при университете особое общество под названием: «Собрание университетских воспитанников», которое имело целью привлекать студентов к самостоятельным занятиям сочинениями и переводами. Широкие планы воздействия на общество и кипучая энергия, присущие Шварцу, скоро сделали для него тесными пределы чисто академической работы. И Шварц не остался глух к признакам пробуждения общественной самодеятельности, которые ясно обнаруживались в русской жизни во вторую половину царствования Екатерины II. Чуткий иностранец, готовый служить России, как второй родине, наблюдал кругом себя любопытное зрелище. Плодились журналы. Обозначался жадный запрос на книжное просвещение. Оживлялось издательское дело. Русское общество выставило из своей среды замечательного человека, который сумел придать нарождавшемуся просветительному движению осязательные формы, сумел создать и широко развить ряд предприятий, одинаково удивительных, как по широте и серьезности поставленных задач, так и по солидной основательности их практической организации. Этот человек был Новиков, в натуре которого счастливо сочетались практическая сноровка с возвышенным жаром души. Этот человек умел одновременно редактировать журнал, вести обширное издательское дело и организовывать раздачу хлеба по голодающим селениям. И тот же человек способен был так наэлектризовать внимательного слушателя пламенным словом убеждения, что первый миллионер под властью его речи отдал на добрые дела в распоряжение Новикова все свои средства, в корень расстроив свое состояние с тем, чтобы умереть в нищете, бросая последний прощальный угасавший взгляд на висевший у изголовья постели портрет Новикова.

В том самом году, когда Шварц вступил в состав профессоров Московского университета, Новиков переехал из Петербурга в Москву и снял в аренду университетскую типографию. Еще за границей Шварц был осведомлен о выдающейся по предприимчивости общественной и литературной деятельности Новикова. Съехавшись в одном городе, эти два человека, одинаково проникнутые горячим

стремлением к содействию общественному благу, одинаково прикосновенные к масонскому братству, не могли не вступить в тесную дружбу. Первый шаг к знакомству сделал Шварц. — «В одно утро — рассказывает Новиков, — пришел ко мне немчик, с которым я, поговоря, сделался на всю жизнь, до самой смерти его неразлучным. Этот немчик был Шварц». Плодом этой дружбы явилось основание в Москве «Дружеского общества», в котором объединялись для общей просветительной работы привлеченные Шварцем студенты университета и представители московского общества, причем благодаря авторитетному влиянию того же Шварца к пожертвованиям в пользу Общества и к активному участию в его работах удалось привлечь и знатное московское дворянство. Все это дало возможность Новикову расширить свои просветительные предприятия, опираясь на сотрудничество лиц, преданных его идеям. Дружба Шварца и Новикова как бы символизировала единение университета и передовых элементов общества на поприще просветительной работы. И как много духовной силы внес в эту работу человек, служивший лучшим украшением университетской корпорации, об этом можно судить по тому благоговейному чувству, которым была окружена в «Дружеском Обществе» память о Шварце после его смерти. Ученики Шварца ставили у себя его бюст рядом с изображением распятого Спасителя.

III.

Вторая половина XVIII ст. была эпохой первоначального пробуждения русского общества к сознательной культурной работе. До того русское общество влагало все силы в отбывание государственных повинностей и служб и всячески хоронилось от правительственной школы, в которой приходилось одолевать сушь казенных учебников, ничего не говоривших уму и сердцу. Потом оно вытерпело и вынесло на своих плечах муштровку Бироновщины и, свободнее вздохнув при Елизавете, постаралось вознаградить себя за пережитое беззаботной погоней за модными новинками внешней западной культуры. Оно тешилось блестящими побрякушками этой культуры, рядилось в костюмы и перенимало жаргон французских «петиметров» и «кокеток» и, подхватывая на лету словечки и ужимки версальского бомонда, боялось, как огня, сколько-нибудь серьезной мыслительной работы, заглядывало только в такие книжки, в которых находило «слог расстеганный и мысли прыгающие».

Этот умственный карнавал не мог тянуться долго. То был симптом переходной поры нашего общественного развития, когда верхи общества, только что почувствовав ослабление тяжелых пут обязательной службы, только что завидя выход из положения безгласных государевых холопов, еще не знало, куда и как приложить свои самостоятельные силы, еще не видело перед собою подходящих форм для серьезной общественной самодеятельности.

Время Екатерины II принесло с собой в этом отношении ряд существенных новостей. Так или иначе, хотя бы еще в зачаточных формах, некоторые слои русского общества вступали теперь на путь самостоятельной работы и в области культурных начинаний и в области общественного самоуправления. И тотчас в обществе сказался сильный запрос на положительное знание. Распространение просвещения, пропаганда книги, издательское дело выдвинулись на степень очередных,

насущных задач. Потому-то широко задуманные предприятия Новикова получили такое исключительно важное значение. И Московский университет, приняв, благодаря Шварцу, деятельное участие в этих предприятиях, стал в уровень с просветительными потребностями данного момента, проявил стремление к слиянию служения науке с служением насущным практическим запросам общественной жизни.

Прошло пол века и развернулась другая знаменательная пора в жизни Московского университета.

После богатого перипетиями царствования Александра I, когда русское общество так быстро и неожиданно переходило от радужных надежд к тяжелым разочарованиям, настало время Николая I, время покоя и тишины, покоя мертвенного и тишины кладбищенской. Путь самостоятельной общественной работы для общества был заказан. И общественная энергия, сметаемая со всякого практического поприща, бросилась на высоты отвлеченного мышления. Широко овладев ресурсами западно-европейской философии, русская философствующая мысль ударилась в тонкую игру диалектическими абстракциями, в это последнее убежище, куда укрылась тоскующая русская мысль, для которой были заперты все выходы и пути для свободного анализа животрепещущих вопросов реальной действительности. На время эти диалектические тонкости, вычитываемые из немецких философских книг, наложили на господствующие умственные интересы передовой молодежи печать оторванности от жизни, печать кабинетного изысканного педантизма. Но то была лишь временная остановка на перепутьи. Философский идеализм тоже не оказался на поверку тем тихим пристанищем, в котором можно было бы уберечься от треволнений житейского моря. Философские споры получали все большую страстность и это свидетельствовало о том, что под оболочкой абстрактных формул вступали в свои права кровные жизненные вопросы, требовавшие разрешения.

Из одного и того же ствола метафизического идеализма выросли в русском общественном сознании 30–40-х годов XIX ст. две философско-политические концепции: — западничество и славянофильство, — представлявшие собою две определенных программы общественного поведения. Далеко расходясь в существе своих выводов, оба направления одинаково встали в оппозицию к современной им политической действительности. Нельзя определить эту политическую подкладку названных двух течений общественной мысли более метко и сжато, чем это сделал Герцен[11]в «Былом и думах». — «В лице Грановского — пишет Герцен — московское общество приветствовало рвущуюся к свободе мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. В лице славянофилов оно протестовало против оскорбления чувства народности бироновским высокомерием петербургского правительства».

Теоретическое разрешение вопроса о дальнейших путях национального развития России сосредоточило тогда на себе живейшее общественное внимание. И опять-таки Московский университет принял деятельнейшее участие в этом идейном движении. Ему не нужно было для этого сходить с почвы научной деятельности, он только мобилизовал свои научные ресурсы для участия в рассмотрении поднявшихся в обществе спорных вопросов.

Первые семена интереса к философским вопросам были брошены в ту эпоху с кафедры Московского университета. Правда, кафедра философии была закрыта еще

[11] Герцен А. И. (1812–1870) — писатель, мыслитель и общественный деятель.

с 1826 г. Но профессор физики и сельского хозяйства Павлов[12] взял на себя задачу посвящения своих слушателей в философскую пропедевтику. — «Физики было мудрено научиться на его лекциях, — рассказывает Герцен, — сельскому хозяйству — невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павлов стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студента вопросом: — ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое "знать"! И ответом на эти вопросы служило изящное и пластически-ясное изложение философской системы Шеллинга»[13].

Когда же на почве философских исканий возгоралась борьба двух общественных направлений — западничества и славянофильства, — ареной борьбы сделался тот же университет, становившийся руководителем общественного мнения. Прекрасно характеризует это значение университета Герцен. Когда после 14 декабря 1825 г. реакция раздвинула над Россией свои крылья и все пошло назад — «Московский университет устоял и начал первый вырезываться из за всеобщего тумана... Университет рос влиянием; в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню и братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее».

Теперь имя Грановского сделалось символом тесного общения университета и общества, науки и жизни. Крупное событие в истории борьбы двух направлений тогдашней общественной мысли составил публичный курс, открытый Грановским в университете 23 ноября 1843 г. Все мемуаристы той поры единогласно отмечают знаменательное значение этого курса. — «Лекции Грановского, — сказал Герцену Чаадаев[14], выходя из аудитории, битком набитой дамами и всем московским светским обществом, — имеют историческое значение». Чаадаев имел при этом в виду именно проникновение в стены университета широкой публики. Действительно, состав многочисленной аудитории на публичном курсе Грановского был чрезвычайно разнообразен. По свидетельству Анненкова[15] Грановский собрал вокруг своей кафедры «не только людей науки, все литературные партии и обычных восторженных своих слушателей — молодежь университета, но и весь образованный класс города от стариков, только что покинувших ломберные столы, до девиц, еще не отдохнувших после подвигов на паркете и от губернских чиновников до неслужащих дворян».

Важно было при этом, что лектор ради удобств разнокалиберной публики нисколько не понижал своих строгих требований от научного изложения, «не рядил, — по выражению Герцена, — историю в кружева и блонды, напротив, речь его была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смелости и поэзии, которые мощно потрясали слушателей, будили их».

Не менее важно было и другое обстоятельство: при строгой научности своего содержания публичный курс Грановского носил боевой общественный характер. Он представлял собою научное обоснование прогрессивных общественных идеалов. Недаром об этих лекциях шумели журналы, недаром на голову Грановского

---

[12] Павлов М. Г. (1793–1840) — физик, агробиолог.
[13] Шеллинг Ф. В. (1775–1854) — нем. философ.
[14] Чаадаев П. Я. (1794–1856) — философ.
[15] Анненков П. В. (1812–1887) — литературный критик, мемуарист.

посыпались страстные упреки теоретических противников. Профессор не уклонился от полемики и с кафедры дал ответ, прекрасно оттенивший значение предпринятого им дела. — «Меня обвиняют, — сказал Грановский, — в пристрастии к каким то системам. Лучше было бы сказать, что я имею мои ученые убеждения. Да, я их имею и только во имя их явился я на этой кафедре».

Пример Грановского подстрекнул представителей противоположного лагеря. Погодин[16], посещавший лекции Грановского, записал в дневнике под 23 ноября 1843 г.: «слушая его я думал об отпоре. Надо начать лекции с того, на чем он остановился и указать русскую точку всеобщей истории», а под 24 ноября в дневнике Погодина помечено: «думал о лекциях антизападных». «Антизападные лекции» действительно были предприняты, только не Погодиным, а его сторонником Шевыревым. Шевырев также организовал публичный курс при университете, посвященный древнему периоду русской литературы. Публика снова хлынула на лекции, не устрашаясь сухой материи и ища в профессорских лекциях разъяснения своих вопросов, сочувственного отклика на свои думы.

Так и в 80-х гг. XVIII ст., когда в русском обществе появилась тяга к книге и надо было направить усилия к развитию в стране просветительных средств, и в 40-х гг. XIX ст., когда передовые слои нашей интеллигенции были охвачены идейной борьбой, в которой спор шел об исторических путях России и ее будущности, — Московский университет шел в ногу и работал рука об руку с прогрессивными элементами рвавшейся к свету знания и свободы России.

IV.

Во второй половине XIX ст. Московский университет развернул блестящую деятельность и как центр научного творчества и как очаг русского просвещения. В содержание научной работы, совершавшейся в стенах Московского университета, мы здесь входить не можем. Но достаточно будет привести несколько имен выдающихся профессоров этого университета, чтобы читатель тотчас почувствовал, как велики и блестящи были научные достижения этого университета в XIX ст. Обходя еще здравствующих лиц, напомню славнейшие имена уже отошедших в лучший мир.

Погодин, Соловьев[17] и Ключевский[18], Грановский, Кудрявцев, Герье[19], Павел Виноградов[20], Буслаев[21] и Тихонравов[22], Филипп Фортунатов[23], Крюков[24], Леонть-

[16] Погодин М.П. (1800–1875) — историк и литератор.

[17] Соловьев С.М. (1820–1879) — историк, профессор Московского университета.

[18] Ключевский В.О. (1841–1911) — историк, профессор Московского университета.

[19] Герье В.И. (1837–1919) — историк.

[20] Виноградов П.Г. (1854–1925) — историк.

[21] Буслаев Ф.И. (1818–1897) — филолог, профессор Московского университета.

[22] Тихонравов Н.С. (1832–1893) — историк литературы, профессор Московского университета.

[23] Фортунатов Ф.Ф. (1848–1914) — языковед, индоевропеист и славист, профессор Московского университета.

[24] Крюков Л. (1809–1845) — профессор римской словесности и древности Московского университета.

ев[25], Корш[26], Иванов[27], Троицкий[28], Грот[29], Лопатин[30], Сергей Трубецкой[31], Никита Крылов[32], Редкин[33], Победоносцев[34], Федор Дмитриев[35], Чичерин[36], Максим Ковалевский[37], Лешков[38], Новгородцев[39], Бабст[40], Янжул[41], Чупров[42], Муромцев[43]; Давидов[44], Бугаев[45], Цингер[46], Некрасов[47], Млодзеевский[48], Столетов[49], Умов[50], Лебедев[51], Щуровский[52], Богданов[53], Анучин[54]; Жуковский[55], Тимирязев[56]; Бредихин[57], Церас-

---

[25] Леонтьев К. Н. (1831–1891) — писатель, публицист.

[26] Корш Ф. Е. (1843–1918) — историк литературы, профессор Московского университета.

[27] Иванов Г. А. (1826–1904) — профессор римской словесности Московского университета.

[28] Троицкий М. М. (1835–1899) — психолог.

[29] Грот Н. Я. (1852–1899) — психолог, профессор Московского университета.

[30] Лопатин Л. М. (1855–1920) — философ.

[31] Трубецкой С. Н. (1862–1905) — философ.

[32] Крылов Н. И. (1807–1879) — профессор римского права Московского университета.

[33] Редкин П. Г. (1808–1891) — правовед, историк философии и педагог, профессор Московского и Петербургского университета.

[34] Победоносцев К. П. (1827–1907) — государственный деятель, с 1872 член Государственного совета, в 1880–1905 обер-прокурор Синода.

[35] Дмитриев Ф. М. (1829–1894) — профессор государственного права Московского университета.

[36] Чичерин Б. Н. (1828–1904) — историк, юрист, философ, профессор Московского университета.

[37] Ковалевский М. М. (1851–1916) — социолог, юрист, профессор Московского и Петербургского университетов, академик.

[38] Лешков В. Н. (1810–1881) — профессор полицейского права Московского университета.

[39] Новгородцев П. И. (1866–1924) — профессор истории философии права Московского университета.

[40] Бабст И. К. (1823–1891) — экономист, историк.

[41] Янжул И. И. (1845–1914) — экономист, статистик, академик.

[42] Чупров А. И. (1845–1914) — экономист, публицист, профессор Московского университета.

[43] Муромцев С. А. (1850–1910) — юрист, профессор Московского университета.

[44] Давидов Н. В. (род. 1848) — юрист, приват-доцент Московского университета.

[45] Бугаев Н. В. (1837–1903) — математик, профессор Московского университета.

[46] Цингер В. Я. (1836–1907) — физик.

[47] Некрасов П. А. (1853–1924) — профессор математики Московского университета.

[48] Млодзевский К. Я. (1818–1865) — профессор патологии и терапии Московского университета.

[49] Столетов А. Г. (1839–1896) — физик.

[50] Умов Н. А. (1846–1915) — физик, с 1893 профессор Московского университета.

[51] Лебедев П. Н. (1866–1912) — физик, профессор Московского университета.

[52] Щуровский Г. Е. (1803–1884) — геолог, профессор Московского университета.

[53] Богданов А. П. (1834–1896) — зоолог и антрополог.

[54] Анучин Д. Н. (1843–1923) — антрополог, географ, этнограф и археолог.

[55] Жуковский Н. Е. (1847–1921) — основатель аэродинамики.

[56] Тимирязев К. А. (1843–1920) — естесвоиспытатель — дарвинист, физиолог.

[57] Бредихин Ф. А. (1831–1904) — астроном, академик.

ский[58], Захарьин[59], Остроумов[60], Склифасовский[61], Корсаков[62], Кожевников[63], Снегирев[64], Поспелов[65]...

Список этот можно было бы еще значительно продолжить. Но, дорожа местом, ограничусь приведенными именами. Ведь каждое из них знаменует собою ту или иную яркую страницу в истории науки. Ведь этот список слепит глаза своим блеском. И не забудем при том, что научная деятельность каждого такого ученого не замыкается в рамки его индивидуальной научной работы. Каждый из них представляет собой на горизонте культурной жизни комету, за которой тянется сопровождающая ее длинная блестящая полоса учеников, последователей, продолжателей. Московский университет проявлял чрезвычайную плодовитость в создании густых кадров ученых специалистов по всем отраслям знания. На кафедрах всех русских университетов находилось всегда очень значительное количество профессоров, воспитавшихся в стенах Московского университета и там получивших научную подготовку или хотя бы первоначальные импульсы к научной деятельности.

В столь же крупных размерах выражаются достижения Московского университета и как очага просвещения. И по центральности своего географического положения и, — в значительнейшей мере, — по блестящему составу своих преподавательских сил, Московский университет являлся магнитом величайшего притяжения для учащейся молодежи всех без исключения областей громадной России. Да, у подножия одной кафедры можно было видеть тут представителей разнообразнейших народностей и племен, входивших в состав России, и все они впитывали в себя атмосферу истинно-научной гуманизирующей мысли, которая развертывала перед ними перспективы не разъединения, а общности высших духовных интересов человечества. Эта тяга в Московский университет со всех концов России опрокидывала все границы отдельных учебных округов, на которые в административном отношении разделялась Россия и это всеобъемлющее центральное просветительное воздействие Московского университета на всю территорию России обнаруживалось чрезвычайно ярко, напр., в Татьянин день, когда поздравительные телеграммы родной almae matri от ее учеников летели отовсюду и из центральных областей и с дальних окраин севера, востока, юга и запада.

Поставим теперь вопрос: совершая эту колоссальную научно-исследовательскую и учебно-просветительную работу, какую роль играл Московский университет во второй половине XIX ст. в общественной жизни в широком смысле этого слова? Держал ли он и в этом отношении высоко знамя своих исконных традиций?

Разбираясь в этом вопросе, необходимо прежде всего принять во внимание последовательно совершавшуюся перемену всей обстановки культурной жизни России в течение XIX ст.

---

58 Церасский В.К. (1849–1925) — астроном.

59 Захарьин Г.А. (1829–1897) — терапевт, основатель московской клинической школы.

60 Остроумов А.А. (1844–1908) — терапевт, основатель научной школы.

61 Склифасовский Н.В. (1836–1904) — хирург.

62 Корсаков С.С. (1854–1900) — психиатр.

63 Кожевников А.Я. (1836–1902) — один из основоположников невропологии в России.

64 Снегирев В.Ф. (1847–1917) — врач, гинеколог.

65 Поспелов А.И. (1846–1916) — врач, основатель Московской школы дерматологов.

Во всех отношениях эта жизнь с каждым дальнейшим десятилетием становилась сложнее, богаче, разнообразнее, расчлененнее.

И в каком либо одном центре, — хотя бы то был Московский университет, — уже не могло бы вместиться все богатое разнообразие вновь возникающих форм удовлетворения духовных общественных интересов. Московский университет естественно становился теперь все в большей мере лишь одним из многих аккумуляторов общественной энергии, лишь одним из многих путеводных маяков на путях общественного прогресса. Это обстоятельство никак нельзя ставить на минус Московскому университету, его надлежит лишь поставить на плюс русской общественности в ее последовательном развитии.

Та эпоха, когда движение общественной мысли сосредоточивалось в трех-четырех столичных салонах и все участники кипевших там идеологических споров тесно были связаны с профессорским персоналом университета, — отошла в прошлое. Осложнение культурной жизни естественно влекло за собой неизбежное последствие: единый ранее поток этой жизни стал распределяться по многим каналам. И следовательно вопрос о роли университета в общественной жизни для этого времени надлежит ставить уже по иному: речь должна идти уже не о том, держал ли в своих руках университет гегемонию над всем культурным движением, а о том, — каков был его вклад в этот процесс, направляемый многими и разнообразными органами.

И вот на вопрос, так поставленный, историк должен ответить, что Московский университет не только не затерялся в сутолоке осложняющейся общественной жизни, но сыграл в ней роль крупную и авторитетную в сфере, наиболее соприкасающейся с его специальной научно-просветительной задачей. Он сохранил свои исконные традиции в этом отношении. Никогда он не превращался в замкнутый скит, отгороженный глухой стеной от кипящей вокруг жизни. По-прежнему крепкие нити связывали его с кровными интересами общества и он откликался на эти интересы, мобилизуя для того по мере надобности свои научные силы. И бывали моменты, когда эта связь общества с университетом выражалась с особенной яркостью, когда именно там, под сенью университета, в заветном здании на Моховой бился подлинный пульс московской общественной жизни и люди находили себе возможность дать наилучший исход одушевлявшим их заветным чувствам.

Соединительными звеньями между университетом и широкими общественными кругами служили более всего различные, основанные при университете Общества. Их было много. Некоторые преследовали задачи специально-исследовательские. Другие уделяли в своих работах широкое место вопросам, которые имели животрепещущий интерес не только чисто академический, но и непосредственно жизненный.

Крупную роль в развитии общественного самосознания сыграло Юридическое Общество при Московском университете[66] вместе с состоявшим при нем экономическо-статистическим отделением. В глухую пору «контр-реформ» когда свободное обсуждение политических вопросов было сделано невозможным, когда реакци-

---

[66] Юридическое общество при Московском университете существовало в 1850–1890 гг., имело свой периодический орган «Юридический вестник» (ред. Н. В. Калачев, В. Н. Пешков, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев и др.).

онные течения быстро обострялись, когда даже празднование годовщины отмены крепостного права считалось в правящих кругах проявлением политической неблагонадежности, — в заседаниях Юридического Общества в «круглой зале» университетского правления обсуждались те проблемы государствоведения, которые вплотную соприкасались с общественными чаяниями перехода русской государственной жизни на новые рельсы правового строя и политической свободы. И если в эту пору обмеления общественных интересов в гуще общества и расцвета революционного утопизма в политическом подполье, — все же не заглохла в общественном сознании идея конституционная, идея политического прогресса на основе правомерности, — не малая заслуга в том должна быть признана за Юридическим Обществом при Московском Университете и за той группой московских профессоров, которая вела в этом Обществе настойчивую работу по выяснению и распространению конституционных идей, несмотря ни на что, повторяя на все лады свое — «а все-таки она вертится!»

Психологическое Общество также привлекало к себе оживленное общественное внимание, обслуживая духовные общественные потребности иного порядка. Здесь собиралась порою громадная аудитория на философские доклады вдохновенного Владимира Соловьева[67], здесь публика с живейшим вниманием выслушивала нервные, торопливые, искренно одушевленные реплики бурливого Грота, тонко продуманные рассуждения «тишайшего» Лопатина, искрящуюся игрою мысли соображения Сергея Трубецкого. Судьба этого Общества любопытна. Оно было основано позитивистом Троицким со специальною целью способствовать установлению совместной исследовательской работы психологов и физиологов. Но Троицкий, основав это Общество, к своему удивлению, увидел себя в компании целой группы молодых философов метафизического направления. Троицкий добровольно отстранился, а Общество зажило интенсивною жизнью, ярко отразив в своей деятельности тот поворот к метафизическому идеализму, которым было отмечено направление философских интересов в русском обществе в 90-х годах минувшего столетия.

Наконец, широкие литературные интересы также культивировались под сенью Московского университета в единении со всей интеллигентной Москвой. Полем этого единения служило «Общество любителей российской словесности». Его заседания превращались порою в целые события, когда на них появлялись первоклассные светила русской литературы. Так, на одном из таких собраний, — на исходе 70-х годов XIX стол., — произошло знаменитое примирение московского общества с Тургеневым[68] после тех нападок, которые посыпались на Тургенева по выходе его романа «Новь», за проявленное в этом романе критическое отношение писателя к «хождению в народ» революционно настроенной молодежи.

Появление знаменитого писателя на этом заседании было встречено многочисленной публикой с почтительным холодком. Но вдруг лед был сломан, когда с хор раздалась непредусмотренная программой дня страстная речь одного студента, приветствовавшего маститого писателя и восхвалявшего его художественные

---

[67] Соловьев В.С. (1853–1900) — философ, богослов, поэт, читал лекции в Московском и Петербургском университете.

[68] Тургенев И.С. (1818–1883) — русский писатель.

и общественные заслуги. И низко склонил свою серебренную голову Тургенев, когда речь студента была покрыта таким громовыми рукоплесканиями восхищенной публики, что, казалось, старые стены актовой университетской залы содрогнулись.

И здесь же, под сенью университета разыгрались самые памятные моменты знаменитых литературных торжеств при открытии в Москве памятника Пушкину летом 1880 года.

Здесь произнес свою замечательную речь о Пушкине Ключевский: здесь прозвучала вдохновенная речь Достоевского, вызвавшая небывалый, неописуемый энтузиазм присутствующих, когда незнакомые люди обнимались в порыве восторга, а два старика подошли к Достоевскому и сказали ему: «мы всю жизнь ненавидели друг друга и старались делать друг другу зло, но теперь мы поцеловались по-братски и поклялись в дружбе на всю остальную нашу жизнь».

И вот, хочется поставить вопрос: была ли это чистая случайность, что такие моменты разыгрывались именно в стенах старого дома на Моховой? Конечно, это верно, что «не место красит человека». Но ведь также верно и то, что «всему свое место». Московский университет всегда был очагом и лабораторией тех невесомых ценностей, без которых «заглохла бы нива жизни». Что же мудреного в том, что именно туда, к этому очагу влеклись люди, когда они чувствовали потребность согреть озябшее сердце и зажечь в нем огонь энтузиазма.

Гармоническое сочетание служения научной истине с служением общественному благу, — такова была традиция, которой так или иначе, с бóльшей или меньшей настойчивостью Московский университет служил во все периоды своего существования. Он служил этой традиции, как цельное учреждение. Но, как жизненная мощь растения выявляется в прекрасных цветках, его украшающих, так и общий дух учреждения, если он действительно могуч и плодотворен, непременно должен получить конкретное выражение в тех его отдельных одареннейших деятелях, которые наиболее этим духом проникаются и по своим личным талантам оказываются наиболее способными воплотить его в своих действиях. Мы видели, что в XVIII и в первой половине XIX-го века лучшими выразителями основной традиции Московского университета были Шварц и Грановский. Кого же назвать в этом качестве для второй половины XIX cстолетия?

Мы, не обинуясь, назовем трех профессоров: Тихонравова, Ключевского и Чупрова.

Тихонравов и Ключевский, — то были два магнита, которые неудержимо привлекали москвичей в университет каждый раз, когда они выступали от лица университетской коллегии на открытых университетских торжества. Послушать Тихонравова и Ключевского, это было для каждого москвича величайшим праздником. Оба были замечательнейшие ораторы. Но каждый отличался особым типом красноречия. Тихонравов стоял на кафедре с суровым торжественным лицом, которое оставалось неподвижным, как бы застывшим, в то время, как из его уст лилась плавно и размеренно кованная речь и каждое слово этой спокойной речи, произносимой красивым низким баритоном, словно отпечатывалось неизгладимо в мозгу слушателя, словно врезалось в его память своей вескостью, своей образностью, меткостью и красотой. После первых же двух-трех фраз, вся аудитория была уже всецело захвачена оратором, отдавалась в его власть, вибрировала в унисон с переливами

его речи, а лицо оратора все оставалось торжественно-бесстрастным в то время, как аудитория то замирала в восхищении, то сотрясалась взрывами бурного смеха.

И Ключевский был великим виртуозом красноречия. Сила его речи всегда состояла не только в ее необычайной художественной красоте, но вместе с тем в том, что она всегда была густо насыщена неожиданнейшими оборотами мысли и ее словесного выражения, сверкала поражающими афоризмами, восхищала остроумнейшими сближениями понятий. Ключевский ни на одну минуту не оставлял слушателя в покое, ошеломляя его беспрерывными сюрпризами своей мыслительной и стилистической изобретательности; это был какой-то ослепительно-яркий каскад остроумия, наблюдательности и глубокомыслия. При этом, в противоположность Тихонравову, Ключевский в течение речи, словно Протей, менял весь свой облик; менялись выражения нервноподвижного лица, которое мимировало в такт речи; менялась жестикуляция; менялись интонации гибкого тихого голоса, чрезвычайно богатого модуляциями. Это был лектор-артист, который играл на душах слушателей, словно на послушном ему инструменте, легко проводить аудиторию чрез всевозможные настроения и оставлять в каждом из слушателей по окончании лекции ощущение тончайшего духовного наслаждения.

Я старался очертить ораторские ресурсы этих двух волшебников слова. Но, конечно, не во внешнем только ораторском искусстве заключался секрет их обаяния, дававшего им возможность закреплять своими выступлениями духовную спайку между университетом и обществом. Секрет заключался в том, что сами они чувствовали потребность духовного общения не только с сотоварищами по специальности и с непосредственными учениками, но и с широкими общественными кругами; сами они были проникнуты сознанием того, что профессура есть общественное служение в широком смысле этого слова и профессор есть не только классный учитель, но и общественный деятель, что служение науке есть разновидность служения родине.

Если Тихонравов и Ключевский служили делу сближения университета и общества, привлекая общество к университету чарами лекторского таланта, то Чупров, — также увлекательный оратор, — кроме того служил той же задаче еще и в другой форме: он сам шел в общественную массу, вмешивался в гущу общественной жизни, был, — если можно так выразиться, — добровольным «братом милосердия» при каждом общественно-просветительном начинании, принося на пользу каждого такого начинания свои знания, свой опыт, свой дар воздействия на людей обаянием своей неотразимо-привлекательной личности. Чтобы почувствовать широкий размах общественной деятельности Чупрова, достаточно было хотя один раз зайти к нему в часы его делового приема. Громадная приемная комната перед дверью его кабинета всегда была битком набита людьми. И вы поражались не только количеством, но и чрезвычайным разнообразием состава этой толпы. Кого только тут не бывало! Всевозможные группы и слои населения имели тут своих представителей. Всем было дело до Чупрова и ему было дело до всех. Да в его руках высоко реяло знамя заветной традиции Московского университета, которая гласила, что профессор не должен сидеть у себя в углу, что профессор с его знаниями есть общественное достояние, а университет — не монастырь кабинетных отшельников, а живой орган культурного процесса, охватывающего духовную жизнь общества во всех ее проявлениях.

* * *

Что же сталось теперь с Московским университетом и что предстоит ему в будущем? Вместо ответа на эти вопросы я позволю себе привести в заключение моего очерка следующую выписку из «Войны и мира». Князь Андрей Болконский едет по лесу полный тоскливого раздумья.

— «На краю дороги стоял дуб. Вероятно в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб с обломанными давно, видно, суками и с обломанной корой, заросшей старыми болячками...»

Всей своей внешностью он как бы говорил — «нет ни весны, ни солнца, ни счастья». То было на конце зимы, когда еще не настали весенние пригревы. Пришла весна. Князь Болконский снова проезжал мимо того же дуба и... не узнал его.

— «Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел чуть колыхаясь, в лучах вечернего солнца! Сквозь жесткую столетнюю кору пробились без сучков сочные молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвел их. Да, это тот самый дуб, подумал князь Андрей и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления».

Мы верим в том, что и старый многоветвистый дуб на Моховой улице в Москве еще заживет полной жизнью, засверкает сочной, свежей зеленью под лучами весеннего солнца, восхода которого мы все так страстно ожидаем.

Неопубликованная рукопись А. В. Флоровского

Об авторе[1]**.**

Антоний Васильевич Флоровский (1.12.1884, Елисаветград — 27.3.1968, Прага) родился в семье священника; его отец был направлен в Одессу преподавателем духовного училища. Мать также происходила из духовного сословия, из рода Попруженко (известный славист М. Г. Попруженко приходился ей родным братом). В семье было четверо детей. Старший сын Василий (1881–1924) — врач, работал в Одесе и умер от туберкулеза. Дочь Клавдия (1883–1963) преподавала историю средних веков в Одесском университете, в эмиграции преподавала русский язык в Софийском университете, в 1950-х гг. вернулась на родину и работала переводчиком в Московской Патриархии. Младший сын Георгий (1893–1979) — известный философ, богослов, историк, один из основателей евразийства; в эмиграции жил в Болгарии, Чехословакии, Франции, Югославии, Америке. А. В. Флоровский был третьим ребенком в семье, он учился в одесской 4-й классической гимназии (1894–1903), где определились его интересы в области истории и литературы, а затем на историко-филологическом факультете Новороссийского (Одесского) университета (1903–1908), где занимался в семинарах В. М. Истрина, И. А. Линниченко, Э. Р. Штерна, Е. Н. Щепкина. Удостоенная золотой медали студенческая работа «Крестьянский вопрос в законодательной комиссии 1767 г.» легла в основу монографии «Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве» (1910), ставшей первым печатным трудом молодого историка.

По окончании учебы Флоровский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории, где специализировался по истории России XVIII в. После сдачи магистерских экзаменов (1911) стал читать лекции в качестве приват-доцента.

[1] Подробнее об А. В. Флоровском см.: Биография А. В. Флоровского (1960 г.) // *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 234–244; *Аксенова Е.* Флоровский // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 650–653; *она же.* «Жрец» Клио. (К научной биографии А. В. Флоровского) // Вестник славянских культур. М., 2009. № 1 (XI). С. 32–47.

В 1916 г. молодой ученый защитил в Московском университете магистерскую диссертацию (опубликованную в 1915 г.) на тему: «Состав законодательной комиссии 1767–1774 гг.»; в том же году она была удостоена Уваровской премии Академии наук, что являлось высоким признанием научных заслуг. Став профессором (с 1916 г.) Новороссийского университета по кафедре русской истории, Флоровский вел курс по истории Руси до XVII в., а также спецкурсы по русским летописям и русской исторической географии. Одновременно с преподаванием в университете (затем в институтах, образованных на базе университета) он читал лекции по русской истории на Высших женских курсах в Одессе, на экономическом факультете Одесского политехнического института, в Археологическом институте (включив в тематику своих курсов и историю народов Балканского полуострова).

Наряду с преподавательской деятельностью Флоровский в разное время участвовал в работе научных организаций и обществ — Одесского библиографического общества, Историко-филологического общества, Одесского общества истории и древностей. Историк работал также в Одесском областном архивном управлении, являлся директором Одесской публичной библиотеки и Университетской библиотеки. Кроме того он был действительным членом Одесского славянского благотворительного общества.

В этот период (с 1910 по 1922 г.) кроме названных книг ученый опубликовал и другие исследования, связанные по тематике с Законодательной комиссией: «Депутаты Войска Запорожского в Законодательной комиссии 1767 г.» (1912), «История текста “положения” о выборах депутатов в законодательную комиссию 1767 года» (1913). Его интересовала социальная история, различные проявления крепостного права. Он намеревался продолжить изучение социальных отношений второй половины XVIII в. Но в то же время ученого увлекли и другие темы, связанные с Отечественной войной 1812 г., 300-летием династии Романовых, историей Новороссии. Интерес к социальной проблематике и к истории родного края нашел воплощение в работе «“Воля панская и воля мужицкая”. Страница из истории аграрных волнений в Новороссии. 1861–1863» (1921). В ней автор использовал документальные материалы богатого архива генерал-губернатора. У ученого было немало творческих планов, реализации которых не суждено было осуществиться.

В 1920 г. родители А. В. Флоровского вместе с дочерью Клавдией и сыном Георгием покинули Одессу и эмигрировали в Болгарию, поселившись в Софии, где уже проживал М. Г. Попруженко с семьей. Как бы ни относился к произошедшим в стране переменам А. В. Флоровский, но покидать родину он не собирался. Однако вскоре он вынужден был это сделать.

В 1922 г. закончился «одесский» период жизни и научной деятельности А. В. Флоровского. Осенью того же года советская власть усилила наступление на идеологическом «фронте» в соответствии с декретом ВЦИК от 10 августа «Об административной высылке лиц, признаваемых социально опасными», в результате чего началось массовое изгнание из России представителей русской интеллигенции. Не избежал этой участи

и Флоровский. Вместе с другими преподавателями Одесского университета он был обвинен в «антисоветской и контрреволюционной деятельности» и арестован. Поводом послужило сотрудничество с Американской администрацией помощи (ARA, American Relief Administration) — негосударственной организацией (1919–1939), которая в 1921–1923 гг. оказывала помощь голодающим в России, в частности — наладила доставку продовольственных посылок в Одессу[2]. После недели, проведенной в одесском ГПУ[3], Флоровский вынужден был покинуть родину. Пробыв некоторое время в Константинополе, Флоровский отправился к родителям в Софию, затем в Белград, но не найдя там работы, через три месяца переехал в Прагу (при содействии брата Георгия, Н.П. Кондакова и Г.В. Вернадского). С 1923 г. начинается «пражский» период жизни историка.

Первый период пребывания в эмиграции отмечен бытовыми проблемами и сложностями трудоустройства. Но ученый довольно быстро смог адаптироваться в новых условиях жизни за границей. В Праге, где, благодаря поддержке правительства Чехословакии, образовался довольно мощный центр русской зарубежной науки, Флоровский активно включился в работу многих эмигрантских научных организаций. Он вошел в состав Русской учебной коллегии и возглавил ее историко-филологическое отделение, был действительным членом Русской академической группы в Чехословакии и общества Русского народного (свободного) университета (в котором читал лекции и принимал участие в деятельности его научно-исследовательского объединения). С 1924 г. Флоровский — член Русского исторического общества (РИО) в Праге (в 1938–1940 гг. — председатель). В РИО историк выступал с докладами, принимал участие в издании «Записок» общества, пытался (увы, безуспешно) воплотить в жизнь план создания исторического журнала. С 1925 г. ученый входил в руководящие органы Русского заграничного исторического архива (в 1933–1945 гг. — председатель ученого совета). Флоровский был членом Института им. Н.П. Кондакова, а в 1947 г. возглавил его, пытаясь возобновить почти угасшую деятельность этой организации и ее издания — «Annalles de l'Institute Kondakov».

Немало времени и сил Флоровский отдавал преподавательской работе. Он читал самые разные курсы лекций по истории России на Русском юридическом факультете, в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского, в Карловом университете.

В эмиграции Флоровский продолжал исследование тем, начатых в России, но отсутствие отечественной научной базы (архивы, библиотеки) заставило ученого переориентировать свои работы на славянскую (прежде всего,

---

[2] См.: *Савина Г.А.* «Пусть барахтаются...» (К истории «одесской высылки» за рубежом) // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2002. С. 300.

[3] Арест Флоровского длился с 19 по 25 августа. О пребывании и условиях содержания в ГПУ он сообщал в сохранившихся записках жене (Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 171).

чешскую) тематику. Местный материал открыл возможности для широкого изучения русско-чешских взаимоотношений в разных сферах на протяжении многих веков. Итогом исследований ученого в этой области стал двухтомный труд «Чехи и восточные славяне» (Прага, 1935–1947), в котором прослеживаются политические, экономические, культурные связи этих народов на протяжении X–XVIII вв. В 1936 г. Флоровский получил степень доктора русской истории после защиты диссертации на заседании Русской академической группы в Праге, а в 1957 г. стал доктором исторических наук (по чехословацким правилам) после защиты диссертации на историческом факультете Карлова университета. Предметом особого внимания историка стала эпоха Петра I («Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого», 1955; «От Полтавы до Прута. Из истории русско-австрийских отношений в 1709–1711 гг.», издана посмертно в 1971 г.); интерес ученого также вызывали и материалы XIX в. («Дневник графини Д. Ф. Фикельмон», 1959).

Живя в Праге, Флоровский тесно общался не только с русскими, но и с чешскими и другими иностранными коллегами. Он являлся членом чехословацкого Славянского института в Праге (с 1929 г.); в 1938 г. он подает руководству института развернутую записку с планом создания рабочего центра по выявлению и регистрации материалов по истории славянских народов в архивах и рукописных собраниях Чехословакии. Флоровский входил в Федерацию исторических обществ Восточной Европы и славянских стран, участвовал в международных съездах славистов (1929, Прага; 1934, Варшава), конгрессах историков (1933, Варшава; 1938, Цюрих) и византинистов (1936, Рим) и др.

В Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран Флоровский был представителем пражских русских эмигрантских организаций. Он входил в Президиум (Исполнительный комитет) Федерации и являлся секретарем комиссии по подготовке «Словаря славянских древностей». Историк подготовил русскую часть словника и написал пробную статью для предварительного издания. Ученый принимал участие во всех конференциях и заседаниях рабочих органов Федерации. Он публиковал обзоры исторической литературы русского зарубежья и Советской России в «Бюллетене» Федерации.

В Праге А. В. Флоровский прожил 45 лет, так и не вернувшись на родину, хотя в декабре 1946 г. ему было возвращено советское гражданство. Это позволило ученому наладить контакты с коллегами в СССР, особенно византинистами. Он по-прежнему внимательно следил за развитием отечественной исторической науки, внося и свой вклад публикацией статей в ряде советских изданий.

А. В. Флоровского как исследователя отличали плодовитость, разносторонность научных интересов, глубина и тщательность изучения проблемы, фундированность работ и т. д. Не всё из научного наследия ученого вышло в свет, часть неопубликованных материалов хранится в фондах историка в Архиве Российской академии наук (ф.1609) в Москве и Славянской библиотеки в Праге.

О документе:[4]

В начале 1939 г. Флоровский написал статью, в которой подытоживалась деятельность Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран по всем направлениям за период с 1927 по 1938 г. С началом Второй мировой войны деятельность этой организации прекратилась, и статью Флоровского можно рассматривать как своего рода отчетный документ. Неизвестно, где автор предполагал опубликовать этот материал, он остался неизданным, но для историков науки он представляет большой интерес, поскольку в обобщенном виде освещает создание, структуру, направления деятельности, научные и организационные мероприятия, трудности в работе и многое другое, что связано с недолгим периодом существования Федерации, поставившей своей задачей, прежде всего, историческое изучение славянского мира. Сложная международная обстановка 1930-х годов, разрастание фашизма, экономический кризис и депрессия не могли не сказаться на деятельности Федерации и не позволили ей в полной мере развернуть свою работу. Тем не менее, Федерацию можно рассматривать как пример международной кооперации ученых в деле изучения истории славянских народов, в то время как съезды славистов ограничивались филологической проблематикой.

Статья А. В. Флоровского написана в Праге и датирована 6 февраля 1939 г. Документ представляет собой рукописный автограф объемом 34 листа. Текст написан чернилами с одной стороны листа. Автор пользовался старой русской орфографией, принятой в России до реформы 1918 г. Статья публикуется по современной орфографии с сохранением стилистических и иных особенностей текста. Недописанные части слов помещаются в квадратных скобках.

Публикуемый документ хранится в фонде А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге (T-FLOR. Krab. XXXVII: Rukopisy).

Е. П. Аксенова

А. В. Флоровский

Федерация исторических обществ Восточной Европы и славянских стран

В конце августа 1938 года в Цюрихе накануне открытия VIII^{го} международного конгресса историков[5] в скромной деловой обстановке состоялась III^{ья} Конференция[6] названной в заглавии Федерации. Эта организация, основанная на начале международного сотрудничества, прожила ко времени своего цюрихского съезда только 11 лет, однако, успела занять заметное место среди восточно-европейских и славянских исторических объединений и осуществить полезное дело. Сложная международная

---

[4] Выражаю глубокую признательность Е. П. Серапионовой за предоставленную мне возможность пользоваться фотокопией этого документа.

[5] Точнее: VIII Международный конгресс исторических наук.

[6] III конференция Федерации проходила 26–28 августа 1938 г.

и особенно междуславянская политическая обстановка последних лет, и особенно настоящего времени, не позволила до сих пор развернуть полностью программу деятельности Федерации, но ее планы и намерения заслуживают всяческого внимания и при перемене политических отношений к лучшему могут оказать немалую пользу и исторической науке, и консолидации научной работы в области изучения истории славянских стран и неславянских народов Средней и Восточной Европы.

Федерация была создана по инициативе Польского исторического общества[7] в частности по представлении известного историка проф. Марселя Гандельсмана[8]. Польская инициатива имела живой отголосок среди историков заинтересованных стран и получила одобрение и формальное закрепление на первой конференции историков стран Восточной Европы и славянского света в Варшаве в июне 1927 г.[9] Основной задачей Федерации было создание ближайшего контакта между занимающимися исторической наукой учреждениями в рамках Восточной Европы и Славянства. Было признано необходимым установить такого рода научную кооперацию в виду нарастающей потребности объединить усилия для успешной работы в области изучения прошлого так тесно связанных областей и народов, в виду важности взаимного ознакомления о работе в каждой отдельной стране и в виду существенной необходимости информировать западно-европейский ученый мир о научной работе стран и народов, научная продукция которых (неразб.) остается неизвестной в странах, где не распространено знание языков славянских стран и стран Вост[очной] Европы вообще. Эта взаимная кооперация должна была оформиться в виде Федерации, в состав которой входят, как равноправные члены, научные организации — Академии наук, исторические общества и научные ассоциации с историческими отделами, факультеты Университетов и т. п.

Нужно сказать, что в основном этот план организации удалось реализовать и Федерация стала действительностью. За одиннадцать лет существования в состав Федерации вошло более сорока (41) учреждений, которые составляют в основной своей части прочный и живой костяк объединения. Нельзя, однако, признать, чтобы в этом организационном вопросе все сложилось так, как это предполагалось при учреждении Федерации и как это по существу дела должно было бы быть. В состав Федерации до настоящего времени не вошли представители целого ряда стран, охватываемых понятием Восточной Европы и славянства, как равно стран, в круг научных интересов которых входят и проблемы истории этих частей Европы. В состав Федерации не вошло, прежде всего, ни одно учреждение Советской России! На варшавскую учредительную конференцию 1927 г. изъявили было согласие и готовность прислать своих делегатов и Академия Наук, и Академия истории

---

[7] Польское историческое общество было основано в 1886 г., возродилось в независимой Польше в 1925 г.

[8] Гандельсман Марсель (Хандельсман Марцели, 1882–1945), историк, профессор Варшавского университета (1919–1939), член Польской академии знаний. Во время Второй мировой войны находился в подполье, погиб в фашистском концлагере.

[9] Конференция исторических обществ Восточной Европы и славянских стран проходила 27–29 июня 1927 г. В последний день конференции была создана Федерация с таким же названием, но в официальных документах она именовалась как Федерация исторических обществ Восточной Европы.

материальной культуры[10], и Украинская Академия в Киеве, и Белорусский Университет в Минске, и др.[11] Однако, прибывший из Петербурга в качестве делегата проф. Л. Богаевский[12] фактически участия ни в организационных, ни в научных работах конференции не принимал[13]. И в последующие годы ученые учреждения Советской России оставались совершенно в стороне от Федерации, хотя и ставились не раз в известность о ее планах и пожеланиях сотрудничества с ними. Русская наука в Федерации активно представлена с первых дней ее существования лишь одним[14] Русским Историческим Обществом в Праге. С другой стороны, в составе Федерации доныне не представлена такая страна, как Литва, что находит себе, конечно, объяснение в том, что Федерация тесно связана организационно с Польшей, являющейся резиденцией Федерации, поскольку ее генеральный секретарь избирается обычно из среды польских историков и поскольку ее материальная база находится в Варшаве, как равно и редакция «Бюллетеня» Федерации. В Федерации не представлена формально и финская наука по причине финансовых трудностей. На варшавской конференции живое участие приняли представители германского славяноведения. Однако, в состав Федерации вошло из немецких учреждений только одно — бреславльский «Ost-Europa Institut»[15], который, однако, в 1932 г.

---

[10] Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК) была создана в 1919 г. на базе Российской государственной археологической комиссии (1918). В 1926 г. она была переименована в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК). В 1937 г. ГАИМК был преобразован в Институт истории материальной культуры в составе Академии наук СССР.

[11] В списке участников конференции значились ученые из СССР: академик Е.В. Тарле, чл.-корр. А.Е. Пресняков, проф. А.Н. Ясинский, академик Украинской АН А.Е. Крымский и др. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 7).

[12] Ошибка в инициалах: не Л, а Б.Л. — Богаевский Борис Леонидович (1882–1942), историк, филолог, археолог, антиковед, профессор (1920), ректор (1921–1922) Томского университета, профессор Петроградского/Ленинградского (с 1922), сотрудник Института материальной культуры АН СССР.

[13] В польской печати сообщалось, что Богаевский был отозван из Варшавы ввиду невозможности присутствия советского ученого на конференции, в которой принимают участие русские эмигранты (АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 8).

[14] В 1927 г. в Федерацию вошел также Русский академический союз во Франции (АРАН. Ф. 1609. Оп. 1 Д. 47. Л. 7).

[15] Osteuropa-Institut (Восточноевропейский институт, Бреслау, ныне Вроцлав, Польша) — междисциплинарный научно-исследовательский центр по изучению стран Восточной Европы и России (СССР), функционировал в 1918–1945 гг. как автономное учреждение (хотя формально относился к Университету Бреслау). Институт был призван заниматься широким кругом вопросов, в том числе историко-политическими, историко-культурными и др. В институте изучались русский, польский, болгарский, сербохорватский и румынский языки. С приходом к власти нацистов в 1933 г. институт был временно закрыт, затем в его деятельности был сделан упор на истории и этнологии, а также на «польском вопросе» в интересах национал-социалистической партии. В годы Второй мировой войны институт участвовал в подготовке экспертов по «восточному вопросу». По окончании войны был ликвидирован. Институт выпускал серию монографий «Источники и исследования Института Восточной Европы» («Quellen und Studien des Osteuropa-Instituts») и ряд журналов, в том числе «Ежегодные сообщения по культуре и истории славян» («Jahresberichte für Kultur und Geschichte der Slaven»).

вышел из состава Федерации, мотивируя свой отказ отсутствием сведений о Федерации и отсутствием интереса принадлежать к ее составу. Из немецких ученых деятельное участие в работе Федерации принимал лишь известный славист проф. Шмидт[16] (Грац). Не вошли в Федерацию также и представители науки турецкой, хотя один турецкий историк[17] был членом конференции 1927 г., и для истории Турции проблемы истории Восточной Европы и славян сохраняют первостепенное значение, равно как для историков-славистов был бы исключительно ценным живой контакт с остающейся все же изолированной от общего европейского научного движения работой турецких историков. К Федерации в организационном смысле не проявили интереса слависты и историки Франции и Италии, хотя в обеих этих странах наблюдается такое живое движение в области изучения истории и культуры славянства и неславянских восточно-европейских народов. Из научных учреждений Италии в состав Федерации вошел только «Institutum Pontificium Studiorum Orientalium»[18]. Зато с самого основания Федерации в ее составе состоит лондонская «School of Slavonic Studies»[19], делегат[20] которой принимает постоянно участие в собраниях Федерации. Учитывая эти факты, нужно выразить пожелание, чтобы состав Федерации в ближайшее время получил большее развитие и охватил возможно больший круг ученых учреждений.

При нынешнем составе Федерации можно сказать, что ее основу составляют ученые учреждения Польши (10) и Чехословакии (10), далее идут Венгрия (4), Румыния (5), Югославия (3), по одному месту имеют Эстония, Латвия, Греция,

---

[16] Точнее: Шмид (Schmid) Генрих Феликс (1896–1963), австрийский историк, историк права, славист, профессор славянской филологии в университете Граца (1923–1938, 1945–1948), директор Института восточноевропейской истории и юго-восточных исследований в Вене, председатель Международного комитета исторических наук (1960–1963), член Польской академии знаний (с 1929 г.), Польской Академии наук (с 1959 г.).

[17] Музаффер Гёккер Али (1888–1959), турецкий историк, дипломат, политический деятель. Преподаватель на кафедре истории филологического факультета Стамбульского университета, декан факультета. Возглавлял Турецкое историческое общество. Посол Турции в Японии, депутат Великого национального собрания Турции.

[18] Pontificium Institutum Orientalium Studiorum — Папский восточный институт основан в Риме папой Бенедиктом XV в 1917 г. для изучения восточных церквей и восточнохристианской духовности. В 1922 г. управление институтом перешло к ордену иезуитов, в 1928 г. как самостоятельная структура вошел в состав папского Григорианского университета. Вначале занимался подготовкой католических миссионеров среди восточных христиан, в дальнейшем сосредоточился на научных исследованиях христианского Востока. С 1923 г. издается серия трудов «Orientalia Christiana».

[19] Школа славянских исследований Лондонского университета создана в 1915 г., со второй половины 1920-х гг. получила название Школа славянских и восточно-европейских исследований. С 1922 по 1929 г. издавала журнал «Славянское обозрение» («Slavonic Review»), затем — «Славянское и восточно-европейское обозрение» («Slavonic and East European Review»).

[20] Не понятно, имеет ли Флоровский в виду одного и того же представителя Англии или разных. Сам он указывал в качестве английского делегата на варшавской конференции 1927 г. Л. Уортона (L. C. Wharton), сотрудника Британского музея, выступившего с докладом по истории печатного дела в государствах Восточной Европы и славянских землях (АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 5).

Болгария, Италия, Англия, по 2 — русские (эмиграция) и украинцы (Польша)[21]. Нельзя не заметить значительной непропорциональности в соотношении с действительным научным движением в той или иной стране, а равно большой неравномерности. В этом отражается, конечно, зависимость международной кооперации и в области исторической науки от политической обстановки и атмосферы момента, от экономических затруднений последних лет, связывающих или прямо обессиливающих многие научные учреждения и лишающих их возможности развернуть свои планы и на почве кооперации с заграничными организациями. В этом отражается, конечно, часто и отсутствие личной или корпоративной заинтересованности ученых той или иной страны в налажении (sic!) и развитии активного научного общения с учеными сообществами иных стран. Увы, сегодняшняя политическая и экономическая действительность дает очень мало импульсов для служения этой идее научной кооперации. Нужна немалая выдержка и воля к преодолению серьезных материальных и моральных затруднений и задержек, чтобы Федерация могла нормально жить и развиваться, как ни целесообразно самое ее существование и как ни полезна может быть ее работа в случае широкого ее развития.

Обращаясь теперь от справок об этой общей организационной базе Федерации к ее деятельности, нужно констатировать, что эта деятельность за 11 лет развернулась в трех формах. С одной стороны, органы Федерации осуществляли работу по самой организации Федерации в форме деловых собраний и научных конференций, с другой стороны, Федерация осуществляла свои издательские планы в форме издания «Бюллетеня»[22], и с третьей — вела подготовительные работы по «Словарю Славянских Древностей». Эти три основные формы несколько уже намеченного в 1927 году плана. Тогда предполагалось, что Федерация сможет взять на себя организацию обмена профессорами и студентами между разными странами Восточной Европы и славянского света, однако, эта задача осталась совершенно вне прямого влияния Федерации, поскольку последняя объединила все же лишь разрозненные научные институции разных стран и не получала в связи с этим в свое распоряжение ни необходимого формального влияния, ни материальных возможностей. Лишь в порядке формального посредничества осуществляет Федерация и намеченную в 1927 г. организацию обмена изданиями между членами Федерации.

Основным, главным органом Федерации является конференция ее членов. По решению 1927 г. собрания конференции должны были происходить каждые два года. Однако, эта мысль оказалась совершенно неосуществимой, почему позднее было установлено созывать конференции каждые 5 лет, притом так, чтобы конференции происходили за год до очередного Международного Исторического конгресса для возможности подготовки Федерации к организованному участию в работах конгресса. Однако, и этот план не был до конца осуществим.

---

[21] Имеются в виду: Научное общество им. Шевченко (Наукове товариство ім. Шевченка), международная организация, объединяющая украинских ученых и интеллектуалов всего мира, основанная в 1873 г. во Львове, и Украинский научный институт в Варшаве, действовавший в 1930–1939 гг. (о деятельности института см.: *Портнов А.* Наука у вигнанні. Наукова і освітня діяльність української еміграції в міжвоєнній Польщі (1919–1939). Харьків, 2008. С. 155–186).

[22] Bulletin d'information des sciences historiques en Europe orientale. Varsovie, 1928–1939. V. 1–9. (Далее: Bulletin...).

Вторая конференция состоялась в 1933 г. в Варшаве за два дня до начала VII-го Международного Конгресса Историков, Конференция третья имела место в Цюрихе одновременно с VIII конгрессом. При назначении этих конференций приходилось учитывать факт собрания историков Вост[очной] Европы и славянских стран для участия в работе общеисторического конгресса. Состоявшиеся в 1927, 1933 и 1938 гг. конференции были посвящены как рассмотрению очередных вопросов Федерации, выборам исполнительных органов, отчетам и т. п., так и научной работе. Первая конференция 1927 г. была в этом смысле наиболее насыщенной[23], во время второй и третьей конференций было прочитано лишь по несколько докладов (5 и 4). Федерации предстоит сделать еще многое, дабы конференции стали и в научном отношении местом живого и продуктивного научного сотрудничества. Объединение специалистов в области славянской и восточно-европейской истории может и должно стать средоточием активного обмена мнений по общим вопросам этой истории. Для этого надлежит для следующей конференции заранее выработать деловую программу, установить подлежащие разработке вопросы и подготовить докладчиков и участников дискуссии. Нельзя не отметить, что в 1933 г. на VII международном конгрессе историков одним из гвоздей был доклад проф. Бидло[24] (Прага) о проблеме Восточной Европы. Эта проблема могла бы составить основу работ тогда же созванной в Варшаве конференции[25]. Недаром Федерация приняла в состав своего «Бюллетеня» и доклад Бидло, и речи главных его польских оппонентов[26].

Рабочим органом Федерации является ее исполнительный комитет в составе 10 лиц, избираемых на конференции из числа делегатов по принципу национальному, правда, в настоящем составе комитета Польша и Венгрия имеют по два члена; кроме них в комитет входят представители Чехословакии, Румынии, Латвии, русских историков-эмигрантов и историков-украинцев и др. Председателем комитета и Федерации в целом в 1927–1933 гг. был покойный директор Земского Архива в Праге Я. Б. Новак[27], в 1933–1937 гг. известный чешский историк Я. Бидло. После его смерти председателем избран бывший с 1927 г. первым товарищем председателя известный мадьярский историк Emerich Lukinich[28]. Товарищами председателя

[23] Более подробную информацию о конференции вскоре после ее окончания представил А. В. Флоровский в статье «Историческая конференция в Варшаве 27–29 июня 1927 г.», посланной им П. Б. Струве в Париж и опубликованной в газете «Возрождение» 26 июля 1927 г. Рукописный автограф статьи хранится в фонде А. В. Флоровского в Архиве РАН (Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17).

[24] Бидло (Bidlo) Ярослав (1868–1937) — чешский историк, славяновед и византинист, профессор Карлова университета, в 1921–1935 гг. редактировал «Источники по истории Моравии», в 1933–1937 гг. возглавлял Федерацию исторических обществ Восточной Европы и славянских стран.

[25] II конференция Федерации состоялась 19–20 августа 1933 г. накануне VII Международного конгресса исторических наук в Варшаве, проходившего 21–28 августа.

[26] Тексты выступлений Я. Бидло, М. Хандельсмана, О. Галецкого были опубликованы в 6-м томе «Бюллетеня» (1934).

[27] Новак (Novak) Ян Бедржих (1872–1933) — историк, архивист, директор Земского архива в Праге, член Чехословацкой академии наук и искусств.

[28] Лукинич Имре (Lukinich Imre, 1880–1950) — венгерский историк, профессор, академик Венгерской академии наук.

ныне являются представители польской, чехословацкой и латвийской науки. Генеральным секретарем Федерации с 1928 г. состоит директор Архива Народного Просвещения в Варшаве dr. Wincenty Łopaciński[29]. Исполнительный комитет за истекшие 11 лет имел несколько сессий (не отличавшихся, правда, полнотой состава!) в Варшаве, Праге, Будапеште, Цюрихе. Увы, эти сессии принуждены констатировать все ухудшающееся финансовое положение Федерации ввиду хронического невзноса членских взносов членами Федерации.

2.

Главным и наиболее значительным проявлением деятельности Федерации является ее издание — «Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale». Это издание осуществляет особая редакционная комиссия, с 1927 г. состоящая под председательством проф. Лукинича при главном редакторе М. Гандельсмане. Вопрос об органе Федерации являлся предметом настойчивых и длительных обсуждений во время сессий ред. комитета в Варшаве, Риге, Праге, Будапеште, Цюрихе. Тот тип, который имеет нынешний «Бюллетень», далеко не полно отвечает пожеланиям членов ред. коллегии. Проф. Бидло и проф. Лукинич неоднократно возвращались к мысли об установлении иного характера издания. С одной стороны (Лукинич), выдвигалась мысль о создании библиографии (Guide bibliographique) по истории Восточной Европы и славянских стран, библиографии, которая давала бы систематический справочный, информационный материал без его оценки и критической обработки. С другой стороны (Бидло), шла речь об издании специального журнала по истории Восточной Европы, журнала, в котором могли найти место и ученые работы по истории Восточной Европы и славян, в особенности из области их взаимоотношений, обзоры научного движения, критика и библиография и т. п. Эти пожелания не имели, однако, реального отражения, ибо их осуществление требовало средств, а последних в Федерации становилось все менее и менее. Тем не менее Федерация успела за 1928–1938 гг. выпустить уже 8 томов своего Бюллетеня, более ста печатных листов, не считая еще большого тома трудов варшавской конференции 1927 г.[30]

Бюллетень Федерации служит в настоящем своем виде основной цели — информировать о научном движении в области истории в странах Восточной Европы и слав[янского] мира. Бюллетень при этом издается по-французски и таким образом дает европейскому читателю ключ к ознакомлению с исторической литературой на языках, мало доступных или совсем недоступных многим специалистам (мадьярский, финский, латышский и др., языки славянские!). В этой области Бюллетень является чрезвычайно полезным и нужным пособием и путеводителем, часто впервые [открывающим] для европейского историка и читателя совершенно закрытые ранее области научной деятельности. Нужно только пожелать возможно

[29] Лопачинский Винценты (Łopaciński Wincenty, 1886–1939) — польский историк, архивист, секретарь Архивного совета (1918–1922), директор (с 1926 г.) Архива Министерства вероисповеданий и народного просвещения в Варшаве.

[30] Travaux de Conférence des historiens des états de l'Europe Orientale et du Mond Slave. Varsovie, 1928.

большего распространения этому Бюллетеню, ныне далеко не пользующемуся еще широкой известностью и сравнительно мало проникающему в широкие круги историков. Между тем Бюллетень должен быть справочной книгой каждого, занимающегося историей Восточной Европы. Этой истории служат, конечно, и иные органы печати. Бреславльское «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven»[31] и берлинский «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte»[32], замененные в последние годы одним журналом «Jahrbücher für Geschichte Osteuropae»[33] (Берлин, ред. проф. Г. Юберсбергер[34]) никак не заменяли и не заменяют Бюллетень, поскольку последний дает отсутствующие в иных изданиях общие обзоры историч[еской] литературы по странам и притом в широком масштабе, недоступном иным журналам. «Le Monde Slave»[35] и «Slavonic Review»[36] иногда давали соответствующие обзоры, однако лишь случайно, без нарочитой системы и без учета всего восточно-европейского и славянского материала в целом.

Таким образом, Бюллетень со своими «comptes-rendus»[37] занимает свое особое и значительное место среди изданий по истории Вост[очной] Европы и славянства. Это обстоятельство налагает на редакцию ответственную обязанность служить полно и систематически этой основной своей цели. Реальная политическая и зависящая от нее культурная обстановка не позволила, однако, до сих пор преодолеть все трудности на этом пути. Настойчивые старания редакции по обеспечению полноты и систематичности обзоров наталкивались часто на непреодолимые затруднения. В частности, редакции так доныне и не удалось привлечь к сотрудничеству в Бюллетене ученых Югославии, и югославянская историческая литература освещена в Бюллетене лишь частичным обзором — словенским. С другой стороны, оказались безрезультатными усилия редакции по привлечению к участию в составлении обзоров ученых Советской России и лишь обзор белорусской литературы дан был в обработке ученого из Сов[етской] России (В. И. Пичета[38]), русская же и украинская научная про-

---

[31] «Ежегодник по культуре и истории славян», издавался Восточноевропейским институтом (Osteuropa-Institut) в Бреслау (Вроцлаве) в 1924–1935 гг.

[32] «Журнал по восточноевропейской истории» издавался в Берлине в 1911–1935 гг.

[33] «Ежегодник по истории Восточной Европы», с 1936 г. издавался в Бреслау, затем в Берлине, с 1953 г. — в Мюнхене Институтом Восточной Европы.

[34] Уберсбергер Ганс (Uebersberger Hans, 1877–1962) — австрийский историк, занимался историей России, Польши, Болгарии, Сербии. Преподавал в Виденском университете, декан философского факультета (1924–1925), ректор (1930–1931, чл.-корр. Австрийской академии наук (1925). В 1932 г. вступил в НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия). С 1934 г. его карьера связана с Германией.

[35] «Славянский мир», журнал французских славистов, выходил в Париже в 1917–1918, 1924–1939 гг.

[36] «Славянское обозрение» (1922–1927), «Slavonic and East-European Review» («Славянское и восточноевропейское обозрение», с 1929 по настоящее время), издается в Лондоне Школой славянских и восточноевропейских исследований.

[37] Отчеты, доклады, в данном случае — обзоры (фр.).

[38] *Piceta V.* La literature historique Blanceruthène. Compte rendu 1921–1926 // Bulletin... 1928. V. 1. №3–4. P. 213–222. Пичета Владимир Иванович (1878–1947), историк. Окончил Московский университет, ученик В. О. Ключевского, профессор МГУ (с 1918), первый ректор Белорусского гос. университета (1921–1929), академик АН БССР (1928), член-корреспондент (1939), академик (1946) АН СССР. В 1930 г. арестован по сфабрикованному «академическому

дукция в Сов[етской] России представлены в Бюллетене в обстоятельных обзорах русских эмигрантов (П.П. Гронский[39], А.В. Флоровский[40]) и украинского ученого из Львова и Варшавы (М. Кордуба[41]). Не удалось доныне дать в Бюллетене обзоры литовской и болгарской исторической науки и т.п. Принимая во внимание организационные трудности, читатель Бюллетеня должен быть тем более признательным его редакции за данное в составе издания, хотя и не слишком строгий судья найдет в Бюллетене известные дефекты, неравномерность, отсутствие единства и т.п.

В вышедших до настоящего времени восьми томах Бюллетеня даны следующие обзоры по странам: Польша (за гг. 1921–1930); Чехо-Словакия (1921–1928); Венгрия (1921–1928); Румыния (1921–1928); Россия Сов[етская] (1921–1931) и эмиграция (1921–1928); Украина Сов[етская] (1917–1931) и заграницей (1927–1928); Белоруссия (1921–1926); Греция (1921–1929); Эстония (1921–1932); Латвия (1921–1926); Финляндия (1922–1930); Югославия (только Словения, 1921–1930); кроме того даны обзоры французской литературы по славянской истории за 1919–1930 гг., английской за 1921–1928 гг., немецкой (по истории монархии Габсбургов от 1526 г.) до 1926 г. Читатель обратил, конечно, внимание на то, что обзоры в основной своей массе захватывают научную продукцию не позднее 1931 г., для значительной части стран не идут далее 1928–1930 гг., т.е. сильно отстают от текущей научной работы и в этом смысле не учитывают в общем едва не десятилетнего периода (1928–1938). Очевидно, редакции придется в ближайшее время напрячь усилия для того, чтобы наверстать это время и по возможности приблизить читателя к нынешнему состоянию науки в той или иной стране Вост[очной] Европы. Для некоторых из них последнее десятилетие было временем значительных изменений в организации исторической работы. Для одних это было второе десятилетие после организации самостоятельной государственности и время более законченной

делу», выслан в Вятку (1931), досрочно освобожден (1935). С 1937 г. работал в Институте истории АН СССР (где в 1939 г. организовал сектор славяноведения). С 1938 г. профессор МГУ (в 1939 г. создал на историческом факультете кафедру истории южных и западных славян). Зам. директора Института славяноведения АН СССР (1946–1947). Автор большого количества трудов по истории России, Польши, Белоруссии, Украины и Литвы.

[39] Гронский Павел Павлович (1883–1937) — русский юрист, общественный и политический деятель. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, приват-доцент того же университета. Избирался в IV Государственную думу, член Партии народной свободы. Активный участник Февральской революции. После Октябрьской революции бежал к Деникину. За границей с 1919 г. (США, Франция). Профессор Ковенского университета по кафедре государственного права (1923–1927). Участвовал в работе русской академической группы и русского юридического общества в Париже. Член парижских масонских лож (1928–1937).

[40] *Florovsky A.* La literature historique soviétique-russe. Compte rendu, 1921–1931 // Bulletin... 1934. V. 6. № 3–4. 1935. V. 7. № 1–2 (общий объем — 175 стр.).

[41] *Korduba M.* La literature historique soviétique-ukrainienne. Compte rendu. 1917–1931 // Bulletin... 1935. V. 7. № 3–4. P. 133–196; 1938. V. 8. P. 51–97. Кордуба Мирон Михайлович (1876–1947), украинский историк, публицист, библиограф. Учился во Львовском и Венском университетах, работал в Венской университетской библиотеке. Собирал материалы для историко-географического словаря Галиции. Преподавал во Львове (1922–1923), профессор Варшавского (с 1929 г.) и Львовского (с 1940 г.) университетов. Сотрудник Львовского отделения Института истории АН УССР (с 1944 г.).

консолидации науки. Для крупнейшего из них, для СССР последние годы были эпохой основного и глубокого перелома в жизни науки, когда сначала осуществлена была беспощадная ликвидация старой генерации русских историков, а затем вскоре — со смертью руководителя этой ликвидации М. Н. Покровского[42] наступил период активной и резкой реакции против его исторических построений и начинаний. Вместе с тем на этот же период времени падает и ликвидация так широко развернувшейся ученой работы Украинской Академии Наук, и как раз в области исторической науки этот перелом оказался наиболее чувствительным[43].

Обзоры, публикуемые в Бюллетене, имеют своей задачей по возможности полно представить картину научной работы в той или иной стране в области истории как самой этой страны, так и иных стран и народов. Фактически обзоры оказываются далеко не однотипными и неравномерно служащими этой основной задаче. Конечно, неравномерность отчетов определяется и различием самих объектов изучения, научная продукция Советской России (русская и украинская) во много раз превышает продукцию Румынии[44] или Финляндии, Греции[45] или Эстонии

[42] Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — русский историк, глава советской «исторической школы», академик АН СССР (с 1929 г.). Окончил Московский университет (1891). Член РСДРП (с 1905 г.), с 1908 по 1917 г. жил в эмиграции; в это время издает 5-томный труд «Русская история с древнейших времен» (М., 1910–1913). После Февральской революции вернулся в Россию, занимался политической деятельностью. Зам. наркома просвещения РСФСР (1918–1932). Один из организаторов и руководителей Коммунистической академии, ректор Института красной профессуры (с 1921 г.), председатель Общества историков-марксистов (с 1925 г.), заведующий Центрархивом (с 1920 г.), редактор исторических журналов «Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов». Неоднократно избирался в состав ВЦИК и ЦИК СССР.

[43] Для украинской науки 1920–1930-х гг. были характерны те же процессы, которые происходили в Москве и Ленинграде — в советской науке вообще. В 1929 г. по инспирированному делу «Союза освобождения Украины» был осужден академик С. А. Ефремов (литературовед) и другие ученые. В 1930 г. были закрыты все десять периодических изданий, выходивших под руководством М. С. Грушевского. У украинских историков не осталось ни одного органа печати. Академик Д. И. Багалей (1857–1932) и другие ученые, заявлявшие о своей приверженности марксизму, были обвинены в «буржуазности», «реакционности» и «извращении марксизма». Критики Багалея также не избежали «изобличения», например, историк-марксист М. И. Яворский (арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г.). В 1930 г. было решено реформировать академию и упразднить историко-филологический отдел. К середине 1930-х гг. практически весь старый состав академии был так или иначе отстранен от руководства научными исследованиями. Вместо уничтоженных исторических институций в 1936 г. был создан новый Институт истории Украины (с 1953 — Институт истории) с новыми сотрудниками, большинство из которых вскоре было арестовано (многие — расстреляны). «Раскрученный маховик репрессий закрепил абсолютную невозможность институциональной автономии гуманитаристики и уничтожил слабые ростки корпоративной солидарности» (подробнее см.: *Маслийчук В., Портнов А.* Советизация исторической науки по-украински // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. http://www.intelros.ru/readroom/nz/n3–2012/14969-sovetizaciya-istoricheskoy-nauki-po-ukrainski.html).

[44] О румынской исторической литературе небольшую статью написал Н. Йорга (Bulletin... V. 3. № 1–2 P. 5–24).

[45] Заметки о греческой литературе в области истории опубликовал М. Ласкари (Bulletin... V. 1. № 1–2. P. 9–18; V. 4. № 1. P. 5–12.

и т.п., почему под русскую литературу и оказались отведенными сотни страниц, под обзоры латышский, румынский и др. — едва десятки. Существеннее различие в самом типе изложения. Обзоры венгерской литературы[46] носят характер списков работ с самыми короткими разъяснениями; в некоторых обзорах учитывается и популярная или чисто информационная литература, не имеющая существенного значения для движения науки; некоторые авторы ограничиваются основными крупными публикациями, недостаточно касаясь журнальной литературы, часто как раз и остающейся вне пределов внимания и наблюдения историков иных стран. Эти и подобные особенности должны подсказать на будущее время установление более точных и обязательных инструкций для авторов обзоров. С нашей точки зрения, наиболее соответствуют основной задаче Бюллетеня обзоры, данные проф. Бидло о науке Чехословакии[47], обзоры польские[48], русские и украинские. И в эти обзоры можно внести различные улучшения и изменения, но они, несомненно, удачно вводят читателей в круг научной продукции и научной работы, соединяя в себе и общие характеристики и конкретные указания в надлежащей полноте и систематическом подборе. Чрезвычайно ценны обзоры финский[49], эстонский[50] и латвийский[51], поскольку ими читателю открывается целый новый свет научной жизни, закрытый для непосвященных трудностями языка и слабым распространением публикаций. Уже эти последние обзоры делают Бюллетень чрезвычайно ценным, и за них каждый историк, в частности историк России или Польши, будет глубоко благодарен. Но для многих специалистов, не знающих славянских языков, таким же незаменимым путеводителем являются и обзоры славянской науки, которые в интересах мировой науки необходимо довести до желанной полноты и территориально, и хронологически.

Кроме обзоров в I–VIII тт. Бюллетеня были опубликованы: обстоятельные информационные сведения об исторических обществах Польши, Чехословакии и Румынии по их состоянию в 1933 г., далее хроника Федерации, т.е. научные доклады и журналы II конференции 1933 г., а также протоколы и доклады всех собраний исполнительного комитета Федерации, редакции Бюллетеня и комитета по составлению «Словаря Славянских Древностей». Особый отдел Бюллетеня отводится вопросам методологии. В этом отделе напечатаны статьи, посвященные проблеме Восточной Европы как предмета исторического изучения. Начал этот отдел

---

[46] И. Лукинич представил венгерскую библиографию (Bullrtin... V. 1. №1–2. P. 19–33; №3–4. P.121–142.

[47] *Bidlo J.* La literature historique tchecoslovaque. Compte rendu 1921–1926 // Bulletin... V. 1. №1–2. P. 122–208.

[48] См. обзоры Я. Домбровского (Dąbrowski J.) за 1921–1926 (Bulletin... V. 1. №1–2. P. 34–69); 1927–1928 (V. 2. №3–4. P. 143–164); 1929–1930 (V. 4. №3–4. P. 117–134).

[49] *Cederberg A.R.* La literature historique finlandaise. Compte rendu 1922–1928 // Bulletin... V. 2. №1–2.; *Renvall P.* La literature historique finlandaise Compte rendu 1928–1931 // Bulletin... V. 4. №2. P. 61–88.

[50] *Trieberg P.* La literature historique estonienne. Compte rendu 1922–1927 // Bulletin... V. 1. №3–4. P. 223–239; Kraus H. Dévelopment et état actuel des sciences historique estoniennes // Bulletin... V. 5. P. 13–41.

[51] *Tentelis A.* La literature historique lettone. Compte rendu 1921–1926 // Bulletin... V. 1. №3–4. P. 240–256.

проф. М. Гандельсман небольшим очерком «Monde Slave en Europe Orientale» (t. III, fasc. 3, 1930), а затем в т. VI[52] после VII-го Международного конгресса историков был напечатан доклад проф. Я. Бидло — «Ce qu'est l'histoire de l'Orient Européen, quelle en est l'importance et quelles furent ses étapes». Как известно, этот доклад вызвал очень большое внимание конгресса и встретил весьма живое отношение со стороны специалистов. Возражения на этот доклад выдающихся польских историков Гандельсмана[53] и О. Галецкого[54] напечатаны в VI т. Эта дискуссия представляет несомненный интерес, поскольку определение понятия «Восточной Европы» оказывается так разнообразным у разных историков и историософов. Было бы весьма целесообразно, если бы редакция Бюллетеня дала и давала на страницах своего издания систематическую сводку всех суждений по этому вопросу, как известно, варшавское выступление Бидло дало толчок к весьма живому литературному обсуждению вопроса и сам Бидло еще не раз потом возвращался к поднятой им с такой определенностью проблеме[55].

Неустойчивость нынешней материальной базы «Бюллетеня» не позволяет ему развернуть во всю ширину планы и задания, но и сделанного уже достаточно, чтобы признать это издание заслуживающим полного внимания со стороны историков и чтобы пожелать всяческого успеха редакции в дальнейшем на пути усовершенствования издания и удовлетворения им живых запросов славянской и восточноевропейской исторической науки в смысле своевременного и систематического осведомления о ее организации, жизни и достижениях.

3.

Другое важное начинание Федерации, получившее начало в 1927 г., это — подготовка к изданию «Словаря Славянских Древностей». Задача эта была принята Федерацией на варшавской конференции по докладу известного польского историка-экономиста и историка-этнографа проф. Фр. Буяка[56] (Львов). Варшавская конференция одобрила основные контуры этого плана, предоставив его детальную разработку и осуществление избранной тогда же специальной комиссии[57] под председательством Буяка в составе 10 представителей науки различных народов. В последующие годы (1927–1933) в собраниях этого комитета во Львове, Праге и Варшаве были обсуждены важнейшие вопросы относительно плана Словаря и положено начало составлению списка слов и понятий. Однако в дальнейшем дело несколько замедлилось, ввиду как материальных трудностей, так и трудностей, встреченных на пути активного объединения вокруг общего дела представителей науки

[52] № 1–2. P. 11–73.

[53] *Handelsman M.* Quelques remarques sur la definition de l'histoire de l'Europe Orientale // Bulletin... V. 6. № 1–2. P. 74–81.

[54] *Halecki O.* Qu'est que l'Europe Orientale? // Bulletin... V. 6. № 1–2. P. 81–93.

[55] См., например: *Handelsman M.* L'Europe orientale et le domain de son histoire // Le Mond Slave. Paris, 1935.

[56] *Буяк (Bujak) Францишек* (1875–1953) — польский историк, экономист, профессор Ягеллонского (1909–1918 и с 1946 г.), Варшавского (1919–1921), Львовского (1921–1939) университетов.

[57] Функции секретаря комиссии выполнял А. В. Флоровский.

всех славянских земель. В настоящее время дело находится в состоянии затишья, однако, для его подготовки сделано уже немало и нужно надеяться, что в ближайшее время наступит необходимое оживление этого интересного и значительного международного плана, для которого в первые годы были налицо и средства, ассигнованные варшавским фондом имени Мяновского[58].

Сущность плана «Словаря» заключается в следующем. Образцом для него намечен известный словарь немецких древностей Hoops'а[59], Real-Encyclopädie der germanischen Alterturns-Wissenschaft[60]. Славянский словарь предполагается издать прежде всего по-польски, поскольку фонд Мяновского именно на такое издание отпускал деньги, но в дальнейшем намечалось его издание и на одном из мировых языков, скорее всего по-французски. Словарь должен был охватить все славянские народы, а равно данные из истории иных народов, поскольку они касались древности славянской. В отличие от известной энциклопедии славянских древностей, какой является капитальная книга чешского ученого Любора Нидерле «Slovanské Starožitnosti»[61], Словарь должен охватить более широкий круг явлений, не ограниченный только периодом до 1000 года. При этом Словарь не имеет в виду быть словарем терминологическим, но должен давать сведения о различных явлениях жизни, истории, этнографии, культуры и т. п.

Осуществление этого плана «Словаря Славянских Древностей», конечно, много сложнее, нежели соответствующего словаря немецких древностей или древностей любого единого народа. Крайнее разнообразие исторических и культурных судеб отдельных славянских народов, различие хронологических рамок их развития, несоответствие во времени и по существу основных этапов их политической и культурной жизни, огромный круг географических и этнографических элементов, осложнявших историю славян в целом и каждого славянского народа в отдельности, — все эти и еще иные обстоятельства делают проблему объединения всех

---

[58] Мяновский Иосиф Игнатьевич (Mianowski Józef; 1804–1878) — клиницист, физиолог, профессор Виленского университета, Виленской академии, Петербургской медико-хирургической академии, с 1863 г. ректор Варшавской Главной школы. Во время январского восстания 1863 г. в Польше принял меры по защите студентов Главной школы от репрессий царских властей. В 1881 г. выпускники Главной школы, в память о своем ректоре, создали «Кассу помощи, работающим в области науки им. доктора медицинских наук Иосифа Мяновского», которая стала крупнейшей польской организацией поддержки научных исследований и научных издательств XIX в. Касса функционировала до конца 1952 г. В 1991 г. была воссоздана как «Фонд содействия развитию науки».

[59] Reallexikon der germanischen Alterumskunde, hrsg. von J. Hoops. Bd. 1–4. Strassburg, 1911–1919.

[60] Вероятно, автор имеет в виду «Энциклопедию классической древности» Паули-Виссова: Paulys Real-Encyclopädie der classischen Alterturnswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll, K. Mittelhaus und K. Ziegler. Bd. 1–12. Stuttgart, 1893–1970 (издание продолжается).

[61] Нидерле Любор (Niederle Lubor, 1865–1944) — чешский археолог, этнограф, историк-славист, профессор Пражского университета, ректор Карлова университета (1927–1928), член Чешской Академии наук. Основал Археологический институт в Праге (1919–1924). Первый руководитель Славянского института в Праге (с 1928 г.). Автор многотомного труда «Славянские древности» (Slovanské Starožitnosti. Praha, 1902–1919. T. 1–3; 2-я часть — Zivot starých slovanů. Praha, 1911–1934. T. 1–3).

славянских древностей в рамках одного и единого плана весьма сложной и трудной. Преодолеть эти трудности может лишь широкое и дружеское сотрудничество ученых разных славянских народов. На базе такого сотрудничества и начато было дело подготовки Словаря. Членам комиссии по Словарю было поручено выработать список слов и понятий по отдельным народам в сотрудничестве с соответствующими специалистами той или иной национальности. В связи с этим уже на варшавской конференции 1927 г. высказана была мысль о целесообразности издания предварительно отдельных словарей по каждому славянскому народу для последующего объединения материала в единый словарь. Эта мысль, однако, не нашла одобрения. Первый опыт списка слов был составлен польскими учеными для польских древностей. Этот список послужил образцом для русского списка, выработанного пишущим эти строки при участии ряда русских специалистов (Прага и Белград), причем в русский список были введены некоторые существенные добавления сравнительно с польским, в частности в части географических и личных имен, и т. п. Далее опыты польский и русский были учтены при составлении списка чешско-словенского[62], который был подготовлен † М. Вейнгартом[63]. Далее получены были списки украинский, болгарский, по Подкарпатской Руси[64]. Дальнейшая работа была замедлена ввиду открывшихся трудностей получить соответствующий элаборат из Югославии. Председатель Комиссии по Словарю проф. Буяк приступил все же тем временем к составлению сводного списка слов для Словаря в целом. В настоящее время имеется уже картотека с более чем 4000 слов, однако, из-за нездоровья проф. Буяка работа замедлилась. Ввиду того, что «Словарь Славянских Древностей» предположено издать по-польски, перед его редакцией стоит нелегкий вопрос о сведении всего разнообразия славянской исторической, правовой, религиозной, культурной и т. п. терминологии (NB — алфавит, транскрипция кириллицы!) к польскому написанию слов и осуществить это без вреда для практической доступности словаря и легкости справок в нем. Это не трудно для основных и общих всем славянам понятий, но очень нелегко для понятий, присущих лишь отдельным славянским народам или и нескольким, но при этом с особым индивидуальным значением.

---

[62] Т. е. чешско–словацкого.

[63] Вейнгарт (Weingart) Милош (1890–1939) — известный чешский славист, специалист по церковно-славянскому языку, древнеславянской литературе, русскому летописанию, византинист, переводчик, публицист. В 1919–1921 гг. доцент по специальности славянская филология на Философском факультете Карлова университета, в 1921–1926 гг. ординарный профессор славянской филологии в университете Коменского в Братиславе (в 1924–1925 гг. декан, в 1925–1926 гг. ректор). С 1927 по 1939 г. профессор сравнительного славянского языкознания и старославянского языка на Философском факультете Карлова университета (в 1930–1931 гг. декан факультета, в 1931–1932 гг. заместитель декана). Был одним из основателей Пражского лингвистического кружка, в 1934 г. вышел из него. Редактировал журнал «Byzantinoslavica». Подробнее о нем см. некролог А. В. Флоровского «Памяти профессора М. Вейнгарта» (рукопись хранится в: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–9).

[64] Из письма А. В. Флоровского Ф. Буяку от 10 января 1935 г. следует, что словник по Подкарпатской Руси был составлен, а затем и доработан Флоровским: «Прилагаю список по Подкарпатской Руси, продуманный вновь — в алфавитном порядке» (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 10. Л. 3).

Основной вопрос о том, что подлежит занесению в Словарь, т.е. что разумеется под «славянскими древностями», решен в том смысле, что Словарь охватывает все явления славянской жизни до конца средних веков, т.е., точнее говоря, до 1400 г. Эта хронологическая грань не закрывает возможности затрагивать и более поздние явления, поскольку это окажется необходимым для разъяснения фактов и явлений средневековья. Столь поздний предел «древностей» установлен ввиду того, что славянские народы разновременно выступали на историческую сцену и в их жизни далеко не одновременно развивались те или иные отношения. К концу XIV в. во всяком случае везде уже выявились достаточно определенно основные тенденции политического и культурного характера и законченно оформились и раскрылись назревавшие ранее отношения и явления правовые, религиозные, экономические, культурные, национальные и пр. А все эти стороны жизни должны найти отражение на страницах «Словаря». Словарь не имеет лишь своей целью давать разъяснения в области собственно политической истории и связанных с нею личных имен. Эта область слишком расширила бы рамки плана. Правда, некоторое место в Словаре будет отведено и личным именам, но только таким, которые представляют собою известный символ или существенное звено в культурной жизни того или иного славянского народа. Так, в Словаре найдет себе место и Владимир Святой, и св. Войтех, и Болеслав Храбрый, и св. Сава, Нестор Летописец, Аноним Галл и др., но выбор таких имен более или менее ограничен и Словарь отнюдь не имеет целью быть справочником относительно всего бесконечного запаса лиц, участвовавших в жизни славян до 1400 г. и оставивших свой след в исторических источниках. Иное дело — имена этнографические и географические. Конечно, о всех народностях и племенах, связанных с историей и этнографией славян, будет в Словаре дан соответственный материал, равно как и географические названия в значительном выборе будут здесь представлены. Дело касается тут прежде всего имен рек, горных хребтов, отдельных местностей, игравших роль как в истории колонизации, так и в истории сложения государства, в развитии экономических и национальных отношений и т.п. Не превращаясь в словарь городов, монастырей, деревень, замков и пр., Словарь, однако, дает и в этой области необходимый материал, поскольку этого требует полнота освещения общих явлений народной жизни той или иной округи. В этом вопросе об именах имеется известная серьезная трудность, но, однако, она может быть преодолена принятием точных, последовательно и равномерно проводимых принципов выборки. Перед редакцией Словаря и в этом случае, как и в ряде иных, стоит, очевидно, вопрос о том, что предпочтительнее — изобилие сжатых и кратких справок о массе отдельных явлений и понятий или же наличность большего числа сводных обзоров по отдельным сторонам жизни. В частности, эта дилемма встает при обсуждении вопроса о списке понятий из области материальной культуры, где может быть представлено очень большое разнообразие отдельных частных понятий, которые неизбежно должны найти истолкование на страницах Словаря. То же возникает и в отношении явлений правовых. Однако Словарь не есть словарь терминов и слов, но словарь понятий и явлений, почему ему надлежит не столько стремиться охватить всю пестроту вещей и имен, сколько дать их систему и в системе истолкование и объяснение в соответствии настоящему состоянию знаний.

При обсуждении основных вопросов плана «Словаря» в комитете по его составлению возникла еще одна проблема, которая вызвала расхождение мнений.

В славянской истории имеется немало вопросов и явлений, относительно которых существуют трудно примиримые противоречия во взглядах представителей науки разных народов. Таких разногласий множество едва не между всеми соседящими (sic!) друг с другом народами, да и в пределах одного народа. Между русскими и украинскими учеными ныне едва ли возможно согласие по вопросу об имени Украина, о начальной истории Киевской Руси (или Украины?), о принадлежности «Русской Правды» к русской (общерусской) или украинской правовой традиции, и т. д. Трудно ожидать полной солидарности между белорусскими и украинскими учеными по вопросу о начальной истории белорусской народности. Между болгарами и сербами стоит проблема Македонии, между поляками и чехами стоит проблема Силезии, осложненная еще вопросами из области германо-славянских взаимоотношений. Проблема немецкой колонизации славянских областей, проблема прибалтийских славян и их судьбы решается далеко не одинаково в немецкой и славянской научной литературе. Ведь в этих случаях выводам науки свойствен некоторый национальный акцент, создающий — часто совершенно неосновательно — возможность обвинений в тенденциозности, методологических ухищрениях, ненаучности и т. п. Все это не должно иметь место в синтетическом «Словаре Славянских Древностей». Некоторые из членов комитета словаря предполагали избежать эти «тенденции» тем, что предлагали по таким спорным вопросам давать в Словаре не одну, а по две статьи, написанных представителями двух разных народностей и двух разных воззрений. Конкретно это касалось, напр[имер] «Русской Правды» или «Прилепского царства». Пишущий эти строки считал и считает такой план неудачным, и эта точка зрения усвоена комитетом. «Словарь» должен в каждой статье давать совершенно объективную картину современного состояния знаний по тому или иному вопросу и вместе с тем осведомлять читателя о существующих по данному вопросу контроверзах. Авторитетный исследователь (а к писанию статей в Словаре должны привлекаться именно такие авторитетные и ответственные за свои суждения лица) сумеет отразить в своей статье все сомнения по вопросу о происхождении, национальной или культурной принадлежности того или иного явления. И только недоверие к возможности научной объективности и ответственности автора может привести к требованию параллельного изложения вопроса двумя спорящими сторонами. В частности, что касается «Русской Правды», то помимо вопроса о принадлежности этого памятника к «русскому» или «украинскому» праву, имеется достаточное количество строго объективных фактов и данных об его источниках, судьбе и пр., что обоими авторами не может быть изложено иначе, нежели одинаково (в смысле материала). Полагаем поэтому, что не в интересах «Словаря» делать на его страницах демонстрации славянской несолидарности и притом в области науки, требующей сдержанности и взаимного содействия. Само собою разумеется, все разногласия должны быть в соответствующих местах учтены и раскрыты. При словах «восточные славяне», Русь, Украина, Киевское княжество, Галичина, русский или украинский язык и т. п. вполне неизбежно привести научные аргументы и общерусской, и украинской точки зрения, как при словах Македония, Силезия и ее национальная база и т. п. надлежит изложить сущность и аргументы и болгарской, и сербской, польской и чешской точек зрения, и т. д. Однако все это не должно носить характер подчеркивания при всяком важном и неважном случае, что историческая наука славяноведения все еще якобы не имеет

объективных установок для решения и строго деловых и конкретных вопросов и все топчется на мертвой точке национальных предубеждений. Это и объективно неверно, и во всяком случае не эту печальную сторону в развитии славянских исторических исследований нужно делать базой «Словаря», но сторону строго научную, деловую, фактическую, не элемент перетолкований, часто предубеждений, как бы они ни были часто субъективно дороги представителям той или иной славянской народности. Учет этих разногласий должен быть сделан в «Словаре», однако, это не должно осуществляться в ущерб авторитету и деловой объективности издания. Вся задача — в подборе кадра солидных[65] сотрудников и в наличности твердой руки руководителя дела, который должен действовать в контакте с представителями ученых групп и кругов, заинтересованных в научном и культурном успехе этого большого дела.

Нужно еще несколько остановиться на важном в таком сложном деле вопросе о пропорциях и размере Словаря. Весь материал предполагается поместить в шести томах размеров немецкого словаря Гоопса[66]. При этом на польские, чешские, восточно-славянские и южно-славянские слова предназначается одинаковое место, т.е. по 20 % всего размера издания, оставшаяся пятая часть отводится на слова, касающиеся неславянских народов (Византия, тюрки, финны, монголы, германцы и т.д.). Значительное место займут, конечно, общие всем славянам понятия и явления, в изложении которых будет учтено и общее, и индивидуальное в жизни каждого народа. При издании словаря эти общие пропорции могут быть и изменены в силу реальных потребностей изложения.

Некоторое общее представление о «Словаре» может дать изданный в 1934 г. пробный его выпуск («Słownik Starożytności Słowiańskich», zeszyt próbny, Warszawa, 1934, p. 50). Здесь читатель найдет разнообразный материал из различных областей исторического прошлого славян. Ст. Младенов[67] дал здесь сводную статью об Ассеманиевом Евангелии; Ю. Курилович[68] о балтославянском языковом единстве; В. Заикин[69] о христианизации Руси; Ф. Шишич[70] о Далмации со стороны развития

---

[65] Далее зачеркнуто: и самостоятельных.

[66] См. сноску 59.

[67] Младенов Стефан (1880–1963) — болгарский языковед, диалектолог, специалист по индоевропейскому языкознанию, славистиаке, балканистике, болгаристике. Доцент (с 1910 г.), профессор (с 1916 г.) Софийского университета, академик (1929).

[68] Курилович Ю. (Kuryłowicz Jerzy, 1895–1978) — выдающийся польский лингвист. Член Польской академии знаний (1931) и Польской академии наук (1952). Профессор Львовского (1926–1946), Вроцлавского (1946–1948), Краковского (1948–1965) университетов. Преподавал в университетах Европы и США. Автор трудов по истории индоевропейских и семитских языков, теории грамматики, общим проблемам языкознания.

[69] Заикин Вячеслав Михайлович (1896–1941) — историк церкви. Окончил Харьковский университет, занимался педагогической деятельностью. В 1922 г. эмигрировал в Польшу, преподавал историю церкви на богословском факультете Варшавского университета (с 1925 г.). В конце 1920-х гг. переехал во Львов. Корреспондент газеты «Слово» (1934–1936). Научный сотрудник Института социальной и экономической истории Львовского университета (1937–1939). В 1940 г. арестован, в 1941 г. расстрелян.

[70] Шишич (Šišic) Фердо (1869–1940) — хорватский историк, академик Югославянской академии наук и искусств (1910), профессор Загребского университета (1910–1939).

географического понятия; Р. Гродецкий[71] о первом польском хронисте Галле-Анониме; Я. Чекановский[72] представил сводку данных по антропологии готов, а Вл. Антоневич[73] — большую статью о готской культуре; далее в пробном номере имеются статьи Т. Сатурника[74] о «пожичке», А. Флоровского о торговле Пскова, Я. В. Шимака[75] о горе Ржип, В. Моле́[76] о средневековом сербском искусстве и Н. Радойчич[77] о хиландарском монахе Теодосии, сербском писателе XIII в. Этот подбор статей может показать все разнообразие явлений, которые будут изучены и описаны в «Словаре». Кое-что в пробном номере вызывает возражения. Не все авторы одинаково строго отнеслись к задаче словаря. Так, в статье о Далмации отсутствуют указания литературы! Далее имеется непропорциональность: статья о сербском искусстве меньше статьи об Ассеманиевом Евангелии, хотя в первом случае идет речь о сложном явлении общей культурной истории целого народа, во втором же лишь об одном литературном памятнике, хотя и первостепенного значения. Однако пробный выпуск «Словаря» представляет значительный интерес и конкретным своим содержанием, и тем, что он дает живой образец того, чем должен стать «Словарь славянских древностей». Нужно только пожелать, чтобы скорее приступлено было к его деловому осуществлению. Первым шагом для этого должна быть выра-

---

[71] Гродецкий Роман (Grodecki Roman, 1889–1964) — польский историк, профессор Краковского университета (с 1922 г.), чл.-корр. (с 1926 г.), член (с 1946 г.) Польской академии знаний. Специалист по социально-экономической истории средневековой Польши. Перевел с латинского на польский хронику Галла Анонима (1923) — этот перевод считается наиболее точным.

[72] Чекановский Ян (Czekanowski Jan, 1882–1965) — польский антрополог, лингвист и этнограф, член Польской академии знаний (1924). В 1911–1913 гг. — хранитель Музея антропологии и этнографии при Петербургской АН. Профессор Львовского университета (1913–1941, ректор — 1934–1936). В 1945–1949 гг. работал в Католическом университете в Люблине, с 1946 г. — профессор антропологии в Познани.

[73] Антоневич Владимир (Antoniewicz Włodzimierz, 1893–1973) — польский археолог. Работал в музее Вавельского замка (1916–1918), доцент Познанского университета, с 1920 г. преподавал в Варшавском университете (профессор — с 1924 г., ректор — в 1936–1939 гг.). Директор Археологического музея в Варшаве (с 1924 г.).

[74] Сатурник Т. (Saturník Th), чешский ученый, историк права. Генеральный секретарь Славянского института в Праге. С 1929 г. член Византиноведческой комиссии Славянского института. В 1930-х гг. член чешско-русской рабочей группы по изучению правовых памятников под покровительством чешской Академии наук и Славянского института (Подробнее о нем: *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг. Саратов, 2012. С. 97, 101).

[75] Шимак Й. В. (Šimák) — чешский историк, исследовал историю Чехии в добелогорскую эпоху.

[76] Моле Воеслав (1886–1973), словенский поэт и искусствовед. В начале Первой мировой войны был мобилизован в австрийскую армию, попал в плен, был отправлен в Сибирь, вернулся из России в 1920 г., преподавал в университетах Любляны и Кракова. Академик Польской академии художеств в Кракове, член-корреспондент Словенской Академии наук и искусств.

[77] Радойчич (Радојчић) Никола (1882–1964) — сербский историк-медиевист, член Сербской АН (1939). Профессор Люблянского университета (1920–1941), с 1945 г. — работал в Институте истории Сербской АН. Автор трудов по византиноведению, славянской истории и филологии, истории сербской культуры, православной церкви.

ботка окончательного списка слов и, может быть, опубликование его в корректурном виде для дальнейшей обработки на основе опроса и замечаний всех заинтересованных специалистов. Было бы также вполне целесообразно, если бы вопрос о «Словаре» стал предметом суждений предстоящего III$^{\underline{\text{го}}}$ съезда славянских филологов в Белграде[78] и от съезда был бы дан новый импульс для дальнейшей работы над «Словарем» и его осуществлением.

* * *

Изложенные выше справки об организации и деятельности Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран показывают, что это научное объединение имеет перед собою весьма обширное поле для работы и что сделанные им доныне шаги представляют значительный интерес и ценность. В настоящей стадии своей жизни Федерация, как и многие иные международные научные начинания, переживает известный период кризиса. Нужно пожелать, чтобы Федерация поскорее вышла из этого болезненного этапа, чтобы она преодолела и вокруг себя, и внутри себя все признаки напряженности и разделения и чтобы она получила возможность во всю ширину развернуть свою программу, осуществление которой требует международной солидарности, и прежде всего солидарности между славянами, общего сознания нужности и полезности организованного действия на поле научного общения и крепкой воли к достижению положительных целей общего научного значения.

6.II.1939
Прага

[78] Из-за начавшейся Второй мировой войны съезд не состоялся.

Аркадий Николаевич Фатеев

О РАСАХ, НАЦИЯХ И ГОСУДАРСТВЕ

Об авторе:

Аркадий Николаевич Фатеев родился в 1871 г. в Харькове, в дворянской семье[1]. В 1897 г. он окончил юридический факультет Харьковского университета. Избрав карьеру ученого, А.Н. Фатеев стал стипендиатом по кафедре энциклопедии и философии права. Его исследовательский интерес был связан с изучением истории философии государства. В 1900 г. Аркадий Николаевич был утвержден приват-доцентом, затем профессором права юридического факультета Харьковского университета.

Преподавательскую деятельность А.Н. Фатеев сочетал с плодотворной научной работой. В 1901–1907 гг. вышли в свет две части его «Очерка развития индивидуалистического направления в истории философии государства». А.Н. Фатеев исследовал проблемы истории юридической науки, а также творчество видных представителей юриспруденции. В 1915 г. им была издана монография, посвященная законотворческой деятельности М.М. Сперанского[2].

Революция 1917 г. и последующая Гражданская война в стране изменили течение профессорской карьеры А.Н. Фатеева. Как многие другие представители русской интеллигенции, Аркадий Николаевич оказался перед сложным жизненным выбором — остаться в России, приняв новую социальную реальность, или уехать за границу. В 1920 г. решение было принято: ученый отплыл на корабле из Новороссийска в Египет.

Начались трудные годы эмиграции. В 1921 г. А.Н. Фатеев стал директором русской гимназии в семейном лагере в Тель эль-Кебире. Затем он перебрался в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, а с 1922 г. его жизнь была связана с Чехословакией и ее столицей, Прагой, являвшейся одним из наиболее крупных центров русской эмиграции.

А.Н. Фатеев принимал самое активное участие в общественно-научной жизни русской зарубежной диаспоры. Он был профессором Русского

---

1 Основные вехи биографии А.Н. Фатеева изложены: Энциклопедия российской эмиграции. М., 2011. С. 610; *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. С. 178–179.

2 *Фатеев А.Н.* Общественно-юридические науки. Ч. 1. М., 1914; *он же.* М.М. Сперанский: Влияние среды на составителя Свода законов в первый период его жизни. М., 1915.

юридического факультета, Русского народного университета, Русского института сельскохозяйственной кооперации. С 1925 г. Аркадий Николаевич — член Совета, а с 1935 г. — председатель Совета Русского зарубежного исторического архива. В период 1934–1938 гг. он возглавлял Ученый совет Русского исторического общества, а в 1945 г. был избран ректором Русской ученой академии в Праге. Скончался ученый в 1952 г.

Научные интересы А. Н. Фатеева в пражский период его жизни сохранили свою направленность. Он читал лекции по общей теории права, курс которых был им опубликован в Праге в 1923 г. Нашло свое продолжение его увлечение личностью М. М. Сперанского, выдающегося русского реформатора и государственного деятеля. В 1942 г. увидала свет его книга «Сперанский — генерал-губернатор Сибири».

Вместе с тем, нахождение в Чехословакии не могло не отразиться на сфере научных и общественных интересов Аркадия Николаевича. Его увлекли проблемы славянского мира, крайне обострившиеся в период Первой мировой войны и русской революции. Крушение империй, передел границ и создание новых государств явилось основой для его раздумий над судьбами Европы и мира и, в первую очередь, славянских народов.

О документе:

В 1933 г. на страницах пятого тома «Научных трудов» РНУ А. Н. Фатеев опубликовал свое «Введение в геополитику славянства»[3].

В этой работе ученый исследовал «территориальную биографию славянства», ставил проблемы расы, нации, государства, территории, рассматривая их в правовом, этнографическом, историческом и социокультурном аспектах. А. Н. Фатеев выделил четыре начала в определении и охране существовавших границ между государствами — панрасизм, пангеографизм, панинтернационализм (панэкономизм) и панномизм. Ученый показал особенности и пределы возможностей каждого из оснований государственности — расового, географического, экономического и правового. Последнее из них он связывал с учреждением Лиги Наций, которая, по его мнению, в большей степени все же являлась «Лигой государств».

А. Н. Фатеев остановился на значении принципа самоопределения народов — его влиянии на вопрос о принадлежности части нации к определенным границам и, в конечном итоге, на суверенность нации. Он также заострил внимание и на особенностях решения национального вопроса в СССР.

В реалиях социально-политической жизни на оставленной родине Аркадий Николаевич отметил существовавший компромисс между принципами национализма и социализма. Его наличие он выводил из необходимости «возрождать национальную культуру, но не допуская борьбы из-за нее». Ученый делал вывод, что в СССР историческая целесообразность привела к тому, что «пришлось оставить нацию, а не единый класс, как источник государственного суверенитета».

[3] *Фатеев А.Н.* Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. V. / Под ред. ректора университета проф. М. М. Новикова. Прага, 1933. С. 28–43.

Высказанные А. Н. Фатеевым мысли и сделанные им наблюдения не утратили своей актуальности. Его метод рассмотрения геополитических проблем сохраняет свою значимость для понимания глобальных процессов современности. Он применим к анализу нового движения народов, начавшегося на рубеже XX–XXI вв. и сопровождающегося исчезновением одних и появлением других государств и их объединений, что бросает очередной вызов судьбам мира.

«Введение в геополитику славянства» А. Н. Фатеева было опубликовано в «Научных трудах Русского народного университета в Праге», издававшихся под редакцией ректора университета профессора М. М. Новикова (Т. V. Прага, 1933. С. 28–43). Текст публикации приведен в соответствие с современной орфографией и снабжен примечаниями. Примечания самого А. Н. Фатеева даются курсивом. Комментарии составителя — обычным шрифтом. Комментарии к примечаниям автора даются в квадратных скобках с пометой — *комм. сост.*

Л. А. Сидорова

А. Н. Фатеев

Введение в геополитику славянства

Расселение и борьба за землю — основная тема национальной истории каждой из ветвей славянства. Но нам неизвестны попытки представить картину отношения всей славянской расы к ее земле. Дать абрис этого — значит обратиться к историко-политической мировой карте. Она представляет поделение[4] всей земли между государствами. Государство образуется не только правовой организацией суверенной нации — части расы, приобретающей верховную власть над своей землей, но и внешним давлением соседей, своей и чужой рас. Государства, в наш территориальный период, — мы сейчас объясним, что он значит, — суть средства овладения и охранения национальной земли. Но есть нации — части рас несуверенные. Есть целые расы не суверенные. Часть расы может искать опоры для защиты или расширения своих границ у чужой или своей расы. Части одной расы могут находиться между собою и соседями в распре из-за расселения. И тут, в противоположность расовому началу, выдвигаются иные основания распределения земли и границ. В наше время они составляют действенные политические направления, конкурирующие с принципом расы. Их все можно свести к четырем: этнографическому, географическому, экономическому и юридическому[5]. Тенденции, из них вытекающие, которые мы определим ниже, суть: панрасизм, пангеографизм, панинтернационализм, панномизм.

---

[4] Так в тексте.

[5] *Ср. Версальский договор: La partie V.* [Версальский договор — мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г. в Версальском дворце во Франции. Завершил Первую мировую войну 1914–1918 гг. — *комм. сост.*]

1. Панрасизм

Переживаемый ныне период потому может быть назван территориальным, что власть государства покоится на верховном обладании тем земельным пространством, какое, по принятой терминологии, носит название территории.

Эта власть проявляется не только во внутреннепредельных отношениях, но и во внешнепредельных. Среди признаков государственного верховенства (суверенитета) два бесспорных, реальных: верховное право изменения границ и право иметь свою армию. Определенность этих признаков невольно сопоставляется с неопределенностью признаков расы, как только в качестве геополитического основания представим панрасизм. Иначе основанием государственного суверенитета должна служить раса. (Правильнее называть это направление неорасизмом. Он неточно отождествляется, как увидим, с национальностью). Понятие расы употребляется теперь иногда как понятие расширенной нации. Но следует разобраться в явлениях, обозначаемых этими терминами, хотя трудно это сделать благодаря спорности связанных с ними проблем.

Панрасизм можно кратко формулировать, с интересующей нас стороны, как требование принадлежности земли не государству, а расе-нации. (Есть и другое понимание нации). Такая монистически-этническая политика ставит себе целью: покрыть территорию едино-расово-национальным населением, собрать в единую державу рассеянных членов расы (с присоединением земель, на которых они живут под чужим суверенитетом). Направление политики унификационное, а не федеративное. Это и есть панрасизм: пангерманизм, панславизм, пантюркизм, панэллинизм и т. д. Но что такое раса? Что такое нация? Каково отношение к ним государства с геополитической точки зрения?

Изучение многочисленных трудов антропологов о расе приводит к выводу, что научных признаков расы установить не удалось. Классификации рас очень разноречат. Число классификаций по сравнению с первоначальным увеличилось в несколько раз. Схемы первых классификаций не вмещали типов переходного характера. В течение продолжительного времени эти типы образовывались благодаря дифференциации рас и смешению расселившихся племен с инокровными элементами[6]. Нельзя представить теперь расу только в координатах пространства. Процесс смешения в связи с расселением требует и времени. В координатах времени классификации обращаются в периодизации расовых форм. Увеличение их числа обратно пропорционально чистоте рас. И только если вступить мысленно на путь энтропии, восходить от одного периода расы к другому, более древнему в этих формах, можно прийти к триединству крови, места и языка[7].

---

[6] *Пантюркизму придется собирать: турок Анатолии, туркменов Персии, Афганистана. Сюда же относятся тарантши, метхины, палузы, смешавшиеся с монголами. Якуты, самоеды, чуваши, киргизы — среди народов России. Турки в Румынии, Югославии, Албании, турки Фракии, османлисы, называющие теперь себя «кемалисами».*

[7] *Один из идеологических родоначальников пангерманизма, автор знаменитого обращения к немецкой нации, философ Фихте* [Фихте, Иоганн Готлиб (1762–1814) — немецкий философ, один из представителей и основателей субъективного идеализма. — *комм. сост.*] *спрашивал: «где границы германской земли». И отвечал: «они везде, где звучит немецкая речь».*

Но оно не первично. Историко-сравнительный метод и государственная эмбриология проливают свет на отношения населения к земле. Первоначально родина, отечество — не границы земли, а границы крови. Органическая связь с землей является во второй период: совпадения (не точного, конечно) границ крови и границ земли. — За что ты меня убиваешь? — Ты чужой крови. Это кровный период. — За что ты меня убиваешь? — Как за что? Да ведь ты живешь по ту сторону реки! — (Pascal, Pensées. IV. 4)[8].

В третий период государственная территория заключает разнокровные элементы разных рас. — За что ты меня убиваешь? — Защищаю границы государства, как солдат по присяге[9].

Вернемся же к отношению расы и государства. Как мы сказали, в свое время раса поделилась на племена. Племена расселились и стали называться по ойкуменам (помбряне, т.е. поморяне, поляне, древляне[10] и т.д.). В исторические времена государство делается формой собирания племен и земель. Хронологически понятие нации возникает в государственные новые времена. От расы она ведет свой биологический генезис, но каждая часть расы испытывала особенности среды, т.к. всякий кусок земли заключал в себе неорганические силы, передаваемые в наследство ряду поколений, в свою очередь, изменявших географическую среду. Нация — явление надорганическое, не могла бы образоваться без накопления длительных связей, носящих отпечаток космологических переживаний. Достаточно представить себе это значение, если наступает отрыв нации от своей земли. Нация, кроме того, представляет форму социально-психических отношений, в которых культурная власть мертвых над живыми, а живых над будущими поколениями составляет известное количество духовных признаков (язык, религия, нравы, право и т.д.). Методологически у тех, кто отправляется от расы, нация приобретает биологический характер. У тех, кто отправляется от культуры, — характер духовного единства.

Теперь немецкая речь звучит из пяти мил[лионов] уст в Америке, из 1 мил. 800 тысяч в России, из 1-го мил[лиона] в Азии и т.д. (ср. закон о двойном подданстве).

[8] Паскаль Блез (1623–1662) — французский математик, физик, философ и писатель. Его книга «Pensées» — «Мысли» (полное название: «Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets» — «Мысли о религии и других предметах») была издана после смерти автора. В нее были включены различные по жанру и объему сочинения Б. Паскаля, в том числе незавершенные, посвященные взаимоотношению Бога и человека. См.: *Паскаль Б.* Мысли. М., 1994.

[9] *Всеобщая воинская повинность предшествует суверенитету всего народа. Как переживание кровного периода суверен продолжает носить титул народа, а не земли. Давид* [Давид — второй царь Израиля, царствовавший ок. 1005–965 г. до н.э. — *комм. сост.*] *в Иерусалиме — царь всего Израиля, а не Палестины. Государство у Гомера* [Гомер — легендарный древнегреческий поэт-сказитель, автор «Илиады» и «Одиссеи». — *комм. сост.*] — *народ копьеносца Приама* [Приам — последний троянский царь, один из героев «Илиады» Гомера. — *комм. сост.*]. *Даже еще у Фукидида* [Фукидид, ок. 460–ок. 400 до н.э. Древнегреческий историк, автор «Истории Пелопонесской войны». — *комм. сост.*] *πατρίκη-βασιλεία* [πατρίκη-βασιλεία (греч.) — царство. — *комм. сост.*]. *В эпоху великого переселения народов право следует за лицом.*

Регенерация в новейшей истории: король французов, а не Франции, в настоящее время царь болгар, а не Болгарии.

[10] Помбряне (поморяне, поляне, древляне) — название слявянских племен.

Но политики от объективных признаков расы и нации обращаются к субъективным оценкам, устанавливают иерархию: сверхрасы, подрасы и т.д.[11] Тогда как с научной точки зрения «иерархическое» понимание рас объясняется нахождением этих рас на разных ступенях человеческого развития.

После века Просвещения Декларация прав человека и гражданина[12] начала исходить от основания принадлежности каждого индивида по титулу рождения к единой человеческой расе[13]. Конечно, и тут была идеальная абстракция. Она отразилась и на механическом взгляде на государство, как на публично договорное отношение. Неорасизм в виде национализма явился политическим направлением в начале XIX столетия. Его представители называли государство случайной правовой формой. Оно — искусственное собирание людей. Тогда как нация естественное образование[14].

Национальность и только она может преобразовывать государство, когда его население становится единонациональным. Это цель, к которой должен стремиться политик, и это основание в международных тяжбах о земле. Но когда национальный принцип строительства, управления государства становится правнополитическим основанием для власти, естественно происходят столкновения с чуженациональными элементами, разных форм и степеней[15].

---

[11] *Frid. Hegel: "Vorlesungen űber die Philosophie der Geschichte". Gobineau: "Essais sur l'inegalité des races". Franz von Wendrin: "Die Entdeckung des Paradises". 1924. Renan: Histoire du people d'Israel. Nietzsche, Mérimée, Tocqueville, Gomez Garillo, Данилевский: «Россия и Европа» и др.* [*Гегель Ф.* Лекции по истории философии; *Гобино Ж.А.* Эссе о неравенстве человеческих рас; *Вендрин Ф.* Открытие рая; *Ренан Э.* История израильского народа); *Ницше Ф., Мериме П., Токвиль А., Гарильо Г., Данилевский Н.Я.* «Россия и Европа». — *комм. сост.*]

[12] Декларация прав человека и гражданина (Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen). Принята в период Великой французской революции Национальным учредительным собранием (26 августа 1789 г.) В основе документа — идея равноправия и свободы, принадлежащей каждому человеку от рождения. Естественными правами человека и гражданина объявлялись свобода личности, слова, убеждений, а также право на сопротивление угнетению.

[13] *Quia nominor Homo* [Поскольку человек (лат.) — *комм. сост.*].

[14] *"Una societa natural di hominid a unità di territorio" etc. Mancini. Laurent. M-dme de Stal и др.* ["Una societa natural di hominid a unità di territorio" — «Общество природного гоминида в единицах территории» (ит.). Mancini — Манчини Паскуале Станислао, 1817–1886. Итальянский юрист, публицист и государственный деятель; Laurent — н/у; M-dme de Stal — Сталь, Анна де, 1766–1817. Французская писательница. — *комм. сост.*].

[15] *Как известно, черная раса расценивается всего ниже. Потом идут краснокожие, желтокожие и вообще цветные расы в противоположность белой арийской (arya — благородный), индогерманской или индоевропейской (называют по-разному, признаком ее служит общность праязыка).*

Неравноценность и неравноправность рас более всего сказывается в колониях, где отсутствует правовое управление. Но и в южно-африканских штатах Англии — белая раса — африкандеры относятся к согражданам черной расы, наподобие колониальных статутов, которыми поддерживаются правовые и бытовые привилегии белых.

В 1926 году предложен (генерал Герцог) закон о недопущении черной расы к управлению машинами (цветной акт). В аналогичном законе для сельскохозяйственных рабочих проявился общий лозунг «Keep them down» [Образованное в 1924 г. в Южно-Африканском Союзе правительство Национальной партии во главе с Дж. Герцогом ужесточило в 1926 г. закон 1911 г.,

Теперь, по прошествии ста лет со дня появления сочинений, развивавших теорию национального государства, население государства не придвинулось к единонациональности. Последняя война, правда, имела следствием освобождение некоторых наций, сделав их суверенными. Но, с другой стороны, не могла не стать условием процесса смешения разнонациональных элементов на государственных территориях, т. к. переместила около 80 мил[лионов] человек из-под одного суверенитета в другой. В большинстве государств гегемония одной главной нации осуществляется на принципах декларации прав. Национальный принцип охраняется так называемыми правами меньшинств[16]. Но стремление выйти из-под абсолютной власти чужого суверенитета проявляется так же, как это было во время освобождения греков[17], отделения Бельгии от Голландии[18], объединения Италии[19], объединения германской нации[20], после разделения ее венским трактатом[21] и т. д. до примеров современных дней.

Словом, этническая драма или даже трагедия продолжается.

И вот против этнического панрасизма выступает принцип пангеографизма.

2. Пангеографизм

Самым важным противопоказанием для расового начала является, по-видимому, неустранимое нахождение этнографической чересполосицы на территориях современных государств. География побеждает этнографию. Человек может

резервировавший за белым населением определенные должности в горнодобывающей отрасли. «Keep them down» — «Сдерживайте их!» — *комм. сост.*]. *Иллюстрация его — надписи: «Не вводить черных и собак». Надо заметить, что африкандеров в полтора раза меньше, чем черных, быстро увеличивающихся в числе.*

Известны меры, принятые в начале 20 годов этого столетия С.А.С.Ш. [Североамериканские Соединенные Штаты. — *комм. сост.*] *против желтой расы, едва не приведшие к военному столкновению с Японией.*

В современной Германии, по статуту государственной службы, чиновник должен быть арийского происхождения. Каков признак? Мы видели трудности для науки установить его. Статут требует, чтобы дед и бабка, отец и мать чиновника не принадлежали к семитам. Исключение для тех, отцы и дети кого участвовали в последней великой войне...

[16] *Конгресс меньшинств в 1932 г. в Вене. Речь председателя:*

“Il s’agit cette fois pour nous de travailler à une forme d’organisation des nations par dessus les frontiers d’états” [Международный конгресс национальных меньшинств в Вене (1932). «Речь идет на этот раз о том, чтобы мы поработали над такой формой организации наций, которая стояла бы над границами государств» (фр.) — *комм. сост.*].

[17] Имеется в виду Греческая война за независимость (1821–1932) от Османской империи.

[18] Речь идет о Бельгийской революции 1830 г. и образовании королевства Бельгии.

[19] Национально-освободительное движение в Италии (рисорджименто), активизировавшееся в середине XIX в., завершилось в 1870 г. присоединением Рима к Итальянскому королевству.

[20] Создание в 1871 г. вокруг королевства Пруссия федеративного государства Германская империя.

[21] Речь идет о сохранении территориальной раздробленности Германии по условиям Венского конгресса 1814–1815 гг.

оторваться от своей национальности, но не может же он находиться в геометрическом пространстве. Родиться, жить и умереть в одном доме, где и умирали его предки, современно ли это?

28. II. 1927 года при Лиге Наций[22] из делегатов 37 государств образовалось особое совещание по небывалому поводу. Рассматривался вопрос о международно-правовой легализации лиц, оторвавшихся, как официально говорилось, от своей национальности, оставивших родную землю. Силою обстоятельств они должны жить на территориях разных государств, разбросаться по белому свету.

Ничего не оставалось, как дать международное признание такому явлению, и необходимо было нормировать его правовым образом. Такое положение вещей поставило перед международной конференцией при Лиге Наций задачу: выработать новый тип паспорта для этих «космополитов»[23]. Но мы живем в территориальный период. Человек должен быть хотя временно приписан к какому-нибудь государственно-географическому пространству. Нельзя быть вне государства, когда на земле не остается ни одной пяди не поделенной между государствами земли.

Для нашей темы любопытно спросить: каковы же признаки таких людей? Кого заносить в такую категорию? Пришли к заключению: занести в нее людей без национальности, затем тех, национальность которых не может быть доказана, или она сомнительна, наконец, тех, кто, по каким-либо причинам, не может получить национального паспорта. Это отделение гражданина от национального государства, национальной земли, помещение его — выразимся так — в фактическое географическое пространство, куда направила его сила вещей, вовсе не индивидуальное явление. Это сверхрасовое, сверхнациональное направление принимает социальные формы; более того, — международные. Лучше всего вырисовывается его значение, когда противопоставить его тому началу, которое мы назвали пангеографизмом и примеры которого приведем ниже. Так, на съезде панъевропейского союза 28 государств в 1926 году[24], его инициатор граф Коуденхове-Каллерги[25] формулировал это противопоставление в словах: «*Каждый культурный человек должен работать над тем, чтобы как ныне религия, так завтра национальность стала частным делом каждого. Необходимо отделение государства от нации*»...

Обратимся к истории — magistrate vitae[26]. Ровно 535 лет перед произнесением тех слов на панъевропейском съезде в Европе уже образовался прототип пан-Европы: восемь первых, старых кантонов Швейцарии. Что такое Швейцария, как не заключение в границы одного государства трех различных наций? Их объединила — и объединение продолжалось потом на том же основании — законченность гео-

[22] Лига наций — первая всемирная организация, призванная сохранять мир и развивать международное сотрудничество. Основана 10 января 1920 г.

[23] Нансеновский паспорт — международный документ, который удостоверял личность держателя. Был разработан Лигой Наций по инициативе Ф. Нансена в 1922 г. и выдавался беженцам без гражданства.

[24] Первый конгресс панъевропейского движения состоялся в Вене в октябре 1926 г.

[25] Куденхове-Каллерги Рихард Николаус (1894–1972) — австрийский философ, писатель, политик, основатель Панъевропейского союза.

[26] magistrate vitae (лат.) — судья жизни.

графических, — точнее, орографических форм, — будущей Швейцарии[27]. Ойкумена оторвала граждан Бургундии, Италии, Германской империи от своих национальных государств и соединила их навеки. Недаром международное положение Швейцарии характеризуется официально вечным нейтралитетом. Как же произошел этот архетип рассматриваемого нами направления? Как география победила этнографию? А вот, напр[имер], как.

К концу 13 века стало ясным громадное значение Швейцарии — страны на пути соединения западноевропейского севера с западноевропейским югом Европы. Горные проходы Альп расположены почти на одном уровне; чтобы проникнуть из Франции и Германии в Италию и порты Средиземного моря, связывавшего Европу с богатым Левантом (до открытия путей в Индию по океану), надо было использовать альпийские проходы, находившиеся в руках обитателей, ничего общего не имевших между собою и даже враждовавших. Купеческие караваны могли планомерно доставлять доходы швейцарцам, если бы обладатели их знали заранее, что пропуск с севера на юг, с начала до конца пути обеспечен. А обладатели путей должны были наконец понять общность своих интересов, продиктованную природой местообитания. Вслед за соглашением на взаимный пропуск европейского движения последовало и политическое объединение с тем большим основанием, что оно вело к свободе личной, олицетворенной в борьбе Телля[28]. Могла ли осуществиться она без своей земли, в сущности, природной крепости? А защитит ли крепость без соглашения находящихся в ней? Что такое швейцарская конституция? Длинный ряд соглашений с 1291 по 1815 г. Мы не говорим о двух следовавших потом пересмотрах[29]. Пангеографическая тенденция ни что иное, как стремление нации или наций, распространяясь с оружием в руках, занимать всю географическую форму, до ее конечных природных границ или до встречи с этнографической противосилой по линии таких границ. Нация выступает здесь в виде политического тела и, конечно, должна быть учтена встреча с другим телом, обращающаяся тем легче в яростную и длительную борьбу, чем более способствует тому отсутствие географических препятствий, например, на равнине. Тут борьба часто принимает форму внутрирасового междоусобия, картину которого увидим в местообитании восточного славянства[30].

Распространение политических тел по географическим средам принимает разное направление и разную конфигурацию, зависимые в числе других условий, также и от характера ойкумены и от соседства. Наша задача — выяснить это для славянства. Сейчас же ограничимся примерами распространения западных наций, иллюстрирующими пангеографическую тенденцию во внутриконтинентальных,

---

[27] Швейцария — федеративное государство, состоящее из кантонов. Орографический — связанный с особенностями рельефа.

[28] Телль, Вильгельм — легендарный народный герой Швейцарии, уроженец катона Ури, живший на рубеже XIII — XIV вв.

[29] Речь идет о конституциях 1848 и 1874 гг.

[30] *Самый закон распространения можно сформулировать так: Политическое тело, при встрече с другим политическим телом, стремится проникнуть на землю этого тела, находя с его стороны более или менее сильное сопротивление. Проникает оно только повидимому* [так! — *комм. сост.*]. *На самом деле оно стремится к вытеснению того из занятого пространства.*

потом панконтинентальных средах. Оно совершалось тем проще и последовательнее, чем законченнее географические формы среды. Как только гегемония Уэссекса среди семи англосаксонских областей установилась, началось проникновение и вытеснение старых владельцев острова Британии — бриттов в сторону Уэльса и, в течение двух столетий, весь остров до Сутерлэнда оказался в руках потомков уэссекского вождя[31].

Полуостров Ютландия, отделенный от материка Эйдером, в течение X века стал королевством Данией.

Полуостров Скандинавский представлял ойкумену, разделенную по линии гранитных фиэльдов[32] скандинавских гор надвое. В каждой из половин разместились родственные народы; точно так же были заполнены южные полуострова Европы классическими народами[33].

Остановимся на факте, пангеографическое значение которого с силой обнаруживается в наши дни, хотя ему исполнилось в прошлом году сто лет. В 1832 году, 23 декабря, президент североамериканских соединенных штатов Джон Монроэ в своем послании конгрессу (предусматриваемом конституцией) в трех положениях формулировал неприкосновенность всего американского материка, заложив основание формулы панконтинентализма: «Америка для американцев»[34]. Всякое нарушение неприкосновенности президент считает угрозой территории обеих Америк, англосаксонской и латинской рас, а для Европы запрещает колонизацию. Ибо весь континент уже покрыт распространением цивилизованных государств[35]. Это был завуалированный ответ на образование в Европе директории из пяти держав, согласившихся решать судьбы наций европейского континента[36]. Так организовался политически континент против континента. На 6-ом панамериканском

[31] События истории Англии VIII–IX вв. Сутерлэнд — англ. Sutherland; в современной транскрипции Сазерленд, Сатерленд.

[32] Фиэльды (фиельды) — Горные плоские возвышенности на Скандинавском полуострове.

[33] *Отроги Пинда в широтном направлении делали обособленные ойкумены с удобными выходами на В.*[осток] *к морю, что предрасполагало к талассакратии* [морское могущество. — *комм. сост.*]*, к племенной дифференциации и к войнам за гегемонию. Аппенины в меридиональном направлении не делали природных разделений экспансе* [пространства. — *комм. сост.*] *под гегемонией одного племени.*

[34] Монро Джеймс (1758–1831). Пятый президент США (1817–1825). Автор внешнеполитической концепции, получившей название доктрины Монро. Была сформулирована им в послании Конгрессу от 2 декабря 1823 г. Содержала три основных положения: невмешательство американских государств во внутренние дела Европы; невмешательство европейских государств во внутренние дела Америки; решимость препятствовать всяким попыткам европейских государств покушаться на независимость американских государств. В публикуемом тексте допущена неточность в дате послания.

[35] *Собственно, выразитель панамериканизма, Джемс Блен,* [(Blaine) (1830–1893) –. американский политический деятель. При президенте Гаррисоне занимал пост статс-секретаря по иностранным делам. — *комм. сост.*] *министр в кабинете президента Гаррисона* [Гаррисон Бенджамин (Benjamin Harrison) (1833–1901) — 23-й президент США (1889–1893). — *комм. сост.*]. *В 1899 г.* [неверная дата. — *комм. сост.*] *он составил конкретный план панамериканской организации.*

[36] Имеется в виду, вероятно, Венский конгресс 1814–1815 гг.

съезде в Гаване (Куба) 1928 года, президент С.А.С.Ш. Кулидж в послании к конгрессистам говорил об обязанностях, налагаемых на северные англо-саксонские государства и на 22 латинских республики юга интересами *всего* американского континента[37].

Когда (21-III-1925) премьер-министр Англии Макдональд[38] объявил в палате общин, что Япония и Китай решили на паназиатском континенте стать во главе паназиатского движения и защищать принцип: «Азия для Азиатов», сообщение вызвало движение среди коммонеров, т.е. представителей государственной страны, геополитический центр которой в Индии.

Белая раса, колонизовавшая Австралию, объявила ее неприкосновенной для других рас, т.е. исключительно белым материком. Даже негры Африки, следуя тому же движению, заявили, что Черный материк принадлежит черным.

В проекте пан-Европы, всебалканского объединения наций, дебатировавшемся проекте союза экономического, который имел и политическое значение, придунайских государств, конференции всетихоокеанских государств (Institute of Pacific relations)[39] преобладание той же тенденции. Она проявляется в формах разного политико-экономического значения. Начало ее в выяснении троякого вида геополитических условий каждой географической формы: как естественного фонда, как места внутреннего и базы внешнего распространения. Движение пангеографизма встречает подмогу в явлениях отрыва национальности от ее земли (вненациональные паспорта), нахождения целых национальных групп в границах территории под чужим суверенитетом (национальные меньшинства) вплоть до провозглашения полного отделения национальности от суверенности (то есть власти над землей). С другой стороны, эти же явления подводят еще к одному основанию разрешения территориальной проблемы, основанию мирового характера.

3. Панинтернационализм (панэкономизм)

В гражданине homo nationalis[40] и homo territorialis[41] либо сливаются, либо, как мы только что видели, разъединяются, — пока в исключительных случаях. (Для этих случаев и учрежден паспорт лишенных национальности).

Но человек оказывается теперь вне политической, национальной связи с определенной территорией. Причиной тому экономические условия, перебрасывающие его из одной земли в другую в поисках труда и хлеба.

Это направление расселения мы рассмотрели в другом месте. («Об управлении». Русский народный университет в Праге. Научные труды, т. I. [Прага, 1928]). Возведенное в принцип, это направление обращает гражданина в homo oeconomicus[42],

---

[37] Кулидж-младший Джон Калвин (1872–1933) — 30-й президент Соединенных Штатов Америки (1923–1929).

[38] Макдональд Джеймс Рамсей (Рамси) (1866–1937)— британский политический и государственный деятель, премьер-министр в 1924, 1929–1931 и 1931–1935 гг.

[39] Institute of Pacific relations — Международная организация, созданная в 1925 г. с целью обсуждения проблем государств тихоокеанского региона.

[40] homo nationalis (лат.) — человек национальный.

[41] homo territorialis (лат.) — человек территориальный.

[42] homo oeconomicus (лат.) — человек экономический.

а территориально-национальное государство всемирным переворотом обрекается на слом, предположительно, конечно. Нация заменяется классом. Территория государства становится окруженной экономическими границами. Вместо прежнего государства в утопическом идеале рисуется всемирное общество людей, организованное как производственная живая сила. Политическая власть, в руках одного класса, на каждой бывшей территории, делается только контролирующей производство и распределение...

Как известно, зародыш идей одноклассового всемирного общества был в учреждении интернационала[43]. Будущие представители одного класса должны были протянуть друг другу руки через географические и этнографические границы. Границы ожидает экономически властная ассимиляция. Но пока это в теории. На практике интернационалисты-правители (что есть в действительности) должны определить переходные условия к своей экономической телеологии. Оказывается, что национальное начало, как факт жизни, не может исчезнуть в порядке управления, даже если бы все последовали совету панъевропеиста Каллерги[44]. Каковы же эти условия? Иначе, как относятся интернационалисты-правители к расовому принципу.

Вождь интернационализма определяет в таком «modus vivendi»[45] общий принцип политики: «Принцип национальности, — пишет Ленин (Собрание сочинений, т. 19, стр. 52, 53), — исторически неизбежен в буржуазном обществе. Считаясь с этим обществом, марксист (интернационалист) вполне признает историческую законность национальных движений»... Но марксист берет из этого движения только то, что «есть прогрессивного в этих движениях». — «...Борьба против всякого национального гнета — безусловно — да». — «...Борьба за всякое национальное развитие, за «национальную культуру» — безусловно нет». — «Пролетариат приветствует всякую ассимиляцию нации, за исключением насильственной и опирающейся на привилегии»[46]. Мало приветствовать. Надо управлять. Как же быть, например, с языком для каждой нации. Чтобы остаться верным принципу, нужно признать язык равнозаконным. В принципе, исключающем насилие и привилегии, так оно и должно быть.

Число языков, на которых в России печатаются учебники для школ, 45. Признанных языков, в качестве средств устного преподавания, еще больше[47]. В языках некоторых наций не оказалось достаточной техники знаков и понятий даже для букваря. Пришлось их сочинять. В средней школе число языков оказалось необходимым сократить. Для высшей школы же оставить только 4.

Гораздо легче провести внутренние границы для территории каждой нации, чем культурные. Вождь и теоретик интернационализма отказывает развитию

---

[43] Интернационал — Международное товарищество трудящихся — первая массовая организация рабочего класса, созданная в 1864 г. в Лондоне.

[44] См. сноску 25 наст. изд.

[45] modus vivendi (лат.) — образ жизни, способ существования.

[46] Произвольное цитирование работы В.И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу». См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 115–150.

[47] *Для низших школ 57, для средних 45. Народностей по переписи СССР — 190.* [Имеется в виду первая Всесоюзная перепись населения СССР, проведенная 17 декабря 1926 г. — *комм. сост.*]

национальной культуры в государственной поддержке. И в самом деле. Как стремиться к ассимиляции нации, что вытекает из принципа интернационализма, и вместе возрождать национальную культуру, но не допуская борьбы из-за нее? Как совместить это требуемое современной жизнью содействие государственными средствами развитию национальной культуры и приветствовать ассимиляцию, т. е. ее индивидуальное уничтожение.

Такие противоположности привели, как известно, к компромиссу принципа национализма и социализма. Пришлось оставить нацию, а не единый класс, как источник государственного суверенитета. Причем этот суверенитет не только продолжать [так! Вероятно, опечатка. Следует читать — продолжат. — *комм. сост.*] опирать на заботливо охраняемые географические границы, но компромисс возвращается к положению, что политические границы должны быть выражением национальных.

Кроме рассмотренных начал в определении границ — расизма, географизма, экономизма, в последнее время сделана была еще одна попытка. Это попытка охраны современных границ посредством антипода революционному интернационализму (экономизму), учреждения сверху правового института надгосударственного или межгосударственного характера. Таковым учреждением является Лига наций.

4. Панномизм

Господство расы, преимущество географических интересов, попытки экономического интернационализма заменяются здесь всемирным господством права. (Панномизм — всезаконие). Таков смысл учреждения Лиги наций.

В самом названии Лиги наций допущена неточность, хотя она объясняется уступкой принципу окультуренного расизма в нации. Уступка, впрочем, только в названии и разве еще в учреждении статута национальных меньшинств под охраною Лиги наций, которая, в сущности, является *Лигою государств*[48]. Принципу самоопределения народов противоречит мандатное право. Но уже его провозглашение повело к допущению некоторых плебисцитов, какими решался вопрос о принадлежности части нации к определенным границам территории и, следовательно, суверенитета. Еще далеко до возведения такого допущения в нормальный порядок, как и до следующего демократического шага: плебисцитарного согласия на объявление войны (в случае неудачи «преюдициальных» мер, требуемых статутом Лиги).

Юридическая природа надгосударственности Лиги наций не заключается в ограничении суверенитетов отдельных государств, входящих в ее объединение. На деле она необходимый правовой посредник, антипод непосредственного применения силы (будь то ссылка на факт силы расы завладеть землей, географическое вхождение государства в границы определенного континента, экономический захват власти одним классом с целью распространения такого порядка на другие территории и нации).

---

[48] *В официальной доктрине современной Италии сувереном признается не нация, а государство, поэтому официально Италия входит в Лигу как «государство».*

Сущность этого посредничества — в преюдициальных мерах предотвращения войны[49]. До исчерпания превентивных мер в Лиге наций стороны не могут объявлять войны. Но теперь переход границ совершается и без объявления войны, чтобы не нарушать статута Лиги. А военные действия развиваются своим порядком (Япония). Это недостаток не идеи права, а ее организации.

Один из недостатков организации Лиги вызвал любопытный корректив в конвенциональных отношениях некоторых государств. А именно: с политической стороны в Лиге наций юридическая ценность голоса государства все же зиждилась не на равноправии[50], а на количестве пространства его территории и населения. Постоянные места за столом совета Лиги, где развивается преюдициальный процесс и устанавливаются превентивные меры, занимала пентархия из великих держав (Япония теперь вышла). Остальным государствам предоставляются переменные места. Этим нарушается принцип международного демократизма и значение малых государств. Словом, в организации Лиги разделение на великодержавие и малодержавие[51].

Еще в древности одна из школ философов права, объясняя происхождение государства, раздвоилась. Одни считали государственную организацию установлением сильных. Другие утверждали, что, в совокупности, слабые сильнее сильных и входят в политический союз для образования самозащиты против сильных. Вот и теперь в Лиге, среди ее членов против олигархии сильных положено начало образования союза (пакта) слабых, малодержавных государств, которые по совокупности своего пространства и своего населения составляют равноценную, хотя и составную единицу[52]. Между собою они вводят полное равенство. Образовывают орган. От лица этого органа единство действий в Лиге. Договором предусмотрено образование и экономического общего органа. Тогда явится нечто, частично имеющее также прообраз в немецком «цольферейне»[53] прошлого столетия.

---

[49] *Для юдициальных мер у нее нет санкций, без чего Iudicium* [Суд, судопроизводство (лат.). — *комм. сост.*] *со стороны содержания решения только предложение.*

[50] *Суверенитет и равноправие — соопределяющие начала в современном международном праве. Ср. «Женевский протокол» 1924 г.* [Протокол о мирном разрешении международных споров, рассматривавшийся Ассамблеей Лиги наций 2 октября 1924 г., инициированный британским правительством Д. Р.Макдональда. — *комм. сост.*]

[51] *A contrario* [иначе (ит.) — *комм. сост.*] *звучат слова Бриана* [Бриан Аристид (1862–1932). Политический и государственный деятель Франции, дипломат. С 1909 по 1931 г. 11 раз был премьер-министром. — *комм. сост.*] *(III. 1925) по поводу неудавшегося учреждения: «Ce qu'il y a de beau, de noble, de magnifique dans le Protocole; c'est d'aborde qu'il ignore les grandes, les petites, les moyennes nations.*

Il les considère toutes comme ayant droit à la même securité. Il s'efforce de la leur donner sans distinction de grandeur ou d'importance» [«Все, что есть красивого, благородного, прекрасного в этом Протоколе, заключается в том, что он не разделяет нации на большие, маленькие и средние. Все нации он рассматривает как имеющие одинаковое право на безопасность. Он стремится предоставить им ее вне зависимости от их величины или значимости» (фр.) — *комм. сост.*]

[52] *Организация Малой Антанты* [Альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920–1921 гг. — *комм. сост.*].

[53] Цольферейн (zollverein, нем.) — Таможенный союз.

Со стороны оценки положения Лиги наций как проводника панномизма любопытно бросить взгляд на параллельное и конкурирующее проявление принципов, рассмотренных нами выше: расизма, пангеографизма и панэкономизма.

Малые нации, как мы только что видели, собираются, viribus unitis[54], независимо от единоплеменности, в оборонительные союзы, по признакам географических и экономических взаимных интересов, цементируемых правом договора, т.е. правовой тенденцией.

Распространение наций-государств имеет те же свойства, что и движение тела: подчинение закону инерции, трение и сопротивление среды (См. прим. 10, стр. 35 [ссылка 30 настоящего издания. — *комм. сост.*]).

«Лига наций», как правнополитическая мировая тенденция, охватила громадное большинство государств, но не все. По этим последним можно судить о противутенденциях сопротивления сред. Так, в нее не вошли С.А.С.Ш. (Между тем президент Вильсон[55] — крестный отец демократизма идей Лиги). Почему?

Выше указанная история панамериканизма легко это разъясняет. Монроизм теперь несколько изменил свой изолированно-географический характер. Но и неомонроизм: «к себе не пускать (см. билли об иммиграции), но зорко наблюдать и где можно влиять на другие континенты» — политика, диктуемая островным положением великодержавной республики.

В Лигу наций не вошел Союз советских социалистических республик России. Россия не участвовала в составлении мировой политической версальской карты с ее последующими дополнениями. И помимо этого понятно, что политика на основе панэкономического интернационализма противоречит правовому направлению и другим основам Лиги.

В 1921 году Япония обратилась к Лиге с предложением провозгласить равенство рас. Вопрос остался открытым. Токийская пресса отметила тогда слабость и неавторитетность Лиги для решения этого вопроса. Япония, как уже было сообщено выше, согласно докладу Палате общин является такою же главою паназиатизма, какой Североамериканские Соединенные Штаты — панамериканизма. Выход Японии из Лиги не может считаться неожиданным. Оба пангеографических течения Америки и Азии должны быть сопоставлены с пан-Европой.

Как известно, Англия противница этого плана, инициатором которого является не Бриан[56], а в прошлом столетии — Сен-Симон[57]. Англия сама не есть государство в ординарном смысле слова. Она правовое соединение, сама «лига наций». Она напоминает римское великодержавие. Как Рим повышал свои области в высшие юридические ранги от проконсульских или пропреторских провинций с местным правом, при цезаризме, до сенатских императорских, с дарованием прав римского гражданства, так и Альбион: от какого-нибудь колониального управления до доминиального и до федерации с правом иметь своих представителей в Лиге наций. Галл, испанец, далматинец, иллириец, македонец, ахеянин, африканец, азиат — Римом

---

[54] viribus unitis (лат.) — объединенными усилиями.

[55] Вильсон Томас Вудро (1856–1924) — 28-й президент США (1913–1921).

[56] См. сноску 51 наст. издания.

[57] Сен-Симон Анри (1760–1825) — французский философ, социолог, представитель утопического социализма.

связывались в одну организацию публичноправового характера. Не так ли собрались среди сумрачных лесов в августе 1932 года в Оттаве (Канада) австралиец, новозеландец, африкандер, голландец и т. д. на имперскую конференцию, в сущности, нечто среднее между надбританским парламентом и Clearing house[58]. Какая форма государственного соединения кроется под термином: «Commenwalth»[59]? Во всяком случае, начала его сложны, но географически далеки от пан-Европы. Если геополитически провести соединительные линии от всех областей Английской федерации, то ее политико-географический центр надо искать в Азии, а не Европе, во всяком случае, без Индии она перестает быть империей.

Распространение народов, разумеется, не идет и не шло прямолинейно, то есть в одном только из рассмотренных направлений, как ни провозглашают политики-адепты каждое из них панацеей и единственным основанием для решения пограничных проблем. Потому что силы, соответствующие этим тенденциям, в своем действии пересекаются. То слагаются в разные эпохи в разных пропорциях, то вступают в борьбу между собою. И тогда движение распространения необходимо изменяет предвзятое направление. (Предвзятость — уже социально-психологический факт). Но когда, на протяжении веков, изучаешь изменение мировой политической карты, то наблюдаешь закономерные, хронические направления движения народов. Эти наблюдения и составляют, в собственном смысле, результат геополитики как науки. Вот с такими результатами знакомит нас и геополитика славянства.

Ни одна единоплеменная совокупность народов, исключая мимолетное царство монголов[60], не получила такого распространения, в непрерывной меже, на огромной сплошной территории. Изучая территориальную биографию славянства, мы на ее базисе проследили соотношение четырех указанных направлений мировой политики. Распространение дает возможность наблюдать пути движения политических тел, в какие облечены славянские народности. Первое — на чем останавливается внимание в исходном пункте движения — особенности географического положения первоначальной ойкумены в отношении к двойному континенту, ранее сложившимся геополитическим центрам, соплеменным и чужеплеменным соседствам и пр. Особенности эти отразились, в известной степени, на судьбе дальнейшего движения дифференцированного славянства, в различной степени и форме отнесшегося к воспоминаниям триединства. Внешним движением — что составляет предмет нашего исследования — не могли не предшествовать накопления внутренних сил в органической связи племен с природой их ойкумен. Эти движения подобны волнам накопившейся стихии. Вследствие надавливания одних частиц на другие, волны стремятся то занять новое пространство, то бесследно расплываются, то задерживаются в лоне, без которого, в территориальный период, как без резервуара сил и базы, государственная самоорганизация, национальное самоутверждение продолжаться могут ли?

58 Clearing house (англ.) — клиринговая (расчетная палата).

59 Commenwalth (Commonwealth, англ.) — Содружество.

60 Царство монголов — государство, сложившееся в XIII в. в результате завоеваний Чингиз-хана и его преемников.

Переяславский договор 1654 г. в оценке Венедикта Александровича Мякотина

Об авторе:

Мякотин Венедикт Александрович (12/24 марта 1867, Гатчина, Царскосельского у. Петербургской губ. — 5 октября 1937, Прага, Чехословакия), историк, издатель, публицист, общественный и политический деятель, сын гатчинского почтмейстера, закончил кронштадтскую гимназию, а в 1884–1888 гг. учился на историко-филологическом факультете СПб. университета, где и был оставлен для подготовки к профессорскому званию под руководством известного историка В. И. Семевского.

Заинтересовавшись проблемами украинской истории, он приехал в Киев, где вошел в круг учеников И. В. Лучицкого, профессора Киевского св. Владимира университета. В это время он усиленно работал в архивах Киева, Чернигова и Харькова, выступал с докладами на заседаниях исторического общества «Нестора-летописца». В печати появляются его первые публикации — «К вопросу о падении Польши» (Русская мысль. 1889. № 5) и «Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов» (СПб. 1889). Обе работы были благожелательно встречены научной общественностью.

Одновременно для «Биографической библиотеки» Ф. Ф. Павленкова Мякотин написал биографии Адама Мицкевича (1891) и протопопа Аввакума (1893). В 1891–1901 гг. читал курс лекций по русской истории в Александровском лицее и в Александровской военно-юридической академии Генерального штаба. Сотрудничал в журналах («Исторический вестник», «Историческое обозрение», «Юридический вестник», «Киевская старина»), а также в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. 5) и в словаре бр. Гранат. С 1893 г. — сотрудник и редактор журнала «Русское богатство», где с марта 1900 по декабрь 1904 г. вел раздел «Хроника внутренней жизни», публикуя материалы по проблемам воспитания и образования. По поручению Академии Наук Мякотин подготовил работу «К истории Нежинского полка в XVII–XVIII вв.» (СПб.1896).

С 1900 г. Венедикт Александрович — активный член кружка «Герцен», распространявшего в стране эмигрантские издания, участвовал в обществе литературной пропаганды среди рабочих. С 1901 г. Мякотин сотрудничал в «Социал-демократической рабочей библиотеке» и «Комитете вспомоществования СПб. университета», входил в состав нелегального «Красного

Креста». В апреле того же года был арестован за участие в студенческом движении и после 2-месячного тюремного заключения выслан на три года под полицейский надзор в Новгородскую губернию. 8 января 1905 г. Мякотин принял участие в депутации представителей столичной интеллигенции (во главе с М. Горьким) на прием к министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому с просьбой о предотвращении готовящейся властями расправы над демонстрантами 9 января. 10 января был арестован по обвинению в организации мифического Временного правительства и на непродолжительное время заключен в Петропавловскую крепость. В 1905–1906 гг. Мякотин участвовал в работе «Союза Союзов», в 1906 г. — один из организаторов, а затем и член ЦК партии народных социалистов (энесов), которая прекратила свою деятельность после 3 июня 1907 г. В 1906 г. он — редактор и издатель журнала «Современность» (вместо приостановленных «Русское богатство» и «Современные записки»), где публикует статьи под общим заглавием «Наброски современности».

В «Русском богатстве» Мякотин полемизирует с П. Б. Струве, отрицавшим какую-либо самобытность украинского народа[1], и В.Я. Шульгиным. Отрицая крайние позиции Шульгина[2], Мякотин утверждал, что «между великороссом и украинцем не было никакой ненависти», а лишь «добродушная ирония», что «оба народа еще просто не имеют органа, который может решить, по какому пути идти... на демократической интеллигенции обоих народов — и украинском, и русском одинаково лежит обязанность пролагать дорогу к такому соглашению братских народов и устранять все, что могло бы помешать ему»[3].

Во время Первой мировой войны Мякотин был сторонником тактики оборончества. Февральскую революцию считал ошибкой. С марта 1917 г. Мякотин — член Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от возродившейся партии народных социалистов, которая в июне объединилась с Всероссийской Трудовой группой, в результате чего оформилась Трудовая народно-социалистическая партия (ТНСП). 11 мая 1917 г. по постановлению Временного правительства вошел в Особое совещание по выработке положения о выборах в Учредительное собрание[4].

Октябрьскую революцию 1917 г. встретил враждебно. С 10 апреля Мякотин — главный редактор петроградской газеты «Народное слово», на страницах которой он выступал против «узурпации власти» большевиками, не допускал возможности сотрудничества интеллигенции с новой властью, осуждал заключение Брестского мира[5], возлагал надежды

---

[1] Русское богатство. 1912. № 4. С. 113–125.

[2] *Шульгин В.Я.* Украинский народ и всероссийские отношения // Русское богатство. 1917. № 4. С. 276–287.

[3] *Мякотин В.А.* Два слова по поводу статьи г. Шульгина // Русское богатство. 1917. № 4. С. 289–291.

[4] Об этом см. его выступление в газ. «Речь». 1917. 3 июня.

[5] *Мякотин В.А.* На дне пропасти // Народное слово. 1918. № 1.

на вмешательство союзников, резко критиковал весь внешнеполитический курс большевистской власти.

Мякотин был избран в Учредительное собрание от Трудовой народно-социалистической партии. В марте 1918 г. — учредитель и руководитель (с апреля) межпарламентской нелегальной организации «Союз возрождения России. Этому он посвятил свои воспоминаний «Из недалекого прошлого», опубликованные в эмиграции в исторических сборниках «На чужой стороне». В августе 1920 г. Мякотин был арестован в Екатеринодаре по процессу Тактического центра. В начале 1921 г. освобожден по ходатайству В. Г. Короленко, а 8 сентября 1922 г. по постановлению Коллегии ГПУ был выслан из РСФСР и лишен советского гражданства. Все эти обстоятельства, связанные с его выдворением из Советской России, давали ему возможность неоднократно заявлять, что он «не беженец, не эмигрант», а «изгнанник».

Мякотин вначале поселился в Берлине, где в 1923 г. стал одним из организаторов издательства «Ватага», членом берлинского Союза русских писателей и журналистов (СРПиЖ), сотрудником Русского научного института (РНИ, Берлин). В 1923 г. принимал участие в работе Комитета Земгора (Объединение российских земских и городских деятелей в ЧСР), занимавшегося созданием Русского заграничного исторического архива (РЗИА), был одним из авторов проекта Положения об архиве, член его Совета.

В 1924 г. Мякотин переехал в Прагу. Преподавал в Русском Народном (Свободном) Университете, где читал курс лекций по русской истории, а с 1925 г. — курс «История Малороссии», прочитанный затем и в РНИ (в Берлине). Он являлся председателем пражской группы Народно-социалистической партии (НСП), членом пражской Русской академической группы (РАГ), правления Чешско-русского объединения «Еднота» (ЧРО), Русского исторического общества (РИО) и пражского Союза русских писателей и журналистов (СРПиЖ). Мякотин был одним из редакторов исторических сборников «На чужой стороне» (Берлин — Прага. 1923–1925) и журнала «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж. 1925–1928), издаваемых его другом С. П. Мельгуновым. С 1928 г. он стал профессором историко-филологического факультета Софийского университета, членом его Совета и Ученой комиссии. Сотрудничал в журналах «Закон и суд», «Современные записки»; газетах: «Дни», «Сегодня», «Последние новости», был участником сборников «Вольная Сибирь», «Научные труды Русского Народного университета в Праге», «П. Н. Милюков: Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия, 1859–1929». Мякотин был автором и иностранных исторических журналов: «Le Monde Slaves», «Slavonic Review» и др. Тематика его научных исследований была довольно обширна.

Круг научных интересов Венедикта Александровича был сосредоточен на крестьянской теме, что объяснятся несомненным влиянием его университетского наставника В. И. Семевского. Ей были посвящены также его первые работы: «Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее

разделов» (1889), «Прикрепление крестьянства Левобережной Малороссии в XVIII веке» (1894) и «Крестьянское землевладение в Полтавском уезде в 1767 году» (1895). Окончательное завершение она получила позже, уже в эмиграции в «Очерках социальной истории Украины в XVII–XVIII вв.».

Многие научные выводы историка имеют принципиально важное значение не только в научном, но и в политическом отношении. Он проанализировал социальную жизнь Малороссии в XVII–XVIII вв. в контексте «украинской» политики России. Основываясь на документальных исторических источниках, он опроверг господствовавшую в исторической науке XIX в. концепцию, согласно которой закрепощение украинского крестьянства на Левобережной Украине явилось следствием «закрепостительной» политики России. Он пришел к выводу, что в основе этого процесса лежали особенности социального строя Малороссии, отличавшегося отсутствием какой-либо правовой основы. На основе анализа процесса обособления крестьянства от других социальных групп, в частности, от казачества, он показал, как постепенно «свободные посполитые» со своими выборными сельскими властями попадали в подчинение казацкому старшинству. Примитивность организации Запорожского войска, ограниченность источников его доходов и превратили крестьянские повинности в способ вознаграждения отдельных членов войсковой администрации за службу. Одновременно с закабалением крестьян шел интенсивный процесс раздачи земель (имений). Указ Екатерины II от 3 мая 1783 г., юридически закрепивший фактически уже установившееся крепостное право, был, как показывает Мякотин, тем правительственным актом, которого на протяжении столетия добивалась украинская землевладельческая аристократия.

Духовным исканиям русского общества посвящен сборник его статей, ранее опубликованных в других изданиях, — «Из истории русского общества». В очерках о протопопе Аввакуме, историке князе М.М. Щербатове, А.С. Пушкине, Н.К. Михайловском, Т.Н. Грановском и К.Д. Кавелине автор стремился проследить историю развития идейного движения от XVII до XIX в. Раскол, по его мнению, означал зарождение критики российской действительности.

Мякотин читал лекции по русской истории для студенчества, а также выступал с публичными докладами о международном положении СССР в Лондоне (Славянская школа Лондонского университета), Софии, Загребе, Белграде, Париже. Он был членом исторических товариществ Польши и Югославии, «Благотворительного общества помощи заключенным в России» (Берлин). В условиях обострения политической обстановки в эмиграции, вызванной сепаратистскими выступлениями представителей украинской диаспоры, читал лекции об украинском сепаратизме, которые приобрели не только научное, но и политическое значение. В 1931 г. Мякотин переехал в Болгарию, а в 1937 г. вернулся в Прагу для занятий в архивах, где заболел и умер от воспаления легких.

О документе:

Вниманию читателей предлагается статья В.А. Мякотина — «Переяславский договор 1654 года»[6], внесшая в свое время существенный вклад в разработку затронутых проблем. Примечания Мякотина даны курсивом, комментарии составителя — обычным шрифтом, комментарии составителя к авторским примечаниям в квадратных скобках с пояснением — *комм. сост.*

Ю.Н. Емельянов

В.А. Мякотин

Переяславский договор 1654 года

Вопрос о характере того соглашения, на основе которого восставшая против Польши и отделившаяся от нее Украина присоединилась в 1654 г. к Московскому государству, не раз уже разбирался в исторической и историко-юридической литературе. Тем не менее он и до сих пор не получил окончательного, всеми признанного решения и продолжает еще и сейчас вызывать большие споры.

Такие споры начались уже во второй половине прошлого столетия, найдя себе выражение в полемике между Н.И. Костомаровым[7] и Г.Ф. Карповым[8]. В то время, как первый из названных ученых, следуя установившейся традиции, утверждал, что условия, на которых состоялось присоединение Малороссии к Москве, представляли собою договор Богдана Хмельницкого с московским правительством, принятый в январе 1654 года Переяславской радой и тогда же закрепленный присягой московских послов. Карпов горячо оспаривал это утверждении и доказывал, что никакого договора между Хмельницким[9] и правительством царя Алексея Михайловича не существовало, а условия присоединения Малороссии явились в результате «челобитных» казацкого гетмана и «пожалований» московского царя[10]. В дальнейшем ученые разошлись между собою и в характеристике тех отношений, какие устанавливались упомянутыми сословиями между Малороссией и Московским государством. Тогда как одни ученые находили возможным характеризовать эти отношения, как инкорпорацию Малороссии, другие определяли их, как реальную или династическую унию, а третьи — как вассальную зависимость Украины от Малороссии[11].

---

[6] Публикуется по: Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову. 1859–1929. Прага, 1929. С. 241–261.

[7] Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — русский и украинский историк, сторонник украинской культурно-национальной автономии.

[8] Карпов Геннадий Федорович (1848–1890) — профессор русской истории Харьковского университета.

[9] Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595–1657) — гетман Украины.

[10] *Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. 3-е изд. СПб., 1870. Т. III. С. 129–130, 132. Карпов Г.Ф. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся. М., 1870. С. 68–72, примеч. 30.*

[11] *Мнение о личной унии Малороссии защищалось В.И. Сергеевичем, о реальной унии — М.А. Дьяконовым, Н.А. Розенфельдом, Б.Э. Нольде, о вассальной зависимости Малороссии — Н.М. Коркуновым и М.С. Грушевским.* [Сергеевич Василий Иванович

В последние годы эти разногласия еще более обострились. Некоторые из новейших украинских историков, исходя из идеи о заключении в Переяславе договора, нашли вместе с тем возможным утверждать, этот договор в сущности не устанавливал, или почти не устанавливал, никакой постоянной и органической связи между Москвой и Украиной, остававшейся и после договора независимым государством. Переяславский договор 1654 г. между Украиной и Московским государством, писал в своей книге г. Липинский, был только «военным союзом», «таким же случайным союзом, направленным против Польши и заключенным ради освобождения из-под ее власти Украины, каким были все предшествовавшие такие же союзы Богдана Хмельницкого с Крымом, а прежде всего с Турцией». Этот «военный союз» сопровождался лишь «протекторатом» московского царя, равносильным предшествовавшему ему такому же протекторату турецкого султана. «В борьбе с Польшей царь занял место султана и только. Став протектором Украины, он должен был оказать ей военную помощь против Польши и за эту помощь должен был получать от Украины ежегодно определенную денежную дань, такую же, какую получал за свой протекторат султан в Семиградии, Молдавии и Валахии». И самый договор с царем был заключен «по тем готовым образцам, по которым заключались раньше того договоры Украины о протекторате с султаном»[12].

Сводя соглашение Хмельницкого с московским правительством к «военному союзу», В. Липинский все же признавал таким образом, что, помимо такого союза, в соглашении было нечто иное и что ради этого союза Хмельницкий принял и царскую «протекцию».

Другой из новейших украинских историков, останавливавшихся над этим вопросом, Р. Лащенко, идет в своей попытке анализа соглашения Богдана Хмельницкого с Москвою еще дальше, решительно отрицая всякую возможность признания Хмельницким какой-либо «протекции» московского государя. «Основой договорных отношений между Украиной и Московским государством, — писал по этому поводу г. Лащенко, — безусловно нужно считать Переяславские статьи, которые были подтверждены в Москве. Если же глубоко вдуматься в их содержании, то едва ли можно говорить о какой бы то ни было «зависимости» гетмана от верховного властителя, царя московского. И Украина, и Россия договариваются, как совершенно независимые и равноправные стороны, причем личность гетмана является перед нами, как личность независимого от Москвы правителя самостоятельного государства. «При тех отношениях, — продолжал свою мысль названный автор, — какие намечались условиями Переяславского договора, гетман Хмельницкий признавал лишь ”моральный авторитет“ московского царя, своего политического и военного союзника, пожалуй, даже признавал и его «реальное верховенство», но вместе с тем

(1835–1911) — профессор истории Русского права СПб. университета; Дьяконов Михаил Александрович (1855/1856–1918) — профессор истории СПб. университета; Розенфельд Николай Александрович, правовед; Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) — профессор международного права СПб. университета, дипломат; Коркунов Николай Михайлович (1853–1904) — юрист, профессор СПб. университета; Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) — украинский историк — *комм. сост.*].

[12] *Липинський Вячеслав. Україна на переломî. Прага, 1920. С. 29–30, 33.*[Липинский Вячеслав Казимирович (1882–1931) — историк, идеолог украинского национализма. — *комм. сост.*]

решительно отрицал какое бы ни было право царя на вмешательство во внутренние дела Украины, оставляя всю полноту власти на управление казацким государством исключительно за своим правительством, а также сохраняя за собой и право сношения с другими государствами». На большее Хмельницкий, по мнению г. Лащенко, и не мог пойти. «Формально признав авторитет московского царя, как своего политического и военного союзника, для закрепления своих международных позиций, продемонстрировать вовне и перед поляками, и перед Царьградом свою связь с организованной политикой и военной силой, с таким страшилищем, с таким пугалом народов, как московский царь, гетман считал целесообразным, но дать царю юридическую почву для вмешательства во внутренние дела Украины гетман не мог». «И, если такая почва все же нашлась, то случилось это, по мнению Лащенко, исключительно благодаря действиям московского правительства, с самого начала извратившего ту идею союза или "унии" двух независимых государств, какая была положена в основу Переяславского договора[13].

При наличии в существующей литературе таких глубоких и так далеко идущих разногласий естественно попытаться заново пересмотреть спорный вопрос. Первым шагом на пути такого пересмотра должно быть, конечно, точное установление относящихся к данному вопросу фактов, нашедших себе отражение в дошедших до нас источниках. Припомним же эти факты в их хронологической последовательности.

I.

Начав свое восстание против Польши, Богдан Хмельницкий уже очень скоро вступил в сношения с Москвою. Стремясь найти себе в ней поддержку против поляков, он настойчиво убеждал московское правительство воспользоваться удобным случаем и со своей стороны объявить войну Польше. С течением времени, по мере того, как первые головокружительные успехи восстания сменились неудачами и борьба восставшего края с Польшей стала все больше приобретать затяжной характер, эти советы и убеждения казацкого гетмана уступили свое место прямым просьбам о помощи, а затем и о принятии Малой России под покровительство московского государя. В Москве, однако, встречали и эти советы, и эти просьбы без особого воодушевления. Здесь еще свежа была память о тяжелых потерях, понесенных в борьбе с Польшей при царе Михаиле[14], и московское правительство, как ни желало вернуть эти потери, с большой осторожностью относилось к мысли о новой войне с Речью Посполитой. Тем не менее, оно не решалось и совершенно отказать в помощи единоверным «черкасам» восставшим, как они уверяли в Москве, прежде всего угнетенную поляками православную веру. Поэтому правительство царя Алексея попыталось пойти по среднему пути и оказать Хмельницкому просимую

[13] *Лащенко Р. Переяслвський договор 1654 р. мȉж Украȉною ȉ царем московським // 1898–1923. Юбȉлейний збȉрник в честь професора доктора Станислава Днȉстрянського. Прага, 1923. С. 58, 67, 68.* [Лащенко Ростислав Митрофанович (1878–1929) — украинский правовед; Днистрянский Станислав Северинович (1870–1933) — украинский политолог. — *комм. сост.*].

[14] Михаил Федорович (1596–1645) — с 1613 г. первый русский царь из династии Романовых.

помощь в такой форме, которая не вела бы к прямому столкновению с Польшей. В этих видах оно то изъявляло готовность принять гетмана и казацкое войско «под руку» московского государя в том случае, если польский король «освободит» их, то предлагало Хмельницкому со своим войском переселиться в границы Московского государства. Но такие предложения, естественно, ни к чему не вели, и московское правительство видело, наконец, себя перед необходимостью перейти к более решительным шагам, тем более, что Хмельницкий, окончательно отчаявшийся возможности достигнуть удовлетворительного соглашения с Польшей или отбиться от нее собственными силами и вместе с тем начавший уже терять терпение от московской волокиты, стал грозить переходом под власть Турции. Летом 1653 года из Москвы отправлено было в Варшаву посольство, которое должно было передать польскому правительству предложение царя, чтобы «король и паны рады... междоусобие успокоили и учинили бы мир по Зборовскому договору». Когда и этот шаг не дал результатов, Москва решила пойти на присоединение Украины и войну с Польшей.

1 октября 1653 г. специально собранный Земский собор, обсудив вопрос о просьбах Хмельницкого и поведении польского правительства, постановил, «чтобы великий государь, царь и великий князь, Алексей Михайлович всея Руси изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все войско запорожское с городами их и землями принять под свою государскую высокую руку». Вслед за тем, «для государева и земского великого дела» к Хмельницкому отправлено было посольство, во главе которого был поставлен боярин В.В. Бутурлин[15]. 31 декабря посольство это прибыло в Переяслав, а через несколько дней сюда же приехал и Хмельницкий со всей видной старшиной казацкого войска, чтобы «во всех делах разговор учинить».

Обстоятельные сведения об этом разговоре и обо всем, что в связи с ним происходило в эти дни в Переяславе, сохранил нам статейный список Бутурлина. Согласно его сообщению, Хмельницкий утром 8 января собрал у себя тайную раду казацкой старшины, и на этой раде «полковники и судьи и ясаулы под государеву высокую руку поклонились». После того, в тот же день собралась общая рада, на которой присутствовало великое множество людей всякого чина. Гетман выступил перед этой радой с речью, указывая на необходимость выбора между четырьмя государями — турецким султаном, крымским ханом, польским королем и московским царем — и рада единодушно высказалась за подданство царю московскому. «Казаки и мещане все под государеву высокую руку поклонились». При этом раде не было предложено гетманом и ею самою не было выставлено никаких оговорок и условий[16].

---

[15] Бутурлин Василий Васильевич (? –1656) — военный деятель, дипломат.

[16] *Акты Южной и Западной России. Т.X. С. 217, 219. В летописи Самойла Величка дело изображалось, правда, иначе: по ее рассказу, на раде читались условия соглашения с московским правительством и рада одобрила их (Летопись Величка. Т.I. С. 172). На этом рассказе и упирались в своих мнениях Костомаров и некоторые другие историки, утверждавшие, что условия присоединения были приняты Переяславской радой. Но показания летописи Величка об эпохе Хмельницкого вообще не отличаются большой достоверностью. Более блика к этой эпохе и вызывающая гораздо больше доверия летопись Самовидца ничего не говорит об оглашении на Переяславской раде каких-либо условий присоединения. Точно также нет об этом упоминания ни в статейном списке Бутурлина, который, однако, не мог пройти молчанием*

Затем, однако, зашла было и речь об условиях. Когда после рады гетман и войсковая старшина, побывав у Бутурлина и выслушав его речь, в которой он сообщил о согласии царя принять их под свою руку и обещал им от царского имени «милость и от недругов оборону и защищение», отправились для присяги царю в соборную церковь, гетман выразил пожелание, «чтоб им Василию Васильевичу (Бутурлину) с товарищи, учинити вера за государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, что ему, государю, их гетмана Богдана Хмельницкого и все войско запорожское, польскому королю не выдавать и за них стоять и вольностей не нарушить и кто был шляхтич, или казак, или мещанин, и кто в каком чину наперед сего и какие маетности у себя имел, и тому б всему быть по прежнему; и пожаловал бы государь, велел им дать на их маетности государевы грамоты». Царские послы, однако, как нельзя более решительно отказались от обращенного к ним предложения присягнуть за царя. «А того, что за великого государя веру учинити, — заявил Бутурлин, — николи не бывало и впредь не будет, и ему, гетману, и говорить о том было непристойно, потому что всякий подданный повинен веру дати своему государю. И он бы, гетман. И все войско запорожское...веру великому государю дали без всякого сомнения, а великий государь учнет их держать в своем государском милостивом жалованье и в призренье, от недругов их, кто чем владеет, великий государь их пожалует, велит им владеть по-прежнему. «Гетман и старшина попытались еще сослаться на то, что «польские короли своим подданным всегда присягают». Но этот аргумент не поколебал царских послов. «Николи того не повелось, — ответил

столь важный момент, ни в письме Алексею Михайловичу Б. Хмельницкого, которому важно было бы сослаться на такое оглашение, если бы оно имело место. Но оглашения этого не могло быть уже потому, что сами условия соглашения в тот момент еще не были выработаны и утверждены, и такое утверждение состоялось лишь двумя месяцами позже, в Москве. Больше того, в полном своем виде эти условия не были объявлены в Малороссии во все время гетманства Б. Хмельницкого. Как рассказывает в своем статейном списке В. Кикин, отправленный посланником в Малороссию после смерти Богдана Хмельницкого, после похорон гетмана «начальные люди и все войско, выслушав государеву грамоту, говорили промеж себя в раде гетманскому сыну Юрию Хмельницкому и писарю Ивану Выговскому, чтоб они показали всему войску те статьи все, о чем ц[арскому] в[еличест]ву били челом гетман Богдан Хмельницкий и все войско запорожское и присылали к ц[арскому] в[еличест]ву к Москве посланцов своих, судью войскового Самойло Богданова да переяславского полковника Павла Тетерю; а мы де всем войском того, чем нас против нашего войскового челобитья великий государь наш, его ц[арское] в[еличест]во, пожаловал, и до сего часу ничего не ведаем» //Акты Южной и Западной России. Т. XI. Прибавления. N. 3. VI. С. 799. [Величко Самойло (Самуил) Васильевич (1670— после 1728) — малорусский казацкий летописец, летопись которого охватывает события с 1648 по 1700 год; Кикин Василий Петрович (? — 1676) — стольник, полковой воевода, дипломат; Хмельницкий Юрий Богданович (ок. 1641–1658) — в 1659–1663 гг. украинский гетман; Выговский Иван Евстафьевич (? — 1664) — в 1651–1659 гг. укр. гетман; Богданов Самойло (Зарудный Самойло Богданович) — генеральный судья; Тетеря Павел Иванович (? — ок. 1670) — в 1663–1665 гг. гетман Правобережной Украины. Летопись самовидца — казацкая «летопись о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. Доведена продолжателями до 1734 года» / Под ред. О.М. Бодянского // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1846. № 1, 2. Автором скорее всего был Роман Ракушка — Романовский, генеральный подскарбий Ивана Брюховецкого, а в последние десятилетия своей жизни — священник в Стародубе. — *комм. сост.*].

Бутурлин, — что за них, государей, подданным вера давати, а дают веру государю подданные...Что польские короли подданным своим чинят присягу, и того в образец ставить непристойно, потому что те короли иноверные и не самодержцы... Да и теперь гетману и половникам говорить о том непристойно, потому что государево слово переменно не бывает». Гетману и старшине пришлось уступить, и они заявили, что «во всем полагаются на государеву милость», а «о своих делах учнут они, гетман и все войско запорожское, бить челом великому государю». После того гетман Богдан Хмельницкий и писарь Иван Выговский и обозничей и судьи и полковники веру государеву учинили в том, что бытии им с землями и городами под государевой высокой рукой на веки неотступным»[17]. Вслед за старшиной принесло присягу и остальное население Переяслава, а затем и всей Украины, находившейся под властью Хмельницкого.

На этом, однако, Переяславский «разговор» еще не прекратился. Через несколько дней после принятия присяги к Бутурлину и его товарищам явились войсковой писарь Выговский и полковники с просьбой дать им, по крайней мере, «письмо за своими руками, чтоб вольностям и правам, и маетностям быть по-прежнему». Но царские послы отвергли и эту просьбу, как «непристойную». «А говорили вы, — прибавили они, — о том, что хотели послать бить челом к великому государю нашему, его царскому величеству, и ныне надобно нам делать так». Казацкая старшина вынуждена была опять-таки подчиниться и «гетман, и полковники во всем положили на государеву волю»[18]. В дальнейшем разговор и сосредоточился уже исключительно на существе тех «вольностей», о которых они согласились «бить челом» московскому государю.

В этой области нужно сказать, разговор не отличался большой ясностью и определенностью. И всего больше, пожалуй, такой его характер зависел от того обстоятельства, что гетман и окружающая его старшина, являвшиеся в этот момент правительством освобожденной от власти поляков Украины и заменившие собою в ней уничтоженную восстанием прежнюю польскую администрацию, не успели еще вполне осознать своего нового положения и продолжали чувствовать себя, прежде всего, если не исключительно, вождями и представителями казацкого войска, точнее говоря, — верхнего слоя этого войска, со всеми этими тенденциями, какие свойственны были данному слою в польское время. Гетман, — рассказывалось в статейном списке Бутурлина, — «говорил боярину с товарищи: чтоб великий государь указал с городов и мест, которые поборы наперед сего сбираны на короля и на римские кляшторы и на панов, сбирати на себя государя; а за которыми де монастыри места, и села, и местечки даны, и чтоб государь пожаловал, велел тому всему быти за монастыри и за церквами по прежнему, сборов держать свои откупа до условленных сроков для того, что те места к монастырям и церквам данье прежних князей российских и держать годы по два по три; и чтоб их». Кроме того, гетман еще говорил: «отданы де у них промыслы в двух или в трех городех на урочные лета и из урочных лет еще не вышли, а доведетца держать годы по два года по три;

---

[17] *Акты Южной и Западной России. Т.X. С. 224–227. Позднее Бутурлин с товарищами получили в Москве за это свое поведение специальную похвалу от царя.*

[18] *Акты Южной и Западной России. Т.X. С. 246–247.*

и чтоб государь пожаловал, велел те урочные лета[19] откупщикам додержать, и до урочных лет промыслов у них не отнимать». Бутурлин с товарищами заверил гетмана, что московский государь не станет отнимать имений у православных монастырей и церквей, равно как позволит наличным откупщикам сборов держать свои откупа до условленных сроков. Затем, однако, войсковой писарь Выговский предъявил еще просьбу: как де государь изволить прислать воевод в городы, и чтоб доходы на государя сбирать их начальным людем и отдавать воеводам, для того, что де люди здесь к вашим обычеем не признались».

Наряду с этим царским послам пришлось выслушать и другие заявления. Гетман и старшины говорили Бутурлину с товарищами: «В запорожском де войске кто в каком чину был по ся места, и ныне бы государь пожаловал, велел быть по тому, чтоб шляхтич был шляхтичем, а козак козаком, а мещанин мещанином, а козаком бы де судитца у полковников и у сотников. А чтоб де не так быть, как были за полским [так в т-те. *Ю. Е.*] королем покаместа козак жив, потаместа за ним и маетность; а как умрет, и паны де те маетности обирают на себя, а жон и детей высылают вон; да и волностей бы их пожаловал государь, отнимать у них не велел». Далее, Хмельницкий высказал желание, чтобы число казацкого войска было установлено в 60 000 человек. Когда же бояре указали, что об этом ему следует бить челом государю, «гетман говорил: то де ему, государю, к чести и к повышению, что у него, государя, войско будет много. Хотя бы де государь пожаловал, велел у них войску быть и болши того, то де и лутче; а жалованья они у царского величества на тех козаков не просят. А как де они войска было 360 000». Наконец, гетман заявил боярам свое желание бить челом государю о пожаловании ему «на булаву» Чигиринского полка, а затем и войсковой писарь Выговский сообщил, что намерен просить государя о сохранении за ним находящихся в его владении имений и пожаловании ему новых. С свой стороны Бутурлин с товарищами в ответ на все просьбы и заявления неизменно обнадеживали гетмана и старшину, что в результате их челобитий царь не оставит их своею милостью, но дальше таких обнадеживаний не шли и, оставаясь верными однажды усвоенной линии поведения, никаких определенных обещаний за царское правительство не давали[20].

---

[19] Урочные лета — введение 5-летнего (1597) и 15-летнего (1610) сыска беглых крестьян. В Соборное Уложение 1649 г. введен бессрочный сыск.

[20] *Акты Южной и Западной России. Т. X, N. 4. С. 244– 245, 246, 242–243, 244. Изложение ответов Бутурлина, данное в его статейном списке, подтверждается и грамотой Б. Хмельницкого к Алексею Михайловичу, посланной через два месяца после Переяславской Рады и сопровождавших ее переговоров, и письмом, тогда же отправленным гетманом своим послам в Москву. «Права, уставы и всякия свободы», которые кто-либо имеет в Малой России «от веков, от князей и от панов благочестивых и от королей полских, — писал Хмельницкий царю, — изволь, свое ц[арское] В[еличест]во, утвердить своими грамотами государскими укрепить на веки. Таково бо государское, твоего ц[арского] величест]ва, слово нам... ближней твоего ц[арского] в[еличест]ва боярин с товарищи обещал». Точно также и в письме к своим посланцам гетман говорил об обещании Бутурлина, что царь подтвердит запорожскому войску «права и привилии, от века данные», «вольности стародавния сохранит» и «еще болшими свободами, добрами и державами пожалует...паче королей полских и княжат» // Там же. Т.X. С. 434, 549, 558.*

Согласно прямому смыслу этих просьб и заявлений, гетман и старшины собирались передать «земли и города Украины» в подданство московского государя на тех же началах, на каких находились они перед тем в подданстве польских королей, когда Украина в своем правовом положении ничем не отличалась от других провинций польского королевства. Московский царь, по этим заявлениям, должен был получить в свое непосредственное владение и распоряжение все бывшие королевские имения, равно как и бывшие имения панов и католических монастырей, и только православным монастырям и церквам обеспечивалось сохранение их имений, право же распоряжения остальными имениями со стороны царя еще подчеркивалось обращением к нему просьбами гетмана и ближайшего его помощника о наделении их имениями. Далее предполагалось, что царь пришлет в города Малой России своих воевод и будет получать в свою казну все доходы, причем выговаривалась лишь возможность сбора этих доходов для передачи их воеводам местными «начальными людьми» и сохранения отданных уже на откуп сборов за откупщиками до условленных с ними сроков. Наряду с этим предполагалось и полное сохранение старого, существовавшего до восстания, общественного порядка, построенного на строгом разграничении сословий; шляхтич должен был оставаться шляхтичем, козак козаком, мещанин мещанином. Для козаков при этом выговаривалось специальное подтверждение их прав, соединенное, правда, с некоторым их расширением. Но и эти расширенные права их имели бы только сословный, а не государственный характер: казаки должны были иметь свой сословный суд, их земли должны были быть прочно утверждены за ними в наследственное владение, наконец, самое число казацкого войска предполагалось значительно расширить. В принципе все это не выходило за пределы старого общественного строя.

В конце концов, однако, это стремление держаться на почве старого государственного и общественного порядка приводило собеседников Бутурлина к тому, что отдельные их заявления плохо вязались между собою. Выражая готовность передать в руки царя все свободные имения в стране и в московскую казну все сборы с населения, гетман и старшина в то же время вызывались держать многочисленное войско без жалованья и как будто без доходов на него. С другой стороны, гетман и окружавшая его старшина говорили о необходимости сохранения строгих сословных граней, и вместе с тем гетман предлагал держать неограниченное по численности казацкое войско, прямо ссылаясь на многозначительный пример Зборовского похода, во время которого, по словам одного из полковников Хмельницкого, «поспольство в козачество все поворотилось», а, по выражению малорусского летописца, «усе що живо, поднялось в козацтво»[21].

К моменту окончательных переговоров, для которых в марте того же 1654 года в Москву прибыли посланцы Хмельницкого, войсковой судья Самойло Богданов и переяславский полковник Павел Тетеря, эти противоречия в значительной степени сгладились, и заявления, шедшие от гетмана, приняли более стройный вид. Но все же в них и в этот заключительный момент не было решительно выставлено

---

[21] *Востоков А.Х. Первые сношения Богдана Хмельницкого с Москвой // «Киевская старина».1887. №8. С. 123. Летопись самовидца. С. 20.* [Востоков Александр Христофорович (1781–1864) – филолог-славист, академик. – *комм. сост.*].

вполне ясной и определенной формулы, настолько отчетливой, чтобы она не могла вызывать никаких сомнений.

Некоторое подобие такой формулы имелось, правда, в тех «статьях», которыми Богдан Хмельницкий снабдил своих посланников и которые ими были предъявлены в Москве. В одной из этих «статей» указывалось именно на то, что гетман хотел бы поставить Малороссию в положение такого же вассала Московского государства, какими были для тогдашней Турции Венгрия, Молдавия и Валахия, — вассала, обязанного уплачивать своему сюзерену определенную дань и выставлять в известных случаях вспомогательное войско, но зато пользующегося полной свободой в своих внутренних делах и даже некоторой самостоятельностью в сфере внешней политики[22]. Однако же это указание далеко не занимало в «статьях» Хмельницкого того центрального положения, на какое оно могло бы претендовать по своему смыслу. Наоборот, брошенное как бы вскользь, сопровождавшееся немедленными оговорками, оно вместе с тем было в сущности и мало согласовано с содержанием других гетманских «статей», среди которых оно помещалось. При таких условиях московским боярам удалось сразу отбросить его, по-видимому, даже без обсуждения, и посланники Хмельницкого легко вернулись к прежней постановке вопроса о доходах, согласно которой они должны были собираться в Малороссии местными должностными лицами и передаваться государевым воеводам или присланным от государя лицам. Но тем самым устранился и вопрос о правах Малороссии, как особой территориальной единицы, а оставался лишь вопрос о правах отдельных групп ее населения, что, в сущности, соответствовало и основной тенденции статей самого Хмельницкого.

Среди этих групп данные статьи на первый план выдвигали казачество, уделяя ему наибольшее внимание. Согласно им, за казачеством предполагалось сохранить полную свободу самоуправления, свой совершенно независимый суд по своим законам и обычаям и все вообще казацкие «вольности». «Вначале, — говорилось в первой из присланных Хмельницким статей, — изволь твое царское величество подтвердити права и вольности наши войсковые, как из веков бывало в войске запорожском, что своими правами суживались и вольности свои имели в добрах и судах; чтоб ни воевода, ни боярин, ни столпник в суды войсковые не вступался, но от старших своих чтоб товарищество сужены были: где три человека козаков, там две

---

[22] *«Как по иных землях, — говорилось в 15-й из присланных Хмельницким статей, — дань вдруг отдаетца, волили бы есмя и мы, чтоб ценою ведомою давать от всех людей, которые твоему ц[арскому] в[еличест]ву належать; а если бы инако быти не могло, тогда ни на единого воеводу не позволять и о том договаривтца, разве бы их тутошних людей обобравши воеводу, человека достойного, иметь те все доходы в правду его ц[арскому] в[еличест]ву отдавать». Излагая условия гетмана на словах, посланцы эту статью передали следующим образом» «а будет де государь изволит, и гетман де и войско запорожское учнут государю доход давать с войска запорожского против того, же как собирает турской салтан с Венгерской и с Мутьянской и с Волоской земли, сметя местным делом. А переписать бы те все доходы и в смету положить кому государь укажет своему государеву человеку». Акты Ю. и З. России. Т.X. N. 8. С. 440, 441. В предыдущей статье говорилось, чтобы ц[арскорму] в[еличест]ву в кручину не был» свободный прием гетманом и войском, послов, которые «на века из чужих земель приходят к войску запорожскому», гетман же брал на себя обязательство извещать о том, что будет «против его царского величества».*

третьего должны судить»[23]. За этим следовала просьба об определении числа казацкого войска в 60 000 человек, о свободном выборе гетмана, о пожаловании, ему «на булаву» Чигиринского староства, о неприкосновенности казацких земельных имуществ и о сохранении их по смерти казаков за их вдовами и детьми, о назначении жалования на войсковую артиллерию, на гарнизон крепости Кодака и на запорожцев. О назначении жалования деньгами и мельницами членам войсковой и полковой старшины, которые «расход великий имеют», или же «на услугах войсковых всегда обретаются и хлеба пахать не могут», наконец, о жалованьи всему казацкому войску. «Обычай тот бывал, — поясняла соответствующая «статья», — что всегда войску запорожскому платили. При этом гетман и войско обещали: «мы сами смотр меж себя иметь будем и кто козак, тот будет вольность козацкую иметь, а кто пашенной крестьянин, тот будет должность обыклую его царскому величеству отдавать, как и прежде сего».

С своей стороны московское правительство согласилось на все эти предложения, сделав оговорки лишь по вопросу о жалованьи. На жалование войсковой артиллерии, запорожцам и старшине оно дало согласие, заметив только, что все это жалованье должно даваться «из тамошних доходов». От установления же жалованья для всего казацкого войска сперва решено было «отговаривать» гетманских посланцев, напомнив им речи гетмана в Переяславе. Однако же посланники и после таких «отговоров» упрямо стояли на своей просьбе. Тогда окончательное решение этого вопроса было временно отсрочено. «А что, — говорилось в объявленной посланниками царской резолюции, — в малой России в городах и местах каких доходов, и про то царскому величество не ведомо, и великий государь наш посылает доходы описать дворян. А как те царского величества дворяне доходы всякие опишут и сметят, и в то время о жалованье на войско запорожское, по рассмотрению и указ будет».

Гораздо меньше уже внимания уделено было в «статьях» Хмельницкого другим общественным классам Малой России. В общем, можно сказать, гетманские «статьи» стремились сохранить за ними то же положение, какое они занимали в стране и раньше. И первое место среди этих классов условия, предлагавшиеся московскому государю вождем малорусского восстания, отводили шляхте, — правда, шляхте лишь православного исповедания. «Шляхта, — говорилось в одной из первых же «статей», — которые в Малой России обретаются и веру, по непорочной заповеди Христове, тебе, великому государю, учинили, чтоб при всех своих шляхетских вольностях пребывали и меж себя старших на уряды судовые обирали и добра свои и волности имели, как при королех польских бывало, чтоб и иные, увидя таковое пожалованье твоего царского величества, клонилися под область и под высокую крепкую руку твоего царского величества со всем миром христианским. Суды земские и градцкие через тех урядников, которых они сами себе добровольно оберут, исправлены быть имеют, как и прежде сего». В другой «статье» гетман просил, чтобы вообще ни в чем не нарушались «права, наданные из веков от княжат и королей как духовным, так и мирским людем». Кроме того, на словах гетманские посланцы передали его просьбу, чтобы московский государь дал свои жалованные грамоты киевскому митрополиту и всему вообще малорусскому духовенству на их права,

---

[23] *Акты Южной и Западной России. Т.X. N. 9. С. 446.*

привилегии и владения. На все эти просьбы и условия московское правительство опять-таки дало свое согласие.

Особая «статья» была посвящена гетманом вопросу о городах и органах управления в них. «В городех, — говорилось в ней, — урядники из наших людей чтоб были обираны на то достойные, которые должны будут подданными твоего царского величества исправляти или урежати и приход належачей в правду в казну твоего царского величества отдавати». В случае безоговорочного принятия этой статьи правление Малороссией получало бы совершенно автономный характер. Однако же, в последовавшей царской резолюции смысл ее был несколько сужен. «Государь, — гласила эта резолюция, — указал и бояре приговорили быть по их челобитью; а бытии бы урядником, войтом, бургомистром, райцом, лавником; и доходы денежные и хлебные и всякие государя собирати и отдавать в государеву казну тем людем, которых государь пришлет, и тем людем, кого для тое сборные казны государь пришлет, над теми сборщиками смотреть, чтоб делали правду». Таким образом, сбор доходов оставлялся в руках выборных городских властей, но последние подчинялись контролю присылаемых московским государем людей.

Наконец, на словах посланцы гетмана передали еще одну просьбу, «чтоб государь пожаловал его, велел ему и детем его дать в вотчину город Гадяч, наперед того бывало за Конецпольским»[24]. И на эту просьбу московское правительство ответило согласием[25].

В результате всех решений, принятых в Москве после обсуждения письменных «статей» гетмана и словесных заявлений его посланников, соглашение между Богданом Хмельницким и московским правительством было окончательно установлено. Немедленно вслед за этим оно было закреплено в ряде торжественных актов московской власти. 27 марта «войску запорожскому» дана была царская жалованная грамота, возвещавшая, что войско это «веру нам, великому государю, и нашим государским детям и наследником на вечное подданство учинили» и царскому величеству будут служить во веки», а государь пожаловал гетмана Богдана Хмельницкого и все войско запорожское, «велел им быти под царского величества высокою рукою по прежним их правам и привилиям, каковы им были даны от королей польских и великих князьях литовских, и тех их прав и вольностей нарушивати ничем не велел».

Перечислив важнейшие из условленных прав казачества — 60 000-ую численность войска, свободный выбор гетмана, свой суд по своим обычаям, неотъемлемость земельных имуществ, — грамота повторяла: «нашим царского величества подданным Богдану Хмельницкому, гетману войска запорожского, и всему войску запорожскому быти под нашею высокою рукою по своим прежним правам и привилиям и по всем статьям, которые написаны выше сего». В тот же день царем была выдана и другая жалованная грамота — малорусской православной шляхте. По просьбе гетмана и войска — говорилось в этой грамоте — «мы, великий государь...шляхте, которая пребывает в нашей царского величества отчине в Малой России велели быть под нашею царского величества высокою рукою по прежним их правам и привилиям, каковы даны им права и привилия и волности от королей

[24] Конецпольский Станислав (1592–1646) — князь, великий польский гетман.

[25] *Акты Южной и Западной России. Т. X. N 8. Passim.*

польских, а волностей их шляхетцких ни в чем нарушивати не велим, и старших им себе на уряды судовые земские и грацкие выбирати меж себя самим и маетностями своими владеть поволили и судитися им меж себя по своим правам поволили». Далее, в тот же день, 27 марта особой грамотой Хмельницкому, помимо данного ему «на булаву» чигиринского староства пожалован был царем г. Гадич, с тем, чтобы ему «тем городом Гадичем владеть так, как прежде того г. Гадич был за прежними вотчинники, со всеми к нему принадлежностями». Подтверждены были Хмельницкому царскими грамотами и данные ему польским королем в 1649–1650 гг. имения. Вместе со всеми этими грамотами посланцам гетмана был передан и список «гетманских статей» с положенными на них царскими резолюциями, подтверждающими те из выговоренных условий, которые не вошли в жалованные грамоты[26].

Вскоре после того нескольким городам Малороссии по их просьбам были также даны царские жалованные грамоты, подтверждавшие им магдебургское право, которым они пользовались в период польского владычества, и некоторые другие привилегии, и льготы их населения. Наконец. ряд царских жалованных грамот был в скором времени выдан и малорусскому духовенству, равно как отдельным лицам из среды населения Малороссии, которые пошли по следам Богдана Хмельницкого и обратились к московскому государю с просьбами о подтверждении им прежних или пожаловании новых имений.

II.

Таковы факты, относящиеся к истории переговоров 1654 года. И, думается, из этих фактов сами собою вытекают определенные выводы.

Прежде всего, приходится отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают основания говорить о Переяславском договоре, как об акте, установившем особые права Украины в момент ее соединения с Московским государством. Такого договора в строгом смысле этого слова не существовало. В Переяславе в январе 1654 года было только принято, сперва совещанием казацкой старшины, затем общей радой «войска запорожского», решение передать «земли и города» Малой России в подданство московского государя, была принесена присяга последнему и начаты были переговоры об условиях, на которых могло осуществиться на практике это подданство.

Закончены эти переговоры были уже два с лишком месяца спустя, в Москве. Но и в этот заключительный их момент завершившее их соглашение с формальной стороны не явилось договором. Оно было облечено в другую, более привычную и более приемлемую для старой Москвы форму. «Гетман и все войско запорожское» на бумаге, по существу же гетман и окружавшая его старшина предъявили свои просьбы и условия, придав им форму «челобитий», а московский государь «пожаловал» своих новых подданных, удовлетворив, за немногими исключениями, почти все высказанные ими пожелания[27].

---

[26] *Акты Южной и Западной России. Т. X. N. 8. С. 489 494, 495–496, 498, 462–465, 500–501.*

[27] *Это различие приходится отметить, так как верховная власть в «войске запорожском» считалась принадлежащей раде. Но «статьи» Хмельницкого не обсуждались на раде и,*

Некоторые из современных украинских историков держатся, как мы видели, другого мнения. Но утверждать, как это делает, напр[имер] г. Липинский, будто Хмельницкий заключил с Московским государством только «военный союз», подобно тем, какие заключал раньше с крымским ханом и турецким султаном, и будто он признал над собою лишь «протекторат» московского царя можно только в том случае, если решительно закрыть глаза на все показания источников и на все вскрывающиеся в них факты. Для проверки такого утверждения нет надобности даже приводить на справку терминологию актов той эпохи, в которых Хмельницкий и все население Малороссии именуются московской властью и именуют себя сами «подданными» царя. Достаточно вспомнить лишь тот факт, что и в Переяславе и в Москве Хмельницкий отдавал все имения Малороссии в распоряжение царя и сам просил у него пожалований из этих имений. Просить у крымского хана имений на Украине Хмельницкому, конечно, не пришло бы и в голову. У московского же царя он просил их, и просил, конечно, потому, что признавал его для себя «государем», а не союзником.

Еще менее выдерживает сопоставление с подлинными фактами, нашедшими себе отражение в источниках, утверждение г. Лащенко, будто и после Переяславской рады по прямому смыслу соглашения между Украиной и Москвой они должны были оставаться совершенно независимыми друг от друга государствами, связанными только «добрососедскими взаимными отношениями». Уверяя, что «Переяславским договором» было создано именно такое положение и что Хмельницкий и в «статьях», присланных им в Москву, старался подчеркнуть идею равенства Украины с Московским государством и полную независимость первой от последнего», г. Лащенко находит, что не мирящиеся с этим выражения царской грамоты войску запорожскому были продиктованы исключительно стремлением московской политики «перемешать карты» и «окутать московским туманом совершенно ясный смысл договора». «В момент заключения Переяславского договора открыть свои карты — свои тайные мысли насчет Украины, назвать сразу и открыто в своей грамоте Богдану Хмельницкому Украину своею «отчиною» — царь московский, пишет г. Лащенко, очевидно, не мог: это было бы нетактичным и слишком уж грубым шагом даже для московского самодержца... С другой стороны, такой шаг и в тот момент — момент заключения договора — и не отвечал политическим планам царя. Из элементарной политической осторожности нужно было еще несколько обождать с такой откровенной интерпретацией, с таким «разъяснением» условий договора. Но намекнуть гетману и всем, «кому ведать надлежит» (напр[имер], полякам, турецкому султану) про свой «суверенитет» над Украиной, продемонстрировать значение своей «высокой руки» в декларативной форме, не раскрыть, а, как сказать. «перемешать карты», затуманить действительный смысл договора, придать ему в общей форме, соответствующее московскому толкование — царь, очевидно, считал в тот момент целесообразным и необходимым. В Москве, конечно, хорошо понимали, что упустить такой момент, как подписание договора с Украиной, для политической манифестации прав московского царя на Украину было бы исторической ошибкой, которую трудно было бы исправить даже и в близком будущем.

по своему характеру своего содержания, едва ли могли быть не только приняты, но и предложены на ней.

Вот царь и не упускает этого момента и спешит дать толкование договорных статей в своей исторической жалованной грамоте гетману Богдану Хмельницкому и всему войску запорожскому, поставивши тем и гетмана, и войско, и всю Украину перед совершившимся фактом... Вместо манифестации добрососедских отношений, царь драпируется в тогу «протектора», «покровителя», ставит себя сразу в положение хана Золотой Орды, берущего под свое покровительство нового бея, нового улусного эмира, разговаривает с союзником гетманом таким языком, каким говорили бояре со своими «слугами», «деловыми людьми» или добрый барин со своими холопами»[28].

В действительности все эти утверждения представляют собою ничто иное, как плод сплошного недоразумения, либо крайне неудачных домыслов, стоящих в резком противоречии с подлинными фактами. Начать с того, что московское правительство в момент переговоров с Хмельницким вовсе не опасалось называть Украину «отчиной» московского государя. Так, между прочим, названа была она — г. Лащенко знает это — в царской грамоте малорусской шляхте, той грамоте, которая была передана гетманским посланцам вместе с грамотою запорожскому войску и вместе с нею должна быть доставлена Хмельницкому. И, если это выражение не было употреблено в грамоте запорожскому войску, то, очевидно, скорее, по простой случайности, чем в силу чрезмерно хитрых соображений, какие предполагает в данном случае у московских политиков г. Лащенко. С другой стороны, слишком уж искусственно и предположение, будто московское правительство, составляя грамоту запорожскому войску, имело в виду так или иначе воздействовать на поляков и турецкого султана — в XVII веке ведь не существовало нынешней прессы, и акты, подобные названной грамоте, при нормальном ходе дел не становились известными во всех своих подробностях в других государствах. Говорить же, что Богдан Хмельницкий, передавая московскому государю доходы с городов и сел Украины, отдавая в его распоряжение все имения, находившиеся в ней, и прося от него себе пожалований из этих имений, считал себя лишь союзником царя и подчеркивал свою равноправность с ним и полную свою от него независимость, значит чересчур уж злоупотреблять вольным обращением с терминами.

На деле устанавливавшийся заключенным в Москве соглашением порядок отношений менее всего мог быть подведен под какую-либо форму союза. По прямому смыслу этого соглашения, население Малой России, и в частности, казацкое войско, признавало над собой власть московского государя и обязывалось служить ему и всем его возможным преемникам «на веки». Эта власть московского государя должна была проявляться на территории Малой России и непосредственно. В крупных малорусских городах должны были быть посажены царские воеводы, которые находились бы в прямой зависимости от Москвы. Доходы от сел и городов Малой России должны были поступать в московскую казну; на местах их могли собирать местные власти, но под контролем присланных из Москвы чиновников. Царь, далее, получал в свое распоряжение все свободные земли и имения в крае и мог раздавать их по своей воле. Наконец, он подтверждал старые права

---

[28] *Лащенко Р., назв. соч. С. 72–73.* [*Лащенко Р.* Переяславський договор 1654 р. між Украіною I царем московським // 1898–1923. Юбілейний збирник в честь профессора, доктора Станислава Днистрянського. Прага, 1923. — *комм. сост.*].

и привилегии общественных классов и жаловал им новые. Особенно большие пожалования доставались при этом на долю казачества.

Численность казацкого войска, которое в польское время только раз, по Зборовскому договору поднялось до 40 000 человек, теперь была определена в 60 000. За службу этому войску предполагалось назначить, после выяснения размера ожидаемых из Малой России доходов, то или ино денежное жалованье. Казакам утверждались в наследственное владение все их земельные имущества, утверждался собственный вполне независимый сословный суд по своим правам и обычаям, утверждалась своя выборная администрация во главе с гетманом, который, будучи избран войском, не нуждался для вступления в должность в утверждении московского государя, а только извещал его о своем избрании и приносил присягу на верность. Гетману предоставлялось и право принимать послов от других государств, кроме, впрочем, ближайших соседей и соперниц Москвы, — Польши и Турции, — причем о сношениях, носивших мирный характер, он должен был только сообщать в Москву, послов же, являющихся с «противным делом» по отношению к московскому государю обязывался задерживать и не отпускать без государева указа[29]. Другим общественным классам, духовенству, шляхте, мещанам, подтверждались все прежние «права, данные от княжат и королей». В частности, шляхте гарантировались ее прежние имущественные и сословные права, мещанам — их городское самоуправление и сословный строй. Наконец, крестьянам не давалось никаких прав и предоставлялось лишь отбывать «обыклую повинность». Что касается прав, предоставленных другим общественным группам, то все они были правами отдельных сословий, а не целой страны. Для последней в целом не было предоставлено никаких особых прав, как не было и создано никаких особых органов управления.

Но если таким образом нельзя говорить о формальном договоре, заключенном в 1654 году между Украиной и Москвой, и еще менее возможно утверждать, будто с этого времени их связывали только союзные отношения, но все же нельзя забывать, что Украина, оторвавшись от Польши, не просто перешла в подданство Московского государства. Этот переход сопровождался известными условиями, во время его было выработано определенное соглашение, и то обстоятельство, что результаты последнего были облечены в форму не договора, а пожалования со стороны московского царя, не уничтожало значения самого соглашения. Только соглашение это было особого рода.

Вступая в переговоры с Москвою, Богдан Хмельницкий был в сущности правителем Украины в той ее части, которая была охвачена восстанием против поляков. Но и он, и окружавшая его казацкая старшина не успели еще освоиться с этим

[29] *В Запорожской Сечи и в польское время бывали иностранные послы. Хмельницкий имел в виду этого известного право ссылаться в данном случае на давний обычай. В свою очередь царскому правительству тем легче было пойти на уступки в этом вопросе, что и в Московском государстве существовал аналогичный порядок. Так, новгородский воевода обладал в известных пределах право вести дипломатические сношения. Но, конечно, с московской точки зрения это была лишь административная, а не политическая децентрализация.* [Согласно Яжелбицкому договору 1456 г. Москвы с Новгородом последний уплачивал московскому князю Василию II большую контрибуцию и обязывался впредь не оказывать поддержки его противникам. Была упразднена законодательная власть веча и ограничивалось право внешних сношений. — *комм. сост.*].

положением и продолжали видеть в носителе гетманской булавы казацкого атамана старого типа, вождя и представителя одной общественной группы. Своей задачей они ставили не создание новых государственных отношений и форм, а расширение прав казачества и православной церкви в рамках старого государственного и социального порядка, и только стихийный ход восстания, во главе которого они стали, выводил их, в сущности, помимо их воли, за пределы этой задачи. Соответственно этому Богдан Хмельницкий и свои переговоры с московским государем строил по образцу прежних казацких договоров с поляками, в частности тех договоров, какие заключал он сам под Зборовом и в Белой Церкви[30], с той лишь разницей, что при переговорах с Москвой он выговаривал для казачества больше прав и привилегий. В польской Речи Посполитой подобные договоры отдельных общественных групп с властью не представляли особой аномалии. В Москве дело обстояло иначе, и Хмельницкому пришлось пойти на то, что договор был заменен царским пожалованием. Эта уступка в форме не изменила, правда, существа дела. Московское правительство, за немногими исключениями, признало и утвердило царскими жалованными грамотам и царскими резолюциями на гетманских статьях предложенные Хмельницким условия. Но условия эти сами по себе были проникнуты тем же духом социального и политического консерватизма, как и предшествовавшие договоры Хмельницкого с польским правительством. В результате, по заключенному в Москве соглашению, социальный строй Украины должен был и на будущее время удержать тот же характер, какой он имел во время польского владычества. Увеличивалось число казаков, расширялись их права и привилегии, но наряду с этим сохранялись в своей особенности и остальные сословные группы и весь вообще сословный строй общества. Шляхтич и впредь должен был оставаться шляхтичем, казак казаком, мещанин мещанином и крестьянин крестьянином. С другой стороны, и в политическом порядке не предполагалось никаких коренных изменений. Права польского короля на территории Украины переходили к московскому царю, и таким образом состоявшееся соглашение приводило не к той или иной унии Украины с Московским государством и не к установлению вассальной зависимости первой от последнего, а к инкорпорации Украины с Москвою, инкорпорации, сопровождавшейся утверждением, а в иных случаях и существенным расширением прав отдельных общественных групп.

Так обстояло дело, по крайней мере, на бумаге, в актах, воплотивших в себе соглашение Хмельницкого с московским правительством. В действительной жизни, однако, многое сложилось иначе и в ней не было в сущности такого момента, когда бы начала, положенные в основу данного соглашения, были осуществлены полностью. В другом месте я писал уже об этом и здесь могу только повторить сказанное мною раньше[31].

---

[30] По Зборовскому миру, заключенному Б. Хмельницким с польским королем Яном-Казимиром 5 августа 1649 г., в трех воеводствах — Киевском, Черниговском и Брацлавском устанавливалась украинская администрация. Число реестровых казаков определялось в 40 тыс. чел. 18 сентября 1651 г. был заключен Белоцерковский мир, по которому украинская автономия ограничивалась только Киевским воеводством, а число реестровых уменьшалось до 20 тыс. чел.

[31] *См. мои «Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв.». Т.I. Вып. I. Прага, 1924. С. 31–51. В данной книге я допустил все же некоторую неточность, охарактеризовав*

Присланные Хмельницким в Москву «статьи» отразили в себе взгляды и пожелания самого гетмана и окружавшей его старшины. Но эти взгляды и пожелания были весьма далеки от действительных отношений, создавшихся в стране в результате восстания. И последствия такого расхождения не замедлили сказаться.

Гетман и старшина просили московского государя утвердить за православной шляхтой прежние права шляхетства. Просьба эта была исполнена и царская грамота торжественно подтвердила малорусской шляхте ее имения и все ее сословные права. Но шляхетский класс в Украине был уже сметен восстанием и от него уцелели только отдельные лица, вошедшие в ряды казацкого войска и быстро слившиеся с казачеством. Налицо была таким образом бумага, провозглашавшая права шляхетского класса, но не было самого шляхетства, которое могло бы воспользоваться этой бумагой.

Статьи Хмельницкого предполагали, далее, разграничение казачества от мещан и крестьян и установление казацкого реестра в 60 000 человек. На деле же при Хмельницком никакого реестра составлено не было, а вместе с тем не было проведено строгой грани между казаками и другими общественными группами. И долго еще после Хмельницкого казаки невозбранно переходили в поспольство, а посполитые (мещане и крестьяне) в казачество. За царем гетман и старшина признавали право раздачи имений малой России и поспешили обратиться к нему с просьбой о пожаловании таких имений. В Москве внимательно отнеслись к этим просьбам, довольно щедро удовлетворили их и уже очень скоро целому ряду лиц даны были царские грамоты на деревни, села и местечки в Малороссии. Но скоро также выяснилось, что многие лица, получившие такие грамоты, предпочли хранить их у себя в сундуках, а то и в земле, не доводя об них до сведения того населения, которого они касались. Наряду с этим раздачу имений стали осуществлять полковники и гетман. Московский же государь через некоторое время свел свое право на пожалование имений в Украине по преимуществу к подтверждению гетманской раздачи. Наконец, и признанное за московским государем право получать доходы в свою казну с городского и крестьянского населения и присылать в города Малой России своих воевод, которые являлись бы администраторами и судьями для этого населения, в свою очередь не получило реального осуществления. Хмельницкий сперва отговаривался от присылки воевод заботами и тревогами военного времени, а затем, в ответ на повторные настояния московского правительства заявил, что он договаривался с Бутурлиным о присылке царских воевод только в Киев. «А доходы — прибавлял гетман — в Малой России небольшие, а которое к нему с которых городов и пришлют, и то все расходится на кормы послам и посланникам разных государств и на всякие войсковые потребы». Неприятные пререкания, возникшие по этому поводу, были прерваны смертью Богдана Хмельницкого, но и при его преемниках московскому правительству не удалось добиться установления условленного порядка

отношения Украины к Московскому государству по статьям Богдана Хмельницкого, как вассальную зависимость. Сказанное в тексте исправляет эту неточность. Близкие к изложенным мною взглядам положения развиты в интересном, но пока, к сожалению, еще неопубликованном исследовании Д.М. Одинца «Присоединение Украины к Московскому государству». [монография Д.М. Одинца «Присоединение Украины к Московскому государству. Париж, 1936] [Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950) — историк русского права. — *комм. сост.*].

и в конце концов оно вынуждено было примириться с создавшимся на практике положением вещей. Казацкая старшина, ставшая во время восстания общей администрацией края, удержала за собою эту роль и под властью Москвы, а вместе с тем и все доходы с городов и сел Малороссии остались в гетманской казне, не доходя до Москвы. Некоторое удовлетворение себе московское правительство нашло только в том, что решительно отказалось платить какое-либо жалование казацкому войску из своей казны, передав вместе с тем в ведение гетманской администрации и все заботы об отделении казачества от других общественных групп — мещанства и крестьянства.

Так сложившийся в жизни порядок оказался во многом не похожим на тот, о котором велись разговоры в январе 1654 года в Переяславе и какой был обусловлен мартовским соглашением того же года в Москве. Первой, однако, нарушила это соглашение не Москва — нарушения шли первоначально с другой стороны. Одни из них при этом порождались бессилием гетмана и старшины изменить сообразно своим взглядам, отношения, создавшиеся в ходе восстания стихийным движением народных масс, другие вызывались тем, что яснее вглядевшись в свое новое положение и лучше освоившись с ним, гетман и старшина не желали больше поступаться им в пользу царя. В конце концов в результате всех таких отступлений от первоначального соглашения, поскольку они касались отношений между Украиной и Московским государством, эти отношения ближе всего подошли к тем, о которых мелькала мысль у Хмельницкого перед началом мартовских переговоров в Москве, к отношениям вассального характера. Московский государь сохранил за собою верховную власть над Малой Россией, но на ее территории не осуществлял непосредственно этой власти в сфере финансов, администрации и суда, довольствуясь тем, что присоединенная страна поставляла ему вспомогательное казацкое войско. С своей стороны гетман, оставаясь вождем этого войска, вместе с тем окончательно обратился в связанного присягой царю правителя Малороссии, держащего под своею властью все ее население, собирающего с него доходы в свою местную казну и имеющего в своем распоряжении подчиненные ему административные и судебные органы. Такой прядок создавал для Малороссии положение, которое скорее всего может быть определено, как положение вассального государства.

В чистом своем виде и этот порядок продержался недолго. Те взаимные недоразумения и та подчас крайне острая борьба, какими сопровождалось его установление, вскоре повели к новым весьма серьезным переменам в отношениях между Малороссией и Московским государством. Но история этих дальнейших перемен выходит уже за пределы вопроса о том, каков был характер соглашения Богдана Хмельницкого с правительством царя Алексея Михайловича и как было осуществлено это соглашение на практике. Оставаясь же в этих пределах, приходится сказать, что данное соглашение, по своей форме, не являвшееся договором, по существу, в значительной своей части уже в самый момент его заключения оказалось несостоятельным и неосуществимым. Соответственно этому оно и осталось в значительной мере мертвой буквой, не нашедшей себе воплощения в действительной жизни.

ПУБЛИЦИСТИКА

В. А. Мякотин об отношении к А. В. Колчаку

О документе:

Статья В. А. Мякотина «Просьба об опеке» хранится в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) — Ф. Р-5917. В.А. Мякотин. Оп. 1 (1905–1936). Д. 49. Под статьей стоит подпись — В. Мякотин и указано время и место первой публикации — газета «Утро Юга» (Екатеринодар) 6 (19) июня 1919 г.

Е. П. Серапионова

В. А. Мякотин

«Просьба об опеке»

Группа собравшихся в Париже русских социалистов-революционеров, во главе с А. Ф. Керенским[1], Н. Д. Авксентьевым[2] и А. А. Аргуновым[3], выпустила воззвание, в котором убеждает державы согласия не оказывать, по крайней мере, временно никакой помощи адмиралу Колчаку[4]. Только Всероссийское Учредительное собрание, избранное на основе четырехчленной формулы, — заявляет названная группа — может обнаружить волю народа. Все временные правительства России должны немедленно подготовить выборы областных учредительных собраний и только в таком случае этим правительствам может быть оказываема помощь свободными государствами Европы. В Россию — заключается воззвание — должна быть отправлена комиссия делегатов всех стран, заключающая в себе представителей демократии и организованного труда, комиссия, которая могла бы представить объединенный орган свободных стран и выявить преследуемую ими демократическую цель перед населением и правительствами России.

Авторы воззвания, по-видимому, думали оказать им услугу русскому народу. Но путь, на который они встали, ведет совсем в другую сторону и обещает совершенно иные результаты.

---

[1] См. сн. 38 к материалам Е. Е. Лазарева.

[2] См. сн. 46 к материалам Е. Е. Лазарева.

[3] См. сн. 41 к материалам Е. Е. Лазарева.

[4] О Колчаке см. сн. 17 к материалам С. А. Щепихина.

Перед державами согласия вторично встал вопрос о признании правительства адмирала Колчака правительством России и о включении его правительства в состав мирной конференции[5]. Со своей стороны адмирал Колчак настаивает на включении России в состав мирной конференции на равных с другими державами правах и в то же время заявляет, что, ставя своей единственной целью воссоздание России и освобождение от тирании большевиков, он считает себя ответственным перед будущим Учредительным Собранием, выборы в которое он назначит немедленно после низвержения советской власти. Именно в это время, когда благодаря признанию державами адмирала Колчака, Россия может стать из предмета международной политики ее равноправной участницей, авторы воззвания стараются помешать такому признанию, выставляя Колчака реакционером, хотя он обязуется созвать Учредительное собрание, которое одно, по их мнению, может выразить волю русского народа, и хотя созыв такого собрания немыслим без предварительного низвержения власти большевиков.

Впрочем, авторам воззвания мало одного Всероссийского Учредительного Собрания. Они желают еще немедленного созыва областных учредительных собраний. В каких отношениях эти собрания будут состоять к всероссийскому? В каких областях они должны быть созваны — во всех ли, на которые Германия и большевики раздробили Россию, или в некоторых? Почему авторы воззвания думают, что население областей желает созыва именно областных учредительных собраний? На все эти вопросы в воззвании нет ответа, но авторы воззвания требуют, чтобы державы согласия не оказали помощи против большевиков там, где не будет принято мер к созыву областного учредительного собрания.

Ко всему этому авторы воззвания прибавляют еще пожелание, чтобы в Россию была отправлена особая комиссия от всех держав согласия с обязательным участием в ней «представителей демократии и организованного труда», комиссия, которая должна будет, очевидно, играть роль своего рода экспертов во всем, что делается в России. И авторы воззвания как будто не замечают, что выставляя такое требование, они обнаруживают глубочайшее неверие в русский народ.

Свобода не дается со стороны, не приносится в дар народу усилиями и заботами других народов. Свободу может добыть себе только сам народ. Можно и должно требовать одного — чтобы другие державы не помогали тем, кто пытается силой установить власть над народом. Насильниками в России сейчас являются большевики. Те, которые борются против них под знаменем Учредительного Собрания, борются за свободу русского народа. В этой борьбе много тяжелого, в ней много трудных положений. Но одолеть эти трудности наше собственное дело. Ставить же судьями и экспертами всех фазисов этой борьбы иностранцев, не знающих русской жизни и ее условий, требовать на каждом шагу международных гарантий — значит устанавливать чужеземную опеку над Россией. Русский народ не выиграет от такой опеки и не поблагодарит тех, кто о ней хлопочет. Но именно о такой опеке и хлопочут авторы парижского воззвания.

---

[5] А надо сказать, что подготовка к участию в мирной конференции шла вовсю, готовились доклады, обосновывавшие российские границы, содержавшие анализ развития российской дореволюционной экономики.

Борис Алексеевич Евреинов о русской эмиграции

Об авторе:

Борис Алексеевич Евреинов[1] — историк, педагог, поэт, журналист, политический и общественный деятель — родился 21 (по некоторым сведениям 24) ноября 1888 г. в дворянской семье в селе Борщень Суржанского уезда Курской губернии. Отец — общественный деятель губернского дворянства, либерал, мать — Антонина Васильевна, урожденная Сабашникова, старшая сестра книгоиздателей М. В. и С. В. Сабашниковых, в молодости издавала журнал. В их доме бывали К. Д. Бальмонт, А. Г. Рубинштейн, Л. М. Леонов. Последний женился на дочери М. В. Сабашникова Татьяне. Мать оказала заметное влияние на литературное и музыкальное образование сына. Окончив весной 1907 г. санкт-петербургскую 3-ю классическую гимназию, осенью того же года он был принят на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Специализировался по русской истории в семинаре М. А. Полиевктова, по истории славян — у Н. В. Ястребова, по всеобщей истории — у Э. Д. Гримма, по истории искусства — у Д. В. Айналова. Проявил исследовательские способности. Окончив университет в 1911 г., поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардейский кирасирский полк и был произведен в прапорщики, затем

[1] Подробнее о нем см.: *Пушкарев С.Г.* Борис Алексеевич Евреинов. Биографический очерк. // Записки РИО в Праге. 1937. Кн. 3; *Лапшин И.И.* Музыкальная деятельность Б. А. Евреинова // Там же; *Бем А.Л.* .Б. А. Евреинов — писатель // Там же; *Соловьев А.В.* Борис Алексеевич Евреинов // RSU. 1935. Sv. V-VII; *Мейснер Д.* Памяти Б. А. Евреинова // Последние новости. 1933. 04. XI; *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе.М., 1992; . *Демина Л.* Борис Алексеевич Евреинов // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. Москва, 1997. С. 230–231. *Корольков А.А.* Б. А. Евреинов (http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=N2s5f4X2UXo=&tabid=10547http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=N2s5f4X2UXo=&tabid=10547); *он же.* Поэт русской Праги // Новый журнал. СПб., 1996. № 4; *Евреинов А.Б.* Чешская рапсодия. Дни минувшие в событиях, портретах, размышлениях / предисл. А. А. Королькова «Взросление в Русской Праге». Бийск, 2004; *Соколов М.* Другая жизнь Бориса Евреинова (http://www.svoboda.org/content/transcript /460388.html).

Архивные фонды: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5891, 6366.

уволился в запас. Государственные экзамены в университете сдал весной 1913 г. и получил диплом 1-й степени за сочинение «Преобразовательный план М. М. Сперанского 1809 г.». Осенью 1913 г. был избран мировым судьей 4-го Льговского судебного округа Курской губернии. С марта по октябрь 1917 г. Евреинов состоял уездным комиссаром Временного правительства в Курской губернии. Член кадетской партии. После октябрьского переворота он был вынужден оставить родовое имение и уехать в Киев; с июня 1918 г. по февраль 1919 г. являлся ученым секретарем комитета министерства исповеданий Украинской державы. В доме матери его жены Аделаиды Жекулиной, директора женской гимназии в Киеве, собрались две ветви семьи — Евреиновы и Жекулины. В 1919 г. у Б. А. Евреинова родился третий ребенок — сын Алексей. Весной 1919 г. перед наступлением Красной армии он вступил в ряды Добровольческой армии, служил корнетом в 17-м гусарском Черниговском полку. Финал своей службы в Добровольческой армии он описал в очерке «Последние судороги деникинского фронта». В январе 1920 г. после долгого отступления от Орла белым удалось закрепиться на батайских позициях, а бригада Евреинова расположилась на Кубани в станице Брюховецкой. Равнодушие кубанских казаков, не желавших принимать участие в Гражданской войне ни на одной стороне, по словам Евреинова, поражало и заставляло задуматься о своей правоте. 7 февраля 1920 г. Добровольческая армия совершила одно из последних успешных наступлений и заняла Ростов-на-Дону. На следующий день в боях в Ростове Евреинов был ранен в плечо на вылет с раздроблением плечевой кости, что описал позже в рассказе «На чужой стороне». 5 марта на пароходе «Новгород» его эвакуировали вместе с госпиталем в Салоники (Греция). Непродолжительное время он жил в Югославии, а затем переехал в Варшаву, где последовательно занимал должности начальника канцелярии управления интернированных русских войск в Польше, председателя культурно-просветительной комиссии, управляющего делами Русского комитета в Варшаве, управляющего делами и члена правления Русского попечительного комитета в Польше. Одновременно являлся членом варшавского литературного объединения «Таверна поэтов», участником альманаха «Шестеро» (Варшава, 1923), «Антологии русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937).

В начале 1921 г. Николаем Чайковским в Париже был создан «Центр Действия» — внепартийная конспиративная структура для организации сопротивления большевикам в России. По согласованию с Борисом Савинковым представителем «Центра Действия» в Польше был назначен Борис Евреинов, на которого возложили задачу организации проникновения в советскую Россию и связи с антибольшевистскими организациями. Евреиновым была создана «линия связи» между Польшей с базой в местечке Корец (около Ровно) и Киевом, посредством которой пересылались деньги и запрещенная литература в Россию, а оттуда вывозили отдельных лиц. Среди них была и семья самого Евреинова. В 1921 г. в Польшу, нелегально перейдя границу, приехала его жена Наталья с тремя детьми. Фактический глава парижского Центра, сотрудник газеты «Последние новости» Николай Вакар нелегально весной 1922 г. побывал в Киеве и Москве. В Киеве

были созданы три группы «Центра действия», в Москве еще две. Вакар вывез в Париж статьи для журнала «Новь», которые были подготовлены группой киевских интеллектуалов во главе с профессором Николаем Василенко. Редакция объявила в первом номере: «Новь» издана заграницей, но рождена в России для того, чтобы дать беспартийному советскому обывателю высказать то, что он думает, чего он хочет. Первый номер «Нови» вышел в ноябре 1922 г. под девизом: «Родина, народоправство, федерация, собственность» тиражом в 1000 экземпляров, и Борис Евреинов переправлял его через польско-советскую границу в Россию. Со второго номера в редакцию «Нови» уже поступали письма читателей из Костромы, Нижнего Новгорода, Петрограда, Москвы, Поволжья, с Украины. Однако, к весне 1923 г. кончились средства на издание и подпольную работу. «Новь» прекратила существование на четвертом номере. В апреле 1923 г. парижский Центр Действия признал, что поддерживать нелегальную связь с находившимися в России единомышленниками опасно, но заморозить работу не успели — летом 1923 г. киевские активисты Центра Действия были арестованы. Весной 1924 г. большевики устроили показательный киевский процесс «Центра Действия», обвинив арестованных в шпионаже. Благодаря кампании международной солидарности, к которой подключился президент Франции Раймонд Пуанкаре, киевскую профессуру удалось спасти: четыре смертных приговора были заменены 10-летним заключением, позже псевдо-«заговорщикам» сроки были снижены вдвое.

Весной 1923 г. Евреинов с семьей переселился в ЧСР, получил небольшую стипендию чехословацкого правительства в рамках «русской акции»[2]. Сначала семья жила под Прагой в Ростоках, а затем перебралась в Прагу в Дейвицы. Евреинов пытался создать новый журнал на базе группировки «Крестьянская Россия» во главе с С. Масловым[3] и П. Сорокиным[4], причем не только для эмигрантов, но и для России, куда предполагалось направлять журнал через налаженные каналы связи. Вскоре Борис Евреинов узнал о перспективе: создании Республиканско-демократического блока,

---

[2] «Русская акция помощи» — политика чехословацкого правительства, направленная на оказание поддержки русским эмигрантам, проводилась с 1921 г. до начала 1930-х гг. Ее начало было связано с помощью голодающим на Украине и в Поволжье в 1921–1922 гг. Общая сумма расходов на ее проведение в 1921–1931 гг. превысила 0,5 млрд чехословацких крон (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 2. М., 1977. С. 119). Из последних книг о «русской акции» см.: Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие / Сост.: Лукаш Бабка и Игорь Золотарев. Прага, 2012.

[3] Маслов С.С. (1887–1945) — экономист, агроном, политический деятель, член партии социалистов-революционеров (эсеров), гласный Вологодской Думы, депутат Учредительного собрания от Вологодской губернии, публицист; в эмиграции с 1921 г., основатель и один из лидеров партии «Крестьянская Россия — трудовая крестьянская партия (ТКП)».

[4] Сорокин П.А. (1889–1968) — социолог, культуролог, публицист, член партии эсеров, редактор, депутат Учредительного собрания от Вологодской губернии, в 1918 г. вышел из партии эсеров, отошел от политической деятельности; в 1922 г. выслан из России, жил в Берлине, Чехословакии, с 1923 г. в США, автор многочисленных трудов по социологии и этике.

во главе которого должен был стать лидер левых кадетов Павел Милюков[5]. Глава чехословацкого МИДа Эдвард Бенеш[6] обещал Милюкову средства для финансирования крупной эмигрантской демократической организации. Борис Евреинов в ноябре 1923 г. избирается товарищем председателя Пражской демократической группы партии Народной Свободы и 25–26 декабря 1924 г. участвует в учредительном съезде Республиканско-демократического союза. Кадеты Милюкова и крестьянороссы Маслова создали политический блок РДС. Народные социалисты и группа Кусковой[7] согласились участвовать в новом журнале «Свободная Россия». Борису Евреинову поручили взяться за восстановление «линии связи». В начале 1924 г. он побывал в Польше и с помощью бывших членов Центра Действия наладил переброску в советскую Россию литературы. Мешки с газетами и журналами курьеры переносили на базу в 40 верстах от границы, а затем их мелкими партиями переправляли дальше. В Варшаве Евреинов провел переговоры с начальником политического отдела польского Генштаба полковником Байером, обратившись к нему с просьбой не препятствовать деятельности организации. До октября 1924 г. Евреинову удалось перебросить

---

[5] Милюков П.Н. (1959–1943) — историк, политический деятель, издатель, лидер Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы, кадетской партии), редактор газеты «Речь», депутат 3 и 4-го созывов Государственной думы. В годы Первой мировой войны выступал за расширение территорий Российской империи и получил прозвище Милюков-Дарданелльский, министр иностранных дел Временного правительства, избран депутатом Учредительного собрания, но участия в нем не принимал, так как уехал на Дон, став в 1918 г. членом Донского гражданского совета; с 1918 г. в эмиграции в Турции, Англии, с 1920 г. во Франции. Разработал «новую тактику» внутреннего преодоления большевизма. В 1921 г. вышел из партии кадетов, став лидером Парижской демократической группы Партии народной свободы (с 1924 г. Республиканско-демократического объединения). С 1921 г. по 1940 г. редактировал выходившую в Париже газету «Последние новости». За границей опубликовал ряд трудов по истории России, о революции 1917 г. Автор «Воспоминаний (1859–1917)».

[6] Бенеш Э. (1884–1948) — чешский политический и государственный деятель, дипломат, с 1918 по 1935 гг. министр иностранных дел, в 1921–1922 гг. премьер-министр, с 1923 г. член партии Национальных социалистов, в 1919–1926 гг. и в 1929–1935 гг. депутат Национального собрания, в 1935–1938 гг. президент ЧСР, после Мюнхена оставил пост президента и эмигрировал. После начала Второй мировой войны создал в Лондоне временное эмигрантского правительство и Государственный совет, воссоздал президентскую администрацию, выступал за восстановление Чехословакии в домюнхенских границах и сотрудничество как с Западом, так и с Востоком (СССР). В 1945–1948 гг. президент освобожденной страны.

[7] Кускова Е.Д. (1869–1958) — политический и общественный деятель, социолог, публицист, издатель, жена С.Н. Прокоповича, принимала участие в создании революционной партии «Народное право» позднее вместе с мужем вступила в «Союз русских социал-демократов за границей», за приверженность идеям «экономизма» исключены из «Союза» и разошлись с социал-демократами, с 1900-х гг. примкнули к либеральному движению, став одними из основателей «Союза освобождения». Входила в масонскую организацию, после распада «Союза освобождения» организовала внепартийную группу «Без названия», после большевистского переворота супруги работали в «Лиге спасения детей», в 1921 г. вошли во Всероссийский комитет помощи голодающим; в 1922 г. высланы из России. Жили в Берлине, с 1924 г. в Праге, сотрудничали со многими эмигрантскими изданиями, с 1939 г. в Женеве.

в СССР 600 экземпляров журнала «Свободная Россия». Деятельностью Евреинова заинтересовалось ОГПУ. В январе 1925 г. после провала агента РДС Капацинского, который был арестован польскими властями по сфабрикованному ГПУ обвинению в шпионаже в пользу СССР, работа на время прервалась. Борис Евреинов вынужден был обратиться с ходатайством к представителю польской разведки с тем, чтобы дело слушалось за закрытыми дверями. Агент-провокатор ГПУ Таранавская была осуждена в Польше на 8 лет, а Владимир Капацинский был оправдан и освобожден, переехал в Прагу, потом отправился в Америку. Несмотря на неудачи, бюро Совета РДС на заседании в Праге 12 декабря 1925 г. решило, что настало время для посылки в Россию людей для информации и организационной работы, так как усилились активистские настроения среди эмигрантской молодежи, и это предполагалось использовать. П. Н. Милюков поддержал решение. Деятельность по переправке литературы в Россию имела определенный успех (например, популярностью пользовалась брошюра «Враги крестьянства»). В 1926 г. Евреинов и Маслов решили взять под контроль варшавскую газету «За свободу!», но это не удалось. Летом 1926 г. в Варшаве стал выходить еженедельник «Родное Слово», предназначенный для русскоязычного меньшинства Польши и стран Прибалтики. В номере за 21 ноября 1926 г. Б. Евреинов напечатал статью «Отцы и дети». Конспиративная деятельность Бориса Евреинова продолжалась, несмотря на то, что отношения между партнерами по РДС испортились: «активизм[8] или эволюционизм» — таков был спор Маслова и Милюкова. После выпуска восьми номеров издание журнала «Свободная Россия» в октябре 1926 г. прекратилось. П.Н Милюков доверил Евреинову работу по поддержанию связи с подпольем в СССР. По воспоминаниям его сына А. Евреинова, в 1920-е гг. Б. А. Евреинов дважды снимал дачи на границе с Польшей, в восточной Словакии и в Подкарпатской Руси, нелегально переходил границу, встречался в Варшаве со своими эмиссарами. В 1927 г. в Польше имелся склад и 12 пунктов. Пункты приема нелегальной литературы создали в Ленинграде и в Киеве, в Харькове поддерживали контакты с самостоятельной республиканско-демократической группой, связь с Москвой осуществлялась «наездами». В том же году Евреинов и Маслов организовали тайную организацию «Опус» («Дело»). Евреинов стал членом Руководящего комитета вместе с Владимиром Брандом[9], Алексеем Вакаром и Сергеем Масловым».

---

[8] Активизм — политическое направление, ставшее популярным среди нового поколения эмигрантов, которые настаивали на необходимости активизировать усилия по борьбе с советским режимом. См. об этом, напр.: *Соколов М.В.* Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011.

[9] Бранд В. В. (1892–1942) — капитан артиллерии во время Первой мировой войны, подполковник Добровольческой Армии, поэт, журналист; с 1919 г. в эмиграции в Польше, член «Союза защиты Родины и Свободы» под руководством Б. Савинкова, сотрудничал с польской разведкой, с 1935 г. член Народно-трудового союза русских солидаристов (НТС), редактор газеты «Меч» (со второй половины 1930-х лет), участник варшавской Таверны поэтов, Литературного содружества, альманахов «Антология русской поэзии в Польше» (1937), «Новь» и «Шестеро», опубликовал поэтический сборник «Стихи» (Варшава 1932),

Затем в «Деле» принимали участие народные социалисты, кадеты из групп «Крестьянская Россия», «Борьба за Россию» и эсеры, близкие Керенскому[10]. Благодаря союзу с группой Сергея Мельгунова[11] была налажена пересылка в СССР антикоммунистической литературы через Берлин. Только в одной партии было более 500 номеров «Вестника Крестьянской России» и 800 — журнала «Борьба за Россию»». Но главные каналы связи шли через Польшу. Финансировал деятельность по переправке курьеров в Россию П.Н. Милюков. ГПУ воспринимала деятельность «Опуса» как угрозу большевистскому режиму. «Опус» с 1927 под 1931 г. переправил в СССР несколько своих агентов. В 1930 г. после провала агента Н. Мосевича, арестованного и расстрелянного в России, Б.А. Евреинова решает отойти от конспиративной работы: в июле 1929 г. он вышел из состава «Опуса», поскольку партнеры также поставили ему в вину то, что переброска эмиссаров через Польшу шла под контролем польской разведки.

Кризис в отношениях «Крестьянской России» и сторонников Милюкова становился все серьезнее. В мае 1930 г. Евреинов добивается от Милюкова публикации в «Последних новостях» полученных из Москвы материалов, об арестах и гонениях на православную церковь. На закрытом собрании в Праге он делает доклад и обращается к Милюкову с предложением издать брошюру, но получает отказ. Тогда он предпринимает попытку через Ю. Ладыженского[12] установить связь с Международной Лигой борьбы с III Интернационалом Теодора Обера[13] и получить от него

сотрудник газеты «За свободу!», журнала «Грань», издатель газеты «Молва». В годы Второй мировой войны член Русской освободительной армии, как представитель НТС направлен с тайной миссией в Смоленск, где умер от тифа.

[10] Керенский А.Ф. (1881–1970) — юрист, политический и общественный деятель, в 1917 г. возглавлял фракцию «трудовиков» в Государственной думе 4-го созыва, во время Февральской революции вступил в партию эсеров, министр юстиции, военный и морской министр, министр-председатель Временного правительства, масон; с 1918 г. в эмиграции во Франции, в 1939 г. переехал в США.

[11] Мельгунов С.П. (1879–1956) — историк, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, политический деятель, кадет, с 1907 г. энес (Партия народных социалистов), участник антибольшевистской борьбы, руководитель Союза Возрождения России и Тактического центра. В 1920 г. приговорен к смертной казни, замененной на 10 лет заключения. В 1922 г. выслан за рубеж. Жил в Берлине, Праге, с 1926 г. в Париже.

[12] Ладыженский Ю.И. (1888–1977) — доктор, в 1912 г. закончил Военно-медицинскую академию, участвовал в Первой мировой войне, общественный и политический деятель, весной 1919 г. создал в Киеве Политический Красный Крест с целью защиты политических противников большевиков, командирован Российским Красным Крестом (РОКК) в Женеву для установления связи с Международным комитетом Красного Креста(МККК), вернулся в контролируемый Врангелем Крым, откуда вскоре эвакуировался вместе с белой армией. В 1921–1926 гг. являлся представителем РОКК при МККК. После убийства в Лозане советского представителя В.В. Воровского участвовал в защите Аркадия Полунина и Мориса Конради. Стал известен после создания антибольшевистского союза («Лиги Обера»). После Второй мировой войны жил в Бразилии в Сан-Пауло.

[13] Международная Лига борьбы с III Интернационалом Теодора Обера — создана Ю.И. Ладыженским и швейцарским адвокатом Т. Обером в 1924 г. (Entente Internationale

финансовую помощь. Обер прислал ему личное приглашение на съезд организации в Савойе, где должны были подниматься вопросы гонений на церковь в СССР. Но Милюков воспротивился такому роду контактам. С конца 1930 г. политическая активность Евреинова явно замирает, хотя он продолжает состоять в РДО товарищем председателя Пражской республиканско-демократической группы — одной из ряда аналогичных кадетских групп, организованных П. Н. Милюковым в противовес правому крылу партии. Правда, по свидетельству С. Г. Пушкарева, Евреинов был «далек от партийно-политического сектантства» и готов был «служить делу сохранения и развития русской науки и русской национальной культуры рука об руку с людьми иных направлений и убеждений». Евреинов остался доверенным лицом Милюкова в Праге, редактор «Последних новостей» во время приездов в Чехословакию для чтения лекций бывал у Евреиновых дома.

Что касается научной деятельности Евреинова, то, по словам А. А. Кизеветтера, он был зачислен в члены Русской учебной коллегии в Праге по 3-й категории (в разряд оставленных для подготовки к профессорскому званию). В 1927 г. успешно выдержал магистерские экзамены на кафедре русской истории при Русской академической группе в Чехословакии и в 1928 г. получил звание приват-доцента.

Евреинов — один из основателей образованного в апреле 1925 г. Русского исторического общества (РИО)[14] в Праге и его секретарь. В его ближайшее научное окружение входили: А. А. Кизеветтер, Е. Ф. Шмурло, А. Л. Бем, Н. О. Лосский, А. В. Флоровский, В. В. Зеньковский, Н. Л. Окунев, П. Н. Савицкий. Главной областью его научных интересов была история России XIX в. Эпоха Александра I, декабристы, история русского крестьянства, жизнь и деятельность М. А. Бакунина, русско-славянские и русско-чешские связи — вот лишь некоторые темы, которым отдавал предпочтение Б. А. Евреинов. В июне 1927 г. он выступил с докладом «Реформа высших губернских учреждений в России в царствование Александра I» на Варшавской конференции историков Европы и славянского мира. С 1929 г. являлся сотрудником Славянского института в Праге и одновременно секретарем Русской академической группы в Чехословакии, членом Совета и ученой комиссии Русского заграничного исторического архива (РЗИА). Участвовал в работе 5-го съезда Русских академических организаций в Софии в 1930 г., выступил с докладом «Война за освобождение балканских славян (1877–1878) и чешское общество». От РИО был делегатом на славянском съезде в Малом

Anticommuniste). Организация противодействовала установлению дипломатических отношений с СССР, распространяла информацию о красном терроре, способствовала взаимодействию антикоммунистических сил. Деятельность организации продолжалась до 1950 г. О деятельности Лиги Т. Обера на Балканах см.: *Серапионова Е. П.* Лига Т. Обера и деятельность ее русской секции на Балканах // Славяноведение. 2006. № 4. С. 16–32; *она же.* Антикоминтерновская деятельность Русской секции Лиги Теодора Обера в Болгарии (1924–1934 годы) // Studia Balkanica. К юбилею Р. П. Гришиной. М., 2010. С. 196–216.

[14] Подробнее о РИО см., напр.: *Серапионова Е. П.* Русское историческое общество в Праге // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Сб. ст. М., 2008. С. 119–131.

Болеславе в 1933 г. От Русского народного университета (РНУ) он ездил в русскую гимназию в Моравской Тршебове читать лекции по истории. Ряд исторических статей Евреинова до сих пор не опубликован[15].

Евреинов был членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, сотрудничал с журналами и газетами Польши, Чехословакии, Германии, Франции, публиковал в них материалы («Вестник эмигранта», «Виленское утро», «Звено», «Живое слово», «Голос минувшего на чужой стороне», «Центральная Европа», «Последние новости», «Свобода», «За Свободу!», «Руль»).

По его инициативе в Праге в 1932 г. было создано Русское музыкальное общество. Он пел в церковном хоре собора св. Николая. Вместе с профессором И. И. Лапшиным в помещении Русского Очага устраивал музыкальные вечера, выступал с сольными концертами, его пение нравилось эмигрантской публике. Борис Алексеевич обожал М. Мусоргского, ему нравился И. Стравинский.

Он входил в состав редакционного комитета по подготовке пражского сборника, посвященного 70-летнему юбилею П. Н. Милюкова, в котором поместил статью «Русский администратор новейшей школы (Записка псковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее)»; составил библиографию печатных трудов Милюкова. В 1931 г. Борис Алексеевич предпринял поездку в южную Чехию для работы в частных архивах в Тршебони, Чешском Крумлове и Индржиховом Градце. Результаты архивной работы отражены в статьях, посвященных неизвестным эпизодам из истории дипломатических связей России[16]: Статья Евреинова. «Борьба г. Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы»[17] направлена против утверждений евразийцев о мирном характере русской колонизации в Поволжье в XVI–XVII вв. Всего библиография опубликованных научных работ Б. А. Евреинова, составленная С. Г. Пушкаревым, насчитывает 82 позиции.

Евреинов приобрел популярность и как автор литературных произведений, которые публиковались в зарубежных эмигрантских изданиях в 1920-е — начале 1930-х гг. Его знали как прозаика, автора рассказов,

---

[15] По словам С. Г. Пушкарева, не опубликованными при жизни остались статьи Евреинова: «Основные тенденции в организации областного управления Московского государства в XVI–XVII вв.», «К вопросу о происхождении и характере русской общины».

[16] Александр I в гостях у князя Шварценберга // Центральная Европа. 1932. № 4; Два документа эпохи наполеоновских войн // Там же. 1932. № II; Свидание Николая I с австрийским императором в Мниховом Градище в 1833 г. // Там же. 1933. № 6. Евреинова очень интересовала личность М. А. Бакунина. На основе изучения материалов Пражского полицейского архива и других архивохранилищ Праги появился цикл его статей о пражском этапе в жизни Бакунина: Исповедь М. А. Бакунина // Записки РИО в Праге. 1930. Т. 2; М. А. Бакунин и австрийские власти в 1849–1851 гг. // Научные труды Русского народного университета (РНУ) в Праге. 1931. Т. IV; Бакунин и Палацкий // Центральная Европа. 1931. № 6; Последний этап славянской деятельности Бакунина // Научные труды РНУ. 1933. Т. V; Бакунин и славянский съезд 1848 года в Праге // Записки Русского научного института в Белграде. 1936. Вып. 1, 3.

[17] Записки РИО в Праге. 1927. Кн. 1.

напечатанных в газетах «Звено», «Руль», «Последние новости», «За свободу». А.Л. Бем писал о нем: «Я даже думаю, что настоящим писателем он был скорее в прозе, чем в стихах». Стихи Евреинова опубликованы далеко не полностью[18]. Наиболее плодотворные поэтические периоды 1918–1922 и 1926–1928. Он мастерски владел формой сонета («Четыре сонета сатане»), подготовил к печати тетради стихов-воспоминаний о русской природе, раздумий над горькой судьбой изгнанника. На стихотворное творчество Евреинова оказали большое влияние Гумилев, Блок, Волошин, Вл. Соловьев.

В 1933 г. власти Чехословакии решили вести радиопередачи на Союз ССР, а диктором пригласили Б.А Евреинова. Ян Славик[19] писал тексты, а Евреинов переводил их и, обладая прекрасной дикцией, озвучивал их на русском языке[20].

Б.А. Евреинов скончался в Праге 29 октября 1933 г. на 45 году жизни от приступа острой печеночной недостаточности. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге. Годовщину смерти Б.А. Евреинова в 1934 г. отмечали специальным собранием и панихидой. А в 1937 г. его памяти наряду с А.А. Кизеветтером и Е.Ф. Шмурло был посвящен специальный сборник Русского исторического общества в Праге, где была напечатана его неполитическая биография общественного деятеля и историка, написанная С.Г. Пушкаревым. Милюков высоко ценил Б.А. Евреинова, написав о нем: «В Б.А. Евреинове мы потеряли молодую силу, которая обещала, если бы обстоятельства сложились более благоприятно, развернуться в первоклассного исследователя». Исторические произведения Б.А. Евреинова до сих пор не переизданы отдельной книгой.

О документе:

Работа Б.А. Евреинова «Правда об эмиграции» была опубликована отдельной брошюрой в серии «Республиканско-демократическая библиотека» в 1931 г. Место издания не указано, скорее всего, это Прага. Публикуется

---

[18] См.: Шестеро: А. Байкин, В. Бранд, О. Воинов, Р. Гутуев, Б. Евреинов, А. Топольский // Малый альманах поэзии и прозы. Варшава, 1923. С. 29–40; Стихи / публ. Л.Б. Евреинова, А.А. Королькова // Новый журнал СПб.,1996. No 4; Книга стихов. М., 1997).

[19] Славик Я. (1885–1978) – чешский историк. В 1925–1939 гг. заведующий Русским заграничным историческим архивом (РЗИА) МИД ЧСР. Автор работ о царской и советской России, о В.И. Ленине, обобщающего труда «Возникновение чешской нации», многолетний редактор журнала «Словански пршеглед» (Slovanský přehled), после 1948 г. исключен из общественной жизни, подвергался репрессиям.

[20] Эмигрант-демократ Алексей Вакар из Варшавы 29 февраля 1933 г. писал Евреинову: «Очень рад..., что именно Вам поручено делать по радио противобольшевистские сообщения для России и вполне разделю те чувства, которые Вы испытываете, делая такие сообщения и сознавая, что Вас слушают там, на нашей родине. Воображаю, как злятся Маслов, Цуриков и т.п. „активисты“, что выбор пал не на них, а на „милюковца“. Пожалуйста, заранее известите меня о дне и часе, когда Вы будете делать следующее сообщение; укажите также, если можно, и волны, на которых будет оно передаваться. Здесь у делегата нансеновского комитета г. Галлати, с которым меня связывают дружеские отношения, в квартире имеется прекрасный радиоаппарат, и мы пойдем к нему послушать Вас». – Цит. по: *Соколов М.* Говоржи Москва! Ян Славик, русская эмиграция и радиовещание из Чехословакии на советскую Россию // Русское слово.2008. № 7. – (http://www.ruslo.cz/articles/331/).

по экземпляру, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6366. Б.А. Евреинов. Оп. 1. Д. 77. На форзаце перед статьей был опубликован призыв: «Читайте наши листки, передавайте их другим. Но этим дело не кончайте. Подбирайте верных и близких людей, договаривайтесь друг с другом. Верьте, что союзники везде и что когда созреют силы, то они себя покажут. Большевикам с народной, организованной силой справиться не удастся». Вероятно, эта и следующая работа «Лицо русской эмиграции» как раз и есть образцы той литературы, которая переправлялась Б. А. Евреиновым в Россию.

Е.П. Серапионова

Б.А. Евреинов

Правда об эмиграции

Советская власть всячески старается опорочить в глазах русского народа русскую эмиграцию. Ежедневно на страницах советской печати эмиграция изображается, как какое-то скопище жирных капиталистов и хищных империалистов, которые, как коршун на добычу, нацеливаются на новую Россию, желая разорвать ее на куски и напитаться ее телом и кровью. К сожалению, и в самом населении подчас создается об эмиграции такое представление, что это — люди, не пожелавшие участвовать в трудах и муках создания новой России и отошедшие в сторону, чтобы пользоваться всеми благами жизни. Это правда, что минимальные блага жизни везде, кроме разоренной России, доступны даже и самому бедняку. Но Россия должна знать и помнить, каким тяжелым трудом и ценой каких мучительных испытаний досталось эмиграции даже и то, более чем скромное существование, которое она влачит на чужбине. Россия должна знать, как прошла эмиграция через эти испытания и чего она достигла собственными трудами. Когда это будет понято, исчезнет и та пропасть, которую стараются вырыть между эмиграцией и Россией. Станет ясно, что эмиграция не только ничем не угрожает новой России, как стараются убедить народ и запугать его советские газеты, но что за эти годы невольной разлуки она не разучилась любить свою родину, не перестала ею гордиться и, не теряя времени, работала, накопляя на пользу ей свой новый жизненный опыт. Вместо огородного пугала пусть узнают и увидят в России настоящую, действительную картину трудовой жизни эмиграции и познакомятся с ее достижениями. Тогда поймут и то, что отсекать от России один из ее полезных членов — значило бы обессилить и без того оскудевшую силами страну и мешать ей восстановить свое благосостояние внутри и свое значение во-вне. Не спасителями и не поработителями хочет большинство русской эмиграции вернуться домой, а скромными работниками во всех тех областях новой жизни, где она сможет принести посильную пользу. В ее составе русские люди найдут не соперников, а сотрудников, которые примут с благодарностью ту долю, — как бы она ни была скромна, — которую они смогут внести в дело восстановления России. Не эгоизм и жажда наживы, тем менее не жажда власти, — а чувство долга и обязанности перед родной страной руководит людьми, готовыми бросить в любую минуту насиженные места, только чтобы работать по мере сил на пользу своих, а не чужих.

Вот те мысли, которые побудили нас предложить русскому читателю познакомиться с страдным путем, которым русская трудовая эмиграция добилась своих успехов и завоевала себе уважение среди иностранцев, ни минуты не забывая о своих обязанностях по отношению к родной земле, из которой она была выкинута, вопреки своей воле.

Эмиграция

Осенью 1930 года исполнилось десять лет с того дня, когда ушли из Крыма последние пароходы Добровольческой Армии и следовавших за нею беженцев. Теперь трудно вспомнить обстановку этого ухода. В Севастополе горели склады и к вечеру должны были войти в город большевики, обещавшие поголовное истребление всех сторонников белого движения. С Ялтой и другими крымскими городами сообщение было прервано и бежавшие из Севастополя не могли сговориться со своими родными, бывшими в других местах. Вследствие этого многие навсегда были оторваны от своих близких. Уезжавшие не думали о том, что спасают свою жизнь — было только чувство спасения своей чести от надругательств. Суматоха и давка была похожа на панику во время пожара: ни оживления[21], ни надежд. Смерть все равно была рядом, ощущение опасности временно исчезло, и самое чувство жизни было приостановлено. Ни у кого не было ни надежд, ни планов.

Кто не помнит молчаливых проводов России, последних взглядов на ее уходящие берега?

Это оцепенение продолжалось и после. На одном из пароходов, на «Рионе», были испорчены опреснители и плохо действовали машины, что значительно удлинило плавание: беженцы оставались без еды и без воды, но никто не жаловался, хотя были больные и дети. Скрючившись на отведенном на полу месте, сидели десять дней, а иные и больше, в таких условиях, в которых живой человек не выдержал бы и суток. Усталость была так велика, что засыпали в самых необычайных положениях. Многие больные лежали на полу на палубе, и иногда их закутанные в плащи тела было трудно отличить от простого тюка. Были, конечно, эпидемии, смерти, даже рождения в самых неправдоподобных условиях. Были и сумасшествия: так на «Рионе» одна молоденькая женщина, потерявшая при посадке своих детей, ходила кошачьей походкой среди груды скрюченных тел, стараясь вытащить у офицеров оружие — иногда, подобно Офелии[22], она принималась петь, танцевать, декламировать. Запереть ее, несмотря на всю опасность ее присутствия, было невозможно, как невозможно было отделить больных и убрать мертвых.

Когда корабли с беженцами подошли к Константинополю, они естественно вызвали ужас — что делать с десятками тысяч больных, полуобезумевших, явно обреченных гибели людей? Первым жестом было отгородиться от них — корабли стояли на рейде и пассажиров не пускали на берег. Зато туземные лодки облепили корабль, соблазняя хлебом и пресной водой. Измученные беженцы отдавали то, что могли — к спускаемой вниз веревке привязывали вязанную куртку, золотые часы,

---

[21] В тексте перепутаны строки, сбой в наборе.

[22] Офелия — героиня трагедии У. Шекспира «Гамлет», сошедшая с ума. Сравнение, вероятно, не случайно. Трагедия «русского исхода» вызывает у автора аллюзии с шекспировскими трагедиями.

белье, все, что имели — взамен поднимали бутылку с водой или свежий, соблазнительно пахнущий хлеб. За спасение с парохода, за перевоз на берег предприимчивые лодочники получали драгоценности.

Приезжали на корабли и посетители. Какой-то веселый американский матрос обходил беженцев, изнывавших от голода, жажды, бессоницы, болезней, и хлопая их по плечу, повторял ломанным языком единственную известную ему русскую фразу «Проведемте, друзья, эту ночь веселей!». Приезжали иностранные благотворители, и предлагали родителям, которых они считали явно обреченными смерти, отдать детей навсегда. Но случаев такой отдачи не было, и только одной американской организации некоторые беженцы временно передали своих детей. Французская сестра милосердия, известная благотворительница, сделала объезд беженских пароходов. Но среди груды тел ей трудно было разобраться, и пока за ней бежали с одной стороны парохода, она уходила в другую, и ее нарядный катер отчалил раньше, чем кто-либо из бежавших за нею успел сообщить ей о нуждавшихся в спешной помощи больных. Больные и слабые оставались в тех же условиях на кораблях почти месяц. Многие умирали на пароходах, многие были сняты в безнадежном состоянии. Сколько смертей было решено в этот месяц стояния перед Константинополем!

Чрезмерные, не соответствующие современным формам цивилизации бедствия русских беженцев отгородили их от живого мира. Никто не мог оказать им помощи в меру их страданий, и потому всякий спешил отойти. Были позднее организованы лагери, различные формы помощи, но что могли принести все эти усилия перед подлинными размерами русского несчастья? Это казалось настолько ясным, что в крупном французском госпитале, организованном в Константинополе для русских раненных, больным не давали ни ножей, ни вилок, ни могущих разбиться тарелок — очевидно, боялись самоубийств. Один искренний и добрый американец-благотворитель сказал пожилой сенаторше, муж которой зарабатывал на хлеб клейкой спичечных коробок: «Вы все равно должны умереть, надо поторопиться это сделать, потому что агония ужасна, и никто вам помочь не может».

Так жили в Константинополе первую зиму. Юные кадеты продавали ночью на улице трогательные стихи о своей гибели, многие беженцы выходили на базар продавать последние оставшиеся целыми рубашки или изобретали какие-то необыкновенные способы заработка. Положение женщин, — особенно одиноких, а таких оказалось очень много — было особенно страшно. В Константинополе многие заинтересовались высадкой на берег множества молодых, по большей части привлекательных, не знающих жизни, нищих и явно беззащитных женщин. Являлись «спасители», устраивавшие отъезд с корабля и немедленно, после доставки на берег, предлагавшие свою «дружбу», уверяя при этом, что находящийся в разлуке муж все равно забудет жену. Для молодых и неумелых женщин оставался один способ заработка: служба горничною в ресторанах или в частных домах. Но в ресторанах после нескольких дней горничная, непочтительно ответившая на «любезность» посетителя, немедленно увольнялась, а большинство честных мест оказывалось ловушкою. Сколько слез было пролито несчастными молоденькими женщинами, отстаивавшими свое достоинство в этой жуткой борьбе, сколько было горя и сколько возвышенной твердости духа было проявлено в эти первые страшные месяцы!

Константинополь, куда попали русские женщины в этом отношении наиболее тяжелый город. Как во всяком портовом городе, толпа лишена нравственных основ.

Турки не привыкли оберегать своих женщин и относились с недоверием к одинокой и свободной по своим манерам европейской женщине. Количество домов свиданий так велико даже в центре города, что на домах вывешивают объявление: «тут живет честное семейство». В этих условиях молоденьким русским женщинам, не знавшим никакого ремесла и плохо владевших языками, пришлось искать заработка. Особенно запомнились две сестры, за которыми с упорным спокойствием ходили группы «знакомых» иностранцев разных национальностей в ожидании, когда им надоест безнадежная борьба. Сестры шили по ночам солдатские сорочки по пятидесяти сантимов за штуку, младшая сестра пела за плату, и обе брали всякую работу, молча и не жалуясь. Они не сдались до конца, и «поклонники», ожидавшие сдачи в борьбе, ничего не добились; но старшая, не выдержав лишений, заболела скоротечной чахоткой и умерла. Упорство, с каким русские женщины отказывались от так называемой «дружеской помощи», казалось интернациональным жителям Константинополя детским упрямством: — Ведь ясно, что никакого иного исхода этим женщинам не было и что они должны будут сдаться! И за их борьбой следили с любопытством, но без охоты помочь, как за детской игрой.

Трудность борьбы беженцев за существование увеличивалась тем, что жизнь в Константинополе была особенно дорога. Постоянного заработка там почти не было, а достать визу для отъезда было почти невозможно.

Ни одно из государств не желало пускать к себе этих обреченных людей, нищих, больных, неприспособленных к практической жизни. Право на отъезд из Константинополя в места, где имелся заработок, получалось в первую зиму ценой тяжелой борьбы, и в ожидании отъезда многие вынуждены были продавать последнее и терпеть страшные лишения.

В этих условиях беженцы спешно изучали языки, зубрили по ночам учебники стенографии, наводили какие-то справки. В них снова пробудилась национальная гордость, оскорбленная общим молчаливым приговором. Молча, ничего не обещая, не строя никаких планов, в припадке отчаянной решимости, русские упорно работали.

Теперь, через десять лет, странно вспомнить это первое время и этот общий приговор «обреченным». Никто теперь не говорит об обреченности беженцев, о том, что им «все равно придется погибнуть». Теперь, напротив, все говорят об их силе, об их жизненности, об их огромном влиянии во всех областях труда. Следует понять, что достигнуто это единоличными, разрозненными усилиями беженцев, которые боролись за свою честь и за свою жизнь без чьей бы то ни было помощи и при общем недоверии к их силам. Организаций, которые облегчали бы эту борьбу, не существовало, и беженцы были предоставлены самим себе. Тем более ценно то, что достигнуто:

Для самих русских была неожиданностью открывшаяся в них рабочая энергия и способность к самым сложным и тяжелым формам труда. В течение полутора веков русские культурные классы считались неспособными к практическому труду. В сказке Салтыкова-Щедрина о трех генералах[23], попавших на необитаемый остров, описывалось, как генералы умирали с голоду, пока не нашли спавшего под деревом мужика, который «от работы отлынивал». Разбуженный ими мужик сейчас

[23] Речь, вероятно, идет о «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» (1869), вошедшей в сказочный цикл М. Е. Салтыкова (псевдоним Н. Щедрин).

же добыл им рыбы, дичи, устроил беспомощным генералам благополучную жизнь на острове, помог им вернуться домой, и за все это генералы выслали ему на кухню полтину и рюмку водки: «Веселись, мужичина!»

Обвинение в неспособности к действительной жизни тяготело над русскими культурными людьми — даже толстовство не отвергло его, так как оставалось «барской затеей». Хороших ремесленников и земледельцев из толстовцев не вышло, да и надобности тогда в том не было. До тех пор, пока попытки заняться ручным трудом не подсказывались реальной пользой себе и другим, до тех пор, пока они были искусственным экзаменом, и вызывались отвлеченными теориями, ничего путного из этого не получалось.

Но изгнание проделало опыт в гигантских размерах. Не три генерала[24], как в салтыковской сказке, а десятки тысяч людей, никогда не занимавшихся ручным трудом, очутились в тяжких условиях, наиболее трудных для заработка, без всякой помощи. И вот больные, измученные, нравственно обессиленные, они все же проявили такую способность к труду, какой позавидовали бы опытные рабочие.

Это навсегда должно сгладить пропасть между русским крестьянством и теми, кого в течение более чем сотни лет клеймили названием «белоручек».

Если эмигранты вернутся в Россию и займутся культурной работой, их уже нельзя будет обвинять в неспособности к простому труду и презрительно говорить: «книжки-то легко читать». Русские культурные люди доказали в изгнании, что они способны ко всякому труду. Профессора и студенты оказались в изгнании отличными мастерами.

В поисках заработка эмиграция рассеялась по всем странам. Иным удалось применить свои прежние познания: так, например, в Перу русские офицеры стоят во главе военного образования[25], так в Югославии существуют русские школы и институты с преподавательским составом из прежних русских учителей и воспитателей[26], так русские профессора занимают кафедры и читают публичные лекции во многих иностранных Университетах, так русские старые ученые смогли в новых заграничных условиях продолжать с пользою свою прежнюю научную работу[27], так

---

[24] В повести речь идет о двух генералах.

[25] Эти положения Б. А. Евреинова подтверждаются исследованиями современных историков. О русской эмиграции в странах Латинской Америки см. подробнее работы Мосейкиной М. Н., напр.: Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1930-х годах // Российская история. 2010. № 3. С. 80–101; см. также: Русское зарубежье в Латинской Америке. Сб. ст. М., 1993.

[26] Сведения Евреинова подтверждаются современными исследованиями сербского ученого М. Йовановича, см.: Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005, а также работами В. И. Косика: Что мне до вас, мостовые Белграда. Русская диаспора в Белграде 1920–1950-е годы. М., 2007 и др.; Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.

[27] О русских ученых за рубежом см. напр.: Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. Сб. ст. М., 2008; *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистов первой половины XX века. М., 2006; *Ковалев М.* В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е годы). Саратов, 2012; *Волошина В. И.* Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М., 2013; *Аксенова Е. П.* Охота к перемене мест? (миграция русской интеллигенции в зарубежных странах) // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия Спб., 2011. С. 339–364.

русские врачи работают по своей специальности во всех странах[28], и русские артисты заняли видное место в заграничной театральной жизни[29].

Все же большинству пришлось отказаться от прежней специальности, на подготовку к которой были отданы лучшие годы жизни. Большинству беженцев пришлось, забыв о старом, приняться за ту новую работу, какая только представлялась возможной в чужой стране. Многие занялись земледелием. Русские земледельческие колонии в Аргентине сумели справиться с незнакомыми климатическими условиями и, несмотря на плохую почву полученных наделов, создали процветающие фермы. Русские садоводы на юге Франции вызывают восхищение местных специалистов, хотя французы, по справедливости, считаются лучшими работниками в этом деле. В замкнутых городах-заводах, в которых иностранцу очень тяжело продвинуться, как, например, на заводе Крезо[30], бывшие гвардейские офицеры, сначала принятые с недоверием, добиваются звания мастера и успешно сдают специальные рабочие экзамены. На автомобильных заводах Рено, Ситроена и др. работает с упорством множество бывших офицеров, моряков, студентов. Количество русских шоферов в Париже так велико, что рассказывают анекдот, как один приезжий русский, забывшись, закричал на улице, как в России: «извозчик!» и на его зов сразу подкатило несколько автомобилей с русскими возницами. Во многих отраслях труда русские настолько преуспевают, что возникает вопрос о защите местных рабочих от их конкуренции. Во Франции установлен процент для приема иностранных рабочих, но владельцы крупных фирм борются за право иметь на своей службе русских. На рабочем рынке всего мира русский считается добросовестным, способным, толковым и продуктивным рабочим. Когда представитель парижского торгпредства пришел в крупную французскую фирму, наивный администратор, показывая ему склады, с уважением и гордостью указал на группу русских эмигрантов: «это наши лучшие рабочие».

В России французская кухня и французское шитье ценились особенно высоко. А во Франции почетное место заняли теперь русские мастерицы и портнихи. Русские гастрономические магазины и русские рестораны процветают в Париже не только благодаря беженской массе, но благодаря их успеху у богатой и избалованной французской публики. Русские магазины успешно соперничают с лучшими французскими фирмами. Спрос на русское вышивание создал особый вид промышленности.

Молодые русские женщины, которые в Константинополе десять лет тому назад казались обреченными, теперь изучили ремесло, усвоили требование заграничной

---

[28] О русских врачах в Югославии издан биографический справочник: Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946) / отв. ред. М. Милошевич, В. Москвин; сост. М. Горинов-мл., М. Сорокина, Н. Петрович, М. Медакович, Р. Радженович. М., 2012.

[29] О русских артистах за рубежом см.: *Литаврина М.Г.* Русский театральный Париж: 20 лет между войнами. СПб, 2003; *она же.* Театральная жизнь русского Берлина 1920-х гг.: на эмигрантской ярмарке талантов // Вестник: История. Литература. Искусство. ИВИ РАН. М., 2008. Том V; *она же.* Последний театр // Родина. XX век: Русская эмиграция. Первая волна. 2009, № 4 и др.; *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX–начало XXI века М., 2010; *он же.* Русский театр в Югославии в 1920–1930-е гг. // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.... С. 390–444.

[30] Французский концерн Э. Шнейдера по производству вооружений в Ле-Крезо.

портняжной моды и внушили такое уважение к русскому вкусу и русской работе, что оно, вероятно, навсегда создаст рынок для русского производства. Легкомысленное и пренебрежительное отношение к трудящимся беженцам давно исчезло. Оно сменилось уважением и завистью.

Отдавая весь день подневольной работе для заработка, многие эмигранты стараются сохранить связь с наукой и продолжают учиться. Весною прошлого года блестяще защищал в Парижском университете диссертацию на звание доктора Философии Эмигрант, шофер такси. Чтобы вполне оценить этот подвиг, надо знать условия труда парижского шофера, которые требуют предельного напряжения нервов и внимания в течение долгого дня.

Русские рабочие стараются не порывать связи со своей прежней специальностью. В эмигрантских условиях это требует героического усилия. К моменту освободительного гудка здоровый рабочий чувствует себя не только усталым, но обессиленным и опустошенным. Сытая еда, веселая беседа, долгий сон вполне восстанавливают силы рабочего к следующему трудовому дню. Но когда иностранный товарищ идет отдыхать, русский рабочий только начинает работать на себя. Выпив крепкого кофе для поднятия сил, эмигрант принимается вечером за книги, идет на лекцию и в свой профессиональный кружок. В таких именно условиях посещаются вечерние курсы, практические или научные, устроенные русскими профессорами, сдаются университетские экзамены, проходятся чрезвычайно трудные, особенно для иностранца, экзамены на звание инженера, пишутся и блестяще защищаются университетские диссертации. Выдающиеся поэты, талантливые музыканты, беллетристы, профессора проводят свой день в тяжелой подневольной работе, и лишь с наступлением вечера, с усталой и больной головой могут отдаться своей подлинной деятельности.

Не все выдерживают этот двойной расход энергии, — случаи смерти не редки. Так погиб недавно молодой юрист, блестяще окончивший Университет и усиленно готовившийся к научной деятельности. Перейди он в иностранное подданство, он имел бы право, благодаря своему отличному диплому, получить хорошее привилегированное место. Но русские беженцы остаются верны России и очень редко меняют свои бесправные беженские паспорта на иностранное подданство.

Вынужденный поступить простым конторщиком во французскую фирму, этот молодой юрист доказывал с горячностью: «это предрассудок, будто сутки должны иметь двадцать четыре часа. Мы имеем ежедневно четыре часа для себя от восьми до двенадцати часов вечера и, если считать нормальный срок человеческой жизни в шестьдесят лет, то нам для нашей личной работы остается немало». Расчет оказался неверен: через короткое время у него обнаружилась, от недоедание и от переутомления, скоротечная чахотка, и через месяц он умер, до конца не догадываясь об опасности и строя планы будущей научной работы. Собравшиеся вокруг гроба друзья чтили не только близкого друга, но и павшего на поле чести борца за сохранение культурных сил России. Как на войне, каждый понимал, что та же участь может завтра грозить ему самому. Эта ежедневная борьба за сохранение культурного уровня подсказана не только эгоистичным желанием «выбиться в люди». Путь культурной работы везде есть наиболее тернистый путь в «люди». Эгоизм должен был бы толкнуть на путь авантюрного характера. Нужно отметить, что среди сотен тысяч русской эмиграции процент преступности за все эти

годы оказался самым ничтожным: количество самоубийств насчитывается единицами[31].

Эмиграция избрала наиболее трудный и одинокий путь — путь упорной работы, и всему миру был явлен пример нравственной устойчивости при самых тяжелых жизненных условиях. Пример, показанный русской эмиграцией, очень значителен. У эмигрантов было отнято все: они пришли в изгнание нищими, полуголодными, больными, неся с собой только то, чего нельзя было отнять: свою рабочую силу, свое умственное и культурное достояние. Полунищий эмигрант завоевал себе в короткое время почетное положение в среде тех самых иностранцев, которые раньше считали его обреченным смерти.

* * *

Чтобы помешать неизбежному сближению между трудовой эмиграцией и трудовым русским народом, советская власть создает новую легенду о «завоевателях», которые будто бы желают вернуться в Россию в виде какой-то карательной экспедиции, отнять земли и фабрики у народа и захватить власть на прежних началах. Для этого советская власть недобросовестно пользуется существованием — по большем части старых помещиков и царских чиновников, — которые действительно не хотят понять нужд новой России и стоят на прежних отживших позициях. Но с каждым годом этих эмигрантов становится меньше. Пример заграничной жизни, основанной на началах полной свободы и равенства, действует на их взгляды и заставляет их убедиться в необходимости демократического строя для здоровой жизни страны. Самая жизнь в трудовых условиях, среди рабочих, постепенно меняет их взгляды. Таким образом, в самых правых кругах эмиграции все эти годы идет процесс постепенного приобщения к демократическим идеям. Но немногие правые «вожди» продолжают высказывать прежние взгляды, и советская власть пользуется этим для того, чтобы обманно приписать мысли отдельной правой группы, притом все более уменьшающейся, широким кругам русской демократической эмиграции. На самом деле, все живое и жизнедеятельное в русской эмиграции сторонится от подобных взглядов даже тогда, когда вообще не имеет времени и охоты интересоваться политикой.

Эмигранты, проведшие десять лет в неустанной работе, ни на мгновение не забывают о России. Но большинство их, конечно, не мечтает о захвате власти. Сохраняя прежние знания, набирая новые, проделывая свой тяжелый трудовой опыт и присматриваясь заграницей ко всему, что может быть полезно будущей России, широкие круги эмиграции надеются, если им придется вернуться на родину, разместиться по соответствующим отраслям труда и работать на благо родины, каждый по своим силам и по своей специальности, не требуя для себя никаких преимуществ и не ища власти. Инженер, проработавший много лет простым рабочим, знает на собственном опыте все трудности рабочей жизни и будет, конечно, об этом помнить, если снова станет в России инженером. Трудовой опыт эмиграции не будет ею забыт. И русский рабочий, трудясь под руководством инженера-эмигранта, сможет видеть в нем товарища, на своем опыте испытавшего все, а не привилегированного и избалованного жизнью начальника-белоручку.

---

[31] Может быть, Евреинов и прав, но случаи самоубийств были даже в достаточно благополучной для жизни эмигрантов Чехословакии — в 1933 г., бедствуя, устав бороться за жизнь, покончил с собой известный публицист, юрист и экономист В. В. Водовозов. Его супруга последовала его примеру.

О документе: ГАРФ. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д.76. Брошюра, вверху на титуле серия: Республиканско-демократическая партия. Внизу год издания: 1931. На обороте титула лозунг: «Читайте наши листки, передавайте их другим. Но этим дело не кончайте. Подбирайте верных и близких людей, договаривайтесь друг с другом. Верьте, что союзники везде и что когда созреют силы, они себя покажут. Большевикам с народной организованной силой справиться не удастся»[1].

Е.П. Серапионова

Б.А. Евреинов

Лицо политической эмиграции

Власть олигархической группы, насильно правящей Россией, при посредстве миллионного «аппарата», видимо, приходит к концу. Теперешний вождь ее, Сталин[2], сам сокращает сроки существования этой власти, провозглашая безумную программу превращения России в социалистическую страну при помощи неосуществимой «пятилетки», и подрывая все производительные силы народа, чтобы «догнать и перегнать» передовые страны Европы. Провал этой сумасшедшей затеи неминуем. Он уже происходит на наших глазах, и сами большевики вынуждены признаться в своей неудаче. Они теперь пытаются сваливать вину на других и ищут «вредителей» среди тех специалистов, которые предупреждали их о неразумности их затеи. Но им мало того, чтобы выделить этих «вредителей» из близкой им среды работников, служившей им не за страх, а за совесть. Они стараются раздуть в глазах народа созданную ими самими опасность: им хочется всячески доказать, что опасность грозит не им самим, а целой России. Для этой цели они сочиняют видимость судебных процессов, на которых заставляют несчастных подсудимых, под угрозой пытки рассказывать сочиненные ими небылицы о том, как весь мир ополчился на Россию и грозит на нее обрушиться. Ничего подобного, конечно, нет в действительности. Никто не собирается нападать на Россию, а своими криками о войне и своими вооружениями большевики только заставляют иностранцев опасаться нападения со стороны Советской России. К этим мнимым планам иностранцев против России большевики постарались припутать и русскую эмиграцию. Сделано это очень неумело; среди обвиненных в заговоре оказались даже и покойники, а толки о какой-то связи эмигрантов с Пуанкарэ[3] и Брианом[4], о подготовке совместно-

---

[1] Публикация подготовлена в рамках проекта программы ОИФН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы». Проект «Евразийство в политических проектах стран ЦЮВЕ».

[2] Сталин И.В. (наст. фамилия Джугашвили) (1879 –1953) — советский политический, государственный, военный и партийный деятель, руководивший СССР с конца 1920-х до своей смерти в 1953 г.

[3] Пуанкаре Раймонд (Raymond Poincaré) (1860–1934) — французский государственный деятель, трижды занимавший пост премьер-министра Франции, президент Франции в 1913–1920 гг., лидер партии консерваторов.

[4] Бриан Аристид (Aristide Briand) (1862–1932) — французский политический деятель, несколько раз занимал пост премьер-министра Франции, министр иностранных дел,

го нападения на Россию и т. д. только обличили лживость большевиков перед глазами всего света. Иностранцы, конечно, только смеются над этими вздорными измышлениями, которыми обличители обличают только самих себя, но на русскую эмиграцию брошена тень в глазах всей России, — и нет ничего удивительного, что кое-кто и поверит в хитросплетения Крыленки[5], выдаваемые за подлинные факты. Все отдельные лица, названные потерявшими всякий стыд и совесть прислужниками власти, уже опровергли в эмигрантской печати возведенные на них небылицы. Но обвинены не только отдельные лица. Обвинены целые политические направления. При этом большевики употребили свою обычную тактику — мазать одной сплошной краской все политические направления эмиграции. Такое нападение не должно остаться без ответа. Ответом пусть служит предлагаемый здесь спокойный фактический рассказ о действительных политических взглядах и стремлениях эмиграции. Из него читатель увидит, откуда взяты большевиками краски для сочинения мнимого заговора и до какой степени их обвинения, неверные вообще, противоречат действительным направлениям демократического лагеря эмиграции, на который особенно направлено их нападение — и которого, как видно из этого, они особенно боятся. Этой боязнью мы гордимся; эти обвинения падают от внутренней неправды. Но пусть читатель судит об этом не на основании наших слов, а на основании спокойно и добросовестно изложенных фактов.

Сколько их, русских эмигрантов-беженцев, ушедших из России, чтобы продолжать противобольшевицкую борьбу за рубежом или просто спасающихся от красного застенка?

На этот вопрос — о численности эмиграции — никто не может дать точного ответа. Общей регистрации, о которой подумывал «Верховный комиссариат по делам беженцев при Лиги Наций», пока осуществлено не было[6].

внутренних дел, военный и юстиции. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 г. за заключение Локарнских соглашений.

[5] Крыленко Н. В. (1885–1938) — советский государственный и партийный деятель, Верховный главнокомандующий российской армией после Октябрьской революции 1917 г., занимал ряд высших постов в органах власти. В 1929–1931 гг. прокурор РСФСР, в 1931–1936 гг. народный комиссар юстиции РСФСР, в 1936–1938 гг. народный комиссар юстиции СССР. Расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1956 г. в виду отсутствия состава преступления.

[6] На самом деле еще в 1921 г. Лигой Наций и Обществом Красного Креста была предпринята одна из первых попыток определения численности русской эмиграции, по данным этих организаций, в славянских странах, Румынии и Турции насчитывалось 758 тыс. эмигрантов из России. По сведениям Международного бюро труда в Европе в 1923 г. проживало около 1 млн российских беженцев, 800 тыс. из которых сумели найти работу, а 200 тыс. не имели определенных занятий. Согласно отчетам верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций д-ра Ф. Нансена, в 1926 г. в Европе и Азии проживало 1 млн 131 тыс. человек, эмигрировавших из России, в 1928 г. (при отсутствии данных по Германии, где в 1926 г. находилось 400 тыс. выходцев из России) — 748 тыс. человек, а в 1929 г. — 1 млн 8 тыс. Цифры эти неполные, так как не учитывают количество эмигрантов в Северной и Южной Америке и Австралии. (*Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 17–19).

Во всяком случае, эмигрантов-беженцев за рубежом родины около *одного миллиона*[7].

Большинство ушло из России в результате поражения белых армий на юге, севере, востоке и западе России.

Скажем еще, что многие русские люди отчаялись найти себе даже скромное место на суровом европейском рабочем рынке и отправились искать счастья за океан.

Южная Америка, Алжир и Марокко, Экваториальные колонии Франции и Бельгии — Судан, Конго и другие, подчас не видавшие белых европейцев места, слышат сейчас русскую речь. Когда-нибудь, когда теперешние изгнанники обретут путь в свое отечество, они смогут много рассказать интересного, а подчас может быть и поучительного о своих скитальческих днях своим близким. Многое можно писать о житии-бытии, о быте зарубежной России, но мы будем говорить здесь только о той части эмиграции, которая продолжает вести изо дня в день политическую работу.

Этот авангард, конечно, связан со всей эмигрантской массой, но в то же время лишь он может быть назван *политической*[8] эмиграцией.

Во что же верит эта противобольшевицкая политическая эмиграция? Как понимает она свою задачу? Какими путями ведет она борьбу с засевшими в России насильниками? Что за идеалы воодушевляют ее в этой борьбе? Какой порядок вещей хотела бы она принести России на смену коммунистической диктатуре и сталинскому самодержавию?

На эти вопросы нет единообразного ответа. Говорят, будто в России иногда удивляются, почему эмиграция не едина, почему не устранит она в себе внутренние разногласия, чтобы скорее и удачнее достигнуть победы над общим врагом — большевиками?

Ответ на этот вопрос даст дальнейшее изложение. Обратимся, прежде всего, к перечислению главных политических сил эмиграции и к тем лозунгам, которые значатся на ее знаменах.

Мы увидим тут одну общую черту. Все политические группы эмиграции относятся непримиримо к советской власти, рассматривая эту власть как власть насильническую, как власть пагубную для русского народа, для русского государства. На этом кончается единство и начинаются различия. Перейдем к ним, располагая политические группировки эмиграции справа налево.

В этом порядке всю эмиграцию можно разделить на четыре группы:

1) реставрационно-монархическую;
2) непредрешенческо-монархическую;
3) демократическую и
4) демократически-социалистическую.

Начнем с группы первой.

---

[7] Здесь и далее выделение курсивом в тексте. При всем разбросе мнений современных исследователей на этот счет, большинство из них сходится на цифре 2 млн, но в Европе действительно находилось около 1 млн россиян.

[8] В отличие от современной эмиграции, по преимуществу экономической, постреволюционная эмиграция была вынужденной и политической, то есть покидали Россию по политическим причинам, прежде всего, несогласия с установленным большевистским режимом, либо были высланы из страны.

Монархисты-реставраторы

Большевики лгут, говоря, что вся эмиграция состоит из помещиков, капиталистов, из сановников и генералов царского режима, стремящихся вернуть Россию к худшим временам Николаевского строя. Вовсе не вся эмиграция состоит из представителей привилегированных классов, и вовсе не все «помещики и капиталисты» являются безоглядными сторонниками «стопроцентной» реакции. Однако такие реставраторы и реакционеры в рядах эмиграции имеются. Не так их много, как они сами любят о том заявлять, но шум и вред от них немалый. На улицах Берлина и Парижа и сейчас можно встретить грузную фигуру старого думского скандалиста и злостного заговорщика, когда-то известного всей России, курского депутат Маркова II[9]. С этим именем и с многими другими именами, стоящими с ним в ряд, у русских людей старшего поколения связано много горестных воспоминаний о совершенных государственных преступлениях и о сорванных попытках демократии предотвратить надвигавшуюся на Россию катастрофу.

В некоторых, правда очень чахлых и захудалых зарубежных изданиях, можно прочесть «манифест», подписанный «всероссийским самодержцем» — «Императором Кириллом»[10]. (Тем самым великим князем Кириллом Владимировичем, который в первые дни февральской революции одним из первых явился к временному комитету Государственной Думы с уверениями в своей преданности и лояльности).

Первым штабом монархически-реставрационной эмиграции является «Высший монархический совет», возникший на монархическом съезде в Рейхенгалле (в Германии) в 1922 г. С тех пор «рейхенгальцы» дважды собирались в Берлине, а в последний раз их очередной съезд происходил в Париже. В этих рядах руководство принадлежит таким людям как Крупенский[11] (теперешний председатель Высшего монархического совета), Марков II и др.

Монархический совет издает ежемесячный сборник «Двуглавый Орел»[12]. Сборник этот является образцом черносотенной погромной литературы. Страницы «Двуглавого Орла» заполнены непристойной бранью по адресу прогрессивной русской общественности, якобы вызвавшей в союзе с «иудо-масонами» революцию, которая представляется марковским публицистам заговором международного еврейства против самодержавного строя, освященного историей и Богом. Не столько самих большевиков, сколько разных социалистов, демократов, либералов и даже конституционных монархистов «Двуглавый Орел» считает наемниками сатаны и слугами еврейского капитала. Наряду с крайним прославлением династии Романовых «Двуглавый Орел» по адресу русской интеллигенции не находит иных слов, как слова полу-цензурной брани.

---

[9] Имеется в виду Марков Н. Е. (1866–1945) — общественный и политический деятель, публицист, один из лидеров «Союза русского народа», депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов; в эмиграции с 1918 г., председатель Высшего монархического совета (1921–1926, Берлин). Марков I, вероятно, Марков Д. А. — юрист, политический деятель Галицкой Руси.

[10] Вел. кн. Кирилл Владимирович Романов (1876–1938) — двоюродный брат императора Николая II, в 1924 г. провозгласил себя императором Всероссийским Кириллом I.

[11] Крупенский А. Н. (1853–1923) — тайный советник, гофмейстер, член Государственного совета, русский посол в Италии, депутат IV Государственной Думы, член «Союза русского народа». В эмиграции член Высшего монархического совета.

[12] «Двуглавый орел» — печатный орган Высшего монархического совета, издавался с 1920 по 1922 г. в Берлине, в1926–1931 гг. в Париже, редактор Я. И. Вигуре.

Какова же положительная программа Высшего монархического совета? Они хотят восстановить в России монархический самодержавный строй во главе с неограниченным монархом из династии Романовых. Император должен блюсти православную веру и может иметь при себе совещательно-представительное учреждение, а может такового и не созывать. По восстановлению «законной» власти в России очередной задачей будет ликвидировать правонарушения, вызванные «бунтом в России темных сил». Впрочем даже и эти реакционные крупные землевладельцы, заседающие в Высшем монархическом совете, иной раз готовы отказаться от части «причитающихся им земель» безвозмездно и лишь за две трети (а некоторые даже за треть) «отобранной от них» крестьянами земли желают получить «справедливое вознаграждение».

Правда, на состоявшемся в 1926 г. в Париже Зарубежном Съезде[13] эти господа проговаривались (и достаточно недвусмысленно) о том, что крестьянство само желает удовлетворить помещиков, а, по мнению одного из ораторов, чуть ли не тоскует по крепостному праву. Стоит ли много говорить об идеологии монархистов из «Двуглавого Орла»? Это старые «зубры», сохранившие в неприкосновенности прежние свои понятия. В них только стало больше злобы, они полны мстительности и ярости от сознания своего бессилия, — хотя на словах иногда и отказываются от «мести».

Тактика этих монархистов до 1929 г. (до смерти великого князя Николая Николаевича[14]) заключалась в объявлении себя (тоже на словах) беспрекословно подчиненными этому князю, как высшему авторитету.

В действительности, монархисты-реставраторы стремились всецело завладеть волей Николай Николаевича и подчинить своему влиянию остатки противобольшевицких армий через их старших начальников.

Неудачные выборы на Зарубежный съезд и то незначительное большинство, которое они собрали, явились доказательством того, что в широких слоях эмиграции такие крайние монархисты вовсе не пользуются значительным влиянием. В частности Марков II-ой собрал в свою пользу всего 600 голосов в Париже, где русские эмигранты насчитываются многими десятками тысяч.

После этого легенда о том, будто 85 % эмигрантов принадлежит этому лагерю, окончательно провалилась.

В 1922 году 26 июля великий князь Кирилл Владимирович, опираясь на старый и упраздненный революцией закон о престолонаследии, объявил себя сначала «блюстителем» престола, а потом (12 октября) Императором Российским.

Это выступление тоже не вызвало сочувствия большинства монархических кругов. Высший монархический совет пошел за в.к. Николаем Николаевичем, который

---

[13] Всезарубежный съезд проходил в Париже, в отеле «Мажестик» с 4 по 11 апреля 1926 г. под председательством П. Б. Струве. На съезд от 200 эмигрантских организаций было выбрано 450 делегатов из 26 стран. Общий орган управления создать на съезде не удалось, но съезд дал эмиграции моральную цель существования — ради воскрешения национальной России, призвав к организации и мобилизации Зарубежной России.

[14] Вел. кн. Николай Николаевич Романов мл. (1856–1929) — внук императора Николая I, дядя Николая II, в 1914–1915 гг. Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи, скончался в возрасте 72 лет во Франции. Перезахоронен 30 апреля 2015 г. в часовне «Преображения Господня» на Братском кладбище героев Первой мировой войны в Москве на Соколе.

не признал Кирилла. Не встретил самозванный «Император» поддержки и у покойной матери последнего царя — Марии Федоровны. Монархисты в своей массе признали не своевременным заводить эмигрантского императора. К тому же и личность Кирилла слишком очевидно не соответствовала возлагаемому на него «бремени». Монархисты сочли более правильным идти за Николаем Николаевичем, пользовавшимся большой популярностью.

Таким образом, монархическое движение пошло по двум руслам: появились «николаевцы» и «кирилловцы».

Кирилл попытался быть более податливым, чем твердо-каменная марковская компания. Он выпустил ряд манифестов, в которых наряду с подчеркнутой строгостью в соблюдении «легитимных» законных начал, говорилось о признании завоеваний революции. Кириллу терять было нечего, и он охотно играл в «популярность», признавая то федеративный принцип, то свободные советы, то земельную революцию. Правда, провинциальные хитрецы, окружающие потешный двор императора, всегда находили осторожные оговорки для того, чтобы сохранить возможность легкого отступления от всех этих заигрываний бутафорского самодержца.

Смерть Николая Николаевича поставила его приверженцев в трудное положение. Те из них, которые были объединены в Высший монархический совет, естественно должны были искать новой опоры в ком-то из Романовых.

Скрепя сердце, им пришлось пойти к уже имеющемуся «императору». И император поспешил навстречу столь ценным верноподданным. Он не потребовал от них безусловного покаяния. В результате состоялось примирительное решение, и николаевские монархисты как бы «полупризнали» императора, склонившись перед ним, как перед старшим в роду Романовых новым «вождем».

«Высший Монархический совет» признал Кирилла Владимировича как «блюстителя трона», но не как императора. По-видимому, взгляды бывших николаевцев продолжают меняться, и близко время, когда круг верноподданных императора значительно расширится за их счет.

Демагогическая позиция Кирилла допускает большую свободу маневрирования, как в идейном отношении, так и в тактическом. Это привлекло к нему некоторые кружки монархической молодежи (если можно этим словом определить людей, достигших тридцатилетнего возраста, а то и далеко за него переваливших). Эта «молодежь» пыталась сочетать «веру и верность» Романовской династии и «законному» императору с попыткой «учесть великие сдвиги и изменения, принесенные революцией».

Примыкая полностью к своим старшим и по существу ничем не отличаясь от них по своей настроенности, эта молодежь пыталась наметить новые пути борьбы с большевиками, опираясь на идею крайнего «активизма».

Эти группы обвинили «стариков» (имеются в виду, конечно, старики прогрессивного, либерального, демократического или даже умеренного монархического толка) в «слюнтяйстве», в нерешительности, в неспособности решиться на новые политические действия.

Кирилловская молодежь объединилась в очень немногочисленный союз «младороссов»[15]. Младороссы — совместно с более неопределенной группой «национальной

---

[15] В 1923 г. на Всеобщем съезде национально мыслящей русской молодёжи в Мюнхене был образован Союз «Молодая Россия», его председателем избрали А.Л. Казем-Бека. В 1925 г. организация была переименована в Союз младороссов. Просуществовала до 1942 г.

молодежи» фашистского толка, занялись изданием собственной газеты под названием «Наше Знамя»[16]. Этот орган сосредоточился на нападках на старшее поколение. Нападки эти, притом, имели характер столь непристойный, что вызвали единодушный отпор всей эмигрантской печати. Кроме того, с февраля 1930-го года появился сборник «Младоросс»[17], в котором развиваются уже в полном виде взгляды этой группировки. Наконец «младороссы» попытались объединить около себя «общий фронт» молодежи, затушевав для этого несколько свою «легитимистскую» позицию. Но большой удачи все эти попытки не имеют, хотя и «разлагают» старые твердокаменные взгляды бывшей военной молодежи, привыкшей подчиняться команде начальства.

Кружки кирилловских приверженцев разбросаны почти по всем странам, в которых живут русские беженцы, но по всюду эти кружки крайне немногочисленны и составляют меньшинство в правых рядах.

Чтобы закончить рассказ об «Императоре» Кирилле и его окружении, скажем, что в Югославии выходит газета, являющаяся официальным органом «императорского» двора. Газета эта называется «Царский вестник»[18].

Кроме того печатаются особые «Оповещания», в которых публикуются приказы «Государя Императора». По императорской армии и флоту, а также «Высочайшие приказы» по общим делам и по «Государеву совещанию», состоящему при Императоре. Само это «Государево совещание» состоит из старых черносотенцев.

Монархисты-реставраторы в обеих своих линиях — николаевской и кирилловской– вряд ли могут кого-нибудь ввести в заблуждение. Социальная природа и политические стремления этого течения слишком очевидны. Не этим кругам и не этим людям, приведшим Россию к катастрофе, а Романовскую династию к гибели, рассчитывать на будущее.

Представляя собой наиболее эгоистическую, наиболее ослепленную и непримиримую часть старой аристократии или крупного помещичьего землевладения и бюрократии, монархисты-реставраторы глухой стеной отделены от новой России.

Перейдем теперь к тем, кто считает себя в эмиграции в большинстве. Это целый ряд организаций и групп, которые мы объединили под двойным наименованием.

Непредрешенцы-монархисты

Продолжим наш распорядок в принятом уже нами направлении: справа налево. Придется прежде всего назвать монархистов-конституционалистов или «народных монархистов», которые открыто признают себя монархистами, но вместе с тем отмежевываются от своих соседей справа, о которых была речь выше.

Подробнее о младороссах см.: *Косик В.И.* «Молодая Россия». Вариации на тему национализма в маршах эпохи. М., 2013.

[16] Газета «Наше знамя: Орган российской государственной мысли и борьбы за освобождение России» в 1929–1930 гг. издавалась в Париже Обществом русской государственной идеи под ред. А. Казем-Бека и др.

[17] В Париже выпускался ежемесячный журнал «Младоросс» (1931–1932), выходила газета «Младоросская искра» (1931–1939), был издан ряд сборников.

[18] «Царский вестник» — орган народного движения, за восстановление монархии в России, выходил в Белграде в 1928–1937 гг. редактор-издатель Н.П. Рклицкий.

«Монархисты-конституционалисты», как группировка партийная, не многочисленны и не влиятельны. Их оттесняют, с одной стороны, более определенные и темпераментные правые соседи, с которыми роднит их общность социального лица, а с другой, большие группы монархических по своему существу, но не говорящих открыто и прямо о своем монархизме.

В Париже в списке политических группировок значится «российское центральное объединение». Эта организация возникла в значительной мере на развалинах другой, продолжающей влачить призрачное существование организации — «Национального комитета», отличаясь от последнего более правым составом. Органом этим недавно сформировавшихся кругов является парижская газета «Возрождение». В том же Париже «при ближайшем участии» П. Б. Струве[19], выходит еженедельная газета «Россия и Славянство».

Вокруг этой газеты группируются сотрудники, ушедшие из «Возрождения» после разрыва первого редактора этой газеты — Струве — с ее издателем и собственником, б. нефтепромышленником Гукасовым[20].

Для того, чтобы понять существо только что названных органов печати и организаций и тех разнообразных «национальных» объединений, которые вокруг них группируются, нужно вернуться к прошлому: времени окончания вооруженной «белой» войны с большевиками и возникновения эмиграции.

Борьба «белых» армий на фронтах была проиграна, но «белый порыв» сохранился. Сохранились и «кадры» белых войск, вывезенные ген. Врангелем[21] из Крыма и помещенные союзниками на Галлиполийском полуострове в Дарданеллах, причем было сохранено подобие воинской организации в виде «корпуса русской

---

[19] Струве П. Б. (1870–1944) — экономист, философ, историк, публицист, политический деятель, теоретик «легального марксизма», член конституционно-демократической партии (кадетов), участник Белого движения; в эмиграции с 1920 г.

[20] Речь идет о А. О. Гукасове (1872–1969) , выпускнике Лазаревского института восточных языков (1890), получившим образование также на физико-математическом факультете Новороссийского университета в Одессе и в Лейпцигском университете; докторе естественных наук и докторе философии (1898). В 1899 г. он поселился в Лондоне, представлял интересы компаний одного из крупнейших российских нефтепромышленников П. О. Гукасова в Европе. В 1907 г. основал судостроительное общество «Baiting Trading Co». Затем переехал в Париж, в 1924 г. учредил там судостроительное общество нефтеналивных судов «Les Petroles d'Outre-Mer», в 1925 г. начал строить дома в Париже и других французских городах. В 1920-х годах принял французское гражданство. В 1925–1940 гг. издавал правоцентристскую газету «Возрождение» (привлёк к её редактированию П. Б. Струве, однако в 1927 г. разошёлся с ним из-за политической позиции Струве), основал при её редакции одноимённое универсальное издательство, которое выпускало книги и журналы на русском языке, распространяло грампластинки с русскими текстами и музыкой. Один из спонсоров Русского зарубежного съезда (1926). Организатор (1926) и председатель Российского центрального (с 1937 национального) объединения в Париже (имело отделения в других французских городах), в которое входили представители правого крыла русской эмиграции. В 1949 г. возобновил издание «Возрождения» в виде журнала.

[21] Врангель П. Н. (1878–1928) — барон, генерал-лейтенант, командующий войсковыми соединениями в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России (ВСЮР), Правитель Юга России, Главнокомандующий ВСЮР (с 22 марта 1920 г.), затем Русской армией; в эмиграции с 1920 г., основатель Русского Общевоинского союза (РОВС).

армии». По соседству на острове Лемносе был расположен казачий корпус. В это время летом 1921 года вся политическая эмиграция разделилась на два основных лагеря. Одни считали необходимым прекратить вооруженную борьбу при помощи интервенции и установить демократическую программу освобождения России от засевших в Кремле насильников-большевиков. Другие — напротив, находили возможным продолжать борьбу старыми средствами, а для этого пытались поддерживать уверенность бойцов в том, что вскоре выйдет новый «приказ» и борьба возобновится по-прежнему. Тогда окончательно распалось временное объединение политических деятелей, поддерживавших белые армии в вооруженной борьбе, пока не выяснилось полное расхождение между народными массами и белым командованием.

Выразителем и руководителем отказа от прежних приемов борьбы во имя новой тактики явился П. Н. Милюков[22] и примкнувшие к нему демократические и республиканские организации.

Об этих течениях мы скажем ниже.

Защиту второй позиции — продолжения вооруженной борьбы прежними средствами — взяли на себя разбираемые нами теперь непредрешенческо-монархические группы.

Н. Н. Львов[23] выразил их настроение словами: «Кубанский поход продолжается».

В. В. Шульгин[24] заговорил о новом этапе прежней белой борьбы, лишь *облагороженном* неудачей. Карташев[25], посетивший Галлиполийские лагеря, нашел, что в Галлиполи бьется сердце «национальной» России, а П. Б. Струве заявляет, что с этого момента «с галлиполийского подвига генералов Кутепова[26] и Врангеля» открывается славнейшая страница в истории противобольшевистской борьбы белых армий.

За этими громкими фразами скрывалась определенная политическая линия. Говорилось так: политическое направление, избранное руководителями

[22] Милюков П. Н. (1859–1943) — историк, публицист, редактор, общественно-политический деятель, теоретик и лидер конституционно-демократической партии; в эмиграции с 1918 г.

[23] Львов Н. Н. (1867–1944) — юрист, публицист, журналист, общественно-политический деятель, член ЦК конституционно-демократической партии, затем один из лидеров партии прогрессистов, депутат Государственной думы 2–4-го созывов, участник Белого движения; в эмиграции с 1920 г.

[24] Шульгин В. В. (1878–1976) — публицист, журналист, общественно-политический деятель, монархист, депутат Государственной думы 2–4-го созывов, участник Первой мировой войны, один из идеологов Белого движения; в эмиграции в 1920–1944 гг., в 1944–1956 гг. отбывал заключение в СССР.

[25] Карташев А. В. (1875–1960) — общественно-политический и церковный деятель, богослов, историк русской церкви, публицист, член ЦК конституционно-демократической партии; в эмиграции с 1919 г., профессор Русского Православного Богословского института в Париже.

[26] Кутепов А. П. (1882–1930) — генерал от инфантерии, участник русско-японской и Первой мировой войны, командующий войсковыми соединениями в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии ген. П. Н. Врангеля; в эмиграции с 1920 г., председатель Русского Общевоинского союза (РОВС), в 1930 г. похищен в Париже агентами ОГПУ.

и советчиками «белого» движения не потерпело неудачи в основном. Произошла лишь временная военная неудача, вызванная «превосходством сил противника».

Мало того: и в обстановке борьбы нет радикального изменения, требующего полной перестройки фронта; поэтому задача заключается лишь в том, чтобы сохранить армию в ее новом обличии, сначала галлиполийских «сидельцев», потом парижских шофферов и рабочих или белградских и пражских студентов или инженеров до того часа, когда вновь наступит благоприятный момент для возобновления «похода». Некоторые политические деятели избрали, как бы своей специальностью, служения этой своеобразной армии, явились ее певцами, рыцарями и пестунами.

В зависимости от такой позиции в отношении армии складывались и политические взгляды, и тактика правых группировок. Нужно было «поддержать» *командование* и военного *вождя*. Для этого был создан при генерале Врангеле в Константинополе, а потом в Белграде «Русский Совет». Однако же обстановка требовала и от политических деятелей этого направления активности и самодеятельности. Нужно было создать что-то более самостоятельное и авторитетное для общественного мнения, нежели совещание при главнокомандующем. Армия не воевала, — естественно, и не могла воевать; надо было вести борьбу более «гражданским способом». Наконец, перед лицом иностранцев надо было создать влиятельное внепартийное объединение политических сил, могущее защитить печатным словом указанные позиции.

Тогда созывается в Париже национальный съезд и искусственно создается, несмотря на его неполноту, мнимо «Национальный Комитет».

Струве, министр иностранных дел генерала Врангеля, Бурцев[27], В. Д. Набоков[28], убитый потом монархистами-черносотенцами во время покушения на Милюкова, деятель Особого совещания при ген. Деникине[29] — М. М. Федоров[30] и бывший министр вероисповеданий Временного Правительства А. В. Карташев — вот виднейшие его представители.

---

[27] Бурцев В. Л. (1862–1942) — историк, публицист, журналист, издатель, общественно-политический деятель; в эмиграции с 1918 г. сначала в Финляндии, затем во Франции, издавал газету «Общее дело».

[28] Набоков В. Д. (1869–1922) — юрист, общественно-политический деятель, публицист, член ЦК партии кадетов, депутат Государственной думы 1-го созыва, управляющий делами Временного правительства, министр юстиции Крымского краевого правительства в 1918–1919 гг., в эмиграции с 1919 г. в Лондоне, Париже, с 1920 г. в Берлине, где издавал с П. Н. Милюковым журнал «The New Russia», с И. В. Гессеном газету «Руль», погиб во время покушения на П. Н. Милюкова. Отец писателя В. В. Набокова.

[29] Деникин А. И. (1872–1947) — генерал-лейтенант, русский военачальник, участник русско-японской и Первой мировой войн, политический и общественный деятель, писатель, мемуарист, публицист, военный документалист, один из руководителей Белого движения, командующий, затем Главнокомандующий Добровольческой армией и Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР); в эмиграции с 1920 г., с 1926 г. во Франции.

[30] Федоров М. М. (1858–1949) — общественно-политический деятель, член партии кадетов, временно управляющий Министерством торговли и промышленности (1906), один из руководителей «Национального центра» (1918), член Особого совещания при ген. Деникине; в эмиграции с 1920 г., жил в Париже, член Русского национального комитета, Совета Российского финансово-торгово-промышленного союза и др. общественных организаций, сотрудник и редактор журнала «Борьба за Россию».

Увы, все факты противоречили поставленной «Н. К.» задаче: и международная обстановка, и события на родине, и психологические изменения в эмиграции, фатально развивались в направлении противоположном тактике «Национального Комитета».

Из «весенних походов», периодически обещавшихся главнокомандующими будто бы при содействии Польши и Румынии — ничего не выходило, и выйти не могло. Военную форму пришлось снять. Полки и батареи стали значиться лишь на бумаге. В связи с новой обстановкой появилась надобность в новом «возглавлении». Наряду с главнокомандующим понадобился «вождь национальной России».

Не трудно догадаться, что в эти вожди прочили бывшего главнокомандующего русской армии в великую войну вел. кн. Николая Николаевича.

Если для монархистов-реставраторов марковского толка, о которых речь шла выше, Николай Николаевич был бесспорным главой как достойнейший представитель романовской семьи, то для правых течений и офицерских кругов бывшей белой армии, он оказался единственным кандидатом, удачно сочетавшим «царский корень» с наличием некоторого личного обаяния. Его имя было связано с воспоминаниями о великой войне и отсюда вытекал некоторый авторитет Н. Н. в иностранных кругах.

Так родилась идея выдвинуть «национального вождя царского корня», окончательно утвержденная представителями правой эмиграции на Зарубежном съезде, состоявшемся в Париже в 1926 году. Возглавление Николаем Николаевичем пережитков белого движения и остатков армии, превращенной в «обще-воинский зарубежный союз», с одной стороны, выявило и укрепило таившиеся в этих рядах монархические стремления. Нужно было пройти долгий и трудный психологический путь для того, чтобы от первых дней добровольчества, от дней Каледина[31], Корнилова[32] и Алексеева[33], прийти к «царскому корню». С другой стороны, однако, объявление Ник. Ник. национальным «вождем» формально все же не предрешало формы правления, и это дало возможность объединиться вокруг его имени людям неопределенных политических настроений.

Круги Национального Комитета, потом «Центрального Российского Объединения», о котором мы уже говорили, наконец, официальные руководители армии могли, поэтому, остаться в этом вопросе формально «непредрешенцами».

---

[31] Каледин А. М. (1861–1918) — генерал от кавалерии, русский военачальник, отличился в Первой мировой войне, Донской войсковой атаман, участник Белого движения.

[32] Корнилов Л. Г. (1870–1918) — генерал от инфантерии, русский военачальник военный разведчик, дипломат, путешественник, исследователь. Герой русско-японской и Первой мировой войн. Верховный главнокомандующий Русской армии (июль-август 1917 г.). Участник Гражданской войны, один из организаторов и Главнокомандующий Добровольческой армии.

[33] Алексеев М. В. (1857–1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, русский военачальник. Участник русско-турецкой и русско-японской войн, начальник штаба Верховного главнокомандующего (с августа 1915 г.). Во время Февральской революции выступил за отречение Николая II от престола и способствовал принятию императором этого решения. Активный участник Белого движения, один из создателей и Верховный руководитель Добровольческой армии.

Они *должны* были это сделать не только потому, что обстановка не позволяла быть откровенными, но и потому, что в их собственных рядах монархическая идея укреплялась лишь постепенно. Некоторые оставались — и до сих пор остаются — сторонниками лишь «твердой власти»; своеобразными русскими фашистами, для которых Николай Николаевич, по их необъяснимой наивности, действительно представлялся лишь *вождем* — не только «по корню», но и по личным своим качествам.

Ход событий нанес ряд тяжелых ударов непредрешенческо-монархическому лагерю. В 1927 году умер от чахотки ген. Врангель. В 1929 году скончался на 73-м году жизни вел. князь Николай Николаевич. 26 февраля 1930 года таинственно исчез из Парижа ген. Кутепов — председатель обще-воинского союза, похищенный большевиками. Его преемник, ген. Миллер[34], не имеет и доли его влияния, хотя и пытается бороться против захвата «воинского союза» монархистами-кирилловцами.

Из того, что было сказано о перечисленных выше группах, явствует, что к ним примыкают и в них работают люди двух типов: 1) скрытые монархисты, считающие тактически выгодным скрываться до поры до времени за непредрешенческими ширмами и 2) подлинные непредрешенцы, — те, кому действительно безразлична форма правления, кто вообще мало задумывается над политическими вопросами и считает достаточным в своей непримиримости к существующему в России порядку, ограничиться чисто отрицательной формой — долой большевиков.

К этой второй группе принадлежат частью рядовые офицеры белой армии, вообще мало искушенные в политических вопросах, частью те политические деятели, которые, будучи испуганы ходом революции, представляют собой распространенный в эмиграции тип кающихся либералов.

Это — люди, потерявшие себя в общественно-политическом отношении. Они не верят ни в старые свои идеалы, ни в самих себя; они тоскуют по сильной власти и готовы преклониться перед всяким лицом, носящим в себе элементы «властности и активизма».

Отсюда тот культ генералов и «генеральские банкеты», которые так характерны для этой части эмиграции. К этим кругам принадлежит, помимо перечисленных политических группировок, значительная часть членов воинских союзов, профессуры, а также торгово-промышленные деятели. Есть, наконец, очень немногие лица, продолжающие быть демократически и даже республикански настроенными, но примыкающие к «непредрешенцам» в ложном расчете — облегчить этим объединение эмиграции. Их объединяет с правыми соседями уверенность в необходимости «жертвенного» отношения к «программным положениям», причем в этом «сворачивании партийных знамен» они идут очень далеко. Они сохранили веру в жизненность «активистской» тактики периода гражданской войны. Эти люди естественно горячо поддерживаются законспирированными монархистами,

---

[34] Миллер Е-Л. К. (1867–1939) –генерал-лейтенант, русский военачальник, один из руководителей Белого движения в 1919–1920 гг., главнокомандующий всеми сухопутными, морскими вооружёнными силами России, действующими против советской власти на Северном фронте; в эмиграции с 1920 г. в Норвегии, затем во Франции. С 1930 г. председатель РОВСа.

при которых они являются заложниками демократии и поручителями их политической благонадежности. Такую двусмысленную роль играл долгое время Бурцев, и по сейчас ее играет отчасти Мельгунов, бывший одним из организаторов и редакторов журнала «Борьба за Россию», но вынужденный уйти из редакции журнала после того, как его соредакторы отказались внять шедшим из России голосам о необходимости открыто объявить демократическое лицо.

Совершенно очевидно, что неудачи, вроде провала Зарубежного Съезда и других многочисленных попыток к объединению эмиграции и к осуществлению походов с целью завоевания России произвели свое действие. На смену неосуществившимся надеждам и неоправдавшимся обещаниям пришло разочарование. Оно опустошило именно в этих рядах многие души и заставило многих вообще отойти от русских дел и интересов. Именно из этой среды выходят люди, принимающие чужое гражданство и врастающие целиком в местную иностранную среду, избрав путь житейски очень соблазнительный.

Недоговоренность и двусмысленность в вопросе о форме правления вполне совпадала у продолжателей белого движения и у всей группы, о которой мы говорим, с такой же неопределенностью и недоговоренностью (большей частью вполне сознательной) и в других не менее важных вопросах.

Так, мы часто читали заявления, что надо признать происшедший в России переход земель к новым собственникам и что не может быть претензий на эти земли со стороны помещиков, — и в то же время на страницах «Возрождения» появился ряд статей проф. Н.С. Тимашева[35] чисто восстановительного характера. Наиболее двойственно в этом смысле высказался Зарубежный Съезд, когда пришлось принимать в союзе с крайне правыми, резолюции по таким вопросам как национальный, земельный, школьный и др. Что касается вопроса земельного, то в свое время Николай Николаевич выразился так: «земля, которую пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята; со своей стороны, власть озаботиться вознаграждением тех, кто лишился своего достояния, перешедшего в руки крестьянства». С тех пор, со времени зарубежного съезда (4-е по 11 апреля 1926 года) не многое изменилось.

Перейдем теперь к рассмотрению демократической эмиграции, не социалистического толка.

Демократы-республиканцы

Опять приходится начать со времени гражданской войны и первых лет эмиграции.

Мы уже сказали, что Крымская катастрофа и эвакуации последних остатков белых армий поставили перед зарубежным общественным мнением основной вопрос, — что делать дальше? Мы упомянули, что часть русской общественности

---

[35] Тимашев Н.С. (1886–1970) — юрист, социолог, экономист, писатель. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, доктор права, профессор экономического отделения Санкт-Петербургского политехнического института; в эмиграции с 1921 г. в Финляндии, с 1923 г. в Чехословакии, с 1928 г. в Париже, в 1936 г. эмигрировал в США, преподавал социологию в американских университетах. Редактор «Нового журнала» (Нью-Йорк).

высказалась за решительный пересмотр приемов борьбы с большевиками. Она прямо указала на пороки белого движения, приведшего его к гибели.

27-го декабря 1920 г. П. Н. Милюков сделал доклад о новой тактике в парижской группе Партии Народной Свободы. Этот доклад лег в основу деятельности части партии и привлек к себе многочисленных сторонников. Но эта же позиция Милюкова привела к расколу среди заграничных членов партии. Голоса в частном совещании членов центрального комитета разделились почти поровну. Не пошедшие с Милюковым приняли участие в создании «Национального Комитета». Они повели политическую работу в союзе с правыми и с командованием белой армии. Напротив, группа Милюкова объявила «новую тактику» и заняла руководящее положение в демократическом лагере, объединяя левые настроения.

В чем же основы «новой тактики», расколовшей партию народной свободы?

В 1921 году, а также во все последующие годы, когда приходилось защищать новую линию от яростных нападок, П. Н. Милюков говорил:

«Старый способ борьбы надо бросить. Возврата к фронтовой борьбе не может быть. Белое движение *не случайно* закончилось неудачей. Несмотря на героизм армии, население встречало ее враждебно. Произошло это по причине неправильной политики вождей. Они не поняли необходимости разрешить главные очередные вопросы — политический, земельный, национальный, в духе новых требований, ставших неизбежными после февральской революции. Провал белого движения есть тяжелый урок, который заставляет пойти новыми путями. Нужно повернуться «лицом к России». Нужно учесть народные настроения, складывающиеся в России под жестоким режимом большевизма. Нужно считаться с тем, что на первый план народной жизни выдвинулись широкие демократические слои населения, и что в этих новых слоях залог возрождения в России».

В области аграрных отношений, во взаимоотношениях труда и капитала произошли такие изменения, которые предуказывают, что в Россию мы можем идти только с программой глубокой экономической и социальной реконструкции.

П. Н. Милюков высказался за «демократическую федеративную республику с сильной подзаконной и ответственной перед народным представительством исполнительной властью».

Занятием определенной республиканской позиции левая группа партии Народной свободы и ее вождь отмежевывались от правых и промежуточных позиций. Этим же самым становилась ясной программа и приобреталась почва для конкретной борьбы.

П. Н. Милюков писал: «Мы должны извлечь из русских бедствий то, что в них может быть признано положительным результатом, и из революции то главное, что ею завоевано: народное верховенство. Вот почему мы республиканцы.

Но мы республиканцы и по другой причине. Ведь старая политическая форма связана со старым социальным строем. Старую монархию поддерживал старый привилегированный класс: землевладельцев. Этот класс всецело уничтожен революцией — и уничтожен в интересах крестьянства, но остатки его еще живы за границей. К ним присоединяются еще остатки прежнего чиновничества. Те, кто думают, что «хозяин» (т. е. царь) может прийти в Россию *один,* без этих своих слуг и помощников, те жестоко ошибаются... За границей это прекрасно известно. Нужно, чтобы это стало известно вовремя и в России».

Принцип федерации также явился одним из краеугольных камней республиканско-демократической платформы. Этим путем, и только им одним, представляется возможность сохранить единство Российского государства и удовлетворить национальные стремления населяющих Россию народов к самостоятельности. Национальные вопросы, как и социальные, встали во весь рост после революции, и пренебрегать ими нельзя.

Само собой разумеется, что кроме того республиканцы-демократы явились сторонниками проведения в жизнь основ демократии «гарантий политических и гражданских свобод, гражданского равноправия и независимого суда».

Они высказались также за всеобщее активное и пассивное избирательное право в органы центрального и местного представительства.

Они призывают «к решительному отказу от коммунистической системы хозяйства и восстановлению производительных сил страны на основе свободной экономической деятельности».

Наконец, отношение к аграрному вопросу было сформулировано так: «признание происшедшего во время революции перехода земли крестьянам и решительная борьба со всеми попытками отчудить землю из рук ее теперешних держателей или иными словами, восстановить дореволюционные земельные отношения». Они не хотят также и возвращения прежним владельцам перешедших государству промышленных предприятий и народных богатств, предоставляя государству самому определить границы вмешательства в народное хозяйство, руководствуясь при этом исключительно соображениями общественной целесообразности и народной пользы.

Республиканцы-демократы считают себя поборниками самой широкой «государственной охраны наемного труда», а также «всеобщего народного просвещения и энергичного содействия ему со стороны государства, общественных организаций и частной инициативы».

Определяя свою тактическую платформу, р.д. группа Народной Свободы главной своей задачей считала борьбу с коммунистической диктатурой, под гнетом которой задыхается Россия. Обращаясь к формам и методам этой борьбы, ведущейся в России, она признала «целесообразными как революционные, так и мирные формы борьбы с существующей коммунистической диктатурой».

Со своей стороны она поставила себе задачей: «бороться с организациями и течениями, которые поддерживают коммунистическую власть», выступать «против пропаганды иностранной интервенции, полагая, что освобождение России является национальным делом самого населения», вести «борьбу против международного признания коммунистической власти, исходя из положения, что это власть не законная и не народная».

Вместе с тем республиканцы-демократы считают нужным «бороться с течениями и организациями, ставящими своей целью восстановление монархии в России».

Естественно и очевидно, что позиция эта вызвала величайшее раздражение в правых, реакционных и интервенционных кругах. Республиканцы-демократы были объявлены изменниками белому движению и его заветам. П.Н. Милюкова называли «разлагателем» эмиграции за то, что он не хотел объединиться с реставрационными кругами.

Его называли, называют и сейчас «угасителем духа активности» за то, что он отказывается от путей примитивного и безответственного «активизма», отрицает

«лубочную», огульную «непримиримость» ко всем происшедшим в России переменам и считает нужным согласовать свои пути борьбы с теми, которые определяются внутри самой России, которые диктуются оттуда. Высшей точкой этих нападок явилось покушение на Милюкова крайних монархистов Шабельского[36] и Таборицкого[37] в Берлине в 1923 году, при котором был убит Набоков.

Программа и тактика единомышленников П. Н. Милюкова явилась как бы выпрямлением прежней основной линии партии Народной Свободы и вообще радикальной, не социалистической русской общественности. Эта линия лишь временно затушевывалась во время гражданской войны, когда указанные нами группы пошли, во имя действительно тогда необходимой фронтовой борьбы с большевиками на тактическое соглашение с правыми группами.

Близко стоит к этой респ.-демокр. группе партии Народной Свободы другая группировка этой партии, назвавшая себя «Центральной».

Деятели этой группировки в период оформления «новой тактики» не примкнули к ней сразу.

Связь с традиционным отношением к «белому движению» и «общему фронту» они не считали возможным и не смогли порвать сразу.

Сейчас, однако, они вплотную подошли к респ.-демократии и во многом ведут с ними общую работу и общую линию.

«Новая тактика» и связанная с нею программа, явилась связующим звеном между традиционной деятельностью русской прогрессивной общественности и современными условиями, в которых должна и может развиваться борьба молодых сил русской демократии.

Одной из первых задач респ.-демократов явилось объединение демократического фронта эмиграции. С этой целью респ.-демокр. группа партии Народной Свободы сотрудничала с социалистическими течениями в «Комиссии членов Учредительного Собрания», собравшейся в Париже в первые годы эмиграции. Несколько позднее возникли «респ.-демократ. Клубы», в которых встречались политические деятели разной партийной принадлежности.

Вскоре по провозглашению «новой тактики», в значительной степени под ее влиянием, в Париже возникла в июне 1924 года новая политическая организация — Республиканско-Демократическое Объединение. Основной кадр его составила демократически и республикански настроенная часть военной молодежи добровольческих армий, решительно порвавшая с идеологией и методами белого движения. Прошлое большинства вошедших в Р. Д. Объединение членов не связывало его ни с одной из старых политических партий, а социальный состав этого большинства, ведущего в настоящем тяжелую трудовую жизнь простых рабочих, сообщал особый радикализм политическому облику молодой организации. Наиболее характерными чертами ее политических настроений, выявившихся в течении шести лет

---

[36] Шабельский-Борк П. Н. (1893–1952) — офицер-кавалерист, правый публицист, участник покушения в марте 1922 г. в Берлине на П. Н. Милюкова, в результате которого погиб В. Д. Набоков.

[37] Таборицкий С. В. (1895–1980) — русский националист, редактор журнала «Луч света», совместно с П. Н. Шабельским-Борком участник покушения на П. Н. Милюкова, убийца В. Д. Набокова.

энергичной пропагандной деятельности в эмиграции были — решительное отмежевание от всех сколько-нибудь связанных с идеей политической и социальной реставрации элементов эмиграции, и стремление, став «лицом к России», войти в связь с внутри-русскими силами, приняв участие в борьбе широких трудовых слоев русского народа за свое политическое и социальное освобождение. В этом направление РДО и сейчас продолжает развивать свою деятельность, занимая по своей активности, как и во своей численности, одно из первых мест в эмиграции.

Пропаганда респ.-демокр. идей ведется изо дня в день самой большой заграничной газетой — «Последние Новости»[38], — а также в статьях, брошюрах и др. изданиях.

Парижское Республиканско-Демократическое Объединение издает −«Бюллетень»,− в котором подводит каждый год итоги своей деятельности и положению в России.

Кроме того, П.Н. Милюковым, помимо многих газетных статей, написан ряд трудов, в которых излагается взгляд на революцию и задачи эмиграции. Укажем на: «Историю второй русской революции» в тех выпусках, брошюру «Три платформы», относящуюся к 1922−1924 г., книгу «Эмиграция на перепутьи» (1926) и большой труд — «Россия на переломе», — вышедший пока в двух томах.

Влияние основных идей «новой тактики» проникло далеко за пределы перечисленных политических групп. Часто бессознательно, а иногда против воли, в качестве уступки настойчивым требованиям жизни, они воспринимались и политическими противниками.

Теперь уже немногие решатся защищать ту «лубочную» непримиримость к современной России, по которой все оставшиеся по ту сторону рубежа, в «советчине», объявлялось зараженным трупным ядом большевизма. А ведь было время, когда самый лозунг респ.-демокр. — «лицом к России» — воспринимался как «большевизанство».

Нужно было людей, впитавших в себя ярость гражданской войны, всю едкую горечь изгнания, приучить к реальному представлению вещей в России и отучить от эмигрантских «мессианских» иллюзий, по которым зарубежные праведники должны спасти Россию и очистить ее от «греха и нечисти», в которых она погрязла.

Обратимся теперь к той части политической эмиграции, которую мы назвали демократически-социалистической.

Демократы-социалисты

Этим наименованием определяется глубокое различие между большевиками, которые также считают себя социалистами, и теми, настоящими социалистами, которых большевики гноят в тюрьмах или в лучшем случае изгоняют из пределов «социалистического отечества».

---

[38] Леворадикальная, внепартийная газета «Последние новости» начала выходить в 1920 г. и стала первым серьезным изданием русской эмиграции, редактором являлся М.Л. Гольдштейн. Но через год он продал газету, и она стала органом Республиканско-демократического объединения. С марта 1921 г. газета выходила под редакцией М.М. Винавера, А.И. Коновалова и В.А. Харламова. Ее главным редактором стал П.Н. Милюков, а его помощником А.А. Поляков.

Если большевики-коммунисты хотят добиться осуществления социализма путем диктатуры пролетариата, выражающейся фактически в диктатуре партии над всей страной, в том числе и над пролетариатом, то социалисты, находящиеся за рубежом, за исключением незначительной группы левых эсеров, бывших большевистских союзников, объявляют себя демократами. Это значит, что добиваться осуществления своих идеалов они хотят в рамках свободного, построенного на началах народовластия государства, демократическими методами, отрицаемыми и осмеиваемыми большевиками.

Это положение, объединяющее как социал-демократов, так и соц.-революционеров, и народных социалистов, непроходимой пропастью отделяет их от насильников большевиков.

Перейдем к рассмотрению отдельных социалистических партий.

На их правом фланге мы увидим народных социалистов. Лидеры этой партии разошлись по разным направлениям, иногда противоположным.

А. В. Пешехонов[39] оказался в числе «возвращенцев»: так называют в эмиграции лиц, отказавшихся от борьбы с большевиками и, путем этой капитуляции, добивающихся разрешения на возврат в Россию. «Возращенство» имело свою идеологию, заключающуюся утверждении, что лучше делать в России «самое маленькое дело, полезное для страны», чем попусту сидеть за границей. «Возращенцы» доказывали, что большевики эволюционировали, что во многих областях народной жизни они делают полезное дело, наконец, говорилось и так: — каждый русский человек должен пережить со своим народом, посланное этому народу испытание.

Приводились и более житейские основания: — в эмиграции, в чужих странах трудно, а то и невозможно найти работу. Лучше ехать домой, чем пропадать с голоду или с тоски за границей.

Против этих житейских аргументов возражать было трудно. Когда человек, случайно оказавшийся за рубежом, и не причисляющий себя и не могущий быть причисленным, к политической эмиграции, обращался за советским гражданством в полпредство, в этом еще не было большой беды. Но иное было положение, когда под эти личные шаги подводилась идеологическая платформа, когда на поклон к большевикам шли люди с именами, люди могущие ввести в заблуждение окружающих.

Одним из таких и был А. В. Пешехонов, находящийся сейчас на службе в одном из торгпредств.

Заметим, кстати, что «возвращенство», расцвет которого относится к 1925 году, закончилось тем, что несколько сот эмигрантов получили право вернуться на родину, и, заключены в тюрьму. Многие были расстреляны. Счастливее оказались те,

---

[39] Пешехонов А. В. (1867–1933) — общественный и политический деятель, экономист, статистик. В начале века был близок к эсерам, с 1904 г. член редакционного комитета журнала «Русское богатство». Затем один из организаторов и лидеров Народно-социалистической партии. Министр продовольствия во Временном правительстве. Участник антибольшевистской борьбы. В 1922 г. выслан из России. Жил в Германии, с 1924 г. в Праге. В 1924–1925 гг. директор Института по изучению России, сотрудник Экономического кабинета С. Н. Прокоповича. В 1927 г. переехал в Ригу, работал консультантом советского торгового представительства в странах Прибалтики.

кому большевики, несмотря на принесенное раскаяние, в праве возврата на родину отказали.

Крайне правое крыло народных социалистов представляет С. П. Мельгунов, тактика которого выше уже излагалась. Наконец, центральную позицию занимает группа членов партии, возглавляемая В. А. Мякотиным[40]. Эта группа сотрудничает с республиканско-демократическими организациями, и ее тактика близка к позиции этих последних.

Более многочисленны в социалистическом лагере за рубежом социалисты-революционеры. И в этой среде есть несколько разных группировок и течений.

Группа правых эсеров редактирует в Париже журнал «Современные Записки»[41], большой «толстый» журнал, дающий своим читателям первоклассный литературный и интересный политический материал.

Правые эсеры, соблюдая хотя бы минимальное партийное единство и общепартийную директиву, не входят в формально организационную связь с «буржуазными» партиями. Однако и они в повседневной, практической работе ведут линию, близко соприкасающуюся с линией респ.-демокр. Многие начинания проводятся сообща.

Центральную позицию в лагере эсеров занимает группировка, руководителем которой является А. Ф. Керенский.

А. Ф. Керенский издает в Париже еженедельник «Дни»[42]. Левое крыло партии представлено В. М. Черновым[43].

Керенский в настоящее время объявляет себя решительным противником «керенщины» и ищет созвучия к настроениям сегодняшнего дня, — даже более правым. Точно определить его позицию довольно трудно, в виду его колебаний и неопределенности, быть может, намеренной, выставляемых им лозунгов текущего момента.

Промежуточную позицию между Керенским и его антагонистом Черновым, занимают эсеры, издающие в Праге журнал «Воля России»[44].

---

[40] См. о нем С. 183–186 настоящего сборника.

[41] «Современные записки» — литературный журнал русской эмиграции, издавался в Париже в 1920–1940 гг. Руководство журналом осуществляли люди с правоэсеровскими взглядами: Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков, М. В. Вишняк, А. И. Гуковский и В. В. Руднев. В 1920-е гг. выходило по 6 номеров в год, в 1930-е — 2–3 номера в год. В журнале печатались почти все крупные эмигрантские писатели.

[42] «Дни» — ежедневная (с 1928 г. еженедельная) газета, выходила в Берлине в 1922–1925 гг., затем в Париже в 1925–1933 гг.

[43] Чернов В. М. (1873–1952) — общественный и политический деятель, публицист. Учился на юридическом факультете Московского университета. Создатель и идеолог партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеров). Главный редактор газеты Революционная Россия» (1902–1931), член исполкома Петроградского совета, министр земледелия во Временном правительстве. Председатель Учредительного собрания (1918); в эмиграции с 1920 г. в Эстонии, Германии, Чехословакии, Франции. Член Заграничной делегации ПСР. Сотрудничал в журнале «Воля России». В 1941 г. переехал в США.

[44] «Воля России» — газета, с 1922 г. — журнал политики и культуры, выходил в Праге в 1920–1932 гг. Редакторами журнала были: В. И. Лебедев, М. Л. Слоним, Е. А. Сталинский, В. В. Сухомлин.

К этим настроениям примыкают В. Г. Архангельский[45], В. В. Сухомлин[46] и др.

Чернов — в несомненном меньшинстве в собственной партии. Его подчеркнутая непримиримость к «буржуазным» группировкам, даже самым радикальным, его двусмысленная позиция в отношении большевиков, наконец, его попытка объединиться с украинскими, белорусскими, грузинскими и др. сепаратистами на почве *признания их права на полное отделение от России,* даже некоторое поощрение этих тенденций, не снискали ему популярности, разумеется, и в широких кругах эмиграции.

Перейдем теперь к социал-демократам. И здесь мы увидим левых и правых: наследников Плеханова[47], с одной стороны, и ортодоксальных меньшевиков, возглавляемых после смерти Мартова[48] в 1925 г., Даном[49], с другой.

Заграничные Плехановцы в свое время имели свой собственный орган «Заря»[50], теперь они сотрудничают частью в «Днях» Керенского, как Потресов[51], частью

---

[45] Архангельский В.Г.(1868–1948) — политический деятель, эсер, депутат Государственной Думы и Учредительного собрания, участник Уфимского совещания; в 1919 г. эмигрировал в Чехословакию, один из основателей и управляющих Русским заграничным историческим архивом (РЗИА).

[46] Сухомлин В.В. (1885–1963) — политический деятель, эсер, левоцентрист. Учился в Новороссийском и Петербургском университетах, в университете Монпелье (Франция). В революционном движении с 1898 г. В 1904 г. был выслан в Тобольскую губернию, в 1907 г. бежал из ссылки за границу. В 1917 г. вернулся в Россию, избран в ЦК ПСР. Участник Учредительного собрания 5 января 1918 г. В 1918 г. редактор газеты «Дело народа». Эмигрировал в марте 1918 г, член Заграничной делегации ПСР. Сотрудничал в социалистических изданиях, член Исполкома II Интернационала. С 1941 г. в США, в 1942 г. вышел из Нью-Йоркской группы ПСР, сотрудничал в просоветских изданиях, обвинялся эмиграцией в связях с большевиками. С 1945 г. во Франции, принял советское гражданство. В 1954 г. вернулся в СССР.

[47] Плеханов Г.В. (1856–1918) — философ, революционер, марксист, деятель социалистического движения, один из основателей РСДРП и лидер ее меньшевистской фракции, с 1880 по 1917 гг. в эмиграции за границей, в годы Первой мировой войны занял оборонческую позицию, руководитель социал-демократической группы «Единство».

[48] Мартов Ю.О. (1873–1923) — российский политический деятель, участник революционного движения, один из основателей РСДРП, лидер меньшевиков, публицист. В 1918 г. возглавлял газету «Вперед»; в 1920 г. эмигрировал в Германию, член Заграничного бюро ЦК меньшевиков, основал и регулярно публиковал статьи в журнале «Социалистический вестник».

[49] Дан Ф.И. (настоящая фамилия Гурвич, 1873–1947) — политический деятель, революционер, один из лидеров и теоретиков меньшевизма, идеолог «революционного оборончества». Муж сестры Ю.О. Мартова, врач по образованию. В 1922 г. выслан заграницу, в 1923 г. лишен советского гражданства. Принимал участие в создании Социалистического Интернационала. С 1923 по 1940 г. возглавлял Заграничную делегацию РСДРП. С 1941 г. в США, издавал меньшевистский журнал «Новый путь».

[50] «Заря» — журнал, подзаголовок — орган социал-демократической мысли (1922–1925) Берлин. Ответственный редактор А. Хомский.

[51] Потресов А.Н. (1869–1934) — политический деятель, революционер, один из основателей РСДРП, член редакции «Искры», меньшевик. В годы Первой мировой войны занимал оборонческую позицию. Октябрьский переворот не принял. За границей с 1925 г.

в «Последних Новостях» Милюкова, как Иванович[52], Байкалов[53] и скончавшийся недавно, экономист О.С. Загорский[54]. Социал-демократы меньшевики выпускают в Берлине ежемесячник «Социалистический Вестник»[55], в котором внимательные читатели, наряду с полноценной и высоко интересной информацией из России, могут найти прежнюю марксистскую догматику и прагматику.

Меньшевики не верят в возможность замены большевиков, в случае революционного переворота, правовым демократическим строем. Они считают, что революционный переворот должен привести к диктатуре военного типа и к установлению реакционного строя, при котором наиболее страдающим элементам явится рабочий класс. Для предотвращения этой перспективы, меньшевики считают необходимым работать над укреплением политической сознательности и активности рабочего класса и вообще демократических социальных сил страны. Однако, они не предвидят решающего успеха от этой работы в ближайшем будущем, а потому являются противниками свержения большевиков внезапным скорым толчком. Вместе с тем они полагают, что такой переворот все-таки произойдет и России не избежать, по-видимому, удела суровой реакции. Во всяком случае сами соц.-демократы меньшевики не хотят участвовать вместе с другими группировками в подготовке «термидора».

В числе эмигрантских группировок, стоящих вне перечисленных политических течений, следует назвать еще попытки крестьянских объединений. Крестьянству,

---

[52] Иванович Ст. (настоящая фамилия Португейс С.О., 1880–1944) — редактор, журналист и публицист, социал-демократ, меньшевик, ближайший друг А.Н. Потресова. Публиковался под псевдонимами Степан Иванович, Ст. Иванович, С.Ф. Иванович и В.И. Талин. Другие псевдонимы — Соломонов, Стива Нович, Ив., Ст., Иван., Ив—ч, Ст. С., Нович, С.И., Ст. И., Мартын Малый. С 1920 г. в эмиграции, основатель и главный редактор журнала «Заря», с 1925 г. жил в Париже, член Союза русских писателей и журналистов, сотрудничал с разными эмигрантскими изданиями, один из основателей научной советологии. Подробнее о нем см.: *Кара-Мурза А.А.* Первый советолог русской эмиграции: Семён Осипович Португейс (1880–1944). М., 2006.

[53] Байкалов А.В. (1882–?) — общественно-политический деятель, революционер. Из казаков Енисейской губернии, студент Казанского. университета. В 1905 г. член Красноярского комитета РСДРП, меньшевик, один из редакторов газеты «Красноярский Рабочий». В 1917 г. руководитель Красноярской организации меньшевиков. После Октября в эмиграции, сторонник крайне-правой меньшевистской группировки, возглавляемой Ст. Ивановичем; сотрудничал в ее органе «Заря».

[54] Загорский О.С. (1882–1930) — экономист, выпускник Санкт-Петербургского университета, приват-доцент этого университета по кафедре политической экономии. Преподавал также на Высших курсах Лесгафта, на Высших коммерческих курсах Побединского и в частном университете при Психоневрологическом институте. В 1917 г. возглавлял один из департаментов министерства труда Временного правительства. После Октябрьской революции переехал в Одессу, в 1919 г. эмигрировал во Францию. Сотрудничал в русских эмигрантских изданиях: журнале «Современные записки», газете «Последние новости». С 1922 г. Загорский занимал пост главы русского отдела при Международном бюро труда в Женеве.

[55] «Социалистический вестник» — журнал, издававшийся заграничной делегацией РСДРП (меньшевиками) в 1921–1965 гг. Выходил в Берлине, Париже, Нью-Йорке, имел связь с корреспондентами-меньшевиками в России. Первые редакторы — Мартов Ю.О., Дан Ф.И. , последний редактор — Шварц С.М.

конечно, придется сыграть большую и важную роль в строительстве будущей России, и понятно желание всех демократических группировок войти в общение с крестьянством. Но, за границей собственно-крестьянского элемента слишком мало, чтобы создать сколько-нибудь значительное объединение. Небольшая чисто крестьянская группа существует в Париже, но сознательно держится выжидательно, понимая, что создавать «крестьянскую партию» вне России — в Париже или в Праге, — дело невозможное. Однако такую попытку говорить от имени всего крестьянства сделала группа «Крестьянской России», образованная в Праге бывшими соц.-рами. Некоторое время демократические группы вступили с ней в общение; но скоро прекратили это общение, заметив, что претензии группы, объявившей себя «партией», выходят далеко за пределы ее скромных возможностей, и что представительство крестьянства, при этих условиях, неизбежно выродится в самозванство и демагогию. Разложилась в последнее время и сама группа «Крестьянской России». Таким образом, в рядах политической эмиграции эта группа, пытавшаяся искать союзников сначала влево, потом вправо, стоит в стороне, совмещая левую программу с довольно правой тактикой.

Казачество в эмиграции

Донские, кубанские, терские казаки целым войском принимали участие в гражданской войне. По нескольку раз — территории казачьих войск, оказываясь ареной кровопролитной борьбы, переходили то в руки красных, то в руки белых.

Когда белые армии отступили с юга России в Крым, за ними потянулись многочисленные казачьи обозы. За родными армиями в некоторых округах пошло поголовно все казачье население. После долгих мытарств, оставив бесчисленные могилы, казаки очутились в Европе и начали приспособляться к новым условиям. Они это сделали с исключительным искусством, выдержкой и настойчивостью. Сейчас казаки являются одной из самых благоустроенных групп эмиграции. Казачество пошло тремя путями (в соответствии с общей дифференциацией политической эмиграции). Крайне-правые казаки. В этой среде самая яркая фигура Краснов[56], бывший донской атаман и популярный романист. Краснов — бывший придворный генерал: к такой казачьей аристократии принадлежат и другие представители этого течения. В казачьей массе оно никакой популярностью не пользуется. Далее идут «атаманцы»: –это те, кто группируется вокруг выбранных атаманов и остатков казачьих правительств эпохи гражданской войны. Их вожди тянут в разные стороны. По существу атаманы, — те же непредрешенцы, — о которых мы говорили выше. Наличие в казачестве «свободно избранных атаманов» (давно, правда, просрочивших срок своих полномочий) и других законных властей очень облегчало защиту этой позиции и прикрывало реакционные тенденции руководителей. Энергичную

[56] Краснов П. Н. (1869–1947) — генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского, военный и политический деятель, писатель, публицист. Участвовал в антибольшевистской борьбе; в эмиграции с 1920 г., жил в Германии, с 1923 г. во Франции, сотрудничал с РОВС, писал воспоминания и романы. С 1936 г. в Германии, имел германский паспорт. Во время Второй мировой войны занимал пост начальника Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий, был сотрудником коллаборационисткой газеты «За родину». Повешен в Лефортовской тюрьме в 1947 г.

работу повела и демократическая часть казаков. Это течение обосновалось в Праге, где образовало «Обще-казачий сельскохозяйственный союз». Во главе этого течение стоит В. А. Харламов[57] — председатель «Большого донского войскового круга».

Казаки-демократы издавали в течение ряда лет журнал «Казачий Путь»[58], потом «Путь Казачества», стоявший на почве республики, федерации и широкого народоправства. Ведя пропаганду в пользу федеративного устройства освобожденной России, «Путь Казачества» вступил в решительную борьбу с группой казаков-самостийников.

Эта последняя группировка пыталась обосновать совершенно недоказуемое положение: — будто казаки не являются частью русского народа, а совершенно особым народом — казачьим.

Люди с чисто русскими фамилиями и лицами, говорящие на чистейшем великорусском наречии со всеми особенностями деревенского говорка, по происхождению своему донские казаки, не нашли для своей родины России иных чувств кроме грубого презрения и тупой непонятной злобы. Самостийники, назвавшие себя «вольными казаками», своей пропагандой ненависти к России и связью со всеми иностранными ее врагами, быстро отвратили от себя казачью массу и оказались изолированными.

Иностранные источники, из которых они черпали средства, и смешение в одном кошельке личных и общественных сумм со стороны главарей «вольного казачества» привело к отходу от этого темного направления ряда казачьих деятелей с именем и отдало оставшихся всецело в руки их закулисных руководителей.

Приходя к концу нашей заметки, поневоле краткой, мы должны сказать несколько слов об одной политической группировке, не связанной со старыми политическими партиями.

Мы имеем в виду

Евразийцев

Доходящие до нас сведения говорят нам о том, что настроения, созвучные «евразийству», знакомы советской России.

Евразийство связано психологически и персонально с правыми кругами и настроениями. Однако, оно усвоило целый ряд положений, близких тактике левых кругов, исходя при этом из совершенно чуждых этим кругам заданий.

---

[57] Харламов В. А. (1875–1957) — депутат Государственной думы всех 4-х созывов, член партии кадетов. Делегат Предпарламента и Учредительного Собрания. Возглавлял Особый Закавказский комитет. Глава правительства Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. С 1918 г. председатель Донского Круга, активный участник Белого движения. С 1920 г. за границей — в Белграде и Праге. Преподавал историю России в Пражском университете. Был председателем Донского исторического комитета и Комитета по управлению Донским архивом. Редактировал журналы «Казачий путь», «Путь казачества», исторический сборник «Донская летопись» (1923–1924). После Второй мировой войны эмигрировал в Аргентину.

[58] «Казачий Путь» — журнал. Выходил в Праге в 1924–1928 гг. С 1927 г. изменил название на «Путь казачества». Подзаголовки: Еженедельный орган общеказачьего сельскохозяйственного союза (1924–1926), Демократический казачий орган (1926–1928). Редакторы: В. Танненбергер (1924–1926), В. А. Харламов (1926–1928). С 1926 г. выходил 2–3 раза в месяц.

Евразийство выросло из неудачной войны, революции и того особенного национализма, которым отличаются правые круги эмиграции.

Оно не является оригинальной теорией, находясь в несомненной идейной зависимости от младших представителей славянофильства, К. Леонтьева[59] и Данилевского[60].

Евразийство исходит из того, что пространство, занимаемое нашим отечеством на востоке Европы и западе и севере Азии, представляет собой «особый географический мир». Евразия — экономически самодовлеющая величина, для которой невыгодно во многом общение с другими странами. В культурном отношении Евразия также совершенно самобытна. Россия-Евразия не является европейской страной. Исторический процесс шел в России иным путем, чем в Европе. Наоборот, связь с Азией совершенно очевидна. Евразийцы вспоминают Тимура[61] и Чингис-хана[62]. Они тянут нить государственной самодержавности от Чингис-хана к Москве, потом к императорскому Петербургу.

Учение евразийцев тесно связано с православием, причем православие отрывается от остального христианства и связывается с религиями востока. Оказывается, восточное язычество есть «потенциальное» православие. Поэтому оно ближе к православию подлинному, чем западное христианство, представляющее из себя ересь.

Проповедуя «поворот спиной к Европе», евразийцы, прежде всего, конечно, отрицают полезность для России западно-европейских политических форм.

В области политики основной тезис евразийцев заключается в том, что *погибла та Россия,* которую создал Петр Великий[63], уклонившись от Востока к Западу, к Европе.

Большевики напротив вернулись к народным инстинктам и творят народную революцию. Нужно только заменить монопольное господство этой партии господством другой, «отобранной евразийцами», из старого и нового «правящего класса», который будет диктовать народу свою волю.

Евразийцы, таким образом, хотят заменить диктатуру коммунистов собственной диктатурой. При этом они высказываются за сохранение системы советов

---

[59] Леонтьев К. Н. (1831–1891) — религиозно-консервативный мыслитель, философ, писатель, публицист, дипломат. См. о нем: *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997; *Гоголев Р.А.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К. Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007.

[60] Данилевский Н. Я. (1822— 1885)— социолог, культуролог, публицист, естествоиспытатель, геополитик. Автор трудов «Россия и Европа» (1871) и «Дарвинизм» (1885).

[61] Тимур-Ленг — Железный Хромой (1336–1405) — из монгольского племени барласов, известный среднеазиатский, тюркский полководец и завоеватель восточных земель, сыгравший большую роль в судьбах Средней, Южной и Западной Азии, Кавказа, Поволжья и Руси, основатель империи Тимуридов со столицей в Самарканде (1370), европейцы называли его Тамерлан.

[62] Чингиз-хан (Чингис хаан), собственное имя — Тэмуджин (Темучин,Темучжин, Тэмужин, ок. 1155 или 1162 —1227) — основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и в Восточную Европу. Основатель самой крупной континентальной империи.

[63] Петр I Алексеевич Романов, прозванный Великим (1672–1725) — последний царь всея Руси (с 1682 г.) и первый Император Всероссийский (с 1721 г.).

и широкое регулирование государством хозяйственной жизни страны. Вместе с тем евразийцы являются монархистами, венчая свою своеобразную политическую систему народным царем.

Евразийство пришло этим путем в значительной мере к реабилитации большевизма. Группа левых евразийцев попыталась в Париже издавать собственную газету. Газета эта носила столь «соблазнительный» в смысле лояльного отношения к большевикам характер, что вызвала возмущение и привела к расколу в рядах самих евразийцев.

Кратковременный успех этого направления в некоторых кругах молодежи уже в прошлом. В эмиграции евразийство быстро сходит на нет вместе с теми острыми настроениями, которые рождались у русских людей в результате понесенных ими и их отечеством горьких разочарований и тяжких обид.

* * *

На этом мы можем закончить наш беглый обзор политических сил эмиграции.

Для российского читателя он может явиться лишь кратким указателем, лишь короткой справкой.

Эта справка достигла бы своей цели, если б она способствовала хотя бы в небольшой степени укреплению связи между «Россией внутренней» и «Россией зарубежной», теми кругами этой зарубежной России, которые давно порвали с эмигрантским сектантством и исключительностью; которые горячо и искренне стремятся к созвучию с новой Россией, — той, которая не жалея о порядках старого режима, не приемлет теперешнего строя, той, которая ведет героическую борьбу с насильниками-большевиками под знаменем демократии, хозяйственной и гражданской свободы, против коммунистической диктатуры и интернационализма.

Сейчас Россия стоит перед новыми испытаниями. Безумный режим Сталина привел страну на грань нищеты, за которой может прийти новый голод, еще более ужасный, чем голод 1921 года.

Сделанные «уступки» пришли слишком поздно и по существу не меняют принципиального положения вещей. По-прежнему советская власть выжимает все соки русского народа, — сейчас в первую очередь русского крестьянства для того, чтобы продолжить свой эксперимент.

Видов на успех у большевиков нет никаких, лучше всего об этом знают они сами.

Самые честные из них, вырвавшись из под власти всемогущего ГПУ, уходят в сторону от большевистской работы и вступают с ней в решительную борьбу. Последние полгода эмиграция является свидетельницей тому, как виднейшие советские дипломаты, бросая ответственные посты заграничных представителей СССР, отказываясь от связанных с этим положением, выгод и привилегий, рискуя местью ГПУ, уходят в эмиграцию, пополняя кадры анти-большевиков.

На страницах «Последний Новостей» изо дня в день мы читаем интереснейшие информации и разоблачения этих «невозвращенцев».

Республиканско-демократическая эмиграция понимает соображения и побуждения этих людей, думавших, что они работают для России, убедившихся в том, что большевики фатально заставляют их работать против нея.

В сношениях с этими людьми она проверяет собственную оценку положения в России и видит некоторый залог одинакового понимания очередных задач общего с единомышленниками, находящимися в России.

Времена и сроки приближаются. Ржавые большевистские цепи скрипят и стонут. Они будут разорваны не кем иным, как самим русским народом.

Час народной свободы неминуем.

Задача республиканско-демократической эмиграции будет выполнена, если она окажет помощь в тех формах, о которых здесь говорилось, и которые ей будут указаны из России, этой освободительной мучительной и священной борьбе.

С. Г. Пушкарев о России и славянстве

Об авторе:

Пушкарев Сергей Германович (08.08.1888–22.01.1984), дворянин, родился в Курской губернии в семье нотариуса. В 1907 г. поступил в Харьковский университет на историко-филологический факультет. За участие в деятельности РСДРП (по идейным взглядам был близок к меньшевикам) в 1910 г. арестован и исключен из университета. В 1911–1914 гг. учился на философских факультетах Гейдельбергского и Лейпцигского университетов. В начале войны вернулся на родину, восстановился в Харьковском университете. В июне 1917 г. поступил в Виленское военное училище, но проучился там недолго, так как в декабре училище было расформировано. Пушкарев вернулся домой в имение Прохоровка Курской губернии. В 1918 г. он сдал экзамены за университетский курс и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В июле 1919 г. поступил на службу в армию А. И. Деникина, в декабре в боях с махновцами был тяжело ранен. Затем служил в управлении начальника авиации войск Врангеля, на бронепоезде «Офицер». В ноябре 1920 г. оказался в эмиграции в Турции. В 1921 г. получил стипендию для научной работы в Праге под руководством И. И. Лаппо. В 1923 г. С. Г. Пушкарев получал от чехословацкого правительства денежное пособие в 1100 чехословацких крон (кр.ч.)[1], для сравнения скажем, что прожиточный минимум в то время составлял 1000 кр.ч. Даже после окончания «русской акции помощи чехословацкого правительства»[2], когда в 1932 г. пособие членам Русской академической группы (РАГ) было снижено до 650 кр.ч., по личной просьбе А. С. Ломшакова ряду русских ученых были выплачены индивидуальные пособия (в том числе 1500 кр. ч. С. Г. Пушкареву[3]). В 1934 г. пособие Пушкареву было снижено до 500 кр. ч.[4] В 1924 г. он сдал экзамены при

[1] *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 52.

[2] О «русской акции помощи» русским эмигрантам см. напр.: Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие / Сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012.

[3] Документы к истории русской и украинской эмиграции в чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С. 176–177.

[4] Там же. С. 182.

РАГ и получил звание приват-доцента[5]. Первая опубликованная в эмиграции крупная работа — «Очерк истории крестьянского самоуправления в России». С 1925 г. Пушкарев являлся членом-учредителем Русского исторического общества (РИО) в Праге, где в первое время исполнял функции секретаря и регулярно выступал с докладами (даже в период Протектората, вплоть до весны 1945 г.). Он преподавал в Русском народном университете (РНУ, позднее — Русском Свободном университете, РСУ), на Русском юридическом факультете (РЮФ), являлся членом Ученого совета Русского заграничного исторического архива (РЗИА), заместителем председателя Ученой комиссии РЗИА[6]. Одно время Пушкарев возглавлял школу для русских детей (по некоторым источникам, курсы для русских детей и детей из смешанных русско-чешских семей) под покровительством Н.Н. Крамаржовой, супруги чехословацкого политика К. Крамаржа[7]. С 1925 г. Пушкарев являлся доцентом Карлова университета в Праге, членом Русской академической группы (РАГ)[8]. С 1927 г., будучи избранным в члены Славянского института при Чешской академии наук, трудился над словарем славянского права[9]. В середине 1920-х гг. посещал семинар П.Н. Савицкого, интересовался евразийством[10], в 1927 г. написал статью «Россия и Европа в их историческом прошлом», но в конце 1920-х отошел от евразийства[11]. В 1928 г. Сергей Германович женился на Ю. Поповой. Он являлся членом издательского общества «Единство». В 1937 г. стал профессором кафедры русской истории в Братиславе. В 1920–1930-е гг. Пушкарев принимал активное участие в общественной жизни русской колонии в Праге, днях «русской культуры», различных юбилейных мероприятиях[12]. В годы Второй мировой войны находился в Праге. Поддержал манифест генерала Власова как возможность освобождения России от большевизма. В апреле 1945 г. уехал в Западную Германию, с 1946 г. преподавал в Мюнхенском университете. Летом 1949 г. с помощью Г.В. Вернадского семья Пушкаревых

---

[5] Подробнее о программе и порядке сдачи экзаменов см.: *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге... С. 132–134.

[6] Документы к истории русской и украинской эмиграции... С. 295.

[7] *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 443.

[8] Подробнее о РАГ см.: *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 128–130.

[9] Подробнее о работе Пушкарева над глоссарием см.: *Гаген С.Я.* Работа русских историков-эмигрантов над глоссарием старославянских правовых терминов // На рубеже культур: русская эмиграция в межвоенной Чехословакии. М.,2012. С. 155–164.

[10] О евразийстве и историках-евразийцах подробнее см.: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

[11] О взглядах С.Г. Пушкарева см.: *Ковалев М.В.* Проблема Россия–Запад в общественно-исторических взглядах С.Г. Пушкарева // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2005. Вып. 7. С. 155–165; *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009. С. 146, 148.

[12] См.: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага, 2001. Т. 1. С. 188, 204, 240, 242–243, 313, 346–347, 355, 367; Т. 2. С. 178, 233, 270, 331, 355, 359, 369, 395, 399, 403.

перебралась в США. С осени 1950 г. Пушкарев преподавал в Йельском университете, читал лекции по русской истории в Фордэмском университете в Нью-Йорке и Русском институте Колумбийского университета.

Пушкарев оставил значительное публицистическое и научное наследие. Его интересовали различные темы, такие как история русского крестьянства, внутренняя политика Московского государства, донское казачество, колонизация Сибири, средневековый город, история русской православной церкви, русское государственное право. Основным трудом пражского периода считается «Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины». В США он опубликовал ряд более общих работ по истории России, таких как «Обзор русской истории» (1953)[13] и «Россия в XIX в.» (1956). Пушкарев — автор многочисленных статей по истории Московской Руси, эпохе Петра I, российско-американским отношениям, внутренней политике России на рубеже XIX–XX вв., русской революции. В 1920–1940-е гг. Пушкарев проявлял внимание к чешской истории[14], а также к жизни в СССР. В последнее время заметен значительный интерес к его жизни, творчеству и научно-публицистическому наследию[15].

О документе:

Статья «Россия и славянство» была опубликована на чешском языке в газете «Русский инвалид», издававшейся в Праге, в июне 1934 г. (№ 15). Публикуется в переводе с чешского языка по экземпляру газеты, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5891 С.Г. Пушкарев. Оп. 1. Д. 63. Текст публикуется по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей автора.

Е.П. Серапионова

С.Г. Пушкарев

Россия и славянство (1914–1934)

В XIV и XV вв. под ударами турецкого меча пали государства Балканского полуострова[16]; и среди них две когда-то цветущие славянские державы — Болгария

[13] Переиздана в Санкт-Петербурге в 1999 г., затем выдержала еще ряд изданий в разных городах России.

[14] *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты... С. 112, 208; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции...Т. 2. С. 456, 479.

[15] Подробнее см. о нем: *Семякина О.Н.* Пушкарев С.Г. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 527–528; *она же.* История России в творчестве С.Г. Пушкарева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Ковалев М.В.* Жизненный путь Сергея Германовича Пушкарева // Пушкарев С.Г. История России: работы разных лет. М., 2011. С. 5–21; *он же.* История российского крестьянства в трудах историка-эмигранта С.Г. Пушкарева // Запад–Россия–Кавказ: Межвуз. Науч.-теор. Альманах. Ставополь, 2005. Вып. 3. С. 314–324..

[16] Автор имеет ввиду постепенное завоевание к концу XIV в. Второго болгарского царства, когда под ударами турок пали два его удела — Видинское и Тырнавское царства,

и Сербия. В XVII в. под властью австрийских Габсбургов лишилось государственной самостоятельности Чешское королевство[17], а задолго до того еще в 1102 г. Хорватское королевство признало своим королем венгерского суверена[18].

Уже тогда в далеком прошлом возник турецко-немецко-венгерский блок против славянства и народов Балканского полуострова, с ним пришлось столкнуться и в мировой войне 1914–1918 гг. Славяне Балканского полуострова, задыхаясь под турецким игом, обращали свой взор еще в XV–XVII столетии на дальний северо-восток, где в те времена возникло сильнее православное славянское государство во главе с великим князем «Владимирским и Московским», а позднее царем «всея Руси».

В XVI–XVII вв. Москву навещали многочисленные православные духовные лица, приезжавшие в Московскую державу за помощью из краев, захваченных турками. Один из них оставил нам любопытное свидетельство о пасхальной ночи, которую он провел в Московском Кремле в 70-е годы XVII в. По его словам, начал царь Алексей Михайлович после окончания пасхальной заутрени раздавать боярам крашенные яйца и христосоваться, и тут упал его взгляд на группу беженцев с турецких земель. Алексей Михайлович прослезился и с большим чувством стал говорить о том, как противно его душе при мысли о том, что славянские братья страдают под мусульманским игом, и как он просит Бога, чтобы приблизился час их освобождения.

Было это 250 лет назад, когда еще российское государство не имело земель у Черного моря и не было заинтересовано в доступе к турецким проливам, да и флота у него тогда еще не было. Никакие не экономические и не политические интересы, а лишь сознание племенного родства со всем славянским миром заставляло русских людей кручиниться, слыша стоны славян, порабощенных турками, и задумываться о возможности их освобождения.

В XVII столетии удачные военные походы Петра Великого, войны с Турцией времен Анны Иоанновны и Екатерины II сопровождались все более и более

и Болгария с 1396 г. на пять веков перестала существовать как самостоятельное государство, а также завоевание сербских земель, когда поражение сербов на Косовом поле (1389 г.) вынудило их признать вассальную зависимость от султана. В начале XV в. Стефану Лазаревичу удалось на какое-то время освободиться от турецкой зависимости и создать т. н. Сербскую деспотовину, однако экспансия турок на Балканы продолжалась, и в 1459 г. после кончины деспота Ю. Бранковича и захвата турками его резиденции Смедерево деспотовина прекратила свое существование. В 1480–1490-х гг. в основном закончилось и османское завоевание боснийских земель. (История южных и западных славян. Т. 1. М., 1998. С. 45–46; 74–75; 131).

[17] Речь идет о чешском сословном восстании 1618–1620 гг., закончившимся разгромом восставших в битве у Белой горы под Прагой 8 ноября 1620 г., что привело к потере Чехией политической независимости. (Подробнее об этом см.: *Pánek J., Tůma O. a kol.* Dějiny Českých zemí. Praha, 2008. S.169–174).

[18] Участившиеся с конца XI в. походы венгерских королей в Хорватию привели к заключению в 1102 г. унии, закрепившей включение хорватских земель в состав короны св. Стефана на правах автономного королевства. (См.: История южных и западных славян. Т. 1... С. 86; *Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П.* Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991. С. 30). Л. Контлер пишет о присоединении Хорватии к Венгрии в 1091 г. и завоевании Далмации в 1103 г. (*Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. Пер. с англ. яз. М., 2002. С. 77–79).

тесным сплетением заграничной политики с вопросами освобождения турецких славян. Кючук-Кайнаджирский мирный договор[19], которым закончилась первая русско-турецкая война во времена правления Екатерины II, содержал очень значимую статью о том, что Россия имеет право вмешиваться во внутренние дела Оттоманской империи, когда речь идет об охране интересов православного населения Турции.

Русские войска вновь наступают на заветные брега Дуная, русский флот появляется в Эгейском море и наносит сокрушительное поражение турецкому флоту у Чесмы[20]. Это было потрясением, глубоко затронувшим политический организм турецкой империи. Залпы русских орудий на берегах Дуная и в Эгейском море для подъяремного славянского и иного христианского населения Балканского полуострова знаменовали скорое освобождение и возрождение.

Войны России с Турцией в первой половине XIX в. при Александре I и Николае I[21] были уже логическим развитием тех освободительных задач на Балканском полуострове, которые подчеркивались в Кючук-Кайнаджирском мирном договоре.

Однако весьма сложное соотношение балканского вопроса с общеевропейской международной ситуацией не позволило России увенчать свои военные усилия осуществлением той святой цели, которая еще 250 лет назад расстраивала и мучила царя Алексея Михайловича.

Для Западной Европы возможность освобождения турецких славян всегда связывалась с опасениями усиления мощи России, и этого было достаточно, чтобы европейские государства протягивали руку помощи турецким насильникам всякий раз в ту минуту, когда успехи русского оружия вгоняли Порту в критическую ситуацию и когда в сердцах балканских славян просыпалась надежда на освобождение от турецких оков.

---

[19] Текст Кючук-Кайнарджийского мирного договора, подписанного между Россией и Турцией 10 июля 1774 г. и содержащий 28 статей, доступен на сайте: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/kuchuk.htm

[20] Чесменская битва состоялась в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в правление Екатерины II. Россия одержала большую победу над турками, и в итоге в состав России вошли южная часть Украины и Северный Кавказ. Турция потеряла Крымское ханство, которое официально к России не отошло, но впало в зависимость от Российской Империи. Русские торговые корабли получили привилегии в Черном море.

[21] В войне с Турцией 1805–1812 гг. в правление Александра I победила Россия, в состав которой вошла Бессарабия. В ходе войны Греции за независимость от Османской империи 1828–1829 гг. Россия вступила в войну с Турцией и победила. В результате к России отошла большая часть восточного побережья Черного моря (включая города Анапа, Суджук-кале, Сухум). Османская империя признала верховенство России над Грузией и Арменией. Сербия получала автономию, Греция стала независимой от Турции. Крымская война 1853–1856 гг. состоялась в правление Николая I, но была куда менее удачной для России. Первоначальные успехи России насторожили Англию и Францию, потребовавших остановить захват турецких территорий. А после того как Николай I отверг это требование они вступили в войну на стороне Порты. Позже к ним присоединилась Австро-Венгрия. Союзники одержали победу, в результате Россия была вынуждена возвратить Турции все захваченные у нее территории в этой войне, потеряла часть Бессарабии и была лишена права иметь военный флот в Черном море, возвратив себе это право лишь после победы Пруссии в войне против Франции в 1870–1871 гг.

Как известно, в 1878 г. европейские страны сделали все возможное, чтобы ограничить и свести на нет плоды русских побед, отмеченные Сан-Стефанским мирным договором[22]. Но, несмотря на всю пагубность Берлинского договора[23], русско-турецкая война, 50-ю годовщину которой недавно отметил весь славянский мир, означала решительный и бесповоротный перелом в судьбах балканских славян.

Не все надежды балканских славян в тот раз осуществились. Но был положен конец прошлому господству турок над славянскими народами, и каждому внимательному наблюдателю за политическими событиями стало ясно, что остатки этого турецкого господства, все еще удерживаемого, не будут расширяться в будущем, а рано или поздно исчезнут под напором жизненных процессов.

Тогда как южные славяне были освобождены от турецкого ига и восстановили свои государства, западные славяне, загнанные в Австро-венгерскую монархию, главным образом чехи в XIX в., осуществили во главе со своими будителями[24] национально-культурное возрождение, которое позднее стало основой для обновления национального чешско-словацкого государства. Взоры чешских будителей и чешской общественности были с надеждой и симпатией обращены к великой славянской России, и русофильство стало традиционным направлением чешской общественности и чешского народа. Чешско-русские симпатии ясно проявились во время известной поездки многочисленной депутации австрийских славян (во главе с лидерами Палацким[25]

---

[22] Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор был подписан 19 февраля / 3 марта 1878 г. по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Согласно договору, Турция признавала независимость Черногории, Сербии, Румынии, а также создание самоуправляющегося княжества Болгария, вывод оттуда оттоманских войск и др. Его текст опубликован в Сборнике договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952 и доступен на интернет странице: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm

Условия договора вызвали остро негативную реакцию великих держав, опасавшихся чрезвычайно возросшего влияния России на Балканах (особенно сильным было противодействие Австро-Венгрии и Великобритании, поэтому России пришлось пойти на пересмотр договора, и он фактически был заменен Берлинским трактатом 1/13 июня 1878 г.

[23] Берлинский трактат, подписанный великими державами 1/13 июля 1878 г. взамен Сан-Стефанского мирного договора сильно урезал приобретения России и воевавших за независимость балканских народов в пользу Австро-Венгрии и Англии, не принимавших участия в войне. — http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm

[24] «Будители» — деятели чешского национального возрождения, выступали за развитие чешского языка, литературы, культуры. Их идеи начали распространяться в конце XVIII–XIX вв. Наиболее известными деятелями «чешского возрождения» стали историки и филологи Геласий Добнер, Франтишек Мартин Пельцль, Йосеф Добровский, Йозеф Юнгман, Франтишек Палацкий, Павел Йозеф Шафарик, Вацлав Ганка, издатель Вацлав Матей Крамериус, писатели, поэты и драматурги Антонин Марек, Себастиан Гневковский, Антонин Ярослав Пухмайер, Йозеф Каэтан Тыл, Антонин Махек, Ян Сватоплук Пресль, биолог Ян Эвангелиста Пуркине и другие.

[25] Палацкий Ф. (чеш. František Palacký,1798–1876) — чешский историк и политический деятель. Положил начало развитию чешской историографии. Автор пятитомного труда — «История народа чешского в Чехии и Моравии», вышедшего на немецком языке в 1836–1876, на чешском языке в 1848–1876. Первый заведующий историческим отделом Национального музея (1818–1841), с 1827 года по его инициативе музей начал издавать научные работы на чешском языке. Один из создателей концепции «австрославизма». Участник революции 1848–1849 гг. Он председательствовал на славянском съезде в Праге в июне 1848 г.;

и Ригером[26]) в Россию в 1867 г.[27], а также в воодушевлении, с которым чешская общественность встречала успехи русского оружия в Освободительной балканской войне 1877–1878 гг. Между тем международно-политические отношения складывались так, что все больше и больше назревало огромное историческое столкновение немецкого и славянского миров[28], которое и произошло во втором десятилетии XX в., и поводом для которого послужил австрийско-сербский конфликт.

Россия и Франция, поддерживаемые Англией, тщетно пытались мирным способом разрешить спор. В июле судьбоносного 1914 г. президент французской республики Пуанкаре и министр иностранных дел Вивьен посещают Россию. При обмене приветствиями во время тостов между президентом французской республики и царем

был членом имперского сейма в Вене, потом в Кромержиже, где был членом комиссии, вырабатывавшей конституцию. После разгона сейма в Кромержиже Палацкий отошел от политики и занялся наукой. В 1860 г. он вместе с Ф. Ригером создал и возглавил Национальную партию (старочехов); в 1861 г. он был назначен пожизненным членом австрийской верхней палаты. В 1863 г. вместе с Ригером основал газету «Narod» («Нация»), потом «Pokrok» («Прогресс»). С 1863 г. Палацкий стал также депутатом в богемском ландтаге. Он являлся сторонником идеи федерализма, не чуждался (несмотря на свое протестантство и демократизм) союза с клерикалами и феодальным дворянством; выступал за исторические права чешского народа, объединение чешских земель, коронацию австрийского императора короной св. Вацлава. Участник Славянского съезда в Москве и Санкт-Петербурге в 1867 г. Имя Палацкого носит университет в городе Оломоуце.

[26] Ригер Ф. (чеш. František Ladislav Rieger; 1818–1903) — чешский политик и экономист. Один из деятелей чешского национального возрождения. Доктор права. Барон. Идеолог австрославизма. В 1841 г. окончил Пражский университет, в 1847 г. получил степень доктора права. В 1848 г. наряду с Ф. Палацким стал наиболее видным лидером чешского национального движения. В 1848–1849 гг. избирался членом парламента Австрии. Во время революции 1848–1849 гг. возглавлял чешских либералов. После поражения революции до 1851 г. находился в эмиграции, в Париже, где изучал экономику, а затем в 1850 г. поселился в Лондоне. В 1858 г. вернулся на родину, стал одним из инициаторов и редакторов первой чешской 11-томной энциклопедии (1859–1874), был в числе создателей Национального театра. В 1860 г. вместе с Ф. Палацким создал, написал программу и возглавил чешскую национальную либерально-консервативную партию — Старочехи, выступавшую за равенство немецкого и чешского языков на территории Чехии, закрепление гражданских и экономических прав и свобод и действовавшую до 1918 г. В 1861 г. был удостоен звания почетного гражданина города Прешов. В том же году основал газету «Národní listy». В 1867 г. участвовал в славянском съезде в Москве, где выступил с речью в защиту Январского восстания 1863 г. в Польше. Автор ряда работ, в том числе «Австрийские славяне и венгры», «Чешская республика, страна и народ», «Парламентские речи». Как лидер старочехов практиковал политику бойкота парламента членами чешской фракции, выступал против раскола партии и выделение младочехов. С созданием новых партий влияние старочехов уменьшалось, их позиция к началу XX в. стала сближаться с младочехами. В 1897 г. Ф. Ригер получил постоянное место в верхней палате рейхсрата, а в 1898 г. титул барона.

[27] Об этнографической выставке, московском съезде и демонсративной поездке чехов в Россию в мае-июне 1867 г. см., напр.: *Kazbunda K.* Pout Čechů do Moskvy 1867 a rakouská diplomace. Praha, 1924; *Doubek V.* Česká politika a Rusko (1848–1914). Praha, 2004. S. 117–123; *Главачка М.* От Венского Информбюро. Еще раз о путешествии славян в Россию в 1867 году. // Родина. 2006. № 4. С. 116–122.

[28] Вскоре после начала Первой мировой войны именно с такой характеристикой мирового конфликта как столкновения славянского и немецкого мира выступил видный чешский политик, депутат рейхсрата, лидер партии младочехов К. Крамарж.

Николаем II подчеркивается значение французско-русского союза для сохранения равновесия и мира в Европе и желание обоих союзников «трудиться в мирном и цивилизационном деле». Но военная колесница летит ужасно быстро. Германия безусловно стремится использовать свое военное преимущество, начать «превентивную войну» раньше, чем в России смогут использовать значительные средства, направленные на осуществление программы максимум по усилению и перевооружению армии и флота. Все усилия напрасны. Император Вильгельм может дать России единственный совет: оставаться безучастным и нейтральным свидетелем того, как Австро-Венгрия расправится с Сербией, на которую нападет. Само собой разумеется, что ни русский царь, ни русский народ не могли принять этот позорный совет. Так началась война[29].

Но все-таки сломить славянство Германии не удалось! Ему пришли на помощь западные государства, и после смертельного страшного пожара 1914–1918 годов. Германия и ее союзники понесли тяжелое поражение, тогда как южные и западные славяне вышли из войны усилившимися и обновленными: итогом войны стало возникновение великой Югославии и восстановление независимых государств, чешскословацкого и польского. Последняя мировая война открыла новые широкие возможности перед всем славянством. В ней не только была окончательно разбита Турция, но и распалась Австро-Венгрия, а с народов славянского происхождения были сняты не только турецкие путы, но и немецкие оковы[30]. Требуется доказывать, что достижение этих результатов в наибольшей мере зависело от участия России в мировой войне. Россия заплатила за это участие самой страшной внутренней катастрофой, приведшей ее под иго большевиков. Однако любое беспристрастное исследование событий мировой войны должно привести к выводу, что Россия до того как пала под гнетом внутренних причин, сослужила на полях сражений союзникам такую огромную службу, что без нее борьба могла иметь иной исход, и возрождение славян было бы вновь отодвинуто на неопределенное будущее.

Это возрождение славянства получит по-настоящему крепкие основы лишь тогда, когда будет освобождена великая Россия, сейчас разрушенная. Мы не сомневаемся, что ее воскресение неизбежно и что начало процессу возрождения уже не за горами. Мы не сомневаемся также в том, что будущая обновленная Россия останется верна своим прекраснейшим заповедям и традиционным усилиям — являться опорой борьбы за свободное самоопределение всех славянских народов. Сколько раз уже повторялась с различными оттенками байка о том, что якобы Россия не стремится обеспечить свободу и независимость своим славянским братьям, а стремиться к их поглощению и поддержанию своей гегемонии. Но действительные события нисколько не подтверждают эту байку. А что касается идеологии русского славянофильства, то достаточно привести слова Ивана Аксакова, наиболее страстного из русских славянофилов; уже в 1867 г. он писал: «У России нет тяги к захвату, и нет умысла получить политический

---

[29] Об истоках, поводах и причинах начала Первой мировой войны до сих пор ведутся дискуссии, обострившиеся в связи со 100-летием ее начала. См. об этом, напр.: Первая мировая война. Историографические мифы и историческая память в 3 кн. М., 2014; Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / Отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2015.

[30] Одним из результатов Первой мировой войны и распада империй следует считать образование новых и возрождение самостоятельных государств: Польши, Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославии).

перевес. Она желает лишь свободы духа и жизни славянским племенам, остающимся верными славянскому братству». И в другой статье: «...Россия считает своим посланием содействовать всем славянским народам в обретении самостоятельности и свободы». Такими мечтами раньше были проникнуты лучшие представители славянофильской идеи в России. Мы не сомневаемся, что будущая возрожденная и свободная Россия напишет на своем знамени те же заповеди и пожелания.

Перевод с чешского Е.П. Серапионовой

О документе: Статья С.Г. Пушкарева «Битва у Зборова» опубликована на чешском языке в газете «Русский инвалид», выходившей в Праге, № 27–28. Май-июнь 1937 г. Публикуется по экземпляру, хранящемуся в ГА РФ. Ф.5891. С.Г. Пушкарев. Оп. 1. Д. 73. Статья вышла к 20-летию битвы у Зборова.

Е.П. Серапионова

С.Г. Пушкарев

Битва у Зборова

Весьма драматическими и непростыми были судьбы чешского народа и чешского государства. В Средние века государство Чешское (regnum Bohemiae), Чешское королевство являлось мощным и влиятельным политическим субъектом в Центральной Европе. Славный Карл IV (I)[1] и другие чешские правители были одновременно избранными императорами Св. Римской империи, то есть носителями высших политических званий в Средние века и имели пышный титул «imperator Romanorum, Bohemiae rex» (император римским, король чешский). Также в своем культурном развитии Чешское национальное государство являлось передовым в Центральной Европе. Славный старинный Карлов университет в Праге был основан еще в 1348 г., раньше, чем возникли университеты в немецких землях.

Драматическая эпоха XV столетия в Чешских землях — период религиозной, национальной, социальной гуситской революции привел Чехию к столкновению со всем немецко-католическим миром. В этих сражениях чехи-гуситы во главе с Яном Жижкой из Троцнова[2] и Прокопом Голым[3] одержали ряд славных побед над немецкими войсками «крестоносцев», которые пытались подавить движение чешских еретиков. В 1526 г. произошла роковая ошибка (последствия которой нельзя было предугадать), чешские сословия избрали чешским королем Фердинанда I Габсбурга[4], и таким образом Чеш-

[1] Карл IV Люксембургский (1316– 1378) — король Чехии с 1346 г. (короновался под именем Карел I), император Священной Римской империи с 1355 г. Период его правления — расцвет Чешского королевства.

[2] Жижка Ян из Троцнова (чеш. Jan Žižka z Trocnova; ок. 1360– 1424) — знаменитый вождь гуситов, полководец, национальный герой чешского народа.

[3] Прокоп Голый — (чеш. Prokop Holý), также известен как Прокоп Великий (ок. 1380–1434) — предводитель гуситов, политик и военачальник. С 1426 г. — основной идеолог и политический деятель таборитов. Погиб в битве у Липан.

[4] Фердинанд I Габсбург (1503–1564) — король Венгрии и Богемии с 1526 г., король Германии (римский король) с 5 января 1531 г., император Священной Римской империи с 1556 (формально

ское государство вошло в персональную унию с Австрией и Венгрией. Фердинанд пошел на обычные ухищрения, согласившись на ограничение власти, и выдал сословиям документ, в котором подтверждал, что был избран чешским королем по доброй и свободной воле государства, но уже он первый Габсбург на чешском престоле стал укреплять центральную власть за счет прав и свобод чешского государства. В начале XVII в. вспыхнуло открытое военное восстание чешских и моравских сословий против династии Габсбургов, но оно закончилось поражением в битве у Белой Горы 8 ноября 1620 г. После этого поражения Фердинанд (1619–1637)[5] наложил на бедные Чешские земли тяжелую карающую руку, и начались долгие-предолгие времена национального, религиозного и социальное угнетения... Этот длительный и всесторонний гнет угрожал самому существованию чешского народа. Казалось, что история готовит чехам горькую судьбу западно-славянских полабских племен, утонувших в немецком море. Но славные «будители» чешского народа сохранили его национальную культуру и тем самым проложили путь к его политическому воскресению...

Мировая война стала решающим моментом в судьбе чешского народа: в случае победы Центральных держав его ждало всемерное усиление и укрепление гнета, а если бы победа осталась за Россией и союзными державами, — восстановление политической свободы и независимости. В эту судьбоносную минуту духовные вожди чешского народа решили теперь или никогда завоевать желанную свободу и выступить против Габсбургов на стороне России и Антанты. После этого решения зародилось заграничное и внутреннее национально-освободительное движение, и это сопротивление после победы Антанты привело к свободе и независимости Чехословакии и распаду австро-венгерской монархии Габсбургов. Военное антигабсбургское движение имело наибольший размах и наиболее важное значение на территории братской славянской России. Уже в первые месяцы войны в Киеве, «этой матери городов русских», как говорилось о нем в старой летописи, возникла первая большая чешская военная часть, так называемая Чешская дружина в составе 700–800 русских чехов-добровольцев[6]. 28 сентября 1914 г. (по старому стилю) на Софийской набережной в Киеве перед массой русских людей чехи-добровольцы приняли торжественную присягу военно-революционному знамени национального чехословацкого сопротивления, по истине исторический момент! После 300 лет угнетения это чешское воинское знамя стало первым символом обновленной чешской военной мощи и многообещающим ядром воссоздания национальной армии независимого Чехословацкого государства. Через несколько дней Чешская дружина была отправлена на Юго-Западный фронт, где в течение года чешские «разведчики», разделенные на небольшие группы, несли опасную, тяжелую, но ответственную разведывательную службу.

с 1558) г., родоначальник младшей (австрийской) ветви дома Габсбургов. Также был эрцгерцогом Австрии, в его правление Австрией турки потерпели поражение под Веной (1529).

[5] Фердинанд II (нем. Ferdinand II; 1578–1637) — король Чехии: 6 июня 1617–19 августа 1619 г. (1-й раз), с 13 ноября 1620 г. (2-й раз), король Венгрии с 18 мая 1618 г. Римский король с 28 августа 1618 г., император Священной Римской империи с 20 марта 1619 г., из династии Габсбургов. Внук Фердинанда I, сын эрцгерцога Штирии Карла II и Марии Баварской.

[6] Из последних работ о Чешской дружине см.: *Муратовы А.А. и Д.И.* Как создавалась-Чешская Дружина. К 100-летию со дня создания Чешской Дружины // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 169–189.

В конце 1915 г. было получено разрешение, чтобы в Дружину, которая имела уже значительные потери, зачисляли всех чехов, которые как российские подданные служили в русской армии[7], а еще раньше Чешская дружина стала пополняться чешскими добровольцами из числа военнопленных[8], которые мужественно стали под знамена чешского национального революционного сопротивления, хотя в случае пленения им грозила страшная смерть от рук австрийских палачей... Вот так, несмотря на потери, постоянно росло число чешских воинов, а в январе 1916 г. Чешская дружина была преобразована в Чехословацкий стрелковый полк[9], который в 1917 г. получил название 1-го чехословацкого стрелкового полка им. Яна Гуса. В мае 1916 г. из 1-го стрелкового полка был выделен 2 батальон, который стал основой для формирования 2-го чехословацкого стрелкового полка, названного полком Йиржи из Подебрад[10]. Так возникла чехословацкая бригада. 15 марта 1917 г. началось формирование 3-го полка (Яна Жижки из Троцнова). Затем начались революционные бури в России, а вместе с ними с мая 1917 г. все возрастающие развал и разложение русской армии. Большевистская революционная агитация в тылу и одновременно весьма действенная пропаганда австрийского и германского военного командования, которую вели специальные пропагандистские службы, понемногу уничтожали мораль и боевой дух русского солдата (немецкие пропагандистские листовки поучали простодушных и доверчивых русских солдат: «Слушайте Ленина... Он настоящий патриот, который думает о вас...» в кн.: Фр. Новотный Пропаганда. С. 136–137[11]). Солдаты начали «брататься» с немцами и венграми (на самом деле с их пропагандистскими группами), оставлять позиции, не подчиняться приказам командиров. В это судьбоносное время, когда моральное разложение могло грозить и чехословацкому войску, глава заграничного чехословацкого сопротивления профессор Масарик[12] предупреждал чехословацкие полки, чтобы они не давали себя обмануть фальшивыми лозунгами: «...братание хорошо между

---

[7] Эти сведения подтверждают документы. В телеграмме из Ставки от 15 октября 1915 г. говорилось: «Ввиду потерь Чешской дружины..., принимая во внимание полезную работу дружины, начальник Штаба признает необходимым разрешить перевод в означенную дружину желающих нижних чинов чехов, состоящих в действующих запасных ополченских частях. — Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. М., 2013. С. 223.

[8] В телеграмме из Ставки от 2 декабря 1914 г. на имя командующего 3-й армией Р.Д. Радко-Дмитриева говорилось: «Верховный главнокомандующий...разрешил поступление в Чешскую дружину... желающих чехов военнопленных, причем такой прием признается возможным допустить тотчас по взятии в плен». — Там же. С. 106–107.

[9] Там же. С. 270.

[10] Йиржи из Подебрад (чеш. Jiří z Kunštátu a Poděbrad; 1420–1471) — правитель (регент) Богемии (3 сентября — 28 октября 1448, 1-й раз), (27 апреля 1452–19 октября 1453, 2-й раз), (23 ноября 1457–2 марта 1458, 3-й раз), король Богемии со 2 марта 1458 г.; первый правитель европейского государства, не исповедующий католицизм. Йиржи из Подебрад принадлежал к утраквистам, или чашникам, — умеренному крылу гуситского движения.

[11] Автор ссылается на книгу: *Novotný Fr.* Propaganda — dokument o zkáze ruské fronty v r. 1917. Praha, 1922.

[12] Масарик Т.Г. (чеш. Tomáš Garrigue Masaryk; 1850–1937) — чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, а после создания государства — первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935).

нами самими, наши братья русский, поляк, серб и союзники; немцы, австрийцы и их союзники — наши враги. С ними нам не надо брататься, их надо победить, тогда свобода и демократия в Европе одержит верх. Братание с неприятелем затягивает войну и дает возможность неприятелю посылать новые резервы против наших союзников на других фронтах. Такое братание неразумно и нечестно...»

Русские патриотические круги, общественное мнение союзников и военно-дипломатические круги Антанты с беспокойством наблюдали за все большим разложением русской армии и усиливали нажим на Временное правительство с тем, чтобы оно возобновило смертную казнь и восстановило боеспособность армии. После длительных рассуждений, приготовлений, речей, обсуждений и соглашений наконец-то в конце июня– начале июля 1917 г. началось так называемое «наступление Керенского» (военного министра Временного правительства) на Юго-Западном фронте в Галиции. Наступление должны были вести 7, 11 и 8-я русские армии, которым противостояли воинские соединения Бёма-Эрмоли (Böhma-Ermollího)[13]. В этих сражениях чехословацкая стрелковая бригада численностью 3500 солдат впервые составившая единую тактическую часть, должна была занять собственный участок фронта. Чехословацкая бригада занимала центральный участок фронта 49-го русского корпуса (11-й армии); ее участок был расположен по соседству с участками 4-й и 6-й так называемых финских стрелковых дивизий (кроме этого в 49-й армейский корпус входила 82-я пешая дивизия). Этим силам с австро-венгерской стороны противостоял IX корпус, состоявший по преимуществу из чешских полков 19-й дивизии и венгерских 32-й дивизии, которые занимали прекрасно укрепленные позиции — «настоящие массивные крепости» (Руд. Медек[14])... Против этих практически неприступных крепостей выступили русские и чешские войска 1 и 2 июля 1916 г.[15] Вдохновенное и мощное наступление началось 2 июля около 9 утра. Несмотря на малочисленность и недостаточное вооружение, Чешские полки благодаря своей храбрости, подъему, своим патриотическим запалом одолели сильные австро-венгерские укрепления, прорвали линии обороны противника и овладели их укрепленными позициями; упорное сопротивление оказывал 86-й венгерский полк, тогда как полки, где преобладали чешские солдаты, 35-й и 75-й, как только поняли, что на них наступают чехи, ослабили оборону и позволили пленить себя во всех подразделениях... Главное управление[16] из Ставки Верховного Главнокомандующего 20 июня (по старому стилю), или 3 июля (по новому стилю) поведало всему миру о победе под Зборовом Чешской бригады и наступавшими вместе с ней полками XI-й армии: «...В направлении на Злочов наше наступление успешно продолжается. 19 июня (то есть 2 июля по нов. ст.) около 15 часов после ожесточенных и упорных боев Зарайский полк овладел деревней Пресовце, и храбрые войска 4-й финской дивизии и чехословацкой бригады овладели сильно укрепленными неприятельскими позициями на высотах западнее и юго-западнее деревни Зборова и укреплениями в деревне Коршилов, преодолев три линии вражеских окопов. Неприятель отошел за реку Ма-

---

[13] фон Бём-Эрмоли Э. (нем. Eduard Freiherr von Böhm-Ermolli, 1856 –1941) – барон, австрийский военачальник, генерал-фельдмаршал.

[14] Медек Р. (чеш. Rudolf Medek, 1890 –1940) – чешский генерал (1931) и писатель (поэт и прозаик). Начальник военного управления чехословацких легионов. С 1940 по 1989 г. действовал запрет на публикации Медека.

[15] В тексте, вероятно, опечатка – должно быть 1917 г.

[16] Имеется ввиду Главное управление Генерального штаба (ГУГШ).

лую Стрипу[17]. Финская дивизия пленила 1560 вражеских офицеров и солдат, захватила 4 орудия, 9 пулеметов и 1 миномет. Чехословацкая бригада пленила 62 офицера, 3150 солдат, захватила 15 орудий и множество пулеметов, большинство из которых было использовано против неприятеля. Были заняты вражеские позиции западнее Юзефувки...» В целом до вечера 2 июля чехословацкая бригада взяла в плен 4200 пленных, отбила 20 орудий, то есть количество пленных превысило численный состав самой бригады. Общие потери IX корпуса в боях с 30 июня до 2 июля превысили 14 000, и от этого армейского корпуса после боев сохранились лишь небольшие остатки. Но потери наступавших были тоже велики. Чехословацкая бригада потеряла 900 бойцов, из них 200 погибших; больше всех пострадал 1-й чехословацкий стрелковый полк.

Огромные кровавые потери, которые понесла в этом наступлении 11-я русская армия, подломили ее моральный и боевой дух, и вскоре последовало ее отступление; которое проходило беспорядочно, солдаты не хотели воевать против преследовавшего их неприятеля, и поэтому уже 7 июля чехословацкая бригада была вновь направлена на фронт, чтобы вместе с казаками и русской артиллерией сдерживать наступление австрийско-немецких войск и прикрывать в беспорядке отступавшие русские войска. Через две недели продолжавшихся распада и разложения русской армии произошел страшный прорыв немцев у Тернополя и паническое бегство разложившихся масс русской пехоты, а прикрывали это отступление и храбро сдерживали напор на много превосходивших сил противника только две пехотные бригады — чехословацкая стрелковая и русская гвардейская, Петровские казачьи полки и артиллерия...

Героизм чехословацких стрелковых бригад и их победа при Зборове вызвали огромный отклик в мире и имели большое моральное и военно-политическое значение. Чехословацкая бригада заслужила большое признание и благодарность русского военного командования и русского общественного мнения.

Т. Г. Масарик обратился к чехословацкой бригаде и подчеркнул значение Зборова: «Братья! Своей гуситской храбростью вы снискали признание России и всего союзнического мира, доказали друзьям и врагам, что наш народ полон решимости добыть свою национальную и политическую независимость... Вы являете собой живой протест против антиславянской и антироманской Австро-Венгрии и против вероломной династии, объединившейся вопреки праву, соглашениям и обещаниям с немцами и венграми, в первую очередь, против чехов и словаков...»

Победа у Зборова произвела огромное впечатление на лагеря военнопленных в России. Волна воодушевления захватила чехословацких военнопленных, которые в массовом порядке стали записываться добровольцами в чехословацкое войско. Из чехословацкой стрелковой бригады была сформирована чехословацкая дивизия; в сентябре 1917 г. появилась 2-я чехословацкая дивизия и отдельные артиллерийские дивизионы; 26 сентября 1917 г. Временное правительство опубликовало приказ о создании самостоятельной чехословацкой армии. Таким образом, Зборов заложил независимое чехословацкое войско, которое затем в боях под Бахмачом, на Волге и на широких сибирских равнинах доблестно продолжало дело освобождения своего народа, начатое славной битвой у Зборова.

---

[17] Правильно: Малую Стрыпу.

Мощный отклик Зборов имел также в печати и в правительственных кругах союзников. Его последствием в Италии стало значительное усиление чехословацкого добровольческого корпуса. Во Франции декретом президента республики 16 декабря 1917 г. было создано независимое чехословацкое войско под политическим руководством Национального совета.

Но самое большое впечатление весть о зборовской победе оказала на родине: с безмерным счастьем и радостным ожиданием приняла чехословацкая общественность сообщение о существовании национальных чехословацких частей и их геройских военных действиях. Информация об этом также оказала большую роль в активизации и укреплении движения сопротивления на родине, которое, в свою очередь, подготовило славный день провозглашения независимого чехословацкого государства — 28 октября 1918 г.

Таким образом, Зборов стал центральным моментом всей чехословацкой национальной революции и самым славным этапом в достижении желанной цели — восстановления национальной и государственной свободы и независимости.

Зборов

Битва у Зборова является эпизодом, произошедшим северо-западнее, западнее и юго-западнее Зборова, во время масштабного наступления на Юго-Западном русском фронте в конце июня — начале июля 1917 г.

Это наступление началось с ряда боев у Бржежань, у Конюх, у Зборова и у Станиславова. В боях под Зборовом 2 июля 1917 г. чехословацкая стрелковая бригада вышла победителем. Как наиболее боеспособная часть в составе 49-го корпуса 11-й русской армии она частично прорвала линию фронта противника в начале общего наступления с соседями, которыми являлись с севера 4-я финляндская (русская) стрелковая дивизия генерала Шиллинга[18], а с юга 6-я финляндская (русская) стрелковая дивизия генерала Бредова[19]. При дальнейшем продвижении и развитии успеха чехословацкая стрелковая бригада была заменена в боях частями 82-й русской пехотной дивизии генерала Новицкого[20].

Перевод с чешского Е.П. Серапионовой

---

[18] Шиллинг Н. Н. (1870–1946) — генерал-лейтенант, военачальник в годы Первой мировой войны, награжден боевыми наградами, с 20 мая 1917 г. командующий 4-й финляндской стрелковой дивизией, с 18 июля 1917 г. командующий 2-й гвардейской пехотной дивизией, с 28 июля 1917 г. командир 17-го армейского корпуса. Участник Белого движения. В ноябре 1920 г. эмигрировал в Прагу, публиковался в эмигрантском журнале «Часовой».

[19] Бредов Н.Э. (1873–1945) — генерал-лейтенант, участник русско-японской и Первой мировой войны. С 22 апреля по 9 сентября 1917 г. командовал 6-й Финляндской стрелковой дивизией. Командир 24-го армейского корпуса (с 9 сентября 1917 г.), командир 21-го армейского корпуса (с 30 сентября 1917 г.), командир 12-го армейского корпуса (с 12 октября 1917 г.). Награжден орденами и Золотым оружием. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Болгарии.

[20] Новицкий Ф.Ф. (1870–1944) — русский и советский военачальник, генерал-майор Русской императорской армии, генерал-лейтенант авиации Красной армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. После Февральской революции назначен командующим 82-й пехотной дивизией (с 25.04.1917 — до декабря 1917 г.). В декабре 1917 г. Советом солдатских депутатов избран командиром 43-го армейского корпуса.

Служил в РККА. С 1933 г. начальник Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Автор воспоминаний о Гражданской войне.

Леонид Сергеевич Лада-Якушевич и русские архитекторы в Чехословакии

Об авторе:

Лада-Якушевич Леонид Сергеевич (Lada-Jakuševič L.) (1898, Воронеж — 1981, Прага). Архитектор, теоретик архитектуры, издатель, общественный деятель, коллекционер.

В 1922 г. прибыл в Прагу. Благодаря «Русской акции» Л. С. Лада-Якушевич получил возможность получить высшее образование. В 1929 г. Чешское высшее техническое училище в Праге, где пять лет, с 1924 г., обучался на архитектурном факультете (класс чешского профессора А. Менделя). Его студенческий проект «Дом дипломатического и торгового представительства», занял призовое 3-е место и был опубликован в журнале «Русский зодчий за рубежом». В дальнейшем работал в одной из пражских архитектурных мастерских.

Принимал активное участие в общественной деятельности. Так, он входил в состав правления SIA (Общество чехословацких инженеров); был в 1938 г. заместителем председателя Объединения русских архитекторов; в 1937–1943 гг. являлся председателем правления Союза русских инженеров и техников. Был известен и как референт по вопросам нострификации дипломов русских инженеров и архитекторов, полученных в высших школах Чехословакии.

В 1938–1942 гг. Л. С. Лада-Якушевич был ответственным редактором, издателем и активным автором многих материалов уже упоминавшегося журнала «Русский Зодчий за рубежом» (главный редактор Н. П. Пашковский), получившим известность во многих странах русского рассеяния.

Участвовал в выставках Русского культурно-исторического музея (1934–1944 гг.), сформированного по инициативе В. Ф. Булгакова (1886–1966) Русским свободным университетом в Праге как хранилища и центра изучения культуры и быта Российского зарубежья.

Архитектурные проекты Л. С. Лады-Якушевича не раз занимали почетные места на различных архитектурно-профессиональных конкурсах. Среди них можно назвать реконструкцию сада им. Юнгмана в г. Мельник (2-е место, совместно с арх. Н. П. Пашковским, при участии Г. Б. Репнинского). Одним из лучших был признан проект культурно-просветительского дома и библиотека

в г. Брно, совместно с архитекторами Н.Н. Романовским и Н.П. Пашковским. Известна построенная по его проекту больница в Братиславе.

В 1945 г. Л.С. Лада-Якушевич был арестован советскими спецслужбами и увезен в СССР, где до 1955 г. находился в заключении. В 1957 г. вернулся в Чехословакию.

Л.С. Лада-Якушевич собрал и подарил Пражскому почтовому музею уникальную коллекцию марок «Земские марки России», которая сейчас является наиболее полной и ценной частью музейного собрания.

Автор также являлся автором статьи «Прогноз будущего чешской архитектуры в связи с общеполитическими событиями» (1938), докладов «Социалистическое поселение и жилище», «Жилищный вопрос в СССР до войны», «Жилищный вопрос в Советской России».

Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Библиография:

Левошко С.С. Лада-Якушевич Л.С. // Искусство и архитектура русского зарубежья/www.artrz.ru/articles/1805091143/index.html; Пражский телеграф, 4 января 2015 г., электронная версия.

О документе:

Статья под инициалами Л-Я. (Лада-Якушевич?) была опубликована в журнале «Русский зодчий за рубежом», издававшимся в Праге в 1938–1942 гг., в № 3 от 25 марта 1938 г. В статье не только раскрывается понятие «архитектор» в Чехословакии, рассказывается о союзах и творческих объединениях чехословацких архитекторов, но и, что важно для изучения темы «Русская эмиграция», приводятся сведения об Объединении русских архитекторов, находившееся территориально в Чехословацкой республике, но объединявшее русских архитекторов по всему миру.

В.И. Косик

Л. С. (Лада-Якушевич?)

Школы и архитектурная жизнь в ЧСР

Звание архитектора в Чехословацкой республике не находится под охраной закона, поэтому, в настоящий момент, в республике, наряду с архитекторами, получившими образование в соответствующих школах, существуют также и «садовые архитекторы» (zahradní architekti[1]). Обойщик-декоратор может и именует себя архитектором. Был случай, когда слесарь написал на рекламных проспектах своей фирмы: «Слесарь — в своей специальности — архитектор». В списке абонентов Пражской телефонной сети есть портной-архитектор.

Существует австрийский правительственный декрет 1812 года, который признает право на звание архитектора за абсольвентами[2] академии изобразительных искусств и за абсольвентами политехнических школ. Положение о ремес-

[1] Здесь и далее автор дает в скобках чешское название.

[2] Абсольвент — выпускник высшего учебного заведения.

ленниках 1859 года вводит различие между строительным ремеслом (stavitelstvi) и деятельностью в области искусства (тем самым и архитектуры). Иных обоснований закона к защите звания «архитектор» не имеется, почему Центральное объединение архитекторов при Синдикате деятелей изобразительных искусств (Ústředi arhitektů při Syndikatě výtvarných umělců) в настоящее время и добивается издания закона, охраняющего звание «архитектора-проектанта».

В Чехословакии существует Палата инженеров (Inženyrská komora), но это есть вспомогательный орган государственно-административного аппарата, оно не с о с л о в н о е[3] учреждение.

Лицо, окончившее курс высшего учебного заведения, после пятилетней зарегистрированной практики у члена Палаты Инженеров, может подать заявление о допущении его к экзамену на авторизацию. Испытания преимущественно в области законоведения, политической экономии, общественного права, строительных законов, законов и распоряжений Чехословацкой республики. Выдержавший испытание получает звание авторизированного гражданского инженера по своей специальности и право иметь на печати государственный герб. Имеется преимущественное право на производство государственных построек; для производства же частных построек он, согласно § 6 министерского распоряжения от 27. XII. 1893 г. № 195, должен сдать устный экзамен при цехе строителей из предметов строительной практики, строительных предписаний и строительной гигиены. По постановлению Земского управления в Праге (Zemského úřadu v Praze) 15. XI. 1937 № 11.893/1/1936 авторизированный гражданский инженер не может быть также заместителем (náměstek) лица (или фирмы), имеющей право строительства. В местах, где нет соответствующих государственных учреждений, авторизированный гражданский инженер нотариально удостоверяется.

Докторат сокращает сроки для экзамена на звание авторизированного гражданского инженера на один год и освобождает от какого-либо экзамена при строительном цехе.

Подавляющее большинство чехословацких инженеров объединено в Общество Чехословацких Инженеров — SIA (Spolek inženýřú a architektů), насчитывающем 10 500 человек и состоящем из автономных секций по специальностям. Общество Чехословацких Инженеров имеет большое значение и вес в стране и не исключена возможность, что именно оно и возьмет на себя обязанности сословного представительства.

Различные группировки чехословацких архитекторов образовались или на основании академического признака или же по признаку политической окраски.

1. *Группа архитекторов SIA* (Skupina architektů SIA) насчитывает 412 членов. Группа издает журнал «Architekt SIA»; направление — научно-техническое и либерально-консервативное.

2. *Ассоциация академических архитекторов* (Associace akademických architektů) объединяет лиц, окончивших академию изобразительных искусств. Число членов около 40 человек.

3. *Клуб архитекторов* (Klub architektů) объдиняет архитекторов не по академическому признаку, а по политической ориентации, одно время очень левой. Число

[3] Слово дано разрядкой в тексте.

членов 120–130 чел. Издает журнал «Stavba» (Постройка). Научно-техническое направление.

4. *Федерация архитекторов* (Federace architektů) объединяет лиц, окончивших архитектурное отделение художественно-промышленной школы. Число членов 40–50 человек.

5. *Содружество архитекторов* (Sdruženi architektů) объединяет архитекторов не инженерного образования, поэтому архитектура рассматривается, как ремесло с оттенком искусства. Издают журнал «Stavitel» (строитель), выходящий нерегулярно, 4–5 номеров в год.

6. *Секция архитекторов при Обществе изобразительных искусств «Манес»*[4] (Sekce architektů při spolku výtvarných umělců «Manes») объдиняет лиц, стоящих на платформе левого направления искусства. Общество «Манес» имеет большое влияние на интеллектуальную жизнь пражского общества. Численность членов архитекторов около 30 чел. Работы архитекторов опубликовываются в художественном журнале Общества «Volné směry» (Свободное направление).

7. *Общество архитекторов* (Společnost architektů) объединяет лиц, окончивших иностранные высшие учебные заведения (старшее поколение и лиц с высшим архит. образованием; направление — консервативное. Число членов приблизительно 30–40 человек. Общество издает журнал «Styl» (стиль).

8. *Союз социалистических архитекторов* (Svaz socialistiských architektů). Коммунистическая организация. 18–20 членов, бывших до 1935 года левым крылом Клуба архитекторов.

9. Содружество немецких архитекторов (Gemeinschaft deutscher arhitekten) объединяет лиц немецкой национальности. Число членов 50–60. Направление научно-техническое. Большая организованность. Работы членов опубликовываются в журнале «Forum», издающимся в г. Брно (Брюнн[5]) на немецком и венгерском языках.

10. *Рабочее объединение архитекторов в Словакии* (Pracovné sdruženie arhitektov na Slovensku). Объединение по национальному и территориальному признакам. 30–40 человек.

11. *Объединение русских архитекторов* (Sdruženi ruských architektů)[6] объединяет

---

[4] Художественное общество «Манес» было основано передовой чешской молодежью в честь выдающегося чешского живописца и графика Йозефа Манеса (1820–1871) в 1887 г. вместе с художественной галереей. В конце 1920-х гг. для галереи «Манеса» было построено здание в стиле конструктивизма неподалеку от Карлова моста. После «бархатной революции» здание возвращено обществу, в нем проводятся выставки работ современных художников, чешского фигурного стекла, фотовыставки.

[5] Немецкое название города.

[6] В 1926 г. будущие архитекторы, учредили Объединение русских архитекторов — ОРА, потом аналогичные объединения появились во Франции, Югославии, Китае, США. В 1938 году в ОРА Чехословацкой Республики насчитывался 41 член, 90% которых были выпускниками ČVUT (Чешское высшее техническое училище в Праге). По свидетельству Николая Еленева, в Праге работал профессор В. А. Брандт, который вместе со своими двумя учениками Н. П. Пашковским и С. Г. Клодтом разработали проект и осуществили строительство часовни-усыпальницы на Ольшанском кладбище. Этот образец древне-русского псковско-новгородского архитектурного стиля до сих пор является едва ли не единственным

русских и сочувствующих им иностранных архитекторов без ограничения места жительства. Издает журнал «Русский зодчий за рубежом»[7].

12. *Центральное объединение архитекторов при Синдикате деятелей изобразительных искусств* (Ústředi arhitektů při Syndikatě výtvarných umělců). Конструируется по принципу представительства отдельных групп и организаций. Каждая организация архитекторов высылает своего делегата, общества, насчитывающие свыше 50 членов (зарегистрированных в Синдикате), посылают двух делегатов. Центральное объединение стремится урегулировать взаимоотношения между отдельными обществами и группировками, защищая общесословные интересы, главным образом, с экономической стороны. Через делегатов объединяет 65% всего числа архитекторов республики (свыше 1600 чел.). Можно быть членом какого-либо архитектурного общества, имеющего представителя в Центральной организации, но не быть членом Синдиката и тем самым Центральной организации. Можно входить в Синдикат также и в одиночном порядке, не являясь членом какого-либо общества или объединения архитекторов. Члены Синдиката,

---

в Центральной Европе. По проектам В. А. Брандта построен дом чешского политика и государственного деятеля, первого премьер-министра ЧСР Карела Крамаржа на его малой родине в Высоком над Иезероу, а также сделано архитектурное оформление бывшего водохранилища в Йиндриховицах, где в конце 1920-х гг. была устроена усыпальница сербских воинов. Из проектов, принятых различными конкурсами, тот же автор указывал на проект православного храма в Ужгороде художника К. М. Каткова и инженера-строителя Н. М. Леонтьева, а также проект православного храма в Варшаве, разработанный как сочетание западноевропейской базилики и центрального типа древних православных храмов архитекторами С. Г. Клодтом и Н. П. Пашковским. См.: *Еленев Н.* Русское изобразительное искусство в Праге // Русские в Праге / Ред.-изд. С. П. Постников. Прага, 1928. С. 284–311. Благодаря уникальному интернет-проекту известны имена и других русских архитекторов, учившихся или работавших в ЧСР: например, В. Н. Уклеин (см. о нем: http://www.artrz.ru/places/1804660595/1805101180.html), В. И. Полити (см.: http://www.artrz.ru/places/1804660595/1804785890.html), Н. Падалка (см.: http://www.artrz.ru/places/1804660595/1804785650.html), Н. К. Модрах (см.: http://www.artrz.ru/places/1804660595/1804785380.html), В. В. Коломацкий (см.: http://www.artrz.ru/places/1804660595/1804870149.html), Е. Н. Калабин (см.: http://www.artrz.ru/places/1804660595/1804784076.html), П. И. Жестовский (см.: http://www.artrz.ru/places/1804660595/1804783692.html) и др.

[7] В 1938–1942 гг. лидеры нового поколения стали издавать журнал «Русский зодчий за рубежом». (Полное название журнала – РУССКИЙ ЗОДЧИЙ ЗА РУБЕЖОМ: Орган связи русских архитекторов за границей: профессиональное издание). «Целью объединения русских архитекторов зарубежья, которую ставили основатели издания, была фиксация и оценка всего созданного в эмиграции, и печатное издание стало главным инструментом реализации этого движения. Была установлена связь с 278 архитекторами, создана биографическая картотека на 345 человек (ее местонахождение, если она не утрачена вообще, не обнаружено до сих пор), а всего, как они установили, на 1939 год по всему миру было около 400 русских зодчих. И сегодня для нас это единственный в своем роде достоверный источник об архитектурной жизни русского зарубежья, особенно в Европе, в 1930-е годы». (*Левошко С. С.* «Русские архитекторы Праги 1920–1930-х годов» // Русское слово. № 2. 2013). Его главным редактором являлся инженер и архитектор Н. П. Пашковский, а ответственным редактором и издателем Л. С. Лада-Якушевич. Издание возникло по инициативе Объединения русских архитекторов (ОРА), по внешнему виду напоминало газету (информационный листок). Подробнее см.: (http://www.artrz.ru/places/1804660595/1804981584.html).

не организованные в архитектурных обществах, имеют своего делегата в Центральном объединении.

Объединение ведет большую работу и уже достигло значительных результатов. Наиболее острыми вопросами архитектурной жизни в ЧСР являются вопрос о разделении работы проектировочной и строительной, вопрос о защите, путем издания особого закона, звания архитектора и вопрос о единстве школьного образования.

О документе:

Передовая статья в журнале «Русский зодчий за рубежом» № 1. Прага, 25 января 1938 г. С. 1. Во многом дополняет предыдущий материал, предоставляя более полную информацию о русских архитекторах за рубежом, в частности в ЧСР.

В. И. Косик

Наш путь и наши задачи[1]

Более, чем пятнадцатилетнее пребывание за рубежом позволяет в 1938 году учесть перспективу, как назад — пути уже пройденного, так и вперед — к пути, который еще нужно проложить.

Говоря о жизни и работе русского архитектора, нельзя отделять его судьбы от судеб остальных русских культурных сил. Основной вопрос, о преемственности — решало старшее, сложившееся еще в России поколение. Его заслугой были найдены друзья, понявшие масштаб и значение сохранения за границей русского культурного кадра. Каждый из нас, на чьем дипломе стоит дата окончания за рубежом высшей школы в период с 1923 г. по нынешнее время, помнит, чем он обязан государству, в котором находится «alma mater»[2]. Помнит он также о тех, чье государственное мышление, веское слово, энергия и организаторский дар раскрыли перед ним двери высших учебных заведений. Какое иное чувство, как не верная и действительная благодарность может нас к ним привязывать? С момента оконча-

---

[1] Материал без подписи. Скорее всего, его автором являлся Л. С. Лада-Якушевич.

[2] Бежавшие из России, как они сами, так их дети, могли получать высшее образование как в чехословацких вузах страны, так и в российских, открытых беженцами и получавших государственную поддержку. Достаточно назвать Русский юридический факультет, Русский педагогический институт имени Я. А. Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский народный университет (позднее переименованный в Русский свободный университет). К 1931 г. из 22 тыс. зарегистрированных беженцев 7 тыс. были студентами высших и средних учебных заведений. Только с 1923 г. по 1933 г. архитектурное образование в Чехословакии получило около 70 представителей эмигрантской молодежи, заявлявшей себя «русскими архитекторами». Профессиональное архитектурное сообщество сформировалось из российской эмигрантской молодежи, получившей с 1923 по 1933 годы образование уже в Чехословакии в высшей школе ČVUT (Чешское высшее техническое училище в Праге), которую закончили 63 учащихся, и в Брно было шесть русских выпускников. Сложилась плеяда блестящих специалистов, осознававших и позиционировавших себя в местной профессиональной среде «русскими архитекторами».

ния высшей школы мы включены в культурный кадр. С этого же момента начинается наша самостоятельная ответственная работа.

Однако, одно лишь окончание высшей школы не решает вопроса об утверждении нашего места в жизни.

Современный инженер не может полагаться на магический авторитет своего звания, особенно в атмосфере экономических кризисов и ограничения права на труд[3]. На каждом шагу своей практической деятельности он принужден отстаивать свое высшее место в процессе производства и распределения, отстаивать свое право быть инженером — строителем жизни. Такова суровая реальность обстановки. Но в повседневных заботах мы не смеем забыть о том, что было у наших отцов.

Казалось бы, что все невыгоды зарубежного существования скажутся в атмосфере постоянной зависимости, в которой приходится жить и работать, и приведут к идейной и профессиональной капитуляции. Однако, несмотря на всю тяжесть окружающих нас условий, нужно констатировать в русской технической среде, рассеянной по всему миру, отрадное явление: русские инженеры, в частности архитекторы, выдвигаются на первые места:

«успехи русских архитекторов не являются в виде исключений в какой-либо художественно и технически отсталой стране, а замечаются по целой Европе. Эти успехи нужно признать доказательством высокой художественной культуры у русских архитекторов и редкой способности схватывать и понимать психологические особенности и духовные стремления народов, выражением которых всегда служили все виды искусства и особенно архитектура»

(Инж.-арх. Сазонов, Белград)

Мы надеемся, что не будем далеки от истины, сказав: русскому культурному вектору свойственно сохранять свое направление и преодолевать неблагоприятную среду.

Отрадность этого явления и возможность подвести итоги общей работе, затеряются в необозримых пространствах, пока не осуществится первое задание каждого инженерного дела, прокладка путей сообщения. Достижение тесной связи обеспечивает возможность процесса интеграции при уже осуществленном, не по нашей воле процессе дифференциации пространственной и временной.

Особенность положения архитектора в среде технических сил состоит в том, что наряду с вооружением рациональными техническими средствами, его завершающая работа протекает по пути интуиции. Включая технику через чувство конструкции и чувство формы в область искусства, архитектор делает свою работу доступной и понятной каждому. Вот почему, говоря о нашей нераздельной приобщенности к русской культуре, мы считаем, что именно русские архитекторы и должны взять на себя почин в деле взаимного сближения и знакомства современных русских технических сил за рубежом.

---

[3] Так, в связи с мировым экономическим кризисом чехословацкий парламент принял 26 марта 1928 г. Закон об охране национального рынка труда, который непосредственно затрагивал интересы российских эмигрантов. Согласно этому документу, официальное право на работу стали иметь лишь те из них, кто прибыл в ЧСР и получил временное удостоверение (průkaz) до 1 мая 1923 г. (Подробнее см.: *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 75–78).

Только при наличии взаимной тесной связи и ознакомления друг друга с достигнутыми результатами, мы разовьем свою работу и ощутим свое профессиональное значение, как члены единой семьи.

Общая картина должна быть представлена в одном месте.

В Праге ведется работа по организации Русского архитектурного центра за рубежом. Средствами для исполнения этой задачи являются:

1. Объединение русских архитекторов «ОРА»[4],

2. Архитектурное отделение Русского Культурно-Исторического Музея[5], где собираются и регистрируются работы русских архитекторов из всего великого рассеяния,

3. Орган связи: «Русский зодчий за рубежом».

Повторяем:

Искус[6] эмиграции бросил нас на наковальню, где «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», отличаясь от наших отцов только в том, что мы получили иное вооружение.

Ощущая свою культурную принадлежность и владея совершенными средствами в своей профессии, мы представляем культурную силу.

Культура находится за пределами действия денационализирующих влияний.

Ее мощь сказывается в способности сплачивать и ассимилировать.

Ее величие — в творении государства духа.

Мы — граждане этого государства.

Наша работа дает нам средства к существованию.

Через свою профессию — наш путь к поднятию нашего достоинства.

Через тесную связь — осознание своей профессиональной значимости.

На нашем поколении лежит задача: преодолеть инерцию разделяющего нас времени и пространства и сплотиться в единое целое.

Искус. Вооружение. Сила. Работа. Достоинство. Связь. Единое целое.

---

[4] См. сноску 6. С. 269 наст. изд.

[5] Русский культурно-исторический музей в Праге создан в 1934 г. Идея создания принадлежала В. Ф. Булгакову, который стал его директором. В создании музея принимали участие А. Л. Бем, Н. И. Астров, С. В. Завадский, гр. С. В. Панина, М. М. Новиков, А. Н. Фатеев и др. В задачи музея входило собирание, хранение, изучение и экспонирование предметов и материалов, относящихся к истории жизни, творчеству и быту русской эмиграции. Открытие музея состоялось 29 сентября 1935 г. в здании Збраславского замка близ Праги. В конце 1930-х гг. была сформирована уникальная коллекция архитектурных работ, собранных по всему миру, ставшая основой Архитектурного отдела в Русском культурно-историческом музее.

[6] Здесь и далее разрядка авторская в тексте.

Сергей Моравский о русских студентах в Праге

О документе:

Статья Сергея Моравского обнаружена в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 393. Л. 1–4. Так как одной из основных групп русских эмигрантов в ЧСР, которые целенаправленно привлекались в страну правительством, были именно студенты, эта статья в жанре фельетона, представляется важной для адекватного освещения ситуации с русской диаспорой в ЧСР. К сожалению, о ее авторе, Сергее Моравском, сведений найти не удалось.

В. И. Косик

Сергей Моравский[1]

«Русская Прага» «Студент-Денди»

Десять лет тому назад, когда у него было два пятиэтажных дома в Петрограде и имение в Курской губернии, он носил черную сатиновую рубашку, подпоясанную шнуром с кисточками, демократическую тужурку и смазные сапоги, чем приводил в ужас домашних

— Вольдемар! — стонала мамаша: — Что за наряд! Побойся Бога!

На это Вольдемар отвечал рычанием:

— Оставьте меня в покое! Во-первых, Бога нет, во-вторых, что за кличка «Вольдемар», а в-третьих, во мне обостряется классовое чутье.

И бежал на нелегальную квартиру печатать нелегальщину.

Когда же от всего прежнего богатства остался лишь дважды перелицованный фрак, да еще старая жестянка из-под французских консервов, играющая роль несессера, Вольдемару пришла на ум гениальная идея:

— Как раз пора как следует одеться!

И приоделся. Кто это: законодатель моды принц Уэльский? Король экрана Полонский[2]? Оскар Уайльд[3]? Нет, это наш студент, получающий 350 крон в ме-

---

[1] Неустановленное лицо.

[2] Полонский Витольд Альфонсович (1879–1919) — русский актёр немого кино.

[3] Уайльд Оскар (Oscar Fingal O’Flahertie Wills Wilde; 16 октября 1854 года, Дублин — 30 ноября 1900 года, Париж) — ирландский философ, эстет, писатель, поэт.

сяц и еще полтора года назад доивший в Румынии коров. Но дайте мне описать облачение студента-денди: шляпа цвета смиховского[4] воздуха с желудем на ленте, элегантное пальто цвета... цвета Финского залива в шесть часов утра, черная визитка, коей боковой кармашек увенчан бутоном из пестренького шелкового платочка, светлосерые брюки, суживающиеся по мере приближения к колену и заканчивающиеся, по модному, сейчас же за коленом, шелковые узорчатые носки, желтые гетры и преострые «фокстроты». Прибавьте ко всему этому безукоризненные воротничок и манжеты, волнистый галстук, золотую цепочку, перстень, тросточку и венец туалета, монокль, в ударные моменты извлекаемый из бархатного футлярчика, -- и вы будете иметь некоторое представление об одеянии большого лохматого студента-народника, когда-то надрывавшегося на сходках.

Но сих доспехов для полного впечатления маловато: нужны еще манеры и позы. Это прекрасно сознает наш денди.

Манерам можно учиться по кино-драмам из великосветской жизни. Однако на здешнюю публику лучше действовать позой. И у Вальдемара на всякий случай припасено поз десять: ими он пользуется очень умело:

1) Оскар Уайльд (рука за пазуху, взор вдаль, выражение лица бесстрастное).
2) Наполеон на Поклонной горе, у стен Кремля, на острове Елены.
3) Конрад Вейдт[5], король экрана (вращение белками, саркастическая усмешка, небольшое, но красивое искривление рта).
4) Маркиз де-Гондильяк из романа «Бретонская башня» (с иллюстрациями).
5) Аларих[6].
6) Испанский диктатор Прима де Ривера[7].

и т. д.

Все это очень хорошо. Но для красивой жизни нужны деньги, деньги и деньги. А у денди уже пять тысяч долгу. Стипендия идет только на мелочи: в последний месяц, например, пришлось купить такие мелкие, но необходимые вещи, как: помазок для бритья с ручкой из слоновой кости (50 крон), пепельница с бронзовым соколом, собирающимся лететь (70 крон), галстук (60 крон), наконец, длинная трубка, замечательная тем, что чубук просвечивает, а сама трубка поворачивается направо и налево. (Наш герой вообще трубку не курит, но как ее не купить, когда чубук просвечивает, а сама трубка поворачивается направо и налево).

В добывании денег денди доходит до невиданной виртуозности и бесстыдства. Действует он всегда одной весьма оригинальной по сочетанию слов фразой:

— Разрешите, если не затруднит, вас ограбить!

Но, конечно, нельзя с места в карьер бухать эту фразу. Денди знает разные подходы, и потому под его прицел попадают все, без различия национальности,

---

[4] Возможно, имеется в виду загрязненность воздуха, вследствие расположенных в Смихове предприятий.

[5] Вейдт (Фейдт) Конрад (Conrad Veidt, 22 января 1893, Берлин — 3 апреля 1943, Лос-Анджелес) — немецкий актер театра и кино

[6] Аларих — вождь и первый король вестготов в 382–410 гг.

[7] Мигéль Прúмо де Ривéра и Орбанéха (8 января 1870–16 марта 1930) — испанский военный и политический деятель, в 1923–1930 гг. — диктатор, председатель правительства при короле Альфонсо XIII.

возраста, пола и убеждений. Кроме того, денди не брезгует и самой мелкой подачкой, памятуя, что с миру по нитке — голому рубашка.

— Скажите, пожалуйста, — говорит денди студенту-новичку, — скажите, коллега, где это вы купили такой превосходный портфель? Что? Пятьдесят крон? Не может быть! Адрес, адрес магазина!

А через четверть часа, когда сердце собеседника размягчено, следует ударная фраза:

— Разрешите Вас, если это не так затруднительно, ограбить на тридцать крон!

С чешским легионером он разговаривает об Омске, Томске, Иркутске, Чите и Барнауле, о золоте Колчака[8], о Троцком[9]. Монархисту выругает «Земгор»[10] и умилит его цитатой: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: ты не холоден, не горяч; а если бы ты был холоден или горяч...»[11]. Эсэру он похвалит «Волю России»[12] и иронически отзовется о новом Демократическом союзе[13], как о «ненужном пережитке старого истлевшего либерализма». И так далее. Смотришь, а за день уже набралось восемьдесят крон наличными и еще в одном ресторане разрешили ему брать обеды в кредит.

— Прага — вещь хорошая, — говорит денди, — когда имеешь деньги. Вот у меня, например, всегда безденежье, а уж как я скромно живу: в кино хожу только три раза в неделю, а в музеи и на разные там лекции — так даже и совсем не хожу!

Если встретятся два денди, то их разговор приятно подслушать, так он интересен и содержателен.

— Простите, коллега, можно снять у вас со спины пушинку?

— Ради Бога!.. А у вас на рукаве ниточка. Можно стряхнуть?

— Ради Бога!

— Хороший костюм. Где вы шили? и т. д.

Мало-помалу денди начинает презирать всех, кто не шикарно одет и не меняет ежедневно крахмальной рубашки. То время, когда он ходил без воротничка и манжет, кажется ему нелепым кошмаром. Манжеты, манжеты! В них он топит

---

[8] В ноябре 1918 г. часть золотого запаса, свыше 500 тонн, России оказалась в Омске у правительства Колчака. Впоследствии, золото побывало в руках чехов, эсеров и большевиков, значительно сократившись в своем объеме.

[9] Троцкий Лев Давидович (настоящая фамилия Бронштейн) (1879–1940) — российский и международный политический деятель, публицист, мыслитель.

[10] «Земгор» — общественная организация для организации разнообразной помощи русскому беженству в Чехословакии. Возник 17 марта 1921 г., когда девять бывших земско-городских деятелей провели первое учредительное собрание нового общества.

[11] Цитата из кн. «Откровения» 3: 14–15, здесь несколько неточная. По тексту: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: 15 знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч!»

[12] «Воля России» — одно из крупнейших послереволюционных эмигрантских изданий. Еженедельная газета (1920–1922), еженедельник (1922–1924), ежемесячный общественно-политический и литературный журнал (1924–1932). Издавался вначале в Праге, потом в Париже. Основана эсерами.

[13] Демократический союз — возможно, здесь речь идет о республиканско-демократическом объединении как союзе, который возник в начале 1920-х гг. в результате соглашения не только политических партий, но и широкого круга лиц, в том числе и деятелей разных демократических партий.

печку, ходит на лекции, их он превращает в летний зной невольно в мокрую тряпку, но расстаться с ними не соглашается ни в каком случае.

Но кончается масленица и наступает великий пост.

Денди уже боится ходить и по той и по этой улице, потому что там лавочки, где он задолжал. В комитет на него летят заявления. Один студент уже гарантировал ему «плавание в крови», другой пытался снять с него пальто «в качестве залога». А тут еще знакомый булочник требует, чтобы денди женился на его доченьке, так как наш герой имел неосторожность преподнести барышне сначала шоколад, а потом и целую коробку конфет, что в Чехии равносильно обручению. И в довершение всех бед подошли экзамены. Нервная система студента постепенно расшатывается.

К развязке приводит следующее обстоятельство. Поздно вечером денди идет по одной пустынной улице. Вдруг из какого-то подвала выскакивает криворотая старушенция, хватает испуганного красавца за «модерную» штанину и вопит изо всех сил: «Пан! Пан! А сто двадцать три кроны!». Все это вышло так неожиданно, что у бедняжки екнуло сердце. Он рванулся и побежал прочь.

Придя домой решил, что дальше такая пытка продолжаться не может. Продав за полцены все награбленное, денди достает билет в Париж и покидает пределы гостеприимной республики, уезжает навсегда, разорив стольких чехов и эмигрантов и обогатив лишь язвительные статьи в «Право Лиду»[14], «Руде Право»[15] и покойной «Накануне»[16].

---

[14] Газета «Právo lidu» («Народное право») являлась центральным печатным органом Чехославянской, а с 1918 г. Чехословацкой социал-демократической рабочей партии.

[15] «Руде право» (Rudé právo — «Красное право») — бывшая официальная газета Коммунистической партии Чехословакии, существовавшая с 1920 года.

[16] «Накануне» — центральный печатный орган сменовеховцев. Газета была основана в Берлине в марте 1922 г. Закрылась 15 июня 1924 г.

Сведения об авторах-составителях

Аксенова Елена Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Вандалковская Маргарита Георгиевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (РАН);

Гаген Сергей — кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, внештатный научный сотрудник Славянского института Академии наук Чешской республики (АН ЧР);

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гашкова Дана — Ph.Dr., научный сотрудник Славянского института АН ЧР;

Емельянов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Серапионова Елена Павловна — доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН, профессор МГИМО (Университета) МИД РФ;

Сидорова Любовь Алексеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

Янчаркова Юлия — Ph.Dr., Ph.D., научный сотрудник Славянского института АН ЧР.

Именной указатель

Научное издание

КУЛЬТУРНОЕ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
Документы и материалы

Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 18.10.2016. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 23,2
Тираж 500 экз. Заказ № 619

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23